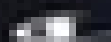

АЛИСА СТРОГАНОВА

III МОДУЛЬ

ТРЕТЬЯ СТАДИЯ

Мир пережил природную катастрофу, и людям долгое время пришлось укрываться под землей. В сложных условиях человечество совершило значительный прорыв в технологиях и смогло наладить сотрудничество с инопланетными цивилизациями. Но мало кто предполагал, что истощенная планета впоследствии станет предметом конфликта чужих, а люди будут признаны негодным для выживания видом.

Третья стадия

"Мы не хотели себе такой свободы. Мы бы лучше остались под землей, где свет лился только из алых энергосберегающих ламп, а неоновые плафоны изредка мигали в полутемных туннелях в такт грохочущим раскатам механизмов. Мы бы остались в лабораториях и законсервированных бункерах, забыв о том, что такое океаны, солнечный свет и свежий воздух после грозы. Но нам нужно было выйти. Человечество должно было вступить в третью стадию и выйти на поверхность, где под огненным ветром города превращались в прах, где под знойным серым небом растапливалось стекло, затягивая пустыри серебряной пленкой, а, казалось бы, вечные океаны слились с небом непроглядными, черными от копоти тучами. Людям нужно было выйти в этот ад и тогда... они создали нас. Нечто большее, чем просто пилоты в экзоскелетах, совершенней, чем те вояки с протезами, пропитанные антирадом от многочисленных лечений. Мы стали новой программой. "Вторым поколением", как окрестили нас научники. Если бы мы знали, что нам за это грозит. Если бы ученые провели немного больше опытов... Согласились бы мы, добровольцы, на такой риск? Ха... О чем речь, конечно же, да. Зная цену, мы все равно бы отдали жизни ради "обновления", предвкушая каково это — ощущать себя единым целым с машиной. Когда ты чувствуешь своим телом каждый датчик и сенсор, когда считаешь показания всех фотоэлементов раньше, чем они бы успевали обрабатываться обычным искусственным интеллектом. Да, такими мы были, "Вторые". Единственные, кто выходил на поверхность, пускай даже и не своим телом, а машиной. Мы были надеждой человечества и его верой в новое будущее. С нами мир вступил в Третью стадию..."

Файл_03.

2065 год (40 лет назад)

Из воспоминаний.

Массивные створки с натужным грохотом расползлись в стороны, впуская в шлюзовой отсек раскаленный воздух. Блестящий кристаллизованный песок шелестел по стенам и царапал обшивку. Дикий вой ветра доносился до экипажа мелкой вибрацией по всему самолету. Ему вторил нарастающий гул в хвостовом отсеке.

— Экипаж "Альфа", взлет разрешаю. Коридор чист. Температура за бортом — двести пятьдесят три градуса по Цельсию, — диспетчер помолчал и добавил уже более фриформально. — Да сегодня, ребят, у нас прямо заморозки, — в его словах отчетливо послышалась ухмылка.

— Команду на взлет принял. Выходим на стартовый заряд. — ответил командир корабля, сидящий в центральном кресле на мостике. — Крос, Джой, как у вас?

— Достижение стартового заряда через пятнадцать секунд, — не отрываясь от мигающих приборных панелей, доложил младший пилот.

— Состояние обшивки стабильное, энергоцит в норме, — в свою очередь отчитался бортинженер.

— Джейси? "Они" на подходе? — голос командира экипажа прозвучал сухо, а взгляд стал стеклянным и холодным.

— ...Десять секунд, — продолжал отсчитывать время младший пилот.

— Да, Спирит, — доложил диспетчер искаженным от помех голосом. — "Их" корабль уже вошел в атмосферу.

Командир тяжело вздохнул, и ладони сами собой крепче сжали подлокотники.

— ...Пять секунд.

— Да пребудут с нами Высшие..

Двигатели под бортом оглушительно загудели, накапливая заряд для взлета. Весь корабль задрожал еще сильнее, так, что у экипажа застучали зубы — в узком шлюзовом отсеке было тяжело удерживать стабильное положение.

— Командир! Мы готовы!

— Взлетаем!

Последовал сильный рывок, и машина тяжело, с неохотой, двинулась вперед. С каждой секундой скорость нарастала, и перегрузки вдавливали экипаж в кресла. Двигатели с силой проталкивали самолет по узкому длинному туннелю на поверхность. С бешеной скоростью мелькали в лобовом стекле защитные панели шлюзового отсека, сливаясь в равномерно-матовую серь. И только вверху и впереди темно-алая точка неспешно увеличивалась, превращаясь в выход из туннеля, смотрящий в бордовое небо.

Последний рывок, машину повело в сторону, но младший пилот резким движением штурвала выровнял ее. Оглушительный гул резко стих, как будто его просто выключили, когда корабль покинул туннель. Прекратилась и бешеная тряска. На долю секунды самолет завис в воздухе, немного провалился, клюнул носом, но пилот включил дополнительные двигатели, перераспределив заряд. Огромный корабль, укрепленный лучшей на тот момент обшивкой и оснащенный новейшей аппаратурой связи, завис на месте, лениво покачиваясь, как на волнах. А члены экипажа, все до единого, широко раскрыв глаза, впились взглядами в окружающий пейзаж.

Низкие алые тучи мерно проплывали по грязному серому небу. Ветер, смешанный с песком и мелким бетонным крошечком, яростно хлестал по обшивке. Даже сквозь толстое стекло и броню чувствовался непереносимый Жар. И только там внизу, где чернела поверхность земли, расстиралось вымершее царство железобетонных скелетов крупнейшего города одной из стран планеты. Как обожженные колья возвышались небоскребы, блестели потекшим стеклом уже давно остывшие улицы. А обрушившиеся крыши чернели, как распахнутые пасти превратившихся в камень страдалцев.

Впервые за долгие десятилетия люди увидели это своими глазами, а не на картинке, переданной роботами и беспилотниками...

Но вот в нескольких километрах от города начал образовываться смерч. Тяжелые тучи просели, закрутились в воронку, сквозь просвет мелькнул первый лучик губительного солнца. А затем, вопреки всем ожиданиям и опасениям экипажа, из просвета опустились черные плети. Они извивались как живые, медленно сворачивались в кольца и распрямлялись, шаря под собой в поисках опоры. Ветер вокруг них продолжал скручиваться в воронку, будто был намерен запутать гигантские щупальца, но те продолжали опускаться, и за ними лезли все новые. Дикая для человеческого глаза картина длилась до тех пор, пока не показалась иссиня-черная туша громадного существа, больше похожего на помесь необъятного мохнатого таракана с кальмаром.

Прозвучал чей-то сдавленный мат.

— Едрёнамать! Что еще за дрянь!? — уже в полный голос возмущенно выплюнул бортинженер.

Воздушная воронка постепенно рассеялась, щупальца шарили вокруг, а гигантское тело все еще выплывало из недр грозовых туч. До экипажа только теперь докатился звук, с которым неведомая тварь опустилась в поисках опоры. Тонкий, скрежещущий, будто множество мелких хитиновых панцирей неистово трутся друг о друга. Как стая муравьев.

— ...Командир?! — голосом, в котором сквозили нотки первой истерики, вновь позвал младший пилот.

— Это?.. — начал было техник, но командир перебил его спокойным и каким-то даже излишне механическим голосом:

— А это — и есть наши новые друзья.

2105 год (наши дни)

В полутемных кварталах старого города было на удивление тихо. Тяжелыми каплями лил весенний дождь, сверкая косыми росчерками в лучах восходящего солнца. Пузырились от ливня большие лужи, стеклянные покрытия небоскребов переливались на свету и были похожи на декоративные панели с водопадами. Редко в каком окне горел огонек, окрашивая полупрозрачное стекло желтым оттенком. Полис еще спал.

Сильный поток ветра подхватил с асфальта промокший газетный лист и пронес его с шелестом вдоль дороги, где тот налип на следующую кучу мусора. Звякнула алюминиевая банка, скатившись с тротуара на проезжую часть. Тоскливо скрипнул, пошатываясь, один из фонарных столбов, после чего желтая лампа на нем зажужжала, мигнула несколько раз и, напоследок озаряя окрестность ярким светом, с хлопком перегорела.

Вдруг где-то вдалеке хлопнуло раскрытое пинком окно и вслед за этим звонко гроыхнул мусорный бак. Спустя еще пару секунд послышались отдаленные бранные голоса.

Молодой парень сломя голову выбежал из подворотни и что было духу помчался по улице, стараясь бежать подальше от фонарей. Его серая объемная куртка уже насквозь промокла под ливнем, а давно нестриженная челка волос липла ко лбу и попадала на глаза. Быстрым взмахом руки парень откинул волосы назад, на секунду отвлекся и тревожно обернулся за спину.

Непослушный порыв ветра скользнул вдоль дороги и с бряцаньем подкатил металлическую банку прямо под ноги парню, отчего беглец немедленно споткнулся об нее и чуть не упал наземь.

— ...Он там! Держи его! — отреагировали на грохот находящиеся за спиной парня преследователи.

— Стой! Стрелять буду! — зло рывкнули позади, как положено сливая всю фразу в одно слово.

В ответ парень лишь еще прибавил темп и понесся быстрее.

«Скорей-скорей! Главное уйти. Свернуть! Еще чуть-чуть — вон там нужный поворот!»

Почти не сбавляя скорости, беглец резко оттолкнулся ногой в сторону, высоко всплескивая воду на асфальте, и практически нырнул за угол дома в очередную подворотню. Топот его преследователей приближался — тяжелые ботинки громко хлопали по глубоким лужам.

Очередной тесный проулок встретил парня почти непроглядной темнотой — высокие здания погружали улочку во мрак собственных теней. Беглец собрался было уже повторить свой рывок, нырнуть за другой угол, чтобы запутать преследователей, как вдруг ему по счастливой случайности, не иначе, послышался знакомый прерывистый писк... парень успел только инстинктивно пригнуться и закрыть руками голову.

За спиной гулко хлопнуло и в тот же миг угол дома над головой будто разорвало изнутри. Больно ударили в руку осколки стекла и бетона, а левую половину тела обдало горячей волной от мгновенно расплавившихся стен. Но главная неприятность ждала беглеца только впереди.

«Что?! Здесь раньше не было стены!»

Едва не врезавшись носом в тупик, парень задрал голову и, ошалев, уставился на трехметровую стену с витой колючей проволокой наверху. Кирпичная кладка была еще новой и даже не исписанной классическим городским граффити. Не веря своим глазам, понимая, что его лишили последнего шанса на побег, парень потрогал стену ладонью и мигом осмотрелся, прикидывая, как бы перемахнуть через нее. А вот его преследователи явно были намного осведомленней его.

— Сдавайся! Тебе некуда бежать! — крикнул один, стоя, судя по звукам, возле первого поворота.

— Отдай то, что принадлежит нам и можешь проваливать куда угодно! — провозгласил второй.

«Должно быть, держат мой угол на мушке. Так я и поверил, что меня отпустят!» — морщась от злости и тяжело дыша от бега сквозь плотно сжатые зубы, размышлял парень. «Надо немедленно избавиться от них».

При этом его руки уже расстегивали молнию на куртке, а сам он скользящим шагом приблизился к углу дома и прижался к стене спиной.

— Лучше вылезай, иначе выкурим из укрытия как миленького! — подал голос преследователь, заходя за угол по широкой дуге.

Привычным жестом правая рука парня скользнула под куртку к наплечной кобуре и плавно извлекла на свет тонкий и компактный пистолет. «Ирка» — как ласково любили обзывать эту нехитрую конструкцию из-за аббревиатуры. Рукоятка излучателя легла в ладонь как влитая, а округлый ствол продолжением пальцев выступал на несколько сантиметров вперед из захвата.

«Доигрались», — только и успело мелькнуть в голове беглеца, как его тело само мгновенно напряглось и он, приседая, отточенным движением молниеносно выглянул из-за угла и трижды выстрелил в сторону преследователей.

Асфальт под ногами людей вспух пузырем и разорвался в том месте, куда попали крошечные пули. Ухнули один за другим хлопки и преследователи едва успели отскочить в стороны, чтобы волной их не затянуло в оплавленные воронки. Над землей облачком взвился едкий дымок и с завихрениями свернулся обратно к дырам.

— Ах, ты падла! — завопил один из мужчин, неуклюже вскакивая с земли. — Я твой аннигилятор знаешь куда засуну!

— Тихо ты! Слышишь? — одернул его второй.

— Что? — огрызнулся первый.

— Сирена! Там! — уже зло рывкнул мужчина.

И действительно, в паре кварталов от происходящих событий послышался нарастающий вой сирены. Беглец тоже слышал его, но радоваться ему этому или нет — пока еще не знал.

— Сваливаем! — преследователь дернул за руку своего напарника. — Еще гвардейцев на душу не хватало!

Удаляющийся топот и шлепки ботинок по лужам обнадежили парня.

«А вот теперь самое время выбираться отсюда», — мрачно подумал беглец, пряча оружие в кобуру и застегивая куртку.

Путей к отходу у недавнего беглеца действительно было не много. Если ринуться сейчас обратно, можно нос к носу столкнуться со стражами правопорядка. А там уже, если без обыска, за одну только порчу асфальта ему припают немалый срок.

«Что уж говорить про меру наказания за действительно содеянное... То, за что за мной

гонялись эти два гада».

Размышляя так о своей нерадостной доле парень вскарабкался на стоящий у дома мусорный бак и осторожно, держась за узкие выступы в стене, забрался на подоконник окна на первом этаже. Колючая проволока стала ему уже по колено.

«Теоретически, вполне возможно перепрыгнуть. Было бы чуть место для разбега».

— Стоять! Национальная гвардия! Руки за голову и медленно повернись, — раздался твердый командный голос позади, усиленный механическим эхо через бронешлем.

Парень даже не думал подчиняться. Руки вновь занялись привычными манипуляциями и затянули на груди плотнее ремешок плоского ранца.

— Повторяю приказ! Руки за голову и медленно повернись, — чуть растягивая слова, громко огласил гвардеец.

«Это только кажется, что выхода нет. На самом деле в такие моменты приходит время для безумства», — промелькнула мрачная мысль в голове у парня, и он, собравшись с духом, оттолкнулся от подоконника и нырнул вперед над проволокой.

И если бы он знал как этот единственный прыжок изменит его жизнь.

Гвардеец и весь прошлый мир остался позади, а под ним по ту сторону стены развернулась Бездна.

Огромный город, залитый белыми лучами восходящего солнца, мерцая искрящимися каплями дождя, протягивался глубоко вниз под землю. Острые небоскребы, казалось, как титанические столбы соединяли весеннее небо с недрами земли. Сверкающие фонарями ленты улиц многоэтажной паутиной пронизывали кварталы. А в глубине, где подземные уровни все еще спали во мраке, мерцали сотни рекламных разноцветных щитков. Новый город блестел на солнце своими стеклянными стенами и солнечными батареями на крышах.

Казалось бесконечно много этажей небоскреба нулевого уровня промелькнуло перед глазами пока парень падал вниз. Нижние уровни неумолимо приближались. Скорость все возрастала, а парень отсчитывал свои положенные секунды.

«Пора!»

Рука метнулась за спину и выбросила из ранца вытяжной парашют, а еще через пару мгновений тело подхватило потоком и оно повисло под черным куполом.

«Пронесло! Надо же», — ликовал мысленно беглец, вытягивая стропы управления и сворачивая в сторону от зданий. Неспешно ветер относил черный купол в сторону. Лишь изредка парень подруливал свой парашют, выискивая глазами нужную крышу в этих городских джунглях.

Далеко впереди, лавируя между небоскребами, патрулировал воздушное пространство «спэйсер» гвардии. Его белые бока ярко бликовали на солнце.

Впереди завиделся большой щит с броской и отчетливой надписью «Воздушные силы нуждаются в ТЕБЕ», написанной на фоне голограммы диспетчерской вышки одного из аэродромов, и парень без колебаний тут же свернул в его сторону и начал снижаться.

Вон и нужная крыша с условным местом встречи. Купол качнуло пару раз в воздухе, парень заложил небольшой вираж, а затем мягко притормозив у самой крыши, опустился на пол будто непринужденно сойдя со ступеньки. Черный парашют сложился на бок и молодой человек сбросил с себя больше не нужную систему.

На крыше его уже ждали.

— Ты задержал сегодняшнюю партию, — с упреком мрачно сказал бритоголовый мужчина за сорок, одетый в непромокаемый серый плащ.

— За мной была погоня, — как ни в чем не бывало ответил парень, извлекая из внутреннего кармана куртки небольшой плотный конверт. — С каждым разом становится все опаснее. Вот ваш товар.

С этими словами молодой человек протянул бритоголовому конверт. Тот вальяжно принял посылку и, неспешно поднеся его к носу, глубоко вздохнул.

— Да... Столь же прекрасного качества, как и раньше, — сделал заключение заказчик.

— Теперь давайте мои деньги, — как можно более спокойным и официальным тоном заявил парень. — Но в следующий раз...

Бритоголовый сделал лишь один короткий кивок, глядя куда-то за спину парню и тот запоздало осознал, что на крыше они были не одни. Удар прорезиненной битой по голове был даже не столько болезненным, сколько до безобразия обидным, и парень даже успел понять, что вот сейчас он потеряет сознание и станет абсолютно беззащитным. А, возможно, ему больше не дадут очнуться...

— Следующего раза больше не будет, — прокомментировал бритоголовый, когда его курьер упал бесчувственным мешком на пол. — Мы в тебе больше не нуждаемся.

— Босс? Может добить его? Еще расскажет про нас, — обойдя парня, спросил бугай в таком же сером плаще, поигрывая битой в руке.

— Нет, — отрезал бритый. — Убив его, мы привлечем к делу гвардию. Заподозрят неладное, начнут копать. А про нас он не посмеет и пикнуть — тут же раскроются все его прошлые «заслуги». Он умный и послушный малый.

— Но дурак, потому что посмел связаться с нами? — гыкнул радостно помощник.

— Да.

Бугай с битой захохотал еще веселей и принялся небрежно заворачивать бесчувственное тело парня в его же парашют.

Южный район Нового Полиса. Неделя спустя.

Белые стены стерильной лаборатории и готовые к первому запуску криокамеры под переливающимся оранжевым куполом. Научники в выстиранных и стерилизованных халатах снуют от одной капсулы к другой, сверяя последние показания приборов и проверяя готовность. Как же их много. Будто стащили всех ученых Полиса в этот тесный операционный зал.

Перед нами стоит блеклый от нехватки солнечного света старый генерал и читает последнее напутствие.

— На сегодняшний день вы — единственная надежда человечества на спасение. Именно на вас рассчитывают выжившие граждане Полиса.

Какой же он чахлый по сравнению с нами. Как недокормленный ультрафиолетом овощ — с виду вот-вот завянет, но мы-то знаем, что это не так. Этот мужик крепче нас всех вместе взятых, "выкидышей подземелья", как он любил выражаться.

— ...Не подведите, бойцы. Крепитесь. А уж эти белохалатные знают свое дело.

Мы отдаем ему честь и следуем каждый к своей криокамере. Лаборанты раздевают нас, складывают одежду в специальные корзины и уносят из зала.

Вспышка.

Я уже лежу в камере под прозрачным неоновым-оранжевым колпаком. От меня тянутся

кучи проводов, и какие-то диаграммы постоянно скачут на прозрачной панели колпака. Лаборант что-то объясняет мне про наркоз и что скоро он должен подействовать. Я чую слабый запах медикаментов, голова начинает кружиться. Говорят, так же происходит при опьянении. Интересно, каков на вкус этот мистический и редчайший нынче "алкоголь"?

Вспышка.

Перед глазами опускается огромный щуп, обвитый проводами, с толстой иглой на конце. Ребристая трубка как трахея отходит от этого устрашающего шприца куда-то назад за колпак. Инстинктивно пытаюсь вырваться, но руки привязаны толстыми ремнями. Пытаюсь закричать, когда игла проходит над глазами, но в рот накрепко вставлен кляп. Понимаю, что весь предыдущий инструктаж напрочь забыт. Страшно. Чувствую, как боятся другие бойцы. Боги... помогите!

Вспышка!

Меня колотит в ознобе. Сильно колотит, и я ничего не могу с собой поделать. Я не контролирую себя! Меня удерживают чьи-то руки, кто-то ставит капельницу. Вижу, как ко мне подвозят аппарат для дефибриляции. Помогите! Хочу кричать, но боюсь, что ненароком откушу себе язык.

Рука вырывается из захватов медиков, я вскидываю их над головой, отрывая провода и капельницы. Разношу нахрен какие-то аппараты и железки позади. Касаюсь случайно оборванного кабеля электропитания...

Не чувствую удара током! Наоборот — резко прекращаются судороги, а перед глазами заискрились картинки с тысяч видеокамер Полиса. На миг я становлюсь живым пультом управления и это восхитительно. Исчезают рамки сознания, и я ощущаю себя слившимся с сетью главного компьютера. Это одновременно и страшно и... невообразимо приятно!

Шприц с успокоительным прокалывает руку, и я отпускаю кабель. Удар током, новый приступ судороги, я кричу от боли и...

Вспышка.

Я проснулся от собственного крика и вскочил с кровати, пустым взглядом уставившись в картину на стене. Сон... Это был всего лишь кошмарный сон.

Сердце стучало, как полоумное, разве что не в три такта. Пульс зашкаливал, что вредно при моем здоровье. Я попытался успокоиться, дышать как можно ровнее, вдох-выдох... Пауза. Вдох-выдох. Вот уж действительно — хреновое состояние здоровья учит вынужденному спокойствию. Вдох — медленно выдох.

Часы показывали половину шестого утра, а это значит, что спать мне осталось около получаса. Самое бестолковое время, когда проще не засыпать. Поэтому, немного взгрустнув, я поднялся с кровати, выключил дримкодер, сохранив запись под названием "файл_01", и перетаскил его в начало списка. Только с недавних пор мне пришла идея сохранять все сны о прошлой жизни. Зачем? Мало ли, захочется потом сделать хронику. К тому же, я поймал себя на том, что однажды записанные сны больше не повторялись. Я спрятал мелкий приборчик в шкаф, потом лениво подошел к окну и легким касанием отодвинул голографическую шторку чуть в сторону. В комнату тут же прорвался яркий луч солнца, а я выглянул в образовавшуюся щелку и коснулся лбом холодного стекла.

Как же я устал от этих снов. Как же утомляют меня эти участвовавшие воспоминания. Сколько ни убеждал я себя, что это было давно, в "прошлой жизни", память настойчиво возвращает меня обратно. Туда, где я был нужен. Где у меня было важное дело. Неужели

только поэтому? Неужели мирное и беззаботное время сейчас настолько чуждо мне? Я не знаю. Я привык быть вечно готовым к трудностям и опасностям, и, возможно, сейчас из-за этого и вечной паранойи кресло подо мной так зашаталось. Все слишком привыкли к безбедной жизни, как-то перестроились, и только такие, как я, все еще ищут опасностей на свою голову, лишь бы испытать опьяняющее чувство борьбы с агрессивным миром.

Говорят нас можно вылечить. Если завести семью, попасть на хорошую должность, выбратся повыше из Старого Полиса... Вранье это. Самообман, не более. Меня уже ничто не спасет, ни работа, ни небоскрежные леса, о которых я мечтал, будучи мальчишкой, налюбовавшись фотографиями.

Позади послышался легкий шорох одеяла о простыню, и я тихо провел пальцем по электронному стеклу, затемняя шелку обратно. Извини, дорогая, сегодня я снова уеду раньше. Просто потому, что не хочу вновь расстраивать тебя своими глазами грустного волка, поселившегося в золотой клетке.

Окраина Полиса. 7.20 утра.

Светловолосый парень в зеленой ветровке брел по пустому хайвею. Солнце жарило сверху, а сильные порывы ветра закручивали пыль под ногами в маленькие смерчи.

Опухоль на шишке недельной давности уже успела сойти на нет, но юноша по привычке еще трогал затылок. Как будто от постоянных проверок шишка перестанет болеть.

На плече у него висел простой мешковатый рюкзак, под распахнутой курткой виднелась тонкая серая водолазка. Потрепанные джинсы и издававшие виды кроссовки тоже нельзя было назвать идеальными для путешествия, однако шел парень вдоль обочины очень целенаправленно. Правда, уверенность в удачности идеи падала с каждой минутой, проведенной под палящим солнцем на абсолютно пустой трассе.

"Наверное, я все-таки конченный идиот, — размышлял юноша. — С чего вдруг я решил, что смогу дойти туда пешком? Да здесь куда не глянешь — сплошной пыльный пустырь".

Действительно, пейзаж вокруг был прямо-таки образцово пустынным. Позади мерцал стеклянными небоскребами Полис, впереди стелилась ровная лента дороги, проложенная по невысоким холмам. Далеко справа виднелся небольшой горный хребет. Говорят, что это насыпь, образовавшаяся в те времена, когда раскапывали Старый Полис. И кругом царила тишина. Только ветер катал шары сухого кустарника и пыль по дороге, да обманчиво блестели на горизонте "озера" миражей.

"В такое время по хайвею никто не ездит. Разве только грузовики и спасательный транспорт. Глупо было надеяться поймать хоть кого-нибудь".

Парень остановился, повернулся к Полису и вгляделся вдаль. Что-то крупное с нарастающим гулом ехало навстречу по дороге, и юноша в надежде поднял руку.

"Вдруг мне повезет".

Массивный грузовик с отполированной до блеска цистерной, не сбавляя скорости пронесся по хайвею, отбросив парня с обочины воздушной волной.

— Эй! Осторожней! — проорал тот вслед, и лишь потом понял, что скорее всего такой тягач мог быть и вовсе без водителя, на автопилоте.

"Даже надеяться было глупо, — проворчал он. — Еще глупее было рассчитывать встретить попутчика на легковушке. А все потому, что из Полиса не уезжают".

Юноша плотнее запахнул куртку и уныло побрел дальше прочь от города, когда позади вдруг раздался сигнал автомобиля.

— Что?.. — изумился парень, оглядываясь через плечо и шурясь от солнечного блика.

Сбавляя скорость под хруст песка под колесами, возле юноши остановился темно-стальной автомобиль, который в обиходе принято было обзывать "суперкар". Хищные обтекаемые формы, светоотражающие темные стекла, колеса со светящимися энергоусилителями, и ни единой лишней детали, которая бы портила идеальную аэродинамику. Стильная и безумно дорогая машина.

Парень, не сдержавшись, присвистнул.

Переднее стекло с мягким шелестом опустилось, и из салона послышался бодрый мужской голос:

— Тебе ведь на Базу, верно.

И то был не вопрос.

— Да! — все еще хлопая глазами от удивления, радостно воскликнул парень. — Как вы... ай, не важно!

Он очень хотел спросить, как водитель догадался, но потом подумал, что и без того выглядит слишком большим идиотом, бредущим по пустыне черт знает куда.

— Садись, — коротко донеслось из салона.

На короткое неприятное мгновение парню почудилась насмешка в самой интонации водителя, но он раздражённо повёл плечами, отмахнувшись, и решительно прыгнул в машину. Выбора у него всё равно не было.

Как только дверь за ним опустилась и закрылась с легким хлопком, водитель, нацепив наиболее дружелюбную улыбку, протянул руку и произнес:

— Позволь представиться. Джейкоб.

Он выглядел непримечательно — черная куртка на молнии, простая рубашка коричневого цвета. Аккуратная борода и усы выдавали в незнакомце приверженца моды двадцатилетней давности. Короткие каштановые волосы с проседью на висках, пара прядей небрежно падала на лоб. И лишь единственная деталь выбивалась из общего облика — угольно-черные стильные очки, в которых не было никакой нужды в салоне автомобиля с затемненными стеклами.

Парень поморгал несколько раз, привыкая к полумраку, и тут же пожал руку:

— Майрис. А как вы догадались, что мне надо на Базу?!

— Из Полиса не уезжают, — иронично улыбаясь и по-прежнему скрывая глаза за солнечными очками, ответил водитель. — А к Базе путь только один. Плюс, ты не похож на одинокого странствующего самоубийцу. Во всяком случае, эти кадры не берут с собой припасов в дорогу.

— А вы сами? — спросил Майрис, пристегиваясь и все еще пытаясь объяснить себе столь альтруистический поступок Джейкоба.

— А нам с тобой по пути, — бодро ответил водитель, включая передачу и лихо трогаясь с места.

Парня вдавило в обтекаемое кресло и мотнуло в сторону, так что он едва успел схватить свой рюкзак и удобнее уместить его на коленях. К поездкам на автомобилях Майрис привычен не был, а уж к скоростным поездкам — тем более.

Когда первый испуг миновал, юноша с трудом заставил себя сглотнуть. Майрис наивно полагал, что больше его ничто не удивит за сегодняшний день, однако стоило внимательней приглядеться к салону автомобиля, как снова пришлось подбирать челюсть.

Все было не так! Круглый руль, которых уже не делают, кнопочная система управления

электроникой, жидкокристаллический экран с плоской картинкой на приборной панели. Даже стекла были неправильные! Без самозатемнения.

"Да ведь такого не делают со времен динозавров, — подумал Майрис. — Я как в комикс древний попал".

А хозяин машины, видя краем глаза сквозь очки удивленную физиономию парня, ехидно улыбался в усы.

"Хотя водила вроде нормальный, — все еще соображал юноша, недоверчиво косясь на Джейкоба. — Куртка не стариковская кожанка, а наша — из мягкого пластика. Очки вроде тоже новые. Уж эти-то стекла с автотенью я узнаю".

Желая прервать затянувшуюся паузу и хоть как-то отвлечь парня от пожирания взглядом всего подряд, Джейкоб заговорил первым:

— Боишься, что тебя не возьмут в пилоты?

Майрис тут же огрызнулся.

— С чего вы взяли? Вдруг я уже Пилот.

Мужчина еще больше расплылся в довольной ухмылке и, не отрываясь от дороги, спокойно пояснил:

— Ты слишком часто пялишься на мой спидометр.

Майрис хотел было из вредности совладать с собой и перевести взгляд на дорогу, но глаза сами, как назло, вновь усталились на приборную панель.

Электронный циферблат любезно отсчитывал скорость. "241 км/ч", "242 км/ч", "243"...

Парень мотнул головой и решил, что для сохранения спокойствия ему полезней будет смотреть на проносящиеся мимо с дикой скоростью холмы. Джейкоб же ощущал себя на редкость комфортно и едва ли не вальяжно держал руки на руле. Как будто вообще не боялся скорости. К горлу снова подступил тяжелый ком, и Майрис подумал, что надо себя еще как-нибудь отвлечь.

— А вы, видимо, служите на Базе? — напряженно спросил он.

— С чего ты взял? — покосился на него Джейкоб, небрежно зачесывая назад прядь каштановых волос.

Майрис вновь с трудом сглотнул. Ему показалось, что ремень безопасности давит на него слишком туго.

— Ваш значок на рубашке говорит сам за себя.

— Хм. Неплохо, — задумчиво протянул Джейкоб, и, заметив, что лицо Майриса от непривычной скорости уже позеленело, отдал команду, — Включить автопилот.

"Автопилот включен", — услужливо ответил механический женский голос из динамика на приборной панели, и автомобиль заметно начал сбавлять скорость до оптимальной. Майрис шумно, с облегчением выдохнул и расслабился в кресле.

— А насчет Базы, — продолжил Джейкоб, сняв руки с руля, размяв пальцы и приспустив немного очки, — скажем так, я имею к ней отношение.

"От этой шишки на башке даже глюки идут, — мелькнула в голове непрошенная мысль. — Мне уже синие лампочки в глазах мерещатся".

Джейкоб натянул очки обратно и вольготно расселся в кресле. После чего, немного подумав, нажал пару клавиш на центральной панели и включил музыку.

"Нет! Он издевается!", — возмущенно встрепенулся Майрис, прислушавшись к словам древней, как свет, песни.

Мужской хриловатый голос радостно напевал:

— No stop signs, speed limit
Nobody's gonna slow me down
Like a wheel, gonna spin it
Nobody's gonna mess me round
Hey Satan, payed my dues
Playing in a rocking band
Hey Momma, look at me
I'm on my way to the promised land
I'm on the highway to hell!

— А что заставило тебя податься в Пилоты? — спросил после недолгого молчания Джейкоб, сделав музыку чуть тише.

— Там хорошо платят, — резко ответил Майрис.

— Если ты едешь туда только ради денег, то ты ошибся с выбором профессии, — неожиданно резким тоном ответил водитель. — Желая много заработать, долго не протянешь.

"Нашел чем удивить!" — подумал он, а вслух высказался как можно более вежливо, но раздраженно:

— Пожалуй, я сам решу, как мне быть. В любом случае у меня нет выбора.

Последний намек на улыбку сполз с лица водителя, и он отозвался деловым тоном:

— Тогда продержись первый месяц. После этого будешь получать в два раза больше. А если не сдашь классификацию, то получишь хотя бы лицензию и допуск к технике класса "С".

Чувствуя, что его совсем уже необоснованно держат за дурака и пытаются разъяснить и без того очевидные вещи, Майрис из вредности решил хоть немного поддеть своего попутчика.

— А вы знаете, что у вас машина старая, и что бензиновые двигатели запрещены уже лет пятьдесят?

Даже за очками Джейкобу не удалось язвительность. Так, ухмыляясь, смотрят асы на юнцов, которые ни на секунду не верят, что человек вообще может летать.

В конце концов, он не выдержал, и расхохотался в голос, глядя на угрюмую физиономию парня.

— Я усовершенствовал ее! — выдал Джейкоб, выключая автопилот и хватаясь за руль.

В следующий миг Майриса вдавило в сидение с такой силой, что он мгновенно понял всю суть фразы "утопить тапку в пол".

Рев мощного двигателя стих, энергоусилители взвизгнули на последних оборотах, и тёмно-стальной суперкар мягко остановился на обочине.

— Ну вот, приехали, — возвестил Джейкоб.

Майрис был, что называется, уже "готов". Во время поездки он успел позеленеть и побледнеть на поворотах, и даже успокоиться, когда понял, что больше двухсот девяносто волшебный автомобиль Джейкоба выдать не буудет. "А то прямые участки слишком быстро кончаются", — пояснил водитель.

Парень даже успел внушить себе, что Джейкоб наверняка первоклассный Пилот, и что такие поездки для него — как за пивом в ларек сходить. Нервные смешки давно прошли, и к тому моменту, когда он сказал заветное слово "приехали", Майрис был просто спокоен как Высший и в глубине души счастлив.

— Главный КПП и приемная находятся в той стороне, — указал Джейкоб пальцем, не отрывая рук от руля. — Пойдешь туда, пройдешь медосмотр, запишешься, дальше там объяснят, как быть.

— Мне надо вас как-то отблагодарить? — спросил Майрис, готовясь либо заплатить, либо отрабатывать где-то на Базе.

— Чушь! — отмахнулся Джейкоб, нажав кнопку на центральной панели, чтобы открыть парню дверь. — Хоть час поездки прошел не впустую.

Подхватив ранец, Майрис выпорхнул из автомобиля.

— Спасибо вам еще раз! — склонившись к салону, сказал он на прощание, чтобы хоть как-то оставить о себе хорошее впечатление.

Джейкоб тем временем снял очки и положил их на приборную панель. Любопытства ради, Майрис наклонился еще чуть ниже, но против света разглядеть глаза попутчика ему так и не удалось.

— Возможно, пересечемся на Базе, — неловко отстраняясь и отходя от машины сказал напоследок Майрис, на что из салона, как раз перед хлопком закрываемой двери, ему протяжно ответили:

— О, вот это непременно.

Автомобиль бодро развернулся на развилке и газанул с места прочь, оставив на обочине неглубокие следы от колес.

И только тогда парень огляделся по сторонам, чтобы понять, где его высадили. По обе стороны хайвея рядом с развилкой стоял небольшой поселок со своей электростанцией и вертолетной площадкой. Двухэтажные пластиковые домики напоминали сошедшие с картинок из энциклопедии древние бараки эпохи вестернов, только выглядели слишком ново и опрятно. Кое-где между домами проглядывали зеленые кроны высоких деревьев. Зелень на этой широте была невообразимой редкостью.

От развилки трасса сворачивала в обход начала обрыва, в паре сотне метров от поселка, и ныряла за пригорок. Узкая дорожка, отходящая от хайвея, шла напрямик к Базе, которая, судя по словам Джейкоба, размещалась в той стороне.

Майрис с сомнением пошел вдоль дороги, гадая, каков же вид знаменитой Базы с верхней точки обрыва. Ему не раз доводилось видеть изображения диспетчерской вышки на плакатах, и всегда интересовало одно — почему База носит столь странное название. И когда перед взором юноши из-за пригорка всплыло огромное сферическое здание диспетчерской, увенчанное тонким шпилем антенны, Майрис понял.

"Полная луна. Ну, конечно же!"

Стеклянная сферическая громадина Центра управления полетами сверкала, как гигантский алмаз на острие иглы. Немного правее, серебристым куполом крыши блестела академия Пилотов, а подвесные коридоры соединяли ее с казармами. Высокий шпиль административного здания возвышался по другую сторону от ЦУПа. Как громадные древесные грибы, выступали на его боку вертолетные площадки.

Символ военно-воздушных сил — очерченная по экватору планета — сверкал почти на каждом здании. Рядом с диспетчерской располагалось еще одно странное здание. Приглядевшись, Майрис понял, что это гигантский аэродром, с торчащими подобно ветвям дерева короткими взлетными полосами. Множество длинных ангаров и других помещений выстроились в аккуратные ряды у подножия. Подстанции, радары, охранные турели... База неустанно бдила и жила, раскинув свои системы слежения и вращая антеннами.

Чуть поодаль от центра расстелился по равнине жилой корпус с гидроэлектростанцией и запасные взлетки для инопланетян. Одного взгляда на все это рукотворное великолепие хватало, чтобы понять — на Базе было всё, что необходимо, чтобы существовать автономно не хуже Полисов.

Над головой Майриса раздался низкий гул, за несколько мгновений превратившийся в рев двигателя. В паре сотен метров очередной истребитель заходил на посадку, сбрасывая скорость и целясь на одну из взлетов многоэтажного аэродрома. Почти перед самым зданием остроносая птица снизила скорость до минимума, на какой-то миг зависла в воздухе, а потом с пчелиной грацией плавно опустилась на край взлетки. По внутренним дорожкам Базы курсировали транспортники, изредка гудя зазевавшимся прохожим. А сквозь зеркальные окна почти везде виделись курсанты и прочие обитатели Базы.

— Ну, здравствуй, Луна-Гранта... — хмыкнул, расплывшись в довольной улыбке, Майрис, накинул удобнее на плечо лямку рюкзака и неспешно проследовал по дорожке вниз к пропускному пункту.

Вечер того же дня.

На улице уже стемнело, когда Майрис заседал в кабаке под любопытным названием «Прогноз погоды» в поселке рядом с Базой. По общему настроению и разговорам парень понял, что основными жителями здесь были семьи Пилотов и рабочего персонала, ожидающие нового набора абитуриенты и просто гости. В кабачок изредка наведывались и сами Пилоты, желающие отдохнуть от долгих патрулей, либо собирающиеся ради очередного праздника, которым не было конца. Одного вечера в этом скромном питейном заведении Майрису хватило, чтобы понять, что Пилоты в общей своей массе народ веселый, часто безбашенный и постоянно готовый отмечать праздники. Поводы искались во всем, начиная от дня рождения сына сестры и заканчивая сто одиннадцатым подъемом в небо — потому что число красивое. А уж какие гуляния, должно быть, устраивались на выпускной! Когда целый поток курсантов получал лицензии и допуски к самостоятельным вылетам на настоящей военной технике.

В тот вечер в «Прогнозе» заседала большая компания курсантов, шумно обсуждающих результаты своих отчетных полетов и жестами на руках показывающих, где и какой нужно было исполнить маневр. За жаркими спорами они незаметно для себя опустошали бокалы пива один за другим и их дружный смех становился все громче и веселей. В другом углу, подальше от молодняка, пристроилось «звено» пилотажной группы в летных куртках с одинаковыми нашитыми эмблемами, по виду бывалые вояки. Сидели они тихо, но без траура, как сначала подумал было Майрис. Просто зашли в кабак отдохнуть после работы. Глаза у них были уставшие, заметно сонные, но лица все же довольные. Эти любили свою работу и, как знать, возможно сегодня у них был счастливый день, когда вылет обошелся без стычек с противником.

Рядом с барной стойкой ютились несколько одиночек. Один из них, по форме был явно не младше капитана и вид имел равнодушный ко всему и невозмутимый. Как успел уследить Майрис, уже второй или третий стакан медного по цвету виски со льдом побывал в руках капитана, но взгляд его по-прежнему оставался ясным и цепким как в начале. Второй с переливающимся на воротнике значком медицинской службы сидел вольготно с журналом, пестрящим схемами и формулами. Рука его изредка подносила ко рту большую кружку холодного пива, после чего медик делал глубокий глоток и продолжал дальше внимательно вникать в документацию. Еще один, сидевший за дальним концом стойки в углу, вертел в тонких «музыкальных» пальцах пустой бокал и с ленивым безразличием глядел в экран телевизора.

Но вот дверь в кабачок приоткрылась, и на пороге показалась странное существо. Чуть выше человека, но тоньше по строению, с высоко, по-звериному, поднятой пяткой. Пальцы на его кистях рук были длинные и заканчивались такими же звероподобными сточенными когтями. А на лице, худом, со впалыми щеками, сразу привлекали внимания огромные зеленые глаза, размером с куриное яйцо.

Существо неторопливо прошло в дверь и направилось к барной стойке. Двигалось оно на удивление плавно, хотя с такими необычными ботинками, больше похожими на плоские лапы носорога, должно было неловко притоптывать. Вообще, как отметил Майрис, эти

ботинки шли вразрез со всей грацией существа, чем-то нарушая и неестественно перегружая его облик. Когда же гость подошел ближе, парень уловил секрет столь мягкой походки — при каждом шаге существо плавно балансировало гибким хвостом.

Неожиданно Пилоты в углу кабака оживились. Один из них расплылся в улыбке и помахал рукой гостю:

— Грэй! Привет. Давай к нам, место быстро организуем.

Существо, как показалось Майрису, улыбнулось безгубым ртом ящерицы и плавно махнуло рукой в перчатке с отрезанными пальцами.

— Нет, Кло. Я лишь на минуту, — ответил Грэй необычным хриплым голосом.

— Как знаешь...

Все так же плавно Грэй подошел к барной стойке и как обычный завсегдатай уселся на одну из табуреток, обвив ее своим хвостом. При этом ноги его чуть согнулись, и подошва «копыт» осталась на полу. Как-то печально облокотившись на стойку, существо подперло голову ладонью, и его дреды, обвитые пластиковыми разноцветными кольцами, скользнули по щеке набок. Глаза чуть прикрылись полупрозрачными веками, а когда Грэй глубоко вздохнул, маленькие щелки на его переносице едва заметно распахнулись.

— Чего тоску наводишь, горемычное? — хмыкнул бармен, обращаясь к существу и натирая очередной бокал.

— Разве не слышно? — прохрипел Грэй, печально подняв глазищи на бармена. — Налей воды, пожалуйста.

Со словами «без проблем» хозяин заведения удалился, а Майрис все никак не мог поверить своей удаче. Рядом с ним ведь сидел самый настоящий представитель дружественной расы. Тот самый «серый», как обзывали их в простонародье. Вторая раса, которая откликнулась на человеческий зов о помощи и сейчас по слухам активно сотрудничала с Пилотами. В Полисе истории о «серых» были сплошными слухами, они никогда не заходили в города, но вот на Базах их можно было встретить мимоходом. В те часы, когда они не были в полетах. И вот, здрасте! В первый же вечер — и такая удача. Майрис понимал, что сейчас неприлично пялится на инопланетянина, но уж очень сложно было оторвать от него взгляд.

Грэй зябко поежился, хотя в помещении было достаточно тепло, потом задумчиво покрутил головой и произвел нехитрые манипуляции, нажимая на какие-то сенсоры на рукаве своего летного скафандра. Тут же тонкие как нити швы на нем мигнули алым светом, и между лопатками, где лежали большие сложенные кожистые «уши» инопланетянина, раздался тонкий писк.

— Как всегда не вскипятит, но подогрет, — сказал бармен, протягивая Грэю стакан горячей воды.

— Благодарю, — ответил тот и, не обжигаясь, сделал небольшой глоток.

— Так в чем беда-то у тебя? — спросил хозяин кабака, облачиваясь на столешницу напротив инопланетянина.

— Вот в этом, — указал Грэй на свой рыжий ободок, который вроде бы придерживал дреды.

— Так ведь все в порядке, — изумился бармен. — Работает как часы!

И только тогда Майрис понял, что речь шла об ободке вовсе не как об украшении, а о приборе. «Ну, конечно же! Транслятор с микрофоном. Вот почему его голос кажется таким

хриплым — это переводчик барахлит как старый радиоприемник» — догадался парень.

— Да, лучше, чем прежний мой, который я разбил, — сказал Грэй, заметно не совпадая движениями губ с выходящими из микрофонов словами. — Но ты слышишь голос?

— Какая тебе разница, какой голос! — отмахнулся бармен. — Людям тем более пофиг!

— Мне нет. Я привык.

— Забудь.

— Представляешь, последний дали! — возмутился Грэй совсем уж по-человечески и взмахнул бокалом с водой, что удивительно, не пролив ни капли. — С какой стати у них дефицит? Неужели все разбили? Или кваари отдали. Так что получается? Теперь они в приоритете? Я недоволен.

Майрис заметил, что все фразы, которые выдавал переводчик, были рубленными и емкими, и парня тут же посетил вопрос: это запрограммированная особенность транслятора или же Грэй так четко старается формулировать свои мысли?

— Запроси в Штаб новый специально для тебя, — вновь пожал плечами бармен.

— Это не входит в мои обязанности, — монотонно прозвучало из динамика, но Грэй изобразил такую обиженную и презрительную гримасу, пантомимщик обзавидовался бы. — У тебя случайно лишнего нет? Как раз хотел спросить.

— Нет-нет. Даже не рассчитывай. Такую вещь я тебе не достану, — замахал руками хозяин.

— Жаль, — коротко ответил Грэй, после чего залпом допил свою воду.

— И как ты выживаешь в морозы ниже нуля, — задумчиво протянул бармен, глядя на мерзнувшего в тепле инопланетянина.

— Летаю, — бросил Грэй. — С открытым колпаком.

Пустой бокал звякнул о стойку, и инопланетянин поднялся с табуретки.

— Если найдешь подходящий транслятор, сообщи, — попросил он, расправляя лежащие на плечах «уши» как кожистые крылья.

— Для тебя — непременно, — кивнул хозяин, широко улыбаясь и забирая стакан.

Грэй так же попытался изобразить улыбку и как ни странно с клыкастой пастью у него это успешно получилось. Затем инопланетянин развернулся на своих «копытах» и пошел прочь, помахав на прощание Пилотам рукой.

— Че, парень, язык проглотил или забыл как пить? — хмыкнул хозяин, подбоченясь и указывая взглядом на полупустую кружку перед Майрисом.

— А? — встрепенулся юноша, отрывая взгляд от захлопнувшейся двери. — Нет, просто я первый раз увидел, вот и...

— Привыка-ай, — протянул гордо бармен. — Эту бестию здесь любят и уважают.

— Почему? — глуповато спросил Майрис.

Хозяин кабака приосанился, будто сейчас готов был похвастаться своим личным достижением, и ответил:

— Потому что Грэй у нас один из лучших инструкторов Базы.

База. Два дня спустя.

— Бойцы! Смирно! — раздался по пустому огромному ангару оглушающий рев прапорщика, и около сотни новобранцев вытянулись по стойке в одну шеренгу. — Добро пожаловать в нашу чудную, славную и бесконечно беспощадную школу выживания.

Вот и настал этот первый день в академии, когда новый поток «зеленых» абитуриентов построили и завели на территорию Базы. Майрис с тоской вспоминал последние деньки, проведенные в поселке, и, в частности, в полюбившемся ему «Прогнозе погоды». То, что попадет он туда уже не скоро, парень был уверен.

Еще в первый день он успел пройти все необходимые этапы зачисления в академию. Написал заявление, расписался в контракте, принимая все условия договора и оформляя страховку. Тогда же прошел медицинский осмотр и побеседовал с психиатром. На этом его участие в зачислении закончилось, хотя его имя стали проверять по всем базам данных, изучать личное дело и проверять, не числится ли данный гражданин в должниках. В принципе все эти юридические мелочи почти не влияли на зачисление, и на службу нередко попадали люди, потонувшие поуши в кредитах, имеющие неприятности с властью в соседних Полисах или же просто ранее судимые. Но как любая серьезная военная организация База обязана была знать о своих служащих все, вплоть до получения паспорта и личного счета. А потому совсем уж отъявленные нарушители закона в академию не лезли — понимали, что засветятся и при первом запросе со стороны Полиса База выдаст индивидуума на руки гвардейцам.

Майрис проблем с законом в родном Полисе не имел, а потому был спокоен. Гвардия его не разыскивает, а иным господам Луна Гранта отчитываться не обязана. Мало ли кто кому он дорогу в своей жизни перешел. На самого досье чистое, на учетах в диспансерах не состоит, при личной беседе тоже продемонстрировал адекватность. На этом всё. Годен. В тот же первый день Майрису, уже попавшему в ведение Базы, выделили комнатку в гостинице поселка и назначили время и место общего сбора. То, что утром перед КПП через пару дней соберется так много народа, да и вдобавок объявится целый автобус с новобранцами, Майрис даже не подозревал. Число желающих учиться на Пилотов его покорило. Это ведь раньше, по рассказам, когда жизнь была менее спокойной, молодые парни толпами стекались сюда даже не столько ради денег, сколько ради служения своей расе. Но что тянуло всех сейчас? Неужели высокий оклад и престижная должность? Ведь один только значок Пилота в современном мире открывал двери в каждое заведение, персонал готов был обслужить воина авиации в первую очередь. И это без учета утвержденных льгот.

Сейчас же, стоя в строю, Майрис рад был бы вспомнить двое суток расслабленной жизни, но громкий голос прапорщика, усиленный эхом в ангаре, вышибал напрочь все лишние мысли.

— Если вы думаете, что здесь вас научат как, не свернув себе хребет, выполнять пируэты на самолете через заднюю корму, чтобы девочки пищали от восторга, то вы глубоко заблуждаетесь, — прапорщик, поджарый мужик со злобным лицом шакала, расхаживал вдоль строя новобранцев, пристально сверля взглядом каждого. — Здесь вам не детский сад

и проверять за вами домашнее задание никто не будет. Либо вы запоминаете все с первого раза и живыми возвращаетесь с поля боя, либо ваша койка переходит следующему желающему набить карманы легкими бабками. Сейчас вы — никто. Кусок мяса, который и в самолет засунуть жалко, дабы не набивать лишним грузом. Пока не пройдет полгода и вы не отработаетесь на тренажерах так, что отполируете до блеска штурвал — на реальную технику будете только драть по ночам, когда у вас выпадет пара часов свободного времени для отдыха ваших несчастных организмов.

Прапорщик остановился на месте, завел руки за спину и по-хозяйски окинул взглядом молодых парней. После чего продолжил чуть тише, но от этого его интонации сделались еще более грозными:

— Полагаю все из вас успели внимательно ознакомиться со всеми пунктами контракта и в курсе, что уже через десять минут попадут на территорию для себя, неуча, настолько опасную, что первая же сволочь, которая сунет нос куда ни попадя или захочет отлучиться поссать за ближайшую рубку, получит, если не по воле судьбы, то от меня лично такой внушительный пинок, что вас за три Полиса отсюда будет не найти. Если же эта счастливая выжившая сволочь еще умудрится попортить, поцарапать и вообще криво подышать на бесценную аппаратуру, то за ней в путь по галактике отправится и вся родня, дабы убежать от непосильных штрафов. Так что, девочки, дышим только по моему разрешению, ходим за парты в школу строем нога в ногу...

— Запугивает, гад такой. Бухло свое отрабатывает, — едва слышно хохотнул рядом с Майрисом длинный новобранец по имени Син.

— ...А что касается прямого нарушения приказов, — повысил голос прапорщик и бешеным зверем уставился в сторону Майриса и Сина, — халатного отношения к обучению, то, деточки, я имею право вас так вздрючить, что вы добровольно пойдете вылизывать мне взлетку, пока с нее одним толчком пальца чугунный утюг не начнет взлетать. Благо я имею право заставить вас ее драить, что зафиксировано на странице семь вашего контракта в третьем абзаце!

Все это время грозный мужик пожирал глазами парней и Майрис мечтал уже провалиться сквозь пол, только чтоб исчезнуть из поля зрения прапорщика и снять с себя подозрения. Уж очень не хотелось ему по вине соседа-дурака получать с ним за компанию наряд вне очереди в первый же день. Так не хотелось, что даже какая-то позорная мелкая дрожь пробрала изнутри. А ведь он даже успел себя подготовить к такому началу. Догадывался, что в первые минуты пребывания на Базе их встретит именно такой «злой прапор», который, как по учебнику, должен запугать и опустить новобранцев. Это ведь везде так положено. Потому что любой солдат (а курсанты сейчас таковыми являлись) должен в первую очередь познать свое место и право — которого у него поначалу нет.

Но вдруг этот распинавшийся секунду назад злобный прапорщик, плевавший слюной от натуги, как-то разом сник и сжался. Черты лица разгладились, руки опустились из-за спины и выпрямились по швам. А взгляд прапорщика устремился куда-то вверх голов новобранцев, на лестницу, откуда несколько минут назад спустился он сам.

По шеренге еще не адресированных бойцов пошло едва заметное оживление и кто-то попытался незаметно оглянуться. На что чуткий прапорщик грозно оскалился и рявкнул:

— Смирно! Командир на мостике!

О каком к чертям мостике и каком командире шла речь, Майрис сначала не понял, но происходящее дальше действо вновь приковало все его внимание.

В пустом огромном ангаре чеканные шаги тяжелых ботинок по полу были слышны особенно отчетливо. Размеренно, будто выверяя тщательно каждый шаг, к шеренге новобранцев сзади подходил человек.

«Высокий? Могучий? Страшный? — лихорадочно размышлял Майрис, фантазируя образ командира. — Четкий шаг, хорошая осанка, старая выправка... Немолод. Строг. Не терпит ни малейшего нарушения... вон как прапорщик в струнку вытянулся. Да это тот еще монстр по сравнению с ним, наверняка. И сейчас он выйдет перед строем. Вот, да... Пара шагов... Да это же!...»

Глаза Майриса стали размером с два блюдца, когда командир обошел шеренгу и окинул всех скольльзящим, холодным взглядом.

Темные каштановые волосы выглядывали из-под серой фуражки с серебряным орлом, держащим в лапах венок с планетой — символом Военно-Воздушных Сил человечества. Знакомое уже волевое лицо, аккуратная темная бородка с усами и серые уставшие глаза. Командирская черная парадная форма сидела на нем как влитая. Поверх кителя был надет белый ремень с кобурой под офицерский личный аннигилятор. На плечах блестели витые погоны с двумя звездами, а на воротнике стойке — петлицы с одинарным дубовым листом.

«И этот человек подбросил меня автостопом до Базы?!» — изумился Майрис.

Командир остановился рядом с прапорщиком, вежливым кивком ответил ему на воинское приветствие «под козырек» и лишь потом повернулся к бойцам и заговорил сильным спокойным голосом.

— Меня зовут Джейкоб Аллен. Я — полковник военно-воздушных сил человечества и являюсь главным командующим этой Базы. С этого дня вы все попадаете в мое распоряжение и под мою ответственность. Я рекомендую вам хорошо запомнить меня. Возможно, перед реальным боем я буду последним, кого вы услышите в жизни. Все будет зависеть от того, как вы будете учиться летать и взаимодействовать друг с другом. Надеюсь, вы понимаете, на что подписались. Моя ответственность не спасет в бою вас и ваших друзей. Всё мое дело — это дать вам необходимые знания и условия для выживания. Сейчас же отдыхайте, пока есть возможность.

Полковник сделал паузу, а прапорщик по одному тону все понял, подобрался и громогласно скомандовал на весь ангар:

— Налее-во! Вперед по коридору, молодняк!

Новобранцы схватили свои рюкзаки с пола и неровным строем поспешили к выходу. Майрис обернулся было на полковника, но тот уже потерял интерес к молодому поколению бойцов и, отойдя в сторону, с улыбкой потрепал за ухом большого черного пса. Собака возникла из-за нагромождения коробок и щитков совершенно беззвучно.

— Так вот куда ты запропастился, — сказал Джейкоб, почесывая счастливому псу загривок. — Я уж думал, что ты пропал.

Черное как смоль животное прижимало довольную морду к командирской ноге и с удовольствием подставлялось под руку.

— Чего застыл? — толкнул Майриса неумный Син, едва не врезавшись в него. — Вперед, не отставай от коллектива! Сейчас как раз новые портянки выдавать будут!

Опечаленный тем, что пересечься взглядом с Командиром так и не вышло, Майрис ускорил шаг и пошел следом за строем прочь из ангара.

Не прошло и часа, как молодых рекрутов переодели в легкую весеннюю форму, по

четверо распределили по комнатухам и вновь ором, перемежающимся словесными пинками, собрали на плацу перед казармой.

— Значит так, красавицы, — разглагольствовал все тот же прапорщик. — Кем вы были раньше и в каких верхах крутились, здесь никого не интересует. А поэтому лепить из вас настоящих курсантов будем одинаково и по многолетней установленной программе. Я не говорю пока о том, что вы станете Пилотами. Вашему сброду и до цивилизованных вояк далеко. Я гарантирую, что часть из вас уже через месяц напишет заявление и побежит в маменькин дом, не выдержав нагрузки. Еще часть отсеем мы за тупоголовость или лихачество. Ну а тот, кто рискнет продать хоть малейшую информацию нашим врагам, без очереди отправится экспрессом в ссылку к Серым, на опыты.

Майриса уже начало утомлять столь частое запугивание и угрозы. Да, ему без сомнений было жутковато оплошать и испытать на себе гнев прапорщика, но страшнее парню было вне Базы, где в любой прекрасный день некие люди могли посчитать его лишним на планете. А какие проблемы могут возникнуть на Базе, если ты неплохо подготовлен физически и вдобавок умеешь держать оружие в руках?

— ...Сейчас же, куски человечества, пора организовать вам небольшую экскурсию, — с коварной улыбочкой сказал прапорщик. — Бежим дружно кросс вокруг Базы. Напраа-во! Бегом марш!

«И вот так мы побежали свой первый за время обучения кросс... Долго, утомительно и скучно. Вернее, скучно оно станет потом, а в самый первый раз впечатления были незабываемыми! Собственно, ради этих впечатлений я и взялся вести свой небольшой личный дневник (как знать, возможно, когда-то мои записи пригодятся). Идея эта пришла мне вечером первого дня неожиданно, когда мои соседи по комнате взялись за слайдеры и принялись строчить письма своим близким. Среди них я смотрелся совсем уж диким одиночкой, поэтому скрепя сердце взялся за свой портативный планшет и принялся записывать мысли. И именно тогда я подумал, зачем тратить время впустую, когда я могу писать осмысленные воспоминания?»

Вечером того же дня, после отбоя, Майрис лежал на своей кровати, подложив под голову высокую подушку, и, не отрывая руки, водил пальцем по электронной клавиатуре слайдера.

«Итак, кросс. Мы и не предполагали, что База настолько огромная! По пути мы пробежали гостиничный сектор, где живут уже прошедшие Школу Пилоты. Затем, помнится, был длинный прямоугольный корпус лабораторий и плантаций. Дальше рубки Центра Связи и стоящая на краю громадная антенна Радара. Вообще-то, как нам потом объяснили, эта штука предназначалась для связи с людьми на Станции, которая болталась долгое время в космосе. Однако сейчас, когда Станция улетела в дальний рейд, Радар периодически наводят на спутники, чтобы связаться с другими Базами. Интересно, правда, зачем. Ведь с соседними аэродромами у нас вполне налажена обычная радиосвязь».

— Майрис, что ты там так усердно водишь? — спросил слева с соседней кровати Син.

— Впечатления записываю, — буркнул Майрис, не отрываясь от своего планшета.

— Отдыхал бы, — проямлил товарищ, вновь упав головой в подушку и вроде как сразу засопев.

Майрис поднял взгляд от своего экрана на другие кровати, стоящие ближе к двери так же напротив друг друга и покачал головой. Другие его соседи — лохматый «ботаник» Бейли и широкоплечий спортсмен Дик, тоже уже заснули в обнимку со своими слайдерами.

Второй так и вовсе дремал полусидя, кляня носом в экран, но продолжая крепко сжимать устройство в руках.

Действительно, первый день Школы утомил даже такого крепыша как Дик. А новому потоку обучающихся всего-то устроили небольшую пробежку и познакомили с основными объектами. Попутно поведав, куда лучше лишний раз не приближаться. Все дело в том, что База была не просто аэродромом, но и особо охраняемым военным объектом, где любая залетная муха уже становилась потенциальным разведчиком. А уж зная тех самых «врагов человечества», муха и правда могла оказаться шпионом.

Майрис провел пальцем по погасшему экрану планшета, вновь включая его, и продолжил выводить слова по клавиатуре.

«За Радаром нам быстро показали каналы гидроэлектростанции и за ней поднимающиеся по склону обрыва панели солнечных батарей. Обалденное зрелище! Просто таки хрустальная скала. Дальше... дальше нам не дали как следует надышаться свежим влажным воздухом от поднимающихся вверх брызг, а погнали мимо запасных взлетов к зданию Старта. Забавно, как у них тут понимается команда «На Старт!» Буквально это значит прибежать в полном обмундировании в здание аэропорта-Старта, подняться к своей взлетке и сесть в кабину самолета».

Майрис устало потянулся, а его слайдер соскользнул с колен и упал на пол. Тяжко вздохнув, парень лениво потянулся за устройством, отряхнул его эластичный экран от пыли и вновь водрузил на колени. По пути его взгляд скользнул по окну, в котором отчетливо светился в ночи стартовый аэродром, утыканный, как колючками, сотней мелких взлетов.

«Старт вообще заслуживает отдельной истории, но поскольку внутрь нас пока не допустили, рассказать о нем пока нечего. Разве что удивляет, как часто боевые корабли заходят на посадку. Мне никогда не приходило в голову, что так много самолетов находится в постоянном дежурстве...»

— Май, кончай светить, спи уже, — простонал Син, закрываясь одеялом с головой.

— Потерпишь, — отмахнулся парень и, встряхнув головой, вновь собрался с мыслями.

«Так же нас пока не пустили в здание Центра управления полетами, из которого возвышается диспетчерская и, по слухам, ближайшие полгода нам там точно делать нечего. Хотя кто из нас отказался бы посмотреть на оборудованную по последнему слову техники новую диспетчерскую изнутри! В остальном все было даже слишком обычно. Нас провели бегом мимо ангаров и корпуса заочной подготовки обучающихся. Чувствую, дорогу к последнему мы скоро выучим настолько, что будем находить ее с закрытыми глазами. Завтра день обещается еще тяжелее. К физухе добавятся лекции и первые курсы. Интересно, когда же нам дадут наших кураторов?...»

Парень широко зевнул и протер сонные закрывающиеся глаза. За двадцать пять лет он успел привыкнуть в Полисе к тяжелым условиям, ко сну по пять часов в сутки при необходимости, к длинным быстрым пробежкам, которые нередко спасали жизнь. Но сейчас общая атмосфера Базы, напуганные и выдохшиеся товарищи утомили Майриса так сильно, что он, сам того не заметив, заснул полулежа со слайдером на коленях. Редко за окном мелькали огни пролетающих мимо и заходящих на посадку кораблей, но «умные» стекла в комнате почти заглушали раскатистый гул энергодвигателей и затемняли в ночное время яркий свет сигнальных фонарей и прожекторов на Старте.

Файл_02.

(50 лет назад)

Из воспоминаний.

— ДА, СЭР! — хором браво отвечаем мы, сдерживая довольные улыбки и с трудом заставляя себя нетерпеливо стоять по стойке «смирно».

— Отлично, а теперь брысь отсюда работать! — машет на нас рукой генерал и вновь погружается в изучение своих бумаг на столе, но я-то замечаю смешинку в его мимолетном взгляде исподлобья.

Из кабинета генерала нас со Стивом выносит как на крыльях. Я аккуратно закрываю дверь, а мой товарищ, улыбаясь во всю ширь, тычет меня локтем в бок.

— Чур, я сегодня веду! — довольно заявляет он.

— Эй! Моя очередь! — пытаюсь толкнуть его в спину, но он уворачивается змеей.

— Не успеешь! — хохоча кидает он и бегом срывается с места.

— Ах ты, гад! — я порываюсь вслед за ним, стараясь не заржать.

Как угорелые мы несемся по подземным полутемным коридорам, цепляя друг друга за куртки, весело переругиваясь, лавируя между обитателями Корпуса Запусков. Я хватаю Стива за плечо, отталкиваю в сторону. Он тут же цепляется за мой рукав. Нас разбирает счастливый смех и руки просто не в состоянии крепко удержать друг друга. Мы поскользываемся на поворотах, гремим ботинками по металлическим решеткам, удивительным образом не спотыкаемся о вездесущие провода...

— Не догонишь! — смеется Стив впереди.

— Щас прям! — восклицаю я и на бегу умудряюсь нажать на кнопку закрытия двери в отсек.

Тут же створки с хлопком защелкиваются перед носом моего товарища.

— Зараза! — изумленно выкрикивает он, едва не врезавшись в двери. — Так не честно!

Я убегаю от него в соседний коридор, едва увернувшись от брошенной в меня скомканной салфетки.

— Сегодня я у пульта! — кричу ему через плечо.

— Ты был вчера! — догоняет он.

— Это за прошлое! Ты подменял меня дважды.

В дверь комнаты запуска мы протискиваемся одновременно и вваливаемся, все так же обмениваясь тычками и подколками. Я с разбега падаю в кресло управления и тут же прикладываю ладонь к сенсору для активации. Стив запаздывает всего на миг, но без особого разочарования кладет руку на провода, идущие по спинке кресла и «подключается» дополнительно зрителем.

— Давай, не тормози, — нетерпеливо подгоняет он. — Жду не дождусь посмотреть как оно там!

— Сейчас-сейчас! — обдувая взмокший лоб, я усаживаюсь удобней. — Оператор, говорит Спирит. Аппарат «Три», запрашиваю разрешения на вылет. Курс «Станция».

— Говорит оператор. Аппарату «Три» взлет разрешаю, — раздается у меня уже в голове.

— Ну же? Не тяни, а то сам поведу, — легонько пихает меня Стив.

— Фиг тебе. Еще навеселишься... — бурчу я отстранено и тут же восклицаю, когда вхожу в полный симбиоз с машиной. — Есть! Разбудил! Ну что, колеса в воздух.

Ничего не меняется вокруг нас, только где-то высоко, намного ближе к поверхности земли, в одном из далеких ангаров открывается шлюз, и груженный шаттл с ревом срывается с места.

Выше, выше и еще быстрее. Разгоняя двигатели, удерживая строгий курс, я веду свою «птичку» к поверхности. Несравненное чувство удовольствия! За такое стоило побороться и пробежаться по коридору. Как же мы любим свою работу! Хлебом не корми, но дай лишний раз подключиться и выйти на поверхность. Возможно, мы становимся слишком зависимы, но неужели нельзя испытывать наслаждение от своего дела?

А «птичка» между тем с хлопком выстреливает из подземного туннеля, да только некому это услышать. Ничто не может выжить в таких условиях на поверхности. Шаттл набирает высоту — сначала тяжело, преодолевая носом давление, потом я чувствую, как он становится легче. Как увеличивается его скорость. Будь в кабине живой человек, его бы давно смяло от перегрузки. Еще немного газу...

Я не вижу звезд в привычном понимании этого слова. Проекция картинки с видеокамеры понимается мной сразу. Как слово, которое воспринимается нашим мозгом целиком, а не раскладывается на буквы. Если я отключусь и посмотрю на Стива, то увижу, как его глаза будто покрыты легким напылением, и как он смотрит куда-то в пустоту перед собой. Но я и так знаю, что он видит и понимает то же, что и я. Мы видим космос.

Я почти заглушаю двигатели, и «птичка» все равно продолжает скользить по инерции в невесомости. Немного меняю курс маневровыми, поворачиваю камеру. Есть зрительный контакт!

«Станция», как морской еж утыканная антеннами, передатчиками и солнечными батареями, висит в пространстве, почти достроенная. От нее к Земле тянется не менее странная конструкция, которую только в нашу эпоху человечество рискнуло воплотить в жизнь. Космический лифт, толстый, неразрушимый, скрепленный не одним каркасом регулярно использовался, чтобы доставлять технический персонал с земли на «Станцию».

Мы же не менее регулярно доставляем им новое оборудование и материалы для сборки. Стыкуюсь. Налаживаю герметичность шлюза. Но вдруг, как мурашки по коже, чувствую помехи.

«Стив, подвинься, ты сбиваешь меня», — передаю я мысленно.

«К черту! Слушай сигнал», — огрызается он.

«Увеличь», — прошу я, разумно полагая, что тесниться вдвоем на одном канале будет только хуже.

«Есть».

И я тоже начинаю слышать «это». Легкие шуршащие помехи, треск и посвистывания. Ритмичные, повторяющиеся. Затем щелчки. И снова шуршание.

«База! Говорит Крос! — не спрашивая меня, врывается в эфир Стив. — Фиксирую внятный сигнал на «Станции». Немедленно гоните декодировщика сюда и врубайте все какие есть радары на прием! Кажется, на наш SOS отвечают».

На следующий день весь новый поток курсантов после утомительной зарядки заседал в классе инструкторской. Одеты в простую серую курсантскую форму новобранцы вольно расположились на стульях и сперва лениво начали вслушиваться в слова злобного

прапорщика Янкинса. Однако уже через пять минут его спокойного тона и любопытной информации молодые бойцы принялись вникать с особой внимательностью.

— ...А расскажу вам всю диспозицию сил и кратко историческую справку, как все начиналось. Информация эта открытая, и многие из вас наверняка, учась в детстве в школе, озаботились прочтением статьи по истории, но в некоторых местах все же стоит внести ясность.

Нельзя сказать, что Янкинс сильно переменялся, перестав рычать на курсантов и грозно хмуриться, но его взгляд стал тверже и спокойнее. Образцовый представитель военной касты, всегда гладко выбритый и выглаженный, сейчас сбросил свою маску шакала. Историческая тема явно была его родной стезей. Он был готов с такой гордостью рассказывать про подвиги человечества, будто, ни много ни мало, сам принимал участие во всех событиях. Даже самые ленивые курсанты наострили уши и прониклись интересом. Майрис печально отметил, что такой Янкинс ему нравится намного больше. Да вот только часто ли новобранцам в ближайшее время будет суждено видеть его таким? Все-таки здесь не институт благородных девиц, а военное летное училище, в котором, хочешь-не хочешь, а большая доля времени уходит на физподготовку и уж оставшееся — на прокачку мозгов.

— Началось все в далеком две тысячи двенадцатом году, когда на Землю прилетели Первородные. Или, как их иногда еще сейчас называют, — Четвертые. Насколько нам известно, эта была сверхцивилизация инопланетного происхождения, которая не в первый раз решила наладить контакт с людьми. Проходила информация, что эта была та же цивилизация, которая обучала древних майя и египтян, и они же зародили человечество на планете в первобытные времена. В любом случае, тогда эта цивилизация по-хозяйски спустилась на Землю и ученые вместе с армией всего мира попытались завязать с ними в диалог. Кто был виноват и по чьей ошибке начался конфликт, неизвестно, но инопланетяне жутко обиделись, когда поняли, что встречают их не с почестями, жертвоприношениями и обрядами, а с антеннами и заряженными орудиями. По записям тех дней известно, что они не пробыли на Земле и часа. Улетели обратно, полыхнув светом на все небо, и пропали из поля зрения радаров.

Прапорщик повернулся к классной доске и, выбрав в меню файл, открыл на обозрение курсантам фотографии Земли из космоса. Несколько ракурсов, один ужаснее другого. Планета на них пылала огнем, как раскаленная головешка угля. На других кадрах в приближении была видна бурлящая в морях и океанах вода. Тысячи открытых гейзеров выплескивали в небо обжигающий пар. И последняя группа фотографий показывала снятый с космоса город, пылающий огнем, с разваливающимися небоскребами и страшным ветром, поднимающим в воздух пыль, куски перекрытий, крыши и автомобили.

— А вот так Земля стала выглядеть пару лет спустя после отлета сверхцивилизации, — выдержав паузу и дождавшись, пока молодые парни проникнутся ужасом, продолжил Янкинс. — Радары и метеостанции успели зафиксировать с колоссальной скоростью сжигающуюся атмосферу. У человечества было около полутора лет, чтобы спрятаться как можно глубже в заготовленные на случай ядерной войны бункеры и приготовиться к медленно накатывающему концу. Как ни странно — ситуация на планете оказалась почти схожа с ядерной катастрофой. Атмосфера, по воле этой обиженной цивилизации, была раскалена до такой степени, что небо вспыхнуло огнем. А это и кислород, и озоновый слой. И испарившиеся океаны. Спаслись немногие, а остальному человечеству и всей поверхности планеты пришел каюк.

Янкинс переключил кадры и теперь на доске красовалась фотография Земли, покрытой сплошным облачным ковром. Чудесная ранее планета стала похожа на едкую задымленную Венеру. Ни единого просвета поверхности. Ни намека на жизнь. Оставалось только догадываться, какой раскаленный ад скрывался под покровом черных туч.

— Вода не испарилась только глубоко под землей и ее берегли больше человеческой жизни. В бункерах наладили систему добычи и очистки воды. Так же расконсервировали теплицы и лаборатории. Поначалу этого хватало, но впоследствии людям пришлось расширять свои подземные владения. Вообще, мальцы, вам бы надо молиться на тех предков, которые содержали такие бункеры в порядке даже в мирное время. Потому что за то время, которое было дано на спасение, собрать и подготовить столько провизии было просто нереально, — прапорщик оглядел всех щуплых и напуганных курсантов мрачным взглядом и обреченно махнул на них рукой. — Да разве поймете вы когда-нибудь, какими героями были те люди по сравнению с вами... Гвозди бы из них ковать. Ладно, поехали дальше.

Новый слайд на доске, и теперь там были фотографии из темных бункеров. Коридоры, заполненные почти непроглядной тьмой. Редкие красные лампы на потолках. Недостроенные туннели с торчащей арматурой. Железные листы на полу и груды кабелей. Люди в потрепанных рваных одеждах, перемазанные грязью и держащие у рта кислородные маски. На одной из фотографий мать, сидя на полу в стороне от спящих людей, прижимала к себе напуганных детей. Все трое были одеты в серые комбинезоны, с личными номерами на груди. Дети в страхе прижимались к матери, будто она могла отгородить их от суеты и общей паники вокруг. На другой фотографии был коридор, заполненный народом, сидящим на своих чемоданах и мешках. Они ютились как можно ближе к стенам, потому что по самому проходу куда-то спешно бежали солдаты в форме. Третья фотография показывала большой зал с низкими потолками, заполненный койками, как в самой переполненной медсанчасти. Только по людям и их вещам было понятно, что это всего лишь общественная спальня. И почти везде — полутьма. Генераторы работали пока еще в тестовом режиме. Электричества не хватало. Жилых помещений тоже. Полная разруха, страдания, ад... Но на другой половине доски фотографии заметно отличались. В бункерах добавилось света, в одной из оранжерей довольный ботаник демонстрировал фотографу свежий кочан капусты, размером с голову. В лаборатории, под белыми плафонами несколько инженеров собирали на столе гусеничного робота, и один из них припаивал разъемы на микросхеме. Общественные спальные залы опустели, их переоборудовали в хранилища. Широкие коридоры разделили перегородками, поставили двери. Теперь у каждой семьи был свой, пусть и маленький, но номер. Всюду было ощущение порядка и чистоты. Не стерильной, но радующей глаз. Жилые отсеки по-прежнему были полны народа, но теперь там спокойно играли счастливые дети, а старшее поколение в основном спешило по своим делам на работу. В бункере к тому времени занятость появилась у всех.

— Ну, кто из вас ответит, сколько лет прошло между одной и другой фотосессией? — спросил прапорщик у бойцов.

Дик быстро поднял руку, и Янкинс кивнул ему.

— Тридцать, сэр, — ответил курсант уверенно.

— Неверно, — скривился от ответа прапорщик.

Тогда Бейли робко поднял руку.

— Ну? — показал на него пальцем Янкинс.

— Пятнадцать, сэр? — с ноткой вопроса ответил Бейли.

— Почти, курсант, ты был близок, — сказал прапорщик и повысил голос. — Десять! Всего десять лет разницы между этими кадрами! Даже я до сих пор удивляюсь, какое стремление выжить было у тех людей, и как усердно им нужно было работать, чтобы сделать то чистилище, в которое они попали, пригодным для жизни.

Молодые парни пристыжено сжались. Кто-то по-новому с восторгом взгляделся в фотографии.

— Дальше, — мрачный прапорщик щелкнул по экрану и переключил слайд. — Через эти десять лет после глобального *здеца на всей планете люди подумали, что они уже в состоянии вывести какого-нибудь радиоуправляемого робота на поверхность и посмотреть, что же там, собственно, творится. Я говорю «подумали», потому что на тот момент им еще хватало воды и ресурсов в ближайших источниках. Людьми двигал пока оправданный интерес, а иных способов достать информацию сверху не было. В первый раз робот не преодолел даже половины пути по туннелю на поверхность. Вся электроника погорела как в духовке, расплавилась и превратилась в цельный кусок металла. В другой раз люди были умнее, химики потрудились над материалами, а электронщики запаляли микросхемы в теплоизоляционные корпуса. Но в тот раз уже на поверхности забарахлила связь. Сигналы с пультов просто не пробивали через толщу земли, а пыль в воздухе и вовсе создавала помехи. Нужно было изобретать что-то новое.

Следующий слайд и новая партия фотографий. Белая от яркого света лаборатория и около пары десятков медицинских капсул под прозрачными колпаками. Ощущение стерильности передавалось даже через фотографию. Но было в кадре еще что-то отталкивающее. Что-то противоестественное, несмотря на вроде бы обычных людей в белых халатах и их оборудование. Слишком светло и чисто. Слишком спокойные лица врачей. Слишком много кабелей для такого бесхитростного оборудования. И присмотревшись, Майрис понял, что его смущало на данной фотографии. Капсулы. Странные камеры, под колпаками в которых лежали люди. Оранжевые гистограммы, множество цифр и кардиограммы светились прямо на стекле колпаков. Медперсонал трудился над людьми и записывал в карточки состояние «пациентов». И все бы ничего — если не захваченные частично в кадр щупы на приводах, от которых тянулись пучки проводов и толстые гофрированные трубы, очень напоминающие оголенные трахеи. Щупы, которые нависали над колпаками капсул.

— Тридцать лет после апокалипсиса, — разорвал тишину Янкинс. — Ученые вместе с инженерами и медиками придумали сверхизлучающее вещество, способное получать импульс и усиливать его передачу от себя в тысячи раз. Как они этого добились, простым умам не понять, но известно, что этот материал облучали в лабораториях, вытаскивали на поверхность для зарядания энергией, а затем «охлаждали» и настаивали в подопытных животных. Одновременно с созданием данного вещества, главы бункеров подписали проект по созданию так называемых «Пилотов Второго поколения». Программа включала в себя отбор молодых и здоровых парней, рядом с которыми, даже не надейтесь, вы и рядом не стояли. Затем обучение работы с техникой, постоянный надзор психиатров... В общем в один день двадцать бойцов были приведены в эту лабораторию, где им сделали инъекцию нового вещества. Цель была проста — связать нервную систему человека с любой управляемой техникой. Для этого вещество интегрировалось в нервные узлы по всему телу и мгновенно считывало импульсы. Дальше к работе подключились программисты, которым оставалось всего ничего — наладить расшифровку сигналов и передатчик. Думаю, нет

смысла говорить, что результат превзошел все ожидания.

Янкинс переключил слайд, и теперь перед курсантами была фотография одного из этих Пилотов в кресле за пультом управления. Никаких кнопок, разъемов и рычагов. Только один колпак с проводами на голове и подлокотники, выполненные как цельная сенсорная панель. На первый взгляд Пилот выглядел здоровым и обычным человеком. Из его рук не торчали провода, как порой любили приукрашивать в страшных историях. По венам не текла голубая кровь. Все было нормально. Только голова Пилота была скрыта под шлемом и разглядеть выражение его лица не представлялось возможным.

— Эти люди стали уникальны. Техника «слушалась» их так, будто они сами находились внутри кабины и управляли ей искусней кого бы то ни было. Польза такой программы была налицо: потерь среди людей не было, контактов с облученной техникой не производилось, планеры и вездеходы могли работать почти в любых условиях. Правящая верхушка изначально-то планировала упростить работу на поверхности, а в результате получила еще три десятка героев. Вторые Пилоты практически не сидели без дела — вся рабочая техника наверху попала под их управление. А это и буры для добычи ресурсов, и вездеходы, и разведывательные самолеты. Все, что работало на поверхности, исследовало пространство вокруг бункера. Собиралось всё полезное, что можно было дотащить до туннелей вглубь. С неба постоянно следили за состоянием озонового слоя и поверхности. Искались подземные воды. Позднее с помощью Вторых наладилось воздушное сообщение между бункерами на разных частях планеты. Казалось, что жизнь наладилась и стабилизировалась. НО! Так было до тех пор, пока содружество человечества не решило воссоздать на орбите планеты космическую станцию и вывести туда мощный передатчик сигналов.

На доске отобразилась схема Земли и космического лифта с бесформенной станцией, ошетилившейся солнечными батареями и антеннами.

— Еще через двадцать лет, пока на Земле и в лабораториях кипела работа, со Станции начали транслировать сигнал SOS. Люди здраво рассудили, что раз уж на планете побывала одна цивилизация, то возможно найдутся еще расы, у которых можно просить помощи. И вот в 2065 году человечеству впервые ответили на сигнал.

Новый слайд тоже отображал схемы. На левой половине доски высветилось изображение уже известного Майрису «серого». Инопланетянин выглядел почти так же как Грэй, отличаясь разве что цветом скафандра и раскраской перепончатых «ушей»-вееров на голове. На правой половине со всех ракурсов демонстрировалось на первый взгляд мерзкое существо в хитиновом панцире. Тоже двуногое, имеющее пару рук, но отличающееся большой складчатой мордой, с клыкастой пастью мурены. На спине существа округлым горбом торчал влажный нарост, который Майрис сначала принял за какое-то отдельное живое существо. Но, присмотревшись к двигающемуся изображению, он увидел, как несколько трубок уходили от горба под скафандр и проникали в тело инопланетянина. Три длинных щупа из нароста служили существу дополнительными манипуляторами.

— Первыми на наш сигнал о помощи откликнулись кваари, — прапорщик указал на правую половину доски, где вращал щупальцами инопланетянин в панцире. — Эти товарищи предложили землянам подправить атмосферу и вернуть жизнь на поверхность. Со странной сверхцивилизацией Первородных они знакомы не были. Во всяком случае, нам они об этом не сказали. Но по официальным данным — мы были не первые, кого кваари застали разгромленными после нападения Первородных. Они узнали сам метод. Все эти игры с климатом, попытка дать время на спасение... В общем, нам согласились помочь. Цена в тот

момент показалась людям не велика. Кваари просили взамен на восстановление климата выделить им половину территории планеты для колонизации. Якобы, заодно и в целях поддержания стабильности атмосферы. Люди не дождались всего года и дали свое согласие на такой «обмен». А вот через год до Станции дошел другой сигнал, который передавали «серые». Ученые вступили в контакт и с ними, рассказали о сделке с кваари, на что «серые» разразились такими упреками и негативными комментариями в адрес будущих помощников человечества, что люди почуяли неладное. С уважением к «серым» дополню, что их корабль все равно приземлился на планету и все члены спасательной команды безоговорочно встали на сторону людей. Они так и заявили — что вскоре с кваари начнутся проблемы и тогда людям действительно понадобится помощь со стороны «серых». Но менять что-либо было уже поздно — к тому времени кваари уже занялись атмосферой.

Прапорщик переключил слайд, и на нем показалась фотография с борта самолета с видом на зеленый «океан» растительности внизу. С трудом верилось, что раньше эта земля представляла собой раскаленные алые камни.

— Секрет кваари был в том, что они заселили на планету особо живучие организмы, которые, питаясь почвой, вырабатывали утраченный кислород. Попутно занялись водой и растительностью. Кваари нужна была наша планета, потому что при должном уходе климат для них здесь был идеальным. То, что мы видим на фотографии — результат их тридцатилетней деятельности. Все южное полушарие на данный момент почти сплошной лес и болота, и эта зеленая «поджопница» планеты сейчас вырабатывает кислород на весь наш шарик. И люди сперва были до писков счастливы и прыгали от восторга, когда на поверхность можно было выйти без скафандра. Тут же начали выстраивать Полисы на месте старых бункеров. Для особо одаренных отмечу еще раз — если кому захочется посетить исторические места и побывать в старых бункерах — спускайтесь на нижние уровни Полисов и оттуда пробирайтесь еще уровня на три ниже, через заброшенные отсеки — это и будут бункеры. Психи-энтузиасты иногда организуют туда экскурсии. И я бы рекомендовал вам хоть раз туда погрузиться.

Майрис тем временем продолжал смотреть на изображение кваари на доске. Он никогда не считал себя особо брезгливым, но почему-то сейчас вид этого существа у парня вызывал только отвращение.

«Теперь становится понятно, почему наших соседей почти никогда не показывают по телевидению. Со всеми призывами к толерантности и терпимости... было бы не к месту показывать такое рыло на экране. Зато покажи они кваари хоть раз в таком... полном родном обмундировании, воздушный флот тут же получил бы пополнение из лавины добровольцев».

И как назло, на анимированной картинке гуманоидный сосед по планете размял бугристые руки и переступил с ноги на ногу. Мясистые пальцы размяли почву, а на руках, как показалось Майрису, скрипнули хитиновые пластины. Три жгута-манипулятора, спускающихся со спины, скрутились в тугие кольца и вновь распустились. А на лице только скупоморгнули два круглых жабьих глаза.

— А теперь, деточки, что мы имеем в итоге, — Янкинс оперся обеими руками на стол и грозно окинул всех взглядом. — Наши соседи кваари уже через десяток лет поняли, что человечество их радостно облапошило и вручило в пользование полушарие, где семьдесят процентов территории — сплошной океан. Естественно, им это не понравилось, но вроде и договор подписан. Тогда кваари начали просто теснить людей к северу, отвоевывая

приграничные земли метр за метром. Когда люди поняли, что им нужна хорошая армия — они скооперировались с «серыми» и создали наши Базы, а с ними истребители на энергодвигателях. Не без помощи «серых» правительство запустило программу «Пилотов Третьего поколения», которых сделать было не так уж сложно. Всего один микрочип в мозг, и человек мог простой мысленной командой поднять самолет в воздух. Естественно, если в «мозгах» машинки была настроена такая функция.

На сегодняшний день люди при поддержке «серых» пассивно воюют с кваари за территорию. Мы защищаем свои земли на границе, они — регулярно совершают мелкие атаки на посты и наши самолеты. Я бы подверг расстрелу каждого активиста, который кричит на всех углах, что надо жить с кваари мирно. Притащить бы такого умника к нам сюда на границу и дать денек полюбоваться на рыбыны рыла этих тварей. Рассказать бы им, какие опыты они проводят над людьми в своих ульях. Я б посмотрел, как эти ксенофилы изменят свое мнение. Все это братство народов... пошло оно в... с такими народами. О терпимости кричат только маменькины сынки, сидящие высоко в небоскребах Полиса. У нас же тут армия и строгий режим. У нас есть граница. И всякая тварь, которая ее пересекает — наш враг. Для полного уничтожения кваари нам не хватит военной силы и мощи, а вдобавок эти твари слишком быстро размножаются. Уступить им еще одну широту — значит сдаться и пойти на поводу у этих извращенцев-зверолюбов. Наша организация Пилотов — единственное, что сдерживает кваари от наступления. На практике кваари не шибко горят желанием соблюдать подписанное Соглашение. Они придумывают тысячи оправданий в свой адрес, начиная от погони за сбежавшей животинкой из личного вивария вождя и заканчивая залетавшимися детенышем. На деле им просто мало земли. Пехота показала свое невыгодное положение в сражениях и поэтому теперь занимается только отстрелом мутантов далеко от границы. Вы же, бойцы, в недалеком будущем сможете гордо именовать себя Третьими Пилотами и, рискуя в вооруженных столкновениях с противником собственной башкой, потом хвастливо потрясать в Полисах своим значком с Базы. Правда, это будет нескоро и после того, как вы насмотритесь здесь взрывающихся самолетов и рек крови. А уж сделать так, чтобы вы выжили в этом хаосе — моя задача. Ну, а теперь какие у вас есть вопросы?

Какой-то курсант с последних рядов поднял руку и жизнерадостно спросил:

— Сэр! А когда нам настроят микрочипы, мы сможем так же управлять любой техникой как Вторые?

Янкинс сурово перевел дыхание.

— Нет, боец, только военными самолетами. Но если от Базы поступит приказ, то в любой момент код твоего микрочипа будет заблокирован, и ты просто не сможешь посадить самолет, не то что угнать его.

Несколько курсантов обернулись на вопрошающего и злорадно похихикали.

— Еще вопросы? — равнодушно спросил прапорщик.

— Сэр! — вновь подал голос любознательный Бейли, — А что сейчас стало со Вторыми Пилотами? Ходят слухи, что многие покончили жизнь самоубийством, когда вдруг для них не стало больше работы? А кто-то говорит, что правительство изолировало их, как опасных для общества.

Смешки в классе быстро умолкли, и все парни с любопытством уставились на Янкинса. Прапорщик волчьими глазами смотрел на курсантов и явно собирался с мыслями.

— Единственное, что вам надо знать наверняка — это то, что эти люди были и остались

героями человечества, — начал издавека Янкинс. — Никто из них не кончал с жизнью и правительство не изолировало их от общества и работы. Одна правда — когда ученые работали с ними, то допустили небольшую, но непоправимую ошибку — сверхпроводимое вещество затронуло центр старения организма, и поэтому у тех людей начался неправильный обмен веществ, поломка в организме и... короче, они почти не старели. Медики и ученые сначала порадовались этому — как же, меньше денег тратить на создание новых подобных людей. Но где-то через пятьдесят лет эти сбои стали так велики, что порой организм начинал отторгать внедренное вещество, а с ним и нервную систему. Состояние это — никому не пожелаешь. Когда ломает и скрючивает все тело... Многие просто не пережили этого.

При этом взгляд прапорщика задумчиво скользил поверх голос курсантов.

— Так значит, есть еще живые, сэр? — спросил кто-то с задних рядов, и Янкинс даже вздрогнул.

— Конечно, есть! — рявкнул он возмущенно. — И каждый из них в бою стоит сотни таких, как вы.

— Тогда почему правительство не дает больше команды сделать Пилотов по той старой программе, раз они так хороши в бою?

— Потому что, курсант Син, — прапорщик, казалось, вновь начинал закипать от раздражения, входя в свою привычную роль. — Общество тут же объявило бы, что научники издеваются над людьми, приговаривая их к медленной смерти от разложения тканей. А то, что микрочип в мозгах менее опасен — их устраивает. И так же устраивает то, что, такие как вы, десятками в месяц гибнут на границе. Зато! Лаборатории заботятся о первозданности человеческого тела! О, мать её, чистоте расы, и пресекают мутации.

Бойцы в классе притихли и переглянулись.

— Еще вопросы? — каркающим тоном спросил Янкинс.

Курсанты не издавали ни звука и усердно переваривали свалившуюся на них лавину информации.

— Нет вопросов. Превосходно. Тогда встать! И марш в коридор строиться, бабуины развязные!

— Следующий! — донеслось из кабинета лаборатории, и Майрис, в свою очередь, поднялся со скамейки в коридоре и прошел за дверь.

На первый взгляд лаборатория почти не отличалась от кабинета зубного врача, и парень даже в недоумении задержался на пороге. Светлая комната с белыми стенами, металлические блестящие щитки шкафчиков и этажерок, белый пластиковый пол и сверкающие чистотой инструменты. Медики в халатах «колдуют» над столами с аппаратурой. Ну а в центре комнаты, как трон, стояло под лампами специальное кресло с подголовником.

«Ну, хотя бы ремней на нем нет», — мрачно подумал Майрис.

— Проходите, молодой человек, не бойтесь, — к парню подошла миловидная лаборантка и, указав рукой, сопровождала до кресла.

Тем временем врач, сидевший рядом за столиком с инструментами, менял насадку в тонком аппарате, подвешенном на ребристом шланге. Сходство аппарата с зубным буром еще больше наводило Майриса на неприятные мысли.

— Итак, курсант Майрис Рэдсон, — лаборантка сверяла информацию со своего

планшета. — Интеграцию в прошлом не проходили, на учете в наркологии и психиатрии не состоите, на болезни и неполадки со зрительным центром не жалуетесь. Контракт с военновоздушными силами вы подписали и на интеграцию чипа согласны, но мы все же обязаны еще раз обговорить с вами условия. Вы еще вправе расторгнуть договор и отказаться. Либо подтвердить свое согласие на установление чипа.

— Обговаривайте, — икнув, сказал Майрис, недоверчиво поглядывая на аппарат в руках врача.

Сам же мужчина в халате пока не проявлял к парню ни малейшего интереса, готовя приборы, открывая новый маленький контейнер с блеснувшей внутри пластинкой размером с ноготь.

— По условиям контракта, — продолжала лаборантка, — чтобы получить доступ и все необходимые способности к управлению военными летательными аппаратами, вам необходимо установить микрочип, который будет являться одновременно вашим удостоверением личности и средством к управлению. После интеграции чипа вы: получаете доступ к тренажерам-симуляторам и военной технике, попадаете под постоянный медикопсихиатрический контроль и получаете доступ к зашифрованным каналам связи. Кроме того информационный центр Базы получает право отслеживать ваше местоположение, расходование средств с вашего лицевого счета и переговоры, ведущиеся по заданным каналам. При расторжении контракта с Базой чип будет устранен. Любая попытка устранить или сломать чип самостоятельно будет немедленно зафиксирована, и вы понесете наказание. При продлении контракта с Базой после окончания обучения чип остается при вас и будет сохранять свой идентификационный номер до момента изъятия. Итак, вы подтверждаете свое согласие?

«А что я теряю? Жизнь в съемной комнатухе в задрипанном бандитском районе? Или же сомнительную работу вора с не менее сомнительными клиентами? Базе нет дела до того, кем мы были до прихода сюда, и на прошлые войны с законом ей глубоко плевать. Так если есть шанс очистить свою репутацию и что-то изменить, разве надо от этого отказываться только из-за мелкой железки в мозгу?»

— Подтверждаю, — глубоко вздохнув, ответил Майрис.

— Тогда присаживайтесь, курсант Рэдсон, — сверкнув белозубой улыбкой, ответила девушка, сворачивая планшет и убирая его в карман халата. — Дальше вам всё объяснят.

— Расслабься, парень, — впервые подал голос врач, подвесив прибор на шланге на специальный крюк. — Всё не так уж и жутко.

Майрис нехотя забрался в кресло и тут же почувствовал, как механизмы в ножке приподнимают его выше. Парень нервно закрутил головой по сторонам.

— Да успокойся, — по-дружески мягко сказал врач. — Даже боли не почувствуешь. Сейчас мне надо только тебя развернуть к себе спиной и поднять повыше. Вот так... А голову на подголовник все же положи. И не сиди ты как деревянный, ей-богу! Не нужна мне твоя голова, утомонись, мне вот пониже только... шею.

Майрис почувствовал как его открытой шеи касаются холодные пальцы врача в перчатках и протирают дезинфицирующим раствором. Краем глаза он заметил, как пододвигают ближе яркую лампу.

— Всего делов секунд на пятнадцать, — заявил врач, приложил металлическую пластинку из контейнера к шее парня и приставил пугающий аппарат на шланге.

В этот момент ровным счетом не произошло ничего.

Майрис поймал себя на том, что жмурится, и тут же раскрыл глаза. Непонятное устройство все еще прижимало к его шее мелкую пластинку, а врач самым невинным образом начал насвистывать какую-то мелодию. Лаборантка так и вовсе была занята какими-то своими бюрократическими делами, подписывая файлы в планшете. И никакой тревоги, никакой внимательности или предельной концентрации, как при операции, как сначала полагал Майрис. Ничего. Только вот шею начало немного жечь. Чуть-чуть.

— Это нормально? — на всякий случай спросил парень, не шевелясь.

— Что? — спросил врач.

— Жжение легкое...

— Да, вполне. Когда терпеть будет неважготу, тогда и свистнешь.

— А... а вот если уже неважготу?

— Врешь.

— Нет! Правда! Ай!

Майрис хотел было уже выпрыгнуть из кресла, но врач успел отстранить руку с прибором раньше. Носик этого «бура» раскалено светился.

— Ну, вот и все, готов, свободен, — махнул рукой врач, снимая пинцетом добела нагретую насадку.

— Так сразу и всё? — изумился и выпучил глаза Майрис.

Его рука сама собой потянулась к шее и нащупала там только мелкий участок гладкой пластики, гибкой, как кожа, и тонкой, как просто приклеенный кусок остывающей уже бумажки.

— А ты что хотел? Операцию и отходняк от наркоза на трое суток? Ышшо чего! Кыш давай, не задерживай остальных.

Майрис вконец обалдел и неуверенно поднялся с опустившегося кресла, все еще ощупывая шею. Каких-либо новых ощущений он не чувствовал и специфического проникновения «железки в разум» тоже. Датчик как датчик. Скорее даже как штрихкод, который вправили в кожу, а подключить забыли.

— Ах да, — остановил почти на пороге врач. — Три часа шею не мочить, ногтями не ковырять и на солнце сутки не загорать. Всё понял? Молодец. Сле-е-дующий!

Выйдя из кабинета, Майрис, как и предполагал, встретил Сина, который как раз прошел аналогичную процедуру в соседнем кабинете. Весельчак дружелюбно хлопнул парня по плечу:

— Ну что? Тебя тоже сначала ошарашили с операцией?

— Да уж, не ждали, как говорится. Могли бы и предупредить.

— Скажи спасибо, что еще не связали! А то был передо мной один кадр, который истерику поднял. Так его быстро жгутами за запястья повязали и датчик прицепили.

— Но ведь он мог отказаться раньше, — недоуменно предположил Майрис.

— Мог. Но это надо было делать до того как садишься в кресло, а этот дурак сначала согласился, а потом завопил. А это всё... Раз сел, значит ты уже собственность государства и ВВС, и хрен тебе позволят просто так безнаказанно испортить собственное тело!

Пока соседи шли к выходу из лабораторного корпуса Син еще продолжал рассуждать о тонкостях военной структуры и законодательстве. Майрис с огорчением думал, что заткнуть его будет не так-то просто, но сразу за дверьми на улице парни наткнулись на привычно острый взгляд прапорщика Янкинса.

— Встать в строй, — буркнул прапорщик, и курсанты мигом подчинились.

Помимо них в строю стояло еще человек пять новобранцев, ожидающих своей участи. Янкинс вчитывался хмуро в свой слайдер и изредка кидал взгляды на курсантов. Потом, еще раз сверившись со списком и посмотрев на Майриса с Сином, зачитал:

— Рэдсон, Фостер, Митчел, Ванагер — два шага вперед.

Майрис, Син, а так же их соседи по комнате Бейли и Дик, вышли из строя.

— Результаты ваших тестов, конечно, оставляют желать лучшего, но вы не совсем и бараны как большинство, поэтому вашим куратором на время обучения назначается майор Грэй.

— Вот те на! — шепнул Син восторженно.

Прапорщик равнодушно проигнорировал.

— Кстати о кураторе... Где он? — Янкинс покрутил головой, а потом крикнул куда-то за спину ребят. — Да, Грэй! О тебе говорим как раз!

С явно недовольной миной настраивая свой ободок-транслятор, из дверей лаборатории плавной походкой вышел уже знакомый Майрису инопланетянин. Все те же странные «копыта» на ногах Грэя мягко ступали по асфальтированной дорожке, а тонкий гибкий хвост по-кошачьи нервно ходил из стороны в сторону.

— Принимай студентов, — хмыкнул Янкинс, указывая на четверых парней.

— Не таблетки, чтобы принимать. Сами подтянутся, — с электронной меланхоличностью ответил передатчик Грэя. — Следуйте за мной, мишура.

Совсем по-человечески махнув рукой, инопланетянин развернулся на платформе ботинок и без оглядки пошел в сторону учебного центра.

— Как он нас назвал? — на ходу шепнул возмущенно Син.

— Спешу отметить, между прочим, — Грэй нервно свистнул хвостом в воздухе. — Что микрофон у меня достаточно чуткий. А транслятор вашей речи беднее моего родного словарного запаса. Так что всякие разговоры я понимаю и слышу отлично. И на недовольства очень обидчив. Следовательно, потом вспылыв. Не советую меня обижать.

Так, в мрачном молчании пятерка дошла до здания учебного корпуса. Грэй бодрым шагом проследовал к лестнице и поднялся на второй этаж. На всем пути курсанты отметили множество дверей, выходящих в коридор. Как они поняли, все это были небольшие классные комнаты. Через некоторые из них доносились разговоры, где-то гудела аппаратура, но большинство из них были плотно закрыты.

— Время занятий по распорядку еще не наступило, — пояснил Грэй, отметив замешательство на лицах курсантов. — Все обучающиеся сейчас занимаются на улице.

— И это все классы? — в пространство спросил Бейли.

— Инструкторские, классы, комнаты с симуляторами, просто склад техники, — перечислил инопланетянин. — Ваш флот разумно решил, что лучше единожды разориться на обучающую аппаратуру, чем сажать неопитов в дорогие самолеты и рано допускать в звено. Кстати, это будет наш класс.

Грэй открыл дверь, проведя пальцем по сканеру, и зашел внутрь. Курсанты с любопытством протиснулись нестройной компанией следом. Маленькая комнатка оказалась на удивление уютной и вовсе не тесной, хотя и была заставлена мебелью под завязку. А всего-то в ней уместился массивный деревянный стол с табуреткой для инструктора, четыре чуть более легкие по конструкции парты со стульями для слушателей-обучающихся, проекторная доска на стене и король всей комнаты — могучий зверь авиа-симулятор,

увитый кабелями, гофрированными шлангами и обросший сервоприводами с различного рода гидравликой для имитации вращения кабины. На первый взгляд эта многоцентнерная машина напоминала закрытый колпаком мотоцикл, обвешанный генераторами, электрощитами со связками проводов и экранами слайдеров, в довершение всего поставленный на лапы-распорки вместо колес. Аппарат был суров и одним своим видом так и внушал: «Рискни только сесть на меня, неуч». Такой сразу производил впечатление. «Вещь в себе» — как верно отменил Майрис. Син впервые не нашел слов и попросту присвистнул.

— А по ночам оно приходит в кошмары и ест детей, — буркнул Дик.

— Располагайтесь, привыкайте, — проговорил переводчик Грэй. — После казармы это будет ваше второе место постоянного пребывания.

— Так что же получается? — ехидно спросил Син, усаживаясь за парту. — На нас четверых будет только один симулятор? А как же обещанные «свободные часы обучения», когда тут возникнет очередь?

— Вам пока даже симулятор швабры доверить опасно, не говоря уже об этой тонко настроенной птичке, — глубокомысленно ответил Грэй, сядя на край стола. — Будете первое время наблюдать друг за другом, учиться как учиться на чужих ошибках.

Остальные парни тоже пристроились за партами иногда напрягаясь и пытаясь понять корявую стилистику переводчика.

— В общем, молодые, — инопланетянин рубанул хвостом воздух и обвел всех взглядом. — Называйте меня просто Грэй. Никаких мне «сэров» и «господинмайоров» и прочей человеческой фразеологии. Понятно? Первые шесть месяцев обучения я буду вашим инструктором и куратором. Если кого-то не удовлетворяет мое расовое происхождение, то заявляйте об этом сразу, я позабочусь о переводе в другую группу. Признаюсь, я очень рано отношусь к вопросу расовой дискриминации. И не хочу лишний раз доказывать никому свою превосходящую по качеству профпригодность в сравнении с людьми. Потому что это для меня равноценно вызову на поединок. А по результатам поединка в моем народе принято поедать проигравшего. Говорю искренне. Вы не вкусные и очень костлявые.

Грэй говорил очень спокойно, размеренным тоном. Если конечно его переводчик верно имитировал считаваемую интонацию. Во всяком случае, врал ли инопланетянин или шутил, понять по его большим двурадужным глазам было невозможно.

— Что притихли, шкурки? Раз вопросов нет, перейдем к практической части обучения, — и вот только тогда курсанты поняли, что Грэй умеет улыбаться.

— Быстрее! Быстрее! — звучал голос Сина через динамики в наушниках. — Разгоняйся!

— Я пытаюсь! — орал в ответ Майрис.

— Ты тащишься как корова!

— Я выжимаю все, что могу!

Последовал грубый рывок, и аппарат дернуло вперед с набором скорости. Далеко внизу простирались корпуса Базы и ленты взлетных полос рассекали большое плато меж горами. Слепящее солнце пробивалось лучами даже сквозь затемненный колпак самолета и ярко било в глаза. Замирать и останавливаться было страшно — аппарат легко сбавлял скорость и мигом терял высоту.

— Разгони его как следует, болван, и выводи на вираж! — раздраженно орал Син.

Майрис не ответил, а лишь напрягся как мог, из последних сил. Главное было сконцентрироваться, собрать волю в кулак, убрать посторонние мысли и сосредоточиться на цели. Хотя какие к черту мысли, когда все сознание заполняет животный страх перед высотой.

— Майрис, ты проделывал это уже несчетное количество раз, — вклинился в эфир голос Грэя. — Ничего нового не произошло. Выполняй заход.

«Но почему же так страшно? И раньше было страшно, но сейчас особенно. Так и быть. Полный вперед. Газу!»

Казалось, неповоротливая машина задрала нос и ее повело юзом в воздухе, но Майрис быстро подкорректировал рычаги, выровнял самолет, как по инструкции проверил высоту, горизонт, расстояние до цели, высоту до глиссады... и только затем, невольно задержав дыхание, наклонился на сидении влево и нырнул с самолетом в вираж.

Датчики сигнализировали цифры и показатели прямо в сознание, дублировались на всякий случай на боковой слайдер. Обширный колпак кабины позволял видеть почти во всех направлениях, и даже панели под ногами имели экраны проецирующие вид с нижних бортовых камер. Снижение было штатным, скорость подходящей...

— Выравнивай горизонт! — завопил не родным голосом Син.

И вместо того, чтобы мысленно отдать команду машине на крен, вместо того, чтобы наклонить всю конструкцию, выравнивая вектора гравитации, Майрис перепугался еще больше и увеличил скорость. Двигатели взревели, самолет рванулся вперед и по изящной идеальной дуге стремительно врезался в диспетчерскую.

Клубы огня вырвались из башни, и оглушительно взорвался энергоотсек самолета. Мелкие осколки разлетелись в стороны, а стеклянный купол диспетчерской дождем осыпался на землю.

Поперек всего поля зрения неторопливо выплыла из глубины взрыва простая и такая обидная фраза: «ВЫ ПОГИБЛИ».

Колпак авиасимулятора плавно отъехал в сторону, являя Грэю и трем курсантам до остервенения разозленного Майриса. Красный, как помидор, парень сжимал в руках рычаги симулятора и скрипел зубами, невидящим взглядом уставившись в экран перед собой.

— Идиот. — смачно и хлестко выразил общее мнение Син. — Он снова себя убил...

— В который раз... — протянул Бейли, сидя рядом за партой.

— Нефига было орать на меня, когда я садился! — сорвался Майрис, резко оборачиваясь на Сина. — Между прочим это было больно!

— Боль — это дисфункция твоей нервной системы, пытающейся подстроиться к воспринимаемой информации, — ковыряя когтем яблоко, сообщил Грэй. — Симулятор не может передать тебе болевые ощущения. А ты не Второго поколения, чтобы суметь их принять.

— И, тем не менее, это было НЕ приятно, — словно обиженный на весь свет, заявил Майрис.

Отстегнув ножные ремни и пояс, удерживающий его за талию, Майрис слез с сидения симулятора и с удовольствием распрямился и размял шею. Без реальной нагрузки и специальных костюмов полулежачая поза на животе немного утомляла.

— Прямо хоть снова тебе класс показывай и объясняй как надо, — наигранно возмущенно всплеснул руками Син. — Ну что, Грэй,пустишь?

— Иди, — махнул яблоком равнодушный инопланетянин. — Хотя свою норму ты уже сегодня отработал.

— У нас еще есть пятнадцать минут до конца учебки. Успею, — подмигнул Син. — А ты, Май, садись и вникай.

Мигнул экран на стене, дублируя все, что видел своими глазами Син. Курсанты вновь повернулись к нему, а Майрис распластался по парте, угрюмо наблюдая за лихими выражениями друга.

«...Еще две недели мы проводили время за занятиями на симуляторе и регулярными пробежками и упражнениями на улице. Времени вести записи не было абсолютно. Приходя после занятий, мы просто дружно падали на свои койки и отрубались без сил. Спать-спать-спать! «Жрать и спать» — как не переставая бубнил Дик во время минут отдыха на улице — вот что хотелось всё это время. Какие развлечения? Какое личное время? О чем вы? Нам не давали продохнуть ни единой лишней неуставной минуты. Занятия-физуха-занятия-чистка полов-наряды... А куда ж деваться без нарядов и чистки сортиров? Все уже через это успели пройти. Дай только повод. Хорошо еще, что мы изолированы от старшего потока курсантов, а то и у них могли бы найтись поводы. Но как же убивает физуха! Мы же не спецназ и не десант! Зачем нам столько нормативов? Да еще этот Янки (да, мы не первые, кто так прозывает его за глаза) со своими лекциями и теорией по внутреннему оснащению самолетов... Короче, выживаем едва».

Глубоко за полночь Майрис закончил делать короткую запись в слайдере и собрался уже лечь спать, как вдруг в коридоре за дверью он услышал чьи-то шаги. Без особого любопытства парень встал с кровати, убрал планшет в тумбочку, лениво подбрел к двери и прислушался. Отбой объявили давно, а уборная была в другой стороне, поэтому поинтересоваться, кто и с какой целью расхаживал по общежитию, повод у Майриса был.

Парень взялся за ручку двери, рассчитывая резко распахнуть ее и припугнуть шарящегося по общежитию курсанта, но вовремя расслышал голос в коридоре. Это был прапорщик Янкинс, по долгу службы ночевавший со своим потоком курсантов на одном этаже.

— ...Сэр, я мог бы зайти к вам и сам.

— Это внештатное. Не стоит фиксировать.

«А с ним Командир!» — удивился Майрис, как только узнал голоса. Парень невольно

пригнулся и напрягся, и затем украдкой приоткрыл дверь на узкую щелку. В дальнем конце коридора около лестницы действительно стояли прапорщик с полковником и в манере их поведения не было привычной глазу военной уставщины.

— Ян, мне нужно поручить тебе проверить один участок, — тихо сказал Джейкоб. — У тебя найдутся свободные и верные ребята на эту неделю?

— Без проблем, сэр. Как раз двое таких пока имеются на Базе. А в чем дело?

— «Тараканы» беспокоят, — язвительно отметил старший. — Вернее их затишье.

— Понял, проверим, — кивнул Янкинс. — А какой сектор?

— Я передам координаты.

Прапорщик кивнул снова, будто это снимало все вопросы. А Джейкоб снял кожаную перчатку и протянул ладонь. Янкинс ответил на рукопожатие, а после впал на несколько секунд в глубокую задумчивость.

— Доброй ночи, Ян, — «отрезвил» его Джейкоб.

— Доброй ночи, Командир, — бодро козырнул Янкинс.

Майрис тихо прикрыл дверь и юркнул в койку, не дожидаясь пока командование разойдется.

Весь следующий день Майриса не покидали тревожные мысли о подслушанном разговоре. То, что на Базе вполне могла обсуждаться нестабильная остановка на границе с кваари, было нормой. Тем более это было нормой для постоянного военного положения, в котором находились Воздушные Силы. Но Майриса настораживало то, что чего-то опасался зафиксировать даже сам командир Базы. Вставал резонный вопрос: почему?

Как-то в промежутке между обедом в столовой и часом свободного времени Майрис задал этот вопрос Сину.

— А что тебя удивляет? — был его очевидный ответ. — Это обычное дело обычной разведки. Любая разведка первым делом будет прослушивать кабинет начальства и курилку. А так же следить за всеми исходящими сообщениями и, особенно, за зашифрованными.

— Но просто странно. Я вот, например, стал невольным свидетелем, и облом секретности, — задумался Майрис.

— Ну и кому ты это сейчас сольешь, олух? Да и кто тебе поверит? Мы, курсанты, сейчас пока хлам на Базе и самое беспонтовое отделение. Да мы даром никому не нужны со своей «информацией», половина из которой — восторженный бред и сплетни.

— А я бы наоборот следил постоянно за такими, как мы. Опять же, мы можем больше сболтнуть лишнего.

— Ну вот ты умный и хитрый — ты бы и стал следить. А кваари тупые на все свои «тараканьи» мозги.

— Да вот не думается мне, что они от кваари шифровались...

Син лишь отмахнулся и предпочел как обычно подремать часок. Хитрости военной разведки его не волновали.

С начавшейся новой недели курсантам прибавилось новых профильных занятий. Теперь время на физическую подготовку сократили, а «окно» в ежедневном графике заняли подготовкой в центрифуге. На классическом, неустаревающем, живущем в веках тренажере для начинающих летчиков и астронавтов, которым светят на работе немалые перегрузки. Сначала курсантам дали просто попробовать на себе все прелести перегрузки и радости проваливания в кресло сидя «на старый лад». И только потом, тщательно проконтролировав

здоровье каждого, опустили сидение на манер современных истребителей. Полулежа за штурвалом перегрузки воспринимались тяжелее, кровь отливала от головы и норовила скопиться где-то в районе пяток, в глазах довольно быстро начинало мутнеть, и центрифугу часто приходилось останавливать. Удивительно, но такие крепкие бойцы, как Дик, ломались даже при меньших «же», чем более мелкие и подтянутые Син и Майрис. Бейли оказался и вовсе героем на фоне всей четверки. Его выводило из строя самое крайнее по нормативу значение «же». И то, для своего хрупкого на вид тела, парень держался рекордное количество секунд на предельной норме.

— На перехватчик пойдет, — перешептывались бывалые Пилоты, которые изредка заходили поглумиться над молодняком. — Как раз мелкий, и не будет в кабине обшивку коленями изнутри протирать.

— А этот? — кивали в сторону Дика. — Бомбардиром?

— Ну если только бургеры с неба рассеивать! — говорили в ответ, после чего компашка Пилотов, как один, заливались радостным гоготом.

Майрис между тем все пытался каждый день обуздать симулятор и привыкнуть к такому одновременно простому и сложному мысленному управлению. Все было элементарно, парень понимал принцип работы, зазубрил наизусть особенности восприятия машиной команд. Но! Из раза в раз какая-то лажа постоянно вылезала. То он не воспринимал нервующий сигнал о неубранных шасси, то давал слишком много газа на приземлении. То штурвал оказывался слишком чутким и вдобавок Майрис наклонял самолет мыслью, то во время не уложился, то напарника «сбил».

— ...Давай еще раз, — упрямился Син, сидя напротив Майриса за партой. — У тебя сейчас датчик не подает никаких сигналов. Верно?

— Верно..., - тяжело облокотившись на стол и в классической позе отчаяния подперев голову ладонями, отвечал Майрис.

— А когда к тебе сбоку начинает подходить другой самолет, твои ощущения?

— Чувствую движение сбоку, — монотонно бубнил парень.

— А если подходящий самолет в боевом режиме?

— Чувствую движение сбоку, панику, вибрацию. Вижу загорающийся маячок. Ответные действия: уход с линии атаки, опознание цели и последующее принятие решения. Син, отвали, я все знаю!

— Тогда в чем проблемы?! Не понимаю! — звонко хлопнул Син ладонями об стол.

— В том, что я много думаю! — огрызнулся в ответ Майрис, ударив об стол уже кулаками. — Мне мало, видишь ли, подумать о том, как увести корабль в сторону! Я сразу представляю его положение в точке пространства, чувствую движение, выстраиваю траекторию, но мне этого мало и я по привычке «довожу» еще и штурвал.

Син долго испепелял парня недовольнейшим взглядом, коему позавидовал бы даже прапорщик Янкинс, а затем выдал, резюмируя, как диагноз:

— И что с тебя взять... парашютист долбаный.

Про парашютистов на Базе ходили особые истории, и, как выяснилось парнями чуть позднее, произносилось это звание всегда с особой интонацией. Ухмылка произносящего должна быть чуть надменной, взгляд язвительным, а вылетающее из уст слово должно сеять иронию и сарказм. Либо, в другой ситуации, человек должен быть преисполнен достаточной дозой негодования и презрения, чтобы это звание не просто выпорхнуло с

языка, но вывалилось и выплюнулось, окатив виновника волной неприятия. То есть, произносилось это либо «Пфф, парашютист. Как покаталось?» Либо «Парашютист хренов! Убью».

Первой посоветовал так не обзывать лишний раз Майриса именно Грэй.

— Не кидайся словом, пока он сам себе его не заслужил, — сказал инопланетянин, в один из редких случаев зайдя со своими подопечными в столовую на обед.

— А что в этом такого? — жуя, поинтересовался Син. — Он же, правда, у нас бывший летун.

— Ну да, было дело, — признался скромно Майрис, ковыряя вилкой рис. — Учился сначала для развлечения. Не пожалел. Даже пригодилось пару раз по жизни.

— Тут это слово не любят, — тихо вещал транслятор Грэя, пока сам он пережевывал свою пищу — странную пометь жилкок, полусырого мяса и шпината. — Парашютистами называют только особенно неудачливых пилотов. Поэтому — это надо горько заслужить.

— Неудачливых совсем или просто плохо летающих? — уточнил Майрис, тем не менее покраснев.

— Совсем. Если падают.

Дик громко заржал.

— Ну верно! Что делать если падаешь — катапультироваться! А там парашют подхватывает и все, приземляешься целехонек!

Майрис и Бейли смили Дика пронзительными взглядами. Син и вовсе покосился на соседа, как на круглого болвана. Грэй как смотрел в свою тарелку, так и не отрывался.

— Это вам еще повезло, что нынешние истребители оснащены катапультной, — как бы невзначай отметил инопланетянин, когда все вновь утихло.

— А разве раньше не было? — изумился Майрис и поперхнулся.

— Когда мы только прилетели к вам, самолеты еще не заменили. А старые партии летали аж в те годы, пока планета была непригодна для жизни на поверхности. Вот и получалось, что пилот вне кабины все равно был по определению смертник. Зачем на него еще материал лишний тратить...

Курсанты за столом притихли и посерели. А Грэй, продолжая скрести ножом свой кусок мяса с соком, продолжал:

— Катапульты, стропы, перкаль... Хе. Экое буржуйство для налажавших... Металл, нити, ткань — вот что было ценно остальному народу.

И только Майрис проигнорировал смысл этой циничной фразы, но вместо этого серьезно призадумался над работой транслятора, который изредка, но выдавал такой сленг, который вряд ли внедряли в него разработчики.

«ТИР! С завтрашнего дня у нас будет ТИrrrrrrrrrrrrrrrrrrr»

Именно такую надпись Майрис прочел у себя в записях планшета на утро, вскочив привычно по общему сигналу. Слайдер, будучи незамеченным на коленях, свалился на пол и парень весьма удивленно подобрал его, изучил, включил и прочитал вот такое вот художество. Более того, столь звонкая и симпатичная буква «р» продолжалась и на следующей странице, а за ней еще сборник из половины алфавита, на который ночью упала рука заснувшего Майриса.

«Нельзя печатать лежа, — сделал гениальный вывод парень, почесав затылок и удалив две страницы подобного мусора из записи. — Вырубает в сон уже на третьей секунде».

Радость наставшего дня и предвкушение новых занятий в тире проснулись у Майриса только после зарядки на свежем воздухе, способной и мертвого растряссти, пробежки вокруг ангаров и завтрака, на котором ему напомнили об этом буйно веселящиеся Бейли с Диком. Первый нервно подхихикивал в истерике, чуть не прыгая на месте, что наконец-то подержит в руках настоящий аннигилятор. А второй лениво расписывал ему, что «железко и пластик як обычное желездо и пластик». Син был спокоен — его слегка разочаровало, что ради стрелковых упражнений им на время сократят часы налета на симуляторе, где ему не было равных в четверке.

— Май, а Май! А ты когда-нибудь держал настоящее оружие в руках? — с сияющим взглядом пристал Бейли.

— Было дело... — лениво ответил Майрис.

— И как оно?

— Желездо як желездо, — подражая Дику, гыкнул парень.

Бейли прыснул на обоих и сделал вид, что обиделся.

После завтрака начались вялые приготовления. Группы собирались, строились, пересчитывались, чтобы дружным строем отправиться как обычно в лекционный зал, где должен пройти уже почти настоящий инструктаж. Проспать, прослушать, пролечь было недопустимо, поэтому курсантов не торопились собирать сразу после приема пищи.

Спустя час общественных и бытовых необходимых дел (таких как «курсы шитья и кройки» — приведение своей формы в порядок и курсы «ландшафтного дизайна» — включающие в себя выравнивание травы по уровню и очередную покраску бордюров), весь поток курсантов разместился в зале и приготовился внимать Янкинсу.

— Итак, бойцы, лекция сегодня будет короткая, но важная, — прапорщик говорил не спеша. — Мое дело — рассказать вам вводную теорию об используемом оружии, а задача кураторов — научить попадать в цель. Что ж, тогда опустим прелюдию и начнем.

Янкинс достал из под стола тяжелый кейс с хромированными углами и гулко водрузил его на столешницу. Затем щелкнул замками, приподнял крышку и извлек на обозрение курсантам небольшой пистолет. Обтекаемая рукоятка и затвор матово поблескивали светлым металлом. Через щели в затворной раме просвечивали индикаторы магнитного заряда и оставшаяся емкость магазина. Ствол пистолета был длинный и тонкий, как карандаш, а на конце зеленой искрой подсвечивалась маленькая мушка.

— Перед вами модель ИРК-А, что означает Излучатель Ручной Компактный — Аннигиляционный. В обиходе скромно называется «иркой». Вес пятьсот пятьдесят грамм, прицельная дальность — восемьдесят метров, объем магазина — тридцать два патрона и тридцать третий в патроннике. Входит в состав обязательного снаряжения пилота. Многие зовут еще эту прелесть «Последней Надеждой», потому что, когда вас подбили, и вы рухнули со всей грудой железа, которая несколько секунд назад была вашим самолетом, на землю, то это, — Янкинс прицелился пистолетом в стену, — последнее, что еще может спасти ваши жизни в логове противника. Как и все модели аннигиляторов, «ирка» заряжается патронами на основе частиц антивещества. И я надеюсь, что никто из вас сейчас не начнет выть от страха или интересоваться, как оно устроено. Частицы, заключенные в магнитном поле, микроскопически малы, чтобы вызвать цепную реакцию, и по сути не являются антиматерией как таковой. Но активности этого вещества достаточно для того, чтобы при детонации вычистить и превратить сферический объем в диаметре полутора метров в настоящий жидкий ад.

Курсанты восторженно глазели на оружие и многие из них до сих пор не могли поверить, как такой игрушечный на вид пистолет может содержать в себе столько мощи. Мало кому доводилось вживую лицезреть разрушительную способность аннигилятора. Майрис покосился на сидящего слева от него Бейли и увидел, как взгляд товарища потускнел.

«Интересно, а он думал, что мощное оружие обязательно должно быть неподъемного размера и на вид быть еще сложнее нашего симулятора?» — вскользь подумал Майрис и невольно вспомнил свой пистолет. Который, конечно же, пришлось оставить в Полисе и спрятать поглубже. Хорошее было оружие, Майрис любил его как живого и иной раз вечером мог надолго засесть просто так с ним за столом и разбирать, чистить, смазывать, собирать... Парень даже верил в то, что если любить свое оружие и не обращаться с ним, как с простым предметом, то и оружие будет любить своего хозяина и никогда не подведет. «Верил... Да и сейчас верю! — приуныл Майрис. — И как же я, оказывается, уже соскучился по этому ощущению гладкой рукоятки в ладони! По ее форме, по ощущению отдачи при выстреле. Да даже по едва уловимому запаху пороховых газов! Скорее бы уже эти стрельбы».

Майрис тихо и печально вздохнул, а Янкинс между тем продолжил рассказ про другую модель.

— Следующая модель — ИРП-А. Излучатель Ручной, Полноразмерный — Аннигиляционный. Вес — тысяча восьмьсот грамм, прицельная дальность — четыреста пятьдесят метров, скорострельность регулируется от пятисот до тысячи пятисот выстрелов в минуту. Используется Пилотами только во время непосредственного наступления врага на Базу и при невозможности поднятия самолетов в небо. В основном же является обязательным снаряжением наземных войск пехоты, а так же отрядов специального назначения, работающих в городе. Как можно несложно догадаться, от «ирки» эта модель отличается лишь формой и возможностью стрельбы очередями.

Все это время прапорщик демонстрировал бойцам занятное оружие, которое Майрису приходилось видеть только издалека. С широким браслетом, который одновременно выполнял роль барабанного магазина, ИРП-А меньше всего был похож на пистолет-пулемет, которым являлся. Ствол оружия располагался над запястьем, а панель, отвечающая за перевод огня из одиночного в скорострельный режим располагалась под ладонью и была дополнительным рычагом-рукояткой. Затворная рама скользила по верху и выбрасывала пустые гильзы далеко вправо. Кроме того диковинное устройство было оснащено крепежами под дополнительные обвесы вроде фонарика, лазерного указателя и даже микроконтроллера с функцией наведения на движущуюся цель. Одно было плохо в таком оружии — при всем удобстве, конструкция предполагалась неснимаемой во время всего боевого действия. В то время как пистолет можно было легко убрать за пазуху, повесить в замок на кобуре, «ирпу» удобнее было всегда оставлять на руке. Так он занимал меньше места, магазин в виде браслета удобно облегал руку, но, с другой стороны — почти целиком лишал ладонь свободы действия. Получалось что удобней всего ИРП-А оказывался во время боевых действий, где больше ничего не оставалось кроме как отбиваться до победного конца. Либо самому идти в наступление. Но, всем прекрасно было известно, что, к примеру, уже двух «ирп» хватало на то, чтобы снаружи за пять минут разнести целую многоэтажку в хлам. А ведь когда-то в незапамятные времена ради такой операции к зданию подгоняли без малого целый танк.

— И последнее, что вам нужно знать, — это модель ИРП-Л. Излучатель Ручной Полноразмерный — Лучевой. И не путайте мне его с лазерным! — грозно повысил в конце

голос Янкинс и только после этого склонился над кейсом и извлек из него... ВЕЩЬ. — Вес — четыре килограмма и семьсот грамм. Дальность применения ограничивается возможностями прицельного комплекса, — тут Янкинс выдержал многозначительную паузу для осмысления курсантами сказанного. — То есть если у кого-то хватит наглости прикрутить к нему телескоп, то можете хоть спутники отстреливать. Отдача — нулевая. Мощность луча регулируема, и, следовательно, число выстрелов варьируется от десяти до трехсот импульсов. Что означает от двенадцати секунд до шести минут непрерывного излучения. Истинное оружие снайпера. Используется только военными. По старой традиции носит условное название — «рельса».

Вещь в руках Янкинса, как черная трещина в пространстве, не отбрасывала бликов вообще. Абсолютно матовая и в то же время совершенная в своей красоте винтовка. Длинной около метра («Сто двадцать два сантиметра! Как сейчас помню по единственной просочившейся в массы статье!») — мигом поправил себя Майрис, буквально пожирая взглядом оружие), с трубкой оптического прицела (электронный зум просто не выдерживал помех от луча) с прорезиненной накладкой, мощным генератором, который как раз и являлся боезапасом винтовки, и гофрированным цевьем, под корпусом которого скрывался преобразователь энергии и узел фокусировки луча. Все это устройство было наиболее похожим на древние образцы оружия, но в то же время внутри не имело ничего с ними общего. Электроника в чистом виде. Набор оптики, генераторов и преобразователей. Фактически, это оружие сконструировали, уменьшив в тысячи раз промышленный образец, который применялся для резки и нагрева высокопрочных материалов. Пучок энергии был настолько мощным, что в плотных слоях атмосферы почти не подвергался рассеиванию и на предельной дальности с легкостью посылал колоссальный энергетический импульс в точку. Что приводило к локальному вскипанию, разрыву и расщеплению того, что попадалось на пути. Даже будучи направленный в воду, луч мгновенно перегревал ее и поджигал. А уж каково было попасть под такой импульс органике, по большей части состоящей из жидкости...

— ...Военный образец в последние годы был модернизирован и оснащен системой камуфляжа, — продолжал Янкинс, с нескрываемым удовольствием вращая винтовку на согнутой в локте руке. — В данный момент камуфляж не активен, а вот сейчас... — прапорщик перевел едва заметный тумблер на боку в нижнее положение. — ...включится.

В следующий миг винтовка как ожившая черная змея блеснула чешуйками на свету. А еще спустя момент — курсанты и вовсе сначала подумали, что она исчезла. Но присмотревшись разглядели неровное ребристое марево и скользкие изменчивые оттенки. Фактически из полностью черной винтовка стала почти прозрачной.

— Пока она лишь умеет отражать окружающую среду и за счет острых мелких граней преломлять изображение и не казаться зеркалом. Позднее, возможно, будет необходимость сделать ее еще энерго- и теплоизолирующей, но друзья-снайперы пока не жаловались.

Под жадные и завистливые взгляды курсантов Янкинс выключил «камуфляж» винтовки и убрал легендарную красавицу обратно в кейс. Сказать, что прапорщик косился на бойцов с усмешкой, значило ничего не сказать. Взгляд Янкинса так и смеялся над курсантами: «Дети! Мальчишки... еще не наигравшиеся мальчишки».

Майрис поймал на себе этот взгляд и тут же, застыдившись, слегка прикусил себе язык, чтобы согнать с лица довольную улыбку. Оружие — это страсть. Но служить он все-таки пришел в Воздушные Силы.

Через полчаса курсантов разобрали их кураторы, и Майрис едва не вприпрыжку следовал за Грэем, который вел их на стрельбище. По приходу на место обнаружилось, что на каждую четверку выделялось всего лишь по одному стенду и здесь снова придется делить с товарищами общее время. Майрис чуть было не взвыл от такого отчаяния. А он то надеялся...

— Конструкция знакомая? — осведомился Грэй, держа в руках пистолет.

— Ага, — первым поддакнул как обычно Син. — Отец водил как-то к себе на службу и там давал подержать.

— Подержать мало. Надо уметь пользоваться.

Привычными манипуляциями инопланетянин лихо разобрал пистолет и разложил детали на полочке стенда.

— Механизм работы прост. Тот же пороховой заряд в гильзе, такой же капсюль. Только отличается сама пуля, которая при сильной деформации высвобождает антивещество...

— То есть, — задумчиво изрек Бейли. — Если кто-то у нас пробьет магазин в оружии, то сдетонирует все и будет локальный...?

Над последним словом Грэй изрядно задумался и склонил голову набок. Видимо, транслятор перебирал наиболее подходящий перевод.

— Да! — с запозданием жизнерадостно ответил Грэй и оскалился в улыбке.

— Прекрасно, — буркнул Бейли.

— Только не шибко радуйтесь, — прервал начавшееся было возмущение парней Грэй. — Пока вам таких мощных патронов не полагается. Сегодня и впредь тренироваться будете на обычных, старых, бесхитростных пулях. Но обращаться с ними вы должны так, как будто в руках у вас тот самый локальный... Это понятно?

Курсанты вразнобой закивали, позабыв о всякой дисциплине. Грэй удрученно нахмурился.

— Не разобрал вашего ответа. Что это за оружие и как себя с ним надо вести вам понятно?

— Так точно! — подобрались и уже хором ответили парни.

— Отлично! Тогда давай, Син. Ты первый.

Грэй собрал оружие и доверительно протянул его своему курсанту-отличнику. Син деловито взял пистолет, повернулся как полагается в сторону мишеней, только потом вставил магазин, передернул затвор и прицелился.

Тридцать выстрелов отгрохотали очень быстро. Майрис не упустил возможности съязвить, что даже здесь на патронах «великая страна» сэкономила. Син отстрелялся уверенно и со свойственной ему легкостью. Казалось, для этого парня просто не существовало проблем в обучении. Мастер на все руки. Он уже и сам перестал удивляться своим удачам, а принимал их как должное и даже не боялся в какой-то момент облажаться. Это было бы просто исключением из правил.

— Неплохо, — заключил Грэй, разглядывая растерзанную мишень. — Двадцать шесть из тридцати. Лучшее, что можно ожидать от летунов. Бейли, готовься, ты следующий.

«Хорошист» в их четверке взялся за оружие с благоговейным трепетом и даже повертел его в руках, наслаждаясь поистине знаменательным для него моментом. Парень бы и дальше светился от счастья, если бы куратор не цыкнул на него и не кивнул на стенд. После чего Бейли мигом собрался и сосредоточенно всадил свои пули в ростовую мишень. Правда,

первый десяток он только принаравливался и было видно, с каким удивлением он удерживал прыгающий от отдачи пистолет в руках.

— Нормально, — даже транслятор перенял резкий и рубленый тон Грэя. — Семерых из тридцати убил. Жить будешь. Но эффектно и не долго.

Бейли смущенно отошел в сторону и уступил место Дику.

А Грэй мрачнел буквально с каждой секундой. Будь это человек, парни бы сказали, что он явно встал сегодня не с той ноги, но по инопланетянину понять что-либо было вообще нереально. Изредка нервно подрагивали два сложенных хохолка на голове, хвост скручено прилипал к ногам, да и сам Грэй, казалось, хотел побыстрее свалить из тира и унести по своим делам.

— Дик, ты стреляешь как пулемет, — проворчал Грэй, не дожидаясь даже окончания. — Для тебя вообще мишень существует? Ты ее видишь? Как же выдержка? Пауза? Прицеливание, в конце концов, самое элементарное. Не держи пистолет так! Это не палка и не кусок твоего тела.

От стенда Дик отошел обруганным, но счастливым. Конечно, когда еще можно будет так в удовольствие пострелять задаром. А про попадание можно будет подумать и потом.

К моменту, когда очередь дошла до Майриса, инопланетянин был мрачнее тучи и сам не хуже «ирки» стрелял своим плотоядным взглядом. Майрис прекрасно понимал, что его как устоявшегося «двоечника» загнали в конец списка и сейчас даже не особо будут наблюдать за результатом. Можно было насладиться процессом, представить, что за спиной никого нет и, следовательно, некому будет бросать ехидные комментарии. К тому же Бейли уже делился своим впечатлениями с Сином, а Грэй вдавливал Дику технику безопасности и правила поведения на стрельбище.

Майрис подошел к стенду и взял пистолет. Рукоятка привычно легла в руку, и парень на полном автоматизме вынул пустой магазин, снял затворную раму и изучил маркировку на внутренних деталях.

«Старая модель, — ловко снаряжая магазин, задумался Майрис. — Прослужила уже пять лет. А у таких после интенсивной стрельбы немного ведет ствол. Значит, нужна небольшая поправка на девять часов...»

Со звонким щелчком парень загнал магазин в пистолет, не дожидаясь команды куратора, твердо вскинул руки, прицелился, и, как ни в чем не бывало, с дежурной сосредоточенностью отстрелялся по мишени.

То, что Грэй прекратил ворчать на Дика, Бейли как-то притих, а Син обидчиво нахмурился, Майрис понял только после тридцатого выстрела.

Инопланетянин грубо выдернул оружие из рук парня.

— Ты что забыл в воздушных силах, снайпер?! — возмущенно навис над ним Грэй.

— Я думал, что достаточно удачливый по жизни для всего и сразу, — безапелляционно заявил Майрис, сдерживая улыбку и искренне не понимая причину негодования инопланетянина.

— Двадцать девять из тридцати, — рявкнул Грэй разглядывая аккуратно расстрелянную мишень. — Брысь с глаз моих, с-стрелок! Потом разберусь с тобой отдельно. И вы остальные тоже свободны. Сегодня у вас вечер самоподготовки. И если я вдруг увижу, что кто-то из вас не занят — завтра буду гонять по площадке с тройным усердием.

Но Грэй не уделил должного внимание парням на следующий день. А так же еще день

спустя. И на третьи сутки инопланетянин показался перед курантами лишь на пару часов, имея при этом вид нездоровый и исхудавший. Только на четвертый день Грэй пришел в себя и вновь неотрывно пребывал с парнями, гоня их по спортивной площадке и надзирая за тем, как проходит их обучение на симуляторе.

И вот после очередного занятия на тренажере, Грэй отправил курсантов в их нелюбимую «адскую центрифугу», а сам остался наедине с Майрисом в классе.

— Рассказывай, — буркнул Грэй, пристраиваясь за стол напротив парня.

— Что? — опешил Майрис.

— Почему решил сюда пойти учиться.

— Потому что платят хорошо, — бойко ответил заготовленной фразой парень. Обычно после такого ответа дальнейшие расспросы прекращались.

— Врешь, — твердо заключил Грэй, немигающе глядя на Майриса.

— Нет.

— Святая искра... — перевел невнятное змеиное шипение транслятор, и Грэй человечески провел ладонью по лицу. — Так дело не пойдет. Давай переиграем сначала. Проваливал бы ты подальше от воздушных сил, курсант. Не твое это. Иди в пехоту.

— Не могу, — настойчиво ответил Майрис.

— Вот почему? Там тоже платят! — Грэй поймал парня на слове.

— Туда... не вышло бы у меня поступить, — прозвучал уклончивый ответ.

— Слушай, чучело, ты хороший стрелок, я понятия не имею, где ты обучался и мне это неинтересно, но с твоей подготовкой и данными в пехоте тебя бы оторвали с руками и ногами. Пойми, мне без разницы, какие у тебя идеологические убеждения, но мне надо знать с кем под боком я буду летать. Выдай мне что-нибудь убедительное. Какого неба ты сюда приперся?

Майрис, даже не обратив внимания на хитрый сленг инопланетянина, тяжело вздохнул и понял, что так просто от него не отстанут. А раз хотят убедительное, то пусть будет убедительное.

— В свое время я изредка промышлял не совсем законными заработками, а в пехоту берут людей только с чистой репутацией. Мне нежелательно было лишний раз светиться перед стражами закона.

Грэй недвижимо буравил Майриса взглядом, а затем размашисто всплеснул руками и выдал:

— Что за бред!

— Не понял, — ошарашено ответил Майрис.

— Половина состава пехотинцев — беглецы от закона. У них там даже специальную программу по реабилитации нравственности создали, чтобы прочищать мозги ворам и убийцам и якобы гарантировать их безопасность для общества. После этого они живут как у Сената за пазухой, и служат спокойней. Нет, ты не от закона убежал. Ты сюда просто подальше решил убежать. Чтобы тебя, вероятно, не нашли городские. Я прав?

Майрис сопел в свой подставленный под нос кулак и очень хотел избежать ответа.

— Мы тут все в одном корыте, парень. Руководству Базы без разницы, кто у нее под крылом, но мне знать надо. Я вообще могу, не спрашивая тебя, подписать документ о твоём переводе в пехоту. С хорошей рекомендацией, с пояснением о том, какой ты весь из себя послушный, красивый и стрелок. Твое имя засветится во всех постах стражей порядка. Причем я же по незнанию могу сделать это от доброты душевной. Оно тебе надо?

— Нет, — упавшим голосом ответил парень. — Я скрываюсь из Полиса, потому что подал заявление стражам на одного человека, а теперь эта личность меня ищет для расправы. Так что лучше не надо мне пока в Полис.

— Другое дело, — удовлетворенно улыбнулся Грэй. — Это я называю убедительно.

— А еще Воздушные силы я выбрал, потому что они как раз не зависят от Сената, — признался Майрис уже вдогонку.

— Да? — наигранно удивился Грэй. — Тогда объясни мне, почему База не может и шагу ступить без разрешения Сената? Почему всюду требуется отчетность? Почему Сенат строго контролирует число волонтеров моей расы в Базах? Мы не независимы от них. Организация, которая обладает наибольшей силой и свободой перемещения, у вашего народа всегда будет удерживаться на кратчайшем поводке из всех. Вот это — главная особенность человеческой расы.

— Грэй?

— Что?

У Майриса на языке так и вертелся вопрос про разговор Командира с Янкинсом, и он понимал, что сейчас был подходящий момент для него... достаточно подходящий, когда вечно сдержанного Грэя раскрыло на эмоции. Но, увидев как инопланетянин резко посерьезнел и «закрылся» после того как парень окликнул его, Майрис тут же загнал свое любопытство поглубже и, собравшись с мыслями, спросил первое что пришло в голову.

— Про... волонтеров на Базах... Что ты имел в виду?

— А ты разве не задумывался, почему я тут один? — обиженно прокаркал инопланетянин.

— Как-то нет. Я думал, что других я просто пока не видел на Базе.

— Не положено нам, — Грэй поддался вперед. — Строго по одному на Базу. Лишние — в колонию.

— И ты поэтому так зол? Потому что остальным твоим сородичам нельзя попасть на Базы? — у Майриса промелькнула мысль, что именно с таким хищным взглядом Грэй вполне мог терзать еще трепыхающуюся дичь.

— Я не зол, а разочарован, — будто поняв намек парня, Грэй откинулся обратно на спинку кресла и немного расслабился. — Но спокоен.

— Почему?

— Потому что они — лишние.

База. Шестой месяц обучения.

И вот он настал — день первого настоящего боевого вылета! А сколько было подготовок к нему, сколько сдавалось экзаменов и тестов, проверялось здоровье, психическое состояние... Потом же были месяцы тренировочных полетов. Все эти монотонные взлеты-посадки, смехотворно маленькие круги над площадкой и самое базовое пилотирование. Целых шесть месяцев уже прошло с того момента, как Майрис и его сокурсники поступили в академию. А казалось, будто минуло лишь несколько недель! Майрис сам с трудом верил, что, наконец, пришло время новому выпуску слезть уже с надоедливых симуляторов и учебных самолетов и пересесть на настоящую технику. Казалось, отработали уже все возможные ситуации, заработали достаточно баллов в виртуальных боях на допуск, сдали все нормативы по времени сбора и подготовки к вылету. Официально — курсанты были готовы к долгим полетам. На практике же — у всех до сих пор перед первым вылетом «в поле» тряслись поджилки. Ведь недаром же говорят бывалые Пилоты: «это не просто самолет, это птичка с характером!»

С самого утра день задался тревожный. Тот же сигнал подъема, что и каждый день, но все курсанты в предвкушении полетов держались в общем возбуждении. Бросались короткими репликами, нервно подшучивали друг над другом, подгоняли задержавшихся в уборной. Кураторы созывали своих подопечных на улице и бегом отправляли на финальный медосмотр. Общая суeta так и стояла повсюду. И даже Грэй, обычно меланхоличный и равнодушный к бесполезным спешкам, отчеканивал команды одну за другой.

— Так, наш вылет через полтора часа. Летное задание: патрулирование сектора тридцать пять «Ц» с выходом на контрольный пункт. Облет местности и возвращение на Базу. Каждому в процессе полета буду выдавать задания на персональные маневры. Ничего нового, все как на тренировках. Всем ясно?

— Так точно! — хором отозвались четверо бойцов, следуя за своим куратором к зданию Аэродрома.

А далее была проверка, пара записей о вылетах, получение номера своего ангара и суровое рявкание Грэя о том, что пора одеваться.

Боевой скафандр Пилота — это не просто особая одежда, а непробиваемый, устойчивый к перегрузкам, сложный и высокотехнологичный костюм. Такой и утонуть не позволит, и в рану быстро обезболивающее сам впрыснет, и противоядием «напоит», и разве что спать своего владельца не уложит. Гибкий, легкий костюм, покрытый серыми матовыми пластинами, плотно облегал тело и поддерживал внутри комфортную температуру и давление, изначально не давая Пилотам страдать из-за перегрузок на высокой скорости. Одевая внутреннюю прорезиненную «начинку», напичканную датчиками, Майрис вспомнил случай из учебной жизни, когда курсантам только-только дали испытать на себе эти скафандры.

В тот раз Грэй как всегда гонял свою четверку по спортивной площадке до седьмого пота. Изрядно запыхавшись, Дик не выдержал, рухнул на скамейку и спросил:

— Зачем нам столько физухи? Мы же будем летать на сверхсовременных самолетах.

Надевать специальные скафандры. На кой хрен нас так гонять!?

Не отрываясь от чистки своего пистолета, Грэй флегматично ответил:

— Вы, люди, слишком хрупкие... Холодно — мрете. Жарко — мрете. Радиация — мрете. Вода — мрете. Перегрузки, даже легкие — мрете. Тебе действительно хочется знать зачем, Дик?

— Да, — уже без прошлой уверенности в голосе сказал курсант.

— Тогда одевай скафандр и дуй за мной.

Остальная тройка с любопытством отправилась за ними, и когда Грэй свернул в сторону Аэродрома, начали догадываться, к чему клонил их куратор.

Дик оделся в рекордно короткий срок и показался перед Грэем во всем обмундировании, после чего был засажен на место второго пилота в личный самолет инопланетянина, пристегнут, прижат и сопровожден напутственными словами. Сам Грэй бойко запрыгнул на свое место в кабине, с привычной расслабленностью застегнул свои ремни, закрыл колпак самолета и после короткого переговора с диспетчером пулей вывел самолет из ангара. Только дрожащий след горячего воздуха за соплами и остался. Майрис с Сином тут же принялись делать ставки на то, какого цвета будет лицо Дика по возвращении, отчего почти сразу получили по ощутимому тычку локтя в бок от Бейли.

Когда переливающаяся фиолетовым «игла» Грэя стала заходить на посадку, все трое дружно выбежали на улицу, чтобы насладиться зрелищем. Казалось, неповоротливая длинная техника должна была заходить по большому радиусу на посадку, но Грэй виртуозно развернул самолет вокруг оси, почти мгновенно изменил вектор тяги и снизил скорость. В результате «игла» мягко и почти вертикально опустилась на круговую площадку и заглушила ревущие двигатели. Бейли, Майрис и Син тут же подбежали к самолету, чтобы расспросить своего друга о впечатлениях. Но то зеленое подобие человека, что вцепилось мертвой хваткой в ручки кабины и едва поворачивало голову, еще полдня отказывалось говорить, дабы не расплескать содержимое своего желудка. И ведь, как ни странно, Грэй добился своего — после показательного пролета над Базой больше никто из его курсантов не задавал глупых вопросов про необходимость упражнений и не кривился от недовольства, следуя на тренировку в центрифугу.

Но спецкостюмы все же значительно снижали нагрузку на организм. Каким бы асом ни был Пилот и как бы ни был развит физически, новая техника гоняла слишком шустро. Скафандры одевали на вылеты всегда и все. Даже Пилоты транспортных судов и бомбардировщиков не брезговали навороченным снаряжением и предпочитали лучше такую лишнюю защиту, чем ее внезапное отсутствие в случае форс-мажора.

А вот и они — те самые знаменитые «птички». Облаченных в костюмы курсантов, с пистолетами в ножных кобурах, подняли на нужный этаж огромного здания. Затем подвели к дверям ангаров, за которыми на коротких взлетных полосах блестели в лучах солнца угловатые машины.

— Всё как всегда. Ничего нового. Как я вас учил, — сказал напутственные слова Грэй, отводя свою группу в сторону, чтобы не мешать проходить по коридору другим. — Сколько мы уже таких полетов делали! Сегодня просто будет дольше обычного.

Мимо курсантов пробежала опаздывающая группа, и инопланетянин на миг прервался.

— А вообще, голуби мои сизорылые, дружно помните, что настоящая учеба только начинается! И по прилету я со всеми устрою отдельный разбор полетов и выше «тройки» не поставлю!

— Так точно! — заулыбавшись, вновь хором ответили курсанты.

— Ну, по «птичкам»! — Грэй приладил свой шлем и распрямил хохолки на голове.

— ЕСТЬ! — звонко отозвалось молодое «звено», и курсанты синхронно разбежались по ангарам.

Майрис переступил порог своего ангара и вновь отметил про себя, насколько дивная эта огромная летающая машина. Угловатые крылья, покрытые защитным отражающим материалом, поблескивали даже здесь, в темной нише взлетной полосы. На боках под крыльями едва заметно выделялись крышки отсеков вооружения, а глубоко внутри, уже разогретый техниками, тихо гудел мощный двигатель.

Не тратя времени, как на тренировках, отработанными движениями парень взобрался по лестнице в кабину, лег на специальное кресло за штурвал и захлопнул стекло своего шлема. Ноги привычно уместились на педали, автоматика зацепилась ремнями за спину скафандра и зафиксировала тело. Всё. Можно расслабиться, «зависнуть» в позе мотоциклиста за штурвалом и строго выполнять задания. Майрис осмотрел приборы, проверил датчики боезапаса, дежурно проверил наличие пистолета в кобуре и только после того как всё удовлетворило его, нажал на кнопку и закрыл над собой фонарь кабины. Зашипел механизм, тихо хлопнул напоследок, и на экранчике отобразилась знакомая надпись «Герметичность установлена».

Стоило признаться, программисты и конструкторы симуляторов и тренажеров поработали на славу! Внутренняя обстановка кабины была абсолютно идентична реальной. И даже картинка перед глазами была вовсе не настоящей, а отображенной мельчайшими камерами на обзорные экраны. Действительно. Зачем было ослаблять конструкцию стеклянным колпаком, когда можно просто вывести внутрь кабины несколько экранов.

Бортовой компьютер «поймал» сигнал миниатюрной пластинки на шее Майриса и услужливо сообщил о полной синхронизации. Тут же в голове, как через динамики, донесся дважды измененный аппаратурой голос Грэя:

«Вывожу звено на отдельную частоту. Как меня слышно, шкурки?»

«Говорит Дик. Есть контакт. Готов ко взлету».

«Говорит Син. Есть контакт. Готов ко взлету».

«Говорит Бейли, идет проверка аппаратуры... Есть контакт. Готов ко взлету».

«Говорит Майрис, есть контакт. Готов ко взлету», — в свою очередь отозвался парень вслух, как учили.

«Оператор, говорит Серый, — назвал своим настоящим позывным Грэй. — Звено готово. Запрашиваю разрешение на подъем».

«Есть. Звену Серого дано разрешение на вылет», — отпортовал невидимый Оператор.

«Погнали!» — донеслось от Грэя в эфире и его самолет первым оторвался от взлетки.

Один за другим курсанты поддали газу и лихо послали свои машины в полет.

Когда-то, еще несколько недель назад, Грэй прокатил на своем личном самолете и остальных членов команды. Вопреки распорядку не взяв для этого ответственного дела штатный самолет. Инопланетянин считал, что его более резвая машинка быстрее приучит молодняк к чувству высоты и реальной тяги. И он не ошибся. Страх перед первым самостоятельным взлетом и перед управлением техникой на громадной высоте у курсантов практически не было. Наоборот, была одна мысль: «И это высота? И это реальная скорость? Пф, мы и не такое испытывали».

В какой-то момент Майрис даже почувствовал разочарование. Полет на боевом

истребителе настолько был похож на ежедневные отработки на симуляторах и тренировочных легких самолетах, что даже ощутить перегрузку не получалось, проникнуться таинством первого серьезного выхода... Кругом сплошной компьютер. Управляемый, податливый, но даже перед глазами вид не настоящий, а нарисованный. И, конечно, костюм. Висишь себе на ремнях спокойно, не испытываешь ни единого чувства дискомфорта.

«Кстати о птичках, — разорвал тишину в эфире Грэй. — Скоро влетаем в зону лесной полосы. Будьте аккуратнее и следите за движущимися мишенями на радаре. Полупернатые стаи тут частое происшествие».

«Кажется, есть одна такая справа по курсу, — задумчиво изрек Бейли. — С прежним курсом обойдем без проблем».

«Точнее, Бейл, точнее», — назидательно попросил Грэй.

«С прежним курсом расхождение будет за километр. Стая незначительная и расположения не меняет».

«Прекрасно!»

Через несколько минут полета Грэй приказал всему звену снизиться и отработать полеты на малой высоте над лесом. Зеленый океан деревьев ровным ковром мелькал под бортом и казалось, что верхушки вот-вот могут щекотнуть обшивку. Но Грэй не давал своим подопечным скучать и то и дело вносил новые задания, заставляя курсантов отрабатывать перестроения и вылет на точку нахождения предполагаемого противника.

Еще через двадцать минут инопланетянин немного подкорректировал курс и провел звено над контрольным пунктом, официальной границей человеческой расы и кваари. Невысокая башенка с антенной и миниатюрной зенитной установкой промелькнула под бортами за короткий миг и снова скрылась в непроглядной лесной полосе.

«Никогда не думал, что здесь вокруг столько деревьев, — изрек задумчиво Бейли. — Они тут все что ли собраны со всего северного полушария...».

«За засоренный эфир получишь по возвращении втык, — парировал Грэй. — Но, отвечая на твой риторический вопрос, скажу, это пока еще нейтральная зона. Дальше вглубь зоны даже метра поверхности не засечь с неба».

«Охренеть можно, — не сдержался Дик. — Недаром вся живность из Полюсов ушла. Чего ей там делать, если тут раздолье».

И вновь в эфире воцарилась напряженная тишина. Майрис, как и его сокурсники разглядывал внизу одинокую «будку» контрольного пункта и бесконечные, уходящие от нее в обе стороны башенки с натянутыми электрическими проводами. Ни разу ни защита от вторжения, но первый маяк, который подал бы сигнал о прорыве. Уже несколько раз за всю историю сотрудничества людей и кваари переносили границу все севернее, вглубь человеческой расы. Чужие напирали медленно и неустанно, выдавливая людей своими лесами и совершая все больше набегов на приграничные земли. Но все же, пока они держались, и обеим расам удавалось поддерживать военный нейтралитет друг с другом.

«Ну что? Насмотрелись? — спросил Грэй. — Летим домой, ласточки. Все отработали пока неплохо. В столовке обещаю угостить борщом, если приземлитесь без эксцессов».

Син издал радостный ковбойский клич и играючи свернул вслед за Грэем.

«Ну если угощаешь!..» — многозначительно протянул Бейли и двинулся в хвост.

«Май, не подведи как всегда, мы жрать хотим!» — хохотнул в свою очередь Дик.

«Пошел ты!» — бросил Майрис и его реплика была привычна встречена дружным хохотом в эфире.

«Кстати, — втиснулся Грэй, прерывая общее веселье. — С нашими летными данными у нас сейчас есть большой шанс на....»

...На что был шанс у звена, Грэй так и не успел договорить, потому что ровно в этот момент беззвучно из леса что-то выстрелило вертикально вверх и врезалось в самолет Дика. Машину тут же качнуло в сторону, закрутило в спираль, а в следующий миг корабль разлетелся ослепительным цветком взорвавшегося реактора.

«ДИК!!»

«Твою мать!»

«НЕТ!»

Эфир разорвался возгласами и напуганными воплями и только Грэй среагировал, как полагалось:

«Маневр уклонения! Влево! За мной! Нас атакуют!»

Тут же из леса чуть в стороне вылетел второй шарообразный зеленый снаряд и лишь по счастливой случайности не задел борт второго самолета.

«База! Говорит Серый. На нас напали! Сектор тридцать пять «Ц». Зенитный прицельный обстрел с поверхности!»

Самолеты ринулись вверх, уклоняясь и меняя направление. Не сложнее, чем на симуляторах? Возможно. Та же экстренная ситуация. Та же «игра». И вовсе не риск для жизни! Нет-нет! Когда все вернутся на Базу, всем обязательно поставят их баллы, выдадут список ошибок, похвалят за хороший полет... И нету жертв! Это все понарошку! Вон, даже экраны стоят вместо стекол. Нет там ничего за ними. Стенка стенкой. А перегрузки только снятся. Но Дик-то погиб... В самом деле погиб. Не вышел из игры, а взорвался вместе с самолетом. Значит это не просто упражнения. Все реально. Очень. И снаряды летают со всех сторон. И уворачиваться все сложнее. Как тяжела и неповоротлива машина! А что это там? Вторая вспышка? Чей это был самолет?!

«СИН, НЕТ!»

Это был Грэй. Его голос. Глупая автоматика даже сейчас умудрилась каким-то образом передать его боль в голосе. Син? Значит это был его самолет? Черт! Сплошные снаряды! Они что еще, самонаводящиеся?! Выше-выше, дурацкая техника! Крен влево! Где там Грэй и Бейли?.. А насрать! Уклониться...

Майрис не думал как ему увернуться от атаки, а просто инстинктивно уводил машину в сторону. Голова не соображала как лучше спастись, выше ли подняться или опуститься до самых крон. Датчики подсказывали, с каких сторон подлетали снаряды, а руки мгновенно отворачивали самолет. До подсознания отдаленно долетали переговоры Грэя с Базой в эфире, крик Бейли. Потом Грэй перешел на ругань, которую не мог или не успевал переводить транслятор. Потом последовала еще одна вспышка где-то позади. Снова бешеная ругань Грэя. Бесконечные кульбиты, отвороты, а затем удар, словно под дых, и самолет неуправляемо пошел носом вниз. Майрис попытался вытянуть штурвал на себя, выпрямить машину, игнорируя истеричный писк систем, но тщетно. Суетливые мысли мгновенно сложились в логическую цепочку: «Высота — сто метров. Внизу — деревья. Катапультироваться нельзя — собьют, мало высоты, опасно. Значит — штурвал на себя, газ вертикально вниз, укрепить костюм, подготовиться к удару». Мышечная память идеально отработала руками и перевела самолет и скафандр за долю секунды в необходимый режим. Перегрузка неприятно возросла, тяжелый самолет валился брюхом на землю, Майрис инстинктивно перед самой поверхностью задержал дыхание... Скрежет, хруст веток, резкий

и конвульсивный рывок обратной тяги, торможение, грубый и тяжелый удар об землю, а затем наступила полная тишина.

Майрис пришел в сознание под звуки шипящей пробитой системы охлаждения и безмятежное щебетание псевдоптиц. Резко дернулся в ремнях, пошарил руками вокруг в полной темноте, в панике pokrutil головой. Ничего не видно.

«Электроника сдохла! Быстро надо включить. Где же он этот рычаг! Сволочь... Ага! Вот оно».

Пальцы в скафандре нащупали заветный тумблер и перевели систему самолета на резервное питание. Замигали оранжевым лампочки приборов, защелкала электроника, где-то заискрились контакты. На обзорные экраны вывелась черно-белая картинка окружающего пространства. Майрис пошарил рукой за спиной и отцепился от ремней безопасности. Затем в полутьме нащупал резервный рычаг открытия кабины и, сорвав пломбу, потянул за него. Снова с легким шипением поддалась гидравлика и колпак рывками отъехал назад. В кабину ворвался приглушенный листвою солнечный свет.

«Так, теперь без паники. Чему нас учили. В случае крушения — по возможности быстрее покинуть самолет. Выбираться из леса, искать открытое пространство. Должен заработать маяк».

Немного суетливо, но без лишней паники Майрис проверил наличие своего пистолета, достал запасной магазин из отсека в кабине, высунулся осторожно из самолета, огляделся. После чего поспешно выбрался из кабины и спрыгнул на мягкую лесную почву. Резкая боль тут же пронзила его ногу, и Майрис, тихо взыв, опал на колено. Снова огляделся, не привлёк ли кого своим шумом и только потом осмотрел свою ступню.

«Двигать могу. Значит, перелома нет. Растяжение? Возможно. Проклятье. Быстро не побегаю теперь».

Парой нехитрых манипуляций Майрис затянул плотнее пластины своего скафандра на ноге. Затем проверил свою фиксацию. Наступил на ногу, перевел на нее весь свой вес, попрыгал. Вроде болеть стало меньше. После чего Майрис обернулся к самолету в надежде оценить степень повреждения, но уже с первого взгляда на него стало понятно, что никакой речи о «степени» и быть не могло. Самолету просто расплавилось одно крыло и намертво оторвало с корнем при посадке другое. Сама машина беспомощно лежала вкривь на брюхе на поваленных стволах и жалобно скрипела, выпуская дух.

«А вот это плохо...Интересно, где я. Наш сектор был минимум километрах в двадцати от границы. Где у нас какая сторона света? Как тут вообще понять что-либо можно, когда вокруг эти столбы с зеленым сплошным потолком?! Да... по инструкции сказано, что для того чтобы маяк у каждого из нас заработал на полную мощность, надо выйти на возвышенность. Ну и где нахрен я найду им здесь возвышенность на заведомо равнине?!»

Майрис не психовал, но начинал закипать от гнева. И как ни странно в таком состоянии дельные мысли стали приходить одна за другой.

Закрепив пистолет вновь в кобуре (он как-то сам вдруг оказался в руке в сложившейся опасной ситуации), Майрис вновь запрыгнул в кабину и попытался реанимировать бортовой компьютер. После нескольких попыток и подключения кое-где коротнувшей электроники, компьютер ожил и вывел на небольшой экранчик свои данные. Голосовое управление вышло из строя, связь с личным датчиком Пилота тоже хромала. Майрис набил несколько команд вручную на высвеченной клавиатуре, как учили их в академии, и подсоединил короткий

разъем к своему шлему. Выполняя роль нехитрого резонатора, шлем быстро установил соединение с датчиком, и Майрис вновь сосредоточенно поколдовал над клавиатурой.

Вдруг кусты в отдалении зашелестели.

Майрис мгновенно напрягся и замер. Рука сновахватила пистолет и передернула затвор.

«Давай, глупая техника. Еще пару процентов...»

Растительность вновь зашелестела, и с ближайших деревьев одновременно с галдежом сорвались мелкие стайки то ли птиц, то ли насекомых.

«Ну же!»

«Загрузка завершена. Программа запущена», — пискнул бортовой компьютер.

«Есть!»

Штекер грубо был выдернут из разъема на шлеме, и в следующий миг Майрис уже прыгивал с самолета в траву. Перекат с больной ноги, задержаться, прислушаться...

Шелест становился все ближе. Майрис последний раз сверился с радаром на костюме, убедился, что своих рядом нет, и затем что было сил дал деру.

Ветки и мелкие кустарники так и норовили зацепиться за костюм и попасть под ноги. Дикие заросли были практически непроходимы. Майрис чудом не угодил ногой ни в одну канаву и не споткнулся об изогнутый корень. Костюм изрядно спасал и не давал острым колючкам пробиться до кожи, а жестким листьям ободрать лицо.

Но шум сзади и отчетливое улюлюканье нарастали. Нагоняли сразу с нескольких сторон, уводили вглубь, сжимали кольцо. Майрис быстро обернулся через плечо и различил в просветах между деревьями быстро перемещающихся существ. Парень попытался прибавить скорости, попутно бросая взгляды на деревья. Убегать вечно он не мог и понимал это. Еще немного, и его точно вскоре возьмут в кольцо. Но вот спрятаться... взобраться на дерево и отстреляться...

Жесткая коряга ударила прямо по больной ноге. Майрис кубарем повалился на землю и едва не разбил шлем об корни. Превозмогая боль, развернулся на спину, попытался быстро вскочить, но из-за ближайших деревьев выскочили невнятные двуногие существа. Треща и свистя, они словно насмехались над загнанной жертвой.

Не долго думая Майрис выстрелил одному загонщику прямо в корпус. Миниатюрная пуля разорвала существо изнутри и других окатило его ошпаренными внутренностями. Еще один выстрел — следующая жертва. Выстрел. Выстрел. Выстрел. Загонщики взрывались как спелые арбузы. Майрис отстреливался и кричал. Ему казалось, что враги окружают его. Многие пули шли мимо и угождали в деревья, разнося стволы в щепки и вырывая из них куски. Загонщики старались не попадать под стрельбу и юрко ныряли от дерева к дереву. Их длинные фиолетовые хвосты на головах так и мелькали в кустах.

Наконец Майрис нажал на спусковой крючок и вместо ожидаемого грохота выстрела раздался лишь тихий щелчок. Закончился и второй запасной магазин. Парень успел подумать, что вот так и звучит он — настоящий конец жизни, и с удивительным спокойствием принял сей факт своего безрадостного положения, как над ним сзади нависла громадная фигура и одним четким ударом древка своего копья просто напросто вырубил Майрису сознание.

«Твою мать.... Как же адски все болит... как хочется сдохнуть. Дайте уже мне по сильнее, и уберите эту боль в голове».

Бум! Бум! Бум!

«Чертовы барабаны... Сейчас голова от них лопнет... Уберите».

Бум! Бум!

«Не барабаны... Оно с сердцем вместе бухает... Неужели это у меня в голове так стучит?!.. Да прибейте же меня кто-нибудь».

Где-то рядом застрекотали и будто заговорили булькающее через аквариум.

«Это еще что за хрень. Ни черта не видно. А... надо же сделать над собой усилие и открыть глаза. Проклятье. Нет ничего сложнее на свете, чем просто открыть сейчас глаза».

Раздался гулкий удар, а потом чей-то обиженный звериный визг.

«Нет, не получается. Потом. Рано. Надо подумать. Поду-у-умать. О чем можно подумать кроме желания сдохнуть? Можно подумать о том, когда это желание осуществится. Ха! Какая чушь, да... Что вообще было? Так. Точно. Надо подумать о том, что было. А было у нас... эм... да чего же голова так болит то! Ах да. Вот оно — меня ударили. Опять. Снова. Мо-ло-дец! Мне катастрофически везет. Почему все так любят меня бить по голове. Наверняка сотрясение. Да еще наверняка второе. А первое было от приземления. Да! Я же упал с самолетом. Здорово. Не с самолета, а с самолетом. Вот ведь герой. И выжил. А ведь со мной были еще товарищи. Син? Бейли? Дик? Неужели все погибли? Ребята?.. Это не правильно. Но это правда. Где же Грэй? Он-то хоть жив? Сплошные вопросы... Жалко ребят. Но, а что дальше-то было? Со мной. Дальше я вроде бежал, стрелялся, вернее, отстреливался и... и получил приличный удар в голову. Хорошо, память вроде бы не растеряна. Пункт первый — восстановление данных о ситуации пройден. Но неужели все погибли?! Ладно, потом. Думать! Пункт второй — ориентация на местности и получение информации о текущем состоянии... И снова возвращаюсь к тому, что надо открыть глаза».

С дичайшей неохотой и тихим стоном парень приоткрыл веки и от накатившего ужаса вновь захлопнул их. Затем одумался, проморгался и присмотрелся получше. Увиденная вначале картина не изменилась, но деваться от нее было некуда.

Над парнем нависала крупным планом морда самого настоящего кваари. Прямо как на картинке в академии. Уродливое, закрытое хитиновыми чешуйками, губастое рыло с мелкими фиолетовыми глазками и копной жестких как проволока «волос» на затылке. Майрис обнаружил себя лежащим на чем-то неспешно перемещающимся, а морда двигалась чуть сбоку и заинтересованно наблюдала за кем-то впереди. Над головой медленно проплывали кроны деревьев и редкие лучики солнца пробивались через густую листву.

«Приехали. Влип. Плен. Или ужин. Со мной в роли главного блюда», — мрачно подумал Майрис и попробовал перекатиться на другой бок.

Шедшая рядом морда возмущенно зарычала утробно и, не особо церемонясь, придавила взбрыкнувшегося Майриса обратно к ложу. Под спиной парня раздался противный треск, и все что он успел увидеть под собой, был широкий пластинчатый панцирь и множество волнообразно движущихся лапок.

«Изумительно!» — с иронией хохотнул над собой Майрис и решил временно затихнуть.

Шедшие впереди кваари недовольно переругивались. Один, по виду наиболее старший и опытный, размахивал своим странным копьём с проросшей живой вспухлостью на конце и угрожал им младшему. Второй в свою очередь жалобно верещал, пригибался, пытался как-то оправдаться, активно жестикулируя. Всю перебранку прервал третий, шедший

непосредственно рядом с добычей, грозно рыкнув на обоих.

По нарастающему шуму и общему фоновому гулу, Майрис решил, что пора вновь приходить в себя и попытаться осмотреться. С удивлением для себя он обнаружил, что проспал добрую половину дня, и небо уже успело стемнеть. Майриса страшно тошнило от качки и двойной травмы головы, и его снова захватили пессимистичные мысли о желаемой смерти. Какой интерес? Какая сосредоточенность? Для главных вопросов «что делать» и «как сейчас быть» в голове у парня сейчас от боли просто не оставалось места.

Тем временем его конвоиры встретились с еще парой представителей их расы, затем прошли дальше. Мимо прошествовали еще несколько кваари. И все казались одинаковыми и при виде человека радостно принимались верещать. Майрис морщился от отвращения вперемежку с болью и отворачивался от светящихся копий, направляемых ему в лицо.

Вокруг уже было шумно как в самом настоящем улье. Десятки морд мелькали вокруг, склонялись над Майрисом в любопытстве, одобрительно скалились и гоготали своими скрипучими голосами. Был ли это смех, или что-то осмысленное, Майрис просто не мог понять. Его рассматривали, трогали за руки, за ноги. Иногда тыкали острыми древками под ребра и, когда парень подавал голос или пытался увернуться, удовлетворенно отставали. Между тем Майрис пытался перебороть свой организм и заставить осмотреться вокруг, но понял только то, что его тащат куда-то на открытый светлый участок.

Удивительно, но в воздухе витал запах паленого дерева и многие кваари без опасения размахивали факелами над головой парня, когда хотели того рассмотреть. Но кроме горелого дерева в селении инопланетян пахло чем-то сладким и приторным как мед.

Внезапно конвой остановился, Майриса нагло схватили под руки, как тряпичную куклу, и привели в вертикальное положение. Гигантское подобие сороконожки, служившее пленнику носилками, мигом устрекотало прочь, а парня развернули на месте и подперли тут же воткнутом в землю чьим-то посохом.

Тут-то Майрис впервые действительно понял, как он влип. Около сотни существ просто столпились вокруг и наблюдали. А сколько было уже пройдено? А какого размера все поселение?! На ярко освещенной факелами расчищенной площадке показался из своего округлого логова высокий, коренастый кваари и задумчивым взглядом презрительно окинул Майриса с ног до головы.

«Вожак что ли тут местный? — глядя одним глазом, подумал Майрис. — Вона как посох велик и как тяжело на него опирается. Самец, блин. Харя как у всех. Разве что космы белесые, да в глазах зачатки интеллекта. Ну я тебя запомню, морда...»

Потом кваари зарычал на конвоиров, выдал неразборчивую порцию своих комментариев и раздраженно взмахнул посохом в сторону. Как ошпаренные, добытчики подхватили парня за руки и поволокли прочь.

«Что? Худощав для ужина, да? Маловато принесли? — издевательски размышлял Майрис, пока его тащили с импровизированной площади в более темный участок селения. — Так-то! Будете знать, как бомбить нашу авиацию. Не прокормит она вас».

Майрис попытался встать на ноги, но тащили его очень быстро и широкими шагами. Тогда парень расслабился и попытался лучше оглядеться, но кроме бесконечных деревьев, факелов и круглых почкообразных ульев не мог различить в темноте больше ничего.

Но вот впереди показался очередной открытый участок и на нем под присмотром пары скучающих гигантских сороконожек стояло несколько вполне понятных кубических конструкций, из простой решетки, спаянной по краям. Этим единственным островком

цивилизации в инопланетном «болоте» были самые обыкновенные клетки. И одна из них явно не пустовала.

Заметив приближение кваари, обитатель клетки приподнял голову, зашевелился, а потом с удивительной прытью вскочил с земли, бросился к решетке и... как начал на исконном бранном человеческом поминать всю биологическую цепочку кваари и иже с ними. Как припомнил им все генеалогическое древо и все события, при которых, и кем, и в какой фазе луны они были зачаты... Сия длинная тирада отборного искусного мата так была похожа на неистовый откровенный лай, что придавало обитателю клетки еще большее сходство с бешеным псом, готовым кидаться даже через решетку на любого, кто приблизится. И ведь, если не удастся укусить, так всегда можно облаять сполна!

Абсолютно никак не реагируя на нападки заключенного, конвоиры-кваари открыли вторую клетку, забросили в нее Майриса, повесили самый простой амбарный замок и поплелись прочь. И вплоть до того момента, как их спины скрылись в темноте голосистый пленник продолжал покрывать их проклятиями и обещать ниспослать на них кары не только планеты всей, но и демонов, и всей вселенной до последнего «вшивого микроба».

Когда же поток проклятий иссяк, мужчина довольно ухмыльнулся, хлопнул носом, вытер брызги слюны со своей щетины и впервые посмотрел на Майриса в упор.

— Экое неудачливое мяско попало... — с пугающей веселостью сообщил он.

— Че? — только и смог выдавить Майрис, сраженный наповал предыдущим фееричным монологом своего соседа.

— Ничё! Балбес, — огрызнулся мужчина и, потоптавшись на месте, сел в свой дальний угол клетки.

— Ты чего обзываешься? — совсем обалдел Майрис.

— А ты чего с неба падаешь, Пилот недоделанный! Хрен ли тебя в плен взяли, если бы летать умел!

Майрис припечатался к своей стенке клетки и так и обмяк от такого наезда.

— Что? Язык проглотил? — мужчина нервно запустил руку в свою копну длиннющих, до плеч, волос и раздраженно почесался. — Давай уже, вещай, как это было. Рассказывай, как ты геройски спасался, а потом тебя эти геройски сбили. Ну? Нечем похвастаться? Вот и не надо. Заткнись и спи.

— Да я и так молчу, — возмутился Майрис.

— Вот и продолжай в том же духе.

— Ты что вообще такой нервный? Радоваться должен, не один уже сидишь.

— Ачешуеть радость! — всплеснул руками мужчина. — В державе нашелся еще один лузер и долбоклюй, который признается в своем неумении себя спасти! Ща спляшу от радости.

— Ты что, псих что ли? — проворчал Майрис, задумчиво заглядываясь на собеседника.

— Я псих? Нет! Ты что. Я-то нормальный, — противореча своим словам, ответил пленник на разные тональности.

— А толку тогда, что ты на этих так разорался? — качнул головой Майрис и тут же пожалел об этом. Голову пронзило дикой болью.

— Ничё, щас пару деньков пройдет, все поймешь, — успокоил мужчину. — Ты, главное ворочайся побольше, когда эти ИРОДЫ ПРОКЛЯТЫЕ, — последнее он проорал, как мо громко на все селение, — будут к тебе подходить. Тогда меньше поить тоником будут.

— Каким тоником? — сжимая голову ладонями, спросил хрипло Майрис.

— А тем самым, от которого тебя будет потом так же как меня штырить. С-с-сволочи.

— Зачем? — простонал, уже почти ничего не понимая, парень.

Мужчина неспешно подполз к краю клетки и, заглядывая через решетку на Майриса, очень вдумчиво и искренне спросил:

— Ты что? Совсем дурак?

— Не жалуюсь.

— А ну иди сюда.

Майрис послушно подполз ближе. Теперь обоих пленников разделяла лишь двойная решетка. В слабом свете парень чуть получше разглядел своего соседа. Он был ненамного старше Майриса, с темными глазами, но вид сейчас имел абсолютно затасканный и заросший многонедельной щетиной.

— Будь готов к тому, что тебя будут очень своеобразно поить и кормить, — тихо и откровенно признался мужчина. Спокойный и неистеричный голос звучал довольно убедительно. — Им не нужно, чтобы с Баз засекли сигналы наших маячков. Смекаешь? Выдернуть их из нас они не могут, а вот приглушить запросто. Они тупо людей спаивают своими травами. И все. Ты идешь в ноль. Есть сигнал — нет сигнала — тебе насрать. Ты его не в состоянии понять. Ясно?

— Ясно, — шепнул в ответ Майрис. Пока что парень заставил себя не судить о собеседнике по первому впечатлению. — Но, а если маяк автономный? Вся энергия на исходящий сигнал тревоги? Тоже заглушат?

— Хм, — мужчина задумался и склонил голову. Майрис окончательно рассмотрел пленника и убедился, что когда-то еще недавно тот выглядел столь же крепко и прилично, как он сам. Просто спутанная копна каштановых волос и борода добавляли ему лишний десяток лет. — Хм... По идее, такое заглушить не могут. Но ты давай сперва сделай так, чтоб оно работало. Фантаст, блин.

Майрис невольно почесал шею со своим датчиком. Шлем с него успели снять давно, при этом разорвав герметичность всего костюма.

— Перед тем как меня взяли, — начал размышлять Майрис. — я успел с помощью бортового компьютера перепрограммировать маячок на такой режим и...

Грязная шершавая ладонь хлопнулась Майрису по рту, мгновенно заткнув его.

— А вот об этом больше слова ни-ни, — веселенькой интонацией заговорил снова сосед. — Я этого не знал, ты мне не говорил, информация засекречена, и ты сам забыл о том, что сделал. Если нет — у тебя было сотрясение, разрыв шаблона и памяти. Если не доверяешь себе — помогу, прошибу еще разок и все гарантированно забудешь.

Майрис отбросил ладонь пленника и отплевался.

— Понял, молчу, только не тронь меня больше.

— Ох, сомневаюсь, что это получится, — покачал головой мужчина и удрученно отполз в противоположный угол.

— За руками следи почаще, — посоветовал Майрис, в свою очередь отползая прочь и укладываясь на бок, чтобы поспать.

— Тебя звать-то как, чучело? — хмыкнул вскоре со своего угла мужчина.

— Майрис. А тебя, остряк? — ворчливо отозвался парень.

— Дэниел. Не скажу, что рад нашему знакомству.

— Симметрично.

Засыпая, Майрис с опаской поглядывал на сидящую напротив темную фигуру нового

вынужденного знакомого и думал, что именно таких хамов он всегда старался избегать по жизни. В основном, потому что не доверял им. И как быть с этим соседом, Майрис не знал. Во всяком случае, разделить бы с ним обязанности по прорыву из поселения парень бы не решился.

— Эй! Как тебя там! Майрис!

Увесистый пинок прилетел парню в лодыжку.

— Майрис! Просыпайся!

— Чего тебе? — спросонья вяло простонал парень на полном автоматизме еще толком не разобравшись в ситуации.

— Поднимайся, говорю, олух! Они идут! — шипя как раздраженная змея твердил Дениэл.

— Кто? А?

Майрис открыл глаза и увидел перед собой толстые прутья клетки и за

ними приближающиеся лапы нескольких кваари.

«Черт. Это все же был не сон? Нет? А я так надеялся... Может быть, я все-таки сейчас проснусь где-нибудь в кровати в академии и сегодня утром у нас будет намеченный первый полет? Может, все будут живы? Отчего же так спину ломит и все тело знобит? Нет, это точно не сон. Неужели я всю ночь провалялся на голой сырой земле?»

Загремел металлический замок и кваари открыли дверь клетки. Новоприобретенный знакомый все еще пытался разбудить Майриса.

— Да проснись ты, а то хуже будет! А... поздно.

Майриса вздернули за скафандр на ноги и двое кваари изучающе осмотрели его и общупали толстыми и гибкими щупальцами. Парень попытался вырваться и забрыкался.

— Майрис, не надо! — настойчиво посоветовал Дэниел, так и прилипший к своей стенке клетки. — Хватит. Потерпи. Сейчас лучше потерпи, а то сделают больно.

Майрис хотел было уже прислушаться к советам, но третий инопланетянин уже ткнул своим посохом парню под ребра, отчего по телу пленника прошелся внушительный электрический заряд. Дениэл тихо выругался, не в силах как-либо помочь.

Затем кваари вытащили Майриса из клетки и, закинув его одному на плечо, понесли прочь.

— Куда!? — выдавил ничего не понимающий парень и стал озираться по сторонам.

— Не бойся! — крикнул вслед Дэниел. — Не бойся и не сопротивляйся! Просто потерпи!

Когда Майриса затащили в какой-то ничем не приметный закуток и впихнули вперед носом в проход местного жилища, парень подумал, что здесь-то с ним и начнут вести настоящий допрос. Больше всего это жилище напоминало большой перевернутый горшок, склеенный из сомнительного животного вида пластин и прутьев, которые весьма ощутимо воняли тухлятиной. Не спасало даже маленькое вентиляционное отверстие в центре потолка, сейчас открытое и пропускающее свет. По стенам этой своеобразной юрты чего только не располагалось, включая полочки с многочисленными емкостями, ракушками, вперемешку с запчастями самолетов и даже скафандров пилотов.

Майриса усадили на ложемент в центре жилища и, не дав опомниться, насильно

напоили какой-то мутной зеленой жижей из рога. В первый момент парню показалось, что его стошнит от этой безобразной смеси. Что, возможно, таким образом его просто хотят запытать или даже отравить. Вырвать голову из цепких лап кваари было невозможно. Отмахнуться от питья тоже — чьи-то вторые лапы удерживали запястья. С каждым глотком Майрису становилось все странней и странней. Нет, боли в желудке не появлялось, ощущение тошноты тоже не усиливалось, а наоборот затихало. Движения всего вокруг будто замедлялись и на тело начинала накатывать какая-то упадническая лень. Майрис престал вырываться и обмяк, позабыв о плене, об окружающих его кваари и не обращая внимания даже на то, как его, абсолютно безвольного, начали освобождать от скафандра. По телу парня разливалась блаженная легкость. Как-то незаметно его невесомое тело приняло горизонтальное положение и вот уже глаза стали смотреть в вентиляционное отверстие в потолке. Очень слабо, на грани ощущений, чувствовалось как постепенно плечи, а затем и руки освободились от одежды. Майрис лениво повернул голову набок и увидел, как остро заточенной бурой пластинкой один из кваари вспарывал ему скафандр по шву. Майрису казалось странным, что ему совсем неохота было сопротивляться. Мир вокруг потускнел, утратил краски и неспешно поплыл. Майрис слушал булькающий и клопочущий разговор двух кваари и смотрел, просто наблюдал без особого интереса, как бурая режущая пластинка начала вспарывать ему кожу. Совсем не больно и даже интересно. Это вам не в потолок смотреть, тут действие завораживающее происходит. А что с другой стороны? О, а с другой стороны кваари помясистее прицеливается как бы отнять таким же ножиком руку. Раздумывает, прикидывает. Прямо как человек и даже суетится неловко так же. Но вот взмах, ножик проник в кожу, незаметно миновал кость и....

«НЕТ!»

Майрис вскочил со своего места раньше, чем сон полностью покинул его.

«Моя рука! Они что?.. Что с моей рукой?»

Лихорадочно парень ощущал свою целую и невредимую руку, затем задрал рубашку, недоверчиво осмотрел свой нетронутый живот и только тогда словно вспомнил, что ему надо дышать. От охватившего его ужаса и боязни закричать Майрис даже невольно задержал дыхание.

В затихающей панике юноша обнял себя руками, и задрожал как озябший. Перед ним была все та же клетка с толстыми прутьями, сам он лежал на земле, покрытой сушеной травой. А по соседству, да, все так же спокойно и хмуро наблюдал за ним Дэниел. И, словно отвечая на невысказанный вопрос, он пожал плечами и заявил:

— Галлюциноген. Не более. Сильнейшее в наших краях пойло, какое можно только намешать. Тебя залили вчера им под завязку, так чтобы ты не рыпался, пока тебя будут выковыривать из скафандра. А так же, чтобы вызвать помехи твоего маячка.

Майрис, все еще тяжело дыша, скорчил вопросительную мину.

— Того самого, — пояснил Дэниел, указав себе на затылок. — Они поняли, что пока их жертвы пьяны или в глубоком кайфе, то сигнал начинает жутко барахлить. И поэтому они стараются поить свою добычу так каждый день.

— Н-не хочу, — только и смог выдавить испуганно Майрис.

— А кто тебя спросит. И меня поят. И тебя. Тебе вроде бы еще повезло. По крайней мере, ты пришел в себя не от собственного ора.

— Зачем мы им? — в отчаянии просипел Майрис.

— Для опытов, — как можно более равнодушно ответил Дэниел. — Нас изучают. Как расу. Выбирают несколько особей и проводят разные эксперименты. На болевой порог...

Как вспышка перед глазами Майриса мелькнуло воспоминание бреда, в котором ему почти отрезали руку.

— ...На страх, на желания, на потребности. Чего ты боишься, Майрис? Хорошо, если ты это знаешь. Плохо, если твой тайный страх застанет тебя врасплох. Ну, а чего ты хочешь? Им это не менее важно.

— Я хочу убраться отсюда как можно быстрее, — раздраженно ответил Майрис, глядя в холодные глаза Дэниела.

— О, сомневаюсь, — взявшись руками за разделяющую их решетку, ответил Дэниэл. — Наш разум непредсказуем, а желания тела тем более. Здесь совсем темное место, парень. Я бы не стал бахвалиться своей смелостью и упорством.

— Как это делаешь ты?

Дэниел на миг осекся и злобно бросил взгляд на Майриса.

— Просто надейся, что твой финт с маячком сработает. Иначе я тебе не помощник. У меня нет желания успокаивать тебя после каждой истерики от твоих же страхов.

— Это если они будут, — Майрис поднялся с земли и, разминая ноги, стал прохаживаться по клетке.

— В чем я почти не сомневаюсь... — ответил напоследок Дэниел и закутался в оборванное тряпье, бывшее ему одеялом.

На следующий день Майрис понял, что Дэниел не врал. Рано утром парня снова вытащили из клетки и отвели в уже знакомую юрту. Напоили тем же самым отваром и просто стали ждать результата. От бездействия кваари Майрис начал панически озиаться по сторонам. Ему мерещились голоса, шепот, казалось, что кваари общаются у него за спиной и решают, что они будут отрезать ему сегодня. В каждой лапе инопланетянина парню виделся острый как бритва хитиновый нож. В каждой колбе на стене — зеленый отвар. Майрис думал, что когда-то, а может быть и сегодня, его попробуют проверить на объем желудка и влить в него столько этой пахучей дряни, что он просто лопнет. И никто не будет его зашивать. Бах и все. И нет человека. Был надувной человек и не стало. Экая досада.

А потом пришли призраки погибших товарищей. Син был дико зол. Он что-то говорил, указывал на Майриса пальцем и злился. Долго-долго, пока Майрис не закрыл уши, чтобы не слышать его неразборчивого бормотания. Тогда призрак попытался в отчаянии ударить его, но на лице проступила смертельная обида и рука Сина упала плетью, так и не замахнувшись. Дик пытался воззвать к совести. Глупый призрак, нашел чего искать. Совесть. Помнил ли еще Майрис, что такое эта совесть. Один Бейли молчал. Смотрел со стороны грустными глазами и тяжело молчал. И Майрис не выдержал этого. Закричал на них и попросил оставить его в покое. А потом еще долго повторял свою просьбу вновь и вновь, царапая ногтями свое ложе и с усилием зажимывая глаза. Но образы преследовали его и во тьме, молчаливые и одинокие. Терзали душу своим присутствием. Испытывали нервы. Ждали. Стояли рядом и слушали ополоумевший бред. И только когда действие галлюциногена стало затихать, Майрис незаметно для себя провалился в беспамятство и безмолвные призраки покинули его.

Пробуждение от бреда было столь же резким, как и в прошлый раз. Дэниел все так же

ютился в углу своей клетки и, по сравнению с первым днем встречи, выглядел гораздо бодрее. Зато сам Майрис осунулся и под глазами начали появляться синяки. Картины прошлого бреда неохотно всплывали в памяти. Майрис с силой надавил на виски, надеясь, что боль в голове немного утихнет. Но вместе с этим ему вспомнилось очередное испытание кваари над собой. Это их молчание. Попытались, значит, испытать терпение?

А потом вернулись картины видения своих товарищей. Вмиг Майрис вспомнил все, что видел минувшим днем, и подскочил на месте, когда ему почудились отголоски шепота призраков. Но тут же он столкнулся взглядом со спокойным Дэниелом и в душе у парня разом все вскипело.

— Наслаждаешься тем, что из-за меня тебе устроили перерыв? — проворчал с вызовом Майрис, стараясь не слишком демонстрировать своего раздражения.

Дэниел смерил его немного презрительным взглядом и снова отвернулся в сторону.

— Или уже начал скучать по волшебной водичке? Как ты сказал? «Если находишься под кайфом»? Что-то я нихрена не рад тогда такому кайфу! Посмотрел бы я на тебя, если бы и ты увидел все то, что досталось мне.

— Рот закрой, тепло выходит, — буркнул Дэниел.

Майрис осекся, но тут же от злости зашипел змеей.

— Нет, ты сознайся, я не пойму просто, — взъелся Майрис. — Тебе реально всю волю к сопротивлению отрезали, или ты тащишься с регулярных приходов от этого пойла? А? Что тебе видится в бреду? Неужто бабы голые? Или тебе и их не надо, а от одного глотка уже хорошо? Хрен ли ты терпишь все это? Тебе не надоело? Ты вообще хоть что-нибудь делал для того, чтобы выбраться отсюда? Я вообще к тебе обращаюсь, Дэн.

Очень неспешно Дэниел повернулся к Майрису и изучающее уставился ему в глаза.

— Прошло два дня, а ты уже сдался.

— Это я сдался?! — Майрис резко вскочил на ноги. — Посмотри на себя. И это Пилот человечества? Да ты больше на оборванца похож, на того, кому уже все равно. Не удивлюсь, если этим уже не интересно тебя изучать, потому что внутри ты уже опустошен.

— Я жду, — медленно и разборчиво ответил Дэниел.

— Чего же?

— Когда ты замолчишь, — осадил Майриса Пилот.

Юноша еще немного постоял на месте, раздраженно сопя, но затем вновь опустился на землю спиной к Дэниелу и принялся жадно поглощать принесенную кваари еду из миски, явно сделанной из чьего-то панциря.

Наутро все повторилось опять. И на следующее, и через три дня тоже. Подъем, юрта, противное питье и нескончаемый, все усиливающийся панический страх перед новыми опытами. Майриса изучали и проверяли на выдержку, иногда не делали с ним ничего, а только давали намеки. То нож снова продемонстрируют, то веревку. А иной раз при нем разделявали на соседней доске самую обычную обезьяну. Как назло с особой жестокостью и ничего не скрывая. А Майрис каждый раз, идя под охраной по дорожке, зарекался, что вот именно сегодня, именно «в этот день» попробует держать себя под контролем. Он хотел заставить себя осмотреться, отвлечься от его мучителей и продумать план побега из юрты, где его меньше всего стерегли, но... С новой порцией отвара он забывал о своих мыслях и целиком погружался в собственный страх. А сил на сопротивление оставалось все меньше.

Что же касается видений погибших товарищей, то они являлись Майрису в бреду еще

дважды и с каждым разом были все дальше и тише. Пробуждаясь от пойла каждый день, парень возвращался к ним своими мыслями и испытывал боль в душе. Все же, он остался жив, а они нет. Он им ничем не обязан, но если бы он мог отомстить... Однако, травянистое пойло все сильнее притупляло разум, и как-то Майрис позабыл о товарищах вообще. Осталось одно воспоминание ярости на кваари и желание отмщения. А отчего..., почему — Майрис почти не помнил. Либо разумное подсознание постаралось спрятать неприятные воспоминания поглубже. Так или иначе, парень словно бы дичал с каждым днем.

А вот Дэниел, которого на вид ни разу не вытаскивали из клетки, с каждым днем становился все мрачнее.

— Не ори, — очередной раз попросил он Майриса. — Думаешь, меня этим не поят каждый день? Тогда что же, по-твоему, нам подмешивают в еду?

— Лучше бы ты занялся поисками выхода отсюда, — злобно шипел Майрис.

— Лучше бы ты подумал, что у этих на уме и как нам продержаться, — перебил его Дэниел. — Они бы не стали держать двух пленников, если бы второй им стал не нужен.

— Что, печешься о своей не-востребованности? — съязвил до сих пор не отошедший от очередного шока Майрис.

— Я беспокоюсь, как бы нам не дожить до дня, когда станет только хуже, — цепким взглядом озираясь по сторонам, ответил Дэниел.

Через неделю, пролетевшую с быстротой суток, Майрис стал совсем плох. Галлюциноген не только истощал его с каждым днем, но и портил характер. А невольно получивший передышку Дэниел становился все спокойнее и старался как можно реже вступать в дискуссии со своим соседом. Майрис стал невыносим. Он злился на Дэниела по любому поводу, будь то его вопрос или наоборот молчание. Пилот же спокойно терпел и сносил все истерики и злость, разумно понимая, что всему причиной веселенькое пойло. Ведь был же этот юнец спокоен в первый день. Да, он был горяч, решителен, уже в первый день рвался в бой, но такой сволочью и грубияном не был.

«Жаль, конечно, парня, — рассуждал Дэниел, игнорируя очередной монолог Майриса. — Он явно не дурак. Да вот только объяснять ему, что вся его злоба — результат алхимии кваари, — дело бесполезное. Обзовет меня лентяем, гадом, трусом, а сам очередной раз расскажет о себе, как упорно пытается пробиться сознанием сквозь бред. Он конечно молодец, что пытается. Несомненно, польза в этом есть. Но вот если поймают его на этом деле... и поймут, что это возможно... Тогда плакала моя конспирация. Ведь в том и хитрость, чтобы привыкнуть быть настороже и не расслабляться ни на миг. Тогда даже в пьяном бреду можно научиться себя контролировать. Нет, мало этот парниша тут еще времени провел. Крайне мало. Он все еще боится одиночных пыток, в то время как самая карусель начинается во время пыток массовых... Бедный-бедный Майрис».

Лязг замка и скрип дверных петель раздался неожиданно прямо над ухом. Даже не успев разобраться, Дэниел инстинктивно подорвался с места и рывком отскочил в противоположную сторону. Туда, где он только что лежал, прилетела и схватила пустоту мясистая четырехпалая лапа кваари.

Дэниел мигом разобрался в ситуации. Разглядел стражника, пришедшего забрать его из клетки, быстро бросил взгляд на соседа и увидел, как второй кваари уже вытаскивал Майриса наружу. От осознания этого все надежды, какие еще оставались у Пилота, попросту

улетучились.

— Нет-нет. Давай не сегодня, я болен, — попытался безрезультатно договориться Дэниел, выставив вперед руки.

Кваари в ответ только что-то неразборчиво буркнул и, схватив Пилота за грудки, выволок из клетки.

— Не этого ли так долго ждал и боялся, Дэн? — язвительно хихикнул сбоку Майрис. — Видимо, сейчас будем веселиться на пару!

Дэниел ничего не ответил. Наоборот, прикрыв глаза, он попытался расслабиться и обмякнуть в лапах инопланетян. Зачем сопротивляться, если эти стражники просто выполняют приказы? Не им разыгрывать спектакль и не их убеждать. Сосредоточившись, Дэниел попытался успокоить свое сердце и вызвать в памяти как можно более неаппетитные эпизоды из жизни. «А вдруг сейчас прокатит», — почти без эмоций подумал Пилот.

Майрис же всю дорогу до юрты только и делал, что бурчал что-то себе под нос. Прислушавшись, Дэниел различил лишь обрывки фраз. «Я не боюсь», «я сильнее» — бубнил Майрис, впадая в какое-то свое безвольное состояние.

И каким бы дураком Дэниел ни считал Майриса, как бы ни ругал его мысленно за болтливый язык, к моменту подхода к юрте парень все же замолчал. Но каким-то пугающе привычным жестом он позволил напоить себя и расслабился. Смирился и потерялся в глубинах собственного сознания. Нет уж, для себя Дэниел решил, что не будет так быстро поддаваться.

Когда Пилота усадили на ложемент и местный «алхимик» подошел к нему с порцией зеленой жижи, Дэниел старательно побледнел, обмяк и попытался излить содержимое своего желудка на кваари. Единственным его промахом оказалось только то, что желудок его был неприлично пуст, и картина должного эффекта не получила.

«Ну, давай же, погляди на меня. Я крайне болен, непригоден для опытов. Меня надо отпустить или накормить. Но не этим...», — молил про себя Дэниел.

Но кваари был только разозлен этим и с неприсущим ему раздражением, вцепился в волосы Пилоту, запрокинул ему голову назад и влил пахучий отвар. Дэниелу даже показалось, что в интонации «алхимика» проскользнули издевательские нотки.

«Да помогут нам Высшие...», — проваливаясь в собственное подсознание, успел печально подумать Дэниел. Последней четкой картинкой, которой он успел разглядеть, был кваари-«алхимик», отдающий команды стражникам и активно размахивающий рукой в сторону куда-то прочь из юрты.

— Дэн. Дэ-эн! — вкрадчиво с издевкой звучал где-то на грани ненавистный голос Майриса.

— Открывай глазки, лентяй, пора отрабатывать свои бесплатные харчи.

В мутной и расплывчатой тьме Дэниел отмахнулся рукой от звуков.

— Вставай, умник, давай поиграем.

Что-то мелькнуло многоцветное перед взором и пропало. А в следующий миг будто скользкий клочок темноты больно прилетел ударом под ребра. Небо почему-то показалось сразу жестким и холодным. Дэниел явно чувствовал свои руки, пытающиеся отодвинуть неподъемную плиту небосвода, но она, проказница, не поддавалась. И только рухнув в бессилии, Дэниел почувствовал над собой... или это уже под собой... знакомый запах истоптанной травы.

«О, земля. Однако!» — равнодушно отметил Пилот и из последних сил заставил себя перевернуться лицом к настоящему небу. И тут же, не давая ему передышки, мутный шарик перед глазами сформировался в обветренный, грязный кулак и камнем прилетел в скулу.

Стало обидно. Стало просто-таки безмерно обидно! Дэниел замычал, сплюнул кровью набок и со всей дури пнул нависшую над ним тень. Удивительно, но тень взвыла и опала как озимая. Не долго думая Дэниел лихорадочно отполз в сторону и усердно принялся протирать глаза.

Вместе со зрением начал постепенно возвращаться слух. Оказалось, что со всех сторон монотонно галдели и квохтали на своем наречии десятки кваари. Они размахивали лапами с зажатыми в них факелами и будто бы подбадривающее рычали на вяло поднимающегося с земли Майриса.

— Ты чего? — только и смог ошалело выдать из себя Дэниел.

— Я? — передразнил его Майрис. — Я выполняю свою часть уговора.

— Какого...!?

Кваари грозно рыкнули, и Майрис, как спущенный с цепи пёс, рванулся вперед. Дэниел едва успел увернуться от неуклюжего пинка ноги. Вскочив с земли, он сам кое-как принял боевую стойку и начал отбиваться от размахиваемых без особого порядка рук Майриса.

«Да что же ты делаешь, олух! Что такого они тебе внушили!» — недоумевал Дэниел.

А Майрис, как заведенный, все продолжал махать руками, отвешивая неумелые оплеухи, и едва не спотыкался в попытках нанести удар ногами. Пилот понемногу приходил в себя и все легче блокировал выпады парня.

«Дурак! Ты же сам не хочешь! Это все их внушение. Не слушай. Не слушай...» — мысленно твердил Дэниел.

И когда в очередной раз разозленный своими неудачами Майрис промахнулся мимо головы Пилота, Дэниел почти без замаха ударил его кулаком в живот. Парень согнулся в три погибели и зашелся кашлем. Перед глазами заплескали разноцветные круги, а боль тяжелой волной прошла по ослабленному телу.

«Да когда ж ты кончишься!», — раздраженно зарычал Дэниел и следом ударил Майриса в скулу, мгновенно отправил его в нокаут.

Гул в рядах кваари сразу затих. И в этой пугающей нависшей тишине Дэниел обернулся к самому светлому участку площадки и встретился взглядом со старым и могучим инопланетянином, вольготно восседавшим в своем древесном «троне». Шарообразные хамелеоны глаза смотрели на Дэниела и не моргали. Рыбья пасть ухмылялась в легком оскале, и всей своей позой вожак выдавал любопытство и ожидание. Дэниел замер, даже боясь предположить, какие мысли могли сейчас вертеться в голове кваари. Но вот один палец инопланетянина поднялся с подлокотника и совершил короткий энергичный взмах. Пилот не услышал, но почувствовал за спиной какое-то движение и одним прыжком развернулся в воздухе. Один из кваари позади него уже заносил свой посох-копье над головой лежащего Майриса и вот-вот готовился совершить удар... Дэниелу показалось, что этот момент затянулся на минуты, что он смотрел на это копье, как зачарованный и, опережая действие, уже видел как кваари нанесет удар, как расколется голову парню, как завершит этот импровизированный «гладиаторский» бой... Даже не заметив, как поскользнулся, Дэниел не думая прыгнул на стражника, и когда тот уже начал опускать копье вниз, оттолкнул во много раз превышающего его весом кваари в сторону. Инопланетянин не устоял на ногах и рухнул под Дэниелом, роняя копье и удивленно вереща.

А Пилот лихорадочно ползком ринулся через стражника и обеими руками вцепился в выпавшее копьё. После чего неловко поднялся на ноги и встал с ним в боевую стойку, заслоняя собой Майриса.

Поверженный и удивленный кваари выпрямился снова во весь рост и не придумал ничего лучше, как вопросительно посмотреть на вождя. А тот, как ни в чем не бывало, ухмылялся и скалился. Все это время он не сводил испытующего взгляда с Дэниела и ждал его реакции. Поэтому, когда стражник лишь проквохтал что-то вопросительное, вожак отмахнулся от него, как от назойливой мухи. Его интересовали только люди. И по взгляду в эти нечеловечьи глаза Дэниел понял, что следующая задумка вождя может быть куда как хуже первой.

«Не получишь, тварь. Никого из нас не получишь, — дрожал от напряжения и злобы Дэниел. — Ни сейчас, ни потом. Попробуй только убить нас».

Но вождь не стал пробовать. Словно прочитав его мысли, кваари растянул свой оскал в еще большей ухмылке и махнул обеими руками. Дэниел даже не успел среагировать, как его взяли с двух сторон под руки, выдернули копьё и, чем немало удивив его, потянули прочь из площадки. Только по звукам позади Дэниел понял, что и Майриса тоже приказано было доставить обратно. На сегодняшний день испытания были окончены.

Пожалуй, это было самое тяжелое пробуждение Майриса в лагере кваари. Голова гудела и раскалывалась на части. Мышцы ныли от боли, и любое движение казалось пыткой. А еще как назло все воспоминания о прошлом дне начисто отсутствовали.

С тихим стоном Майрис повернулся набок и только тогда понял, что же это за скрежет раздавался у него почти над ухом. Все это время его сосед по заключению что-то лихорадочно обтачивал об камешек на земле и в упор не замечал пробудившегося парня.

— Дэн, башка трещит. Сделай перерыв, — промямлил Майрис, хватаясь за голову.

Не отрываясь от заточки, Дэниел только бросил хладнокровный взгляд на парня.

— Ну, перестань, слышишь. Всеми высшими прошу...

Убрав камешек под свой настил, Дэниел рывком встал и переместился к стенке клетки. Короткое затишье, которому уже хотел обрадоваться Майрис, вновь перешло в энергичный скрип мелкой пластинки по прутьям.

— Дэн!

— Ты что, совсем ничего не помнишь? — злобно оборвал его Пилот. — А кто пытался убить меня вчера на глазах всех местных, а? Кто сыпал угрозами?

— Я не...

— Что?! — живости, с которой Дэниел пытался подпилить прутья можно было позавидовать. С таким же упорством он, наверное, бы стал пилить шею и самому Майрису.

— Я не помню, чтобы хотел тебя убить, — сознался парень.

— Еще бы! — сплюнул Дэниел. — Накачали тебя травой и внушили, что я твой враг. Милое дело.

— Прости.

Дэниел ничего не ответил, лишь еще интенсивнее продолжил пилить.

— Ты чего делаешь? — осторожно спросил Майрис, щурясь от скрипа.

— Пытаюсь свалить отсюда, — сквозь зубы ответил Дэниел.

— Чего это ты вдруг? — мрачно заметил парень.

Дэниел, до этого терпевший, зарычал, подналег на свою ножовку, заскрипел ею по

пруту еще громче, а затем пластинка в его руке с хрустом раскололась, и Пилот по инерции проскользил костяшками пальцев по железу и сорвал кожу.

— Проклятье! — выругался он, ударил ладонью по клетке, а затем вскочил и с неистовством заехал истоптанным ботинком по многострадальным прутьям. — Сволочь!

— Дэн, хватит! Тебя услышат. Куда ты так засуетился?

— Ты что вообще ничего не чувствуешь? — разгневанной фурией обернулся к парню Дэниел. — Этот запах в воздухе.

— А что с ним? — искренне удивился Майрис. Да, какой-то сладковатый запах витал в воздухе, но парень принял его за цветочный аромат.

— Лучше не знай, — от безысходности Пилот рухнул на землю и прислонился к стене.

— Дэниел, — подозрительно и с опасением худшего после некоторой паузы спросил Майрис. — Сколько времени ты уже в плену?

Пилот покосился на испуганного парня и его злость как-то сама начала таять. В конце концов, этот Майрис не виноват в своем незнании. Так же как не виноват в том, что устроил вчера. Остатки воспитания и разума воззвали Дэниела к спокойствию. Пилот глубоко вздохнул полной грудью и медленно, успокаиваясь, выдохнул. Никто не виноват в том, что случилось. Ни сам Дэниел, ни тем более Майрис. Всему виной были только кваари, цель которых было не дать двум пленникам прийти к общему согласию. Это нужно было помнить. Об этом надо было знать. Но ведь он, Дэниел, пытался донести это до Майриса, а парень к тому времени уже попал под влияние инопланетян. Момент был упущен и вот, к чему это привело. Хорошо еще, что они не поубивали друг друга вчера. А ведь сейчас Майрис был уже совсем не такой, как прежде. Дэниел быстро понял это, стоило парню только заговорить. Само собой он был «трезв», но что-то вчера встряхнуло его так, что парень забыл о прошлой злобе на Дэниела. Может быть, подумал Пилот, это так хорошо на него повлиял увесистый кулак. Но сейчас Майрис представлял собой даже немного жалкое зрелище. Напуганный, потерянный, ничего не помнящий. «Я же даже не спрашивал, а у него ведь могли погибнуть в бою товарищи. Не то, что у меня, — размышлял Дэниел. — В этом случае для пленника он еще держался очень даже хорошо. Тогда с какой стати я на него так зол? Уж не за то ли, что сижу здесь дольше него?».

— Дэн? — шепотом осторожно позвал Майрис. — Как долго ты здесь?

Пилот едва заметно вздрогнул, вновь бросил короткий взгляд на парня, а потом все же сухо ответил:

— Около полутора месяцев.

— И ты все это время ждал случая выбраться? — всплеснул руками от изумления Майрис.

— ...И выбирался, — сознался Пилот. — Дважды. Но до границы отсюда далеко.

Майрис изумленно уставился на Дэниела в упор и не верил, что этот сдавшийся человек был способен на побег. Уставший, осунувшийся и заросший пленник, но никак не гордость флота. Что же такого случилось за время его плена, что так сломило его? Даже если оставить вчерашний день. Даже если забыть все те оскорбления, которые Пилот кидал в адрес парня. Он боялся чего-то и раньше, но сейчас страх победил его. Подстегнул на короткий момент, заставил в панике метаться по клетке и искать пути для побега, но когда они не сработали — страх опустошил его.

— Что ты знаешь, Дэниел? — спросил прямо Майрис.

— Помоги мне, — упавшим голосом взмолил Пилот. — Ты сможешь выстоять.

— Против чего!? — негодуяюще повысил голос парень, но Дэниел прервал его, резко схватив за грудки и подтянув к себе через прутья решетки.

— Против всего! Просто сделай, что я скажу. Мы сейчас как никогда раньше близки к границе. Я это вижу по зарослям. Нам есть смысл убираться отсюда. А ты как раз сможешь вытащить нас. Я научу, что нужно делать. Просто слушай и запоминай...

Когда за пленниками пришли на следующий вечер, Майрис был уже готов. Надеяться на помощь от Дэниела смысла не было уже с утра. Каким образом тот новый странный запах действовал на Пилота, парень так и не смог добиться вменяемого ответа. Казалось, что у Дэниела начинало болеть абсолютно всё. Он жаловался на голову, на живот, на сердце и даже на боль в зубах, и поделаться с этим было нечего.

«Ты еще мало пробыл в их лагере, чтобы столь бурно реагировать, — объяснял прошлым днем Дэниел. — Да, тебе будет плохо, но не так сильно, как мне».

И Майрису действительно к вечеру было паршиво. Наркоманы назвали бы это ломкой, аллергологи — резкой реакцией на вещество, но парень просто знал, что даже при обоих диагнозах все болело бы и трещало в организме и то меньше. Хорошо еще, что местные позаботились не баловать пленников едой в эти сутки. Желания выпускать обратно через себя драгоценную похлебку у Майриса не было.

Как и обещал Дэниел, стражник пришел за ними один и вел себя на удивление нервно и дергано. Будто торопился куда-то и хотел быстрее довести пленников до места и избавиться от них.

«Присматривайся по пути. Убедись, что в жилищах не осталось этих гадов. Надо быть уверенным, что наша дорога будет свободна», — вспомнил наказ Пилота Майрис и пригляделся.

Поняв сперва, что кваари ведет их не к привычной юрте, парень насторожился. Он силился запомнить дорогу, по которой их вели, запоминая факелы на перекрестках вытоптаных дорожек, прогалины, засаженные странными сферическими яйцами, размером с кулак и больше. Он запоминал и наросты на вековых деревьях, которые были кому-то подобием жилища, и даже ямы, из глубин которых разило дохлятиной. За кронами деревьев не виделось небо и Майрис даже не мог определить по звездам в какую же сторону их ведут и куда бежать, когда это все-таки случится. Мысли же «ЕСЛИ это случится» парень целенаправленно избегал.

Лагерь и правда на первый взгляд будто опустел. Не было видно даже снующих где ни попадя жуков-транспортников, служащих кваари домашними питомцами. Никого. Только монотонный гул звучал в стороне и, прислушавшись, Майрис понял, что стражник ведет его и едва перебирающего ногами Дэниела окольными путями именно в ту сторону.

«Я не могу тебе сказать «не бойся, парень». Наоборот, бойся так убедительно и искренне, как только можешь, потому что именно этого они от тебя будут ждать», — всплыл в памяти голос Дэниела и в нарастающем гуле Майрис позволил себе испугаться увиденного.

Большая открытая поляна в лесу была полна от сошедшихся со всей округи кваари. Они гудели, трещали и квохтали, как громадный рой. Лапы и щупальца на спинных наростах переплетались и больно хлестали Майриса, пока его вели через нескончаемые ряды инопланетян к центру всего сбирища. Сладковатый запах в воздухе становился все сильнее и удушливей. И вот, наконец, стражник протащил пленников мимо своих собратьев и почти швырнул поспешно на землю в единственную небольшую открытую площадку. Майрис

задрал голову, и почти нос к носу встретился с вожаком, развалившимся на древесной коряге. У его ног тлел хворост, смешанный с рыжеватой травой, которая и выделяла столь необычный запах на весь лагерь.

«Испугайся перед ним как следует. Не дай ему понять, что ты еще способен здраво мыслить».

Майрис помнил слова Дэниела почти наизусть и строго следовал плану. Но когда вожак кваари нагнулся к ним, чтобы рассмотреть пленников своими подслеповатыми глазами, парень испугался по-настоящему. Не той страшной морды со старческой обвислой кожей, какая была у вожака, и не его жуткого пульсирующего как сердце на копье посоха. На короткий миг Майрис испугался его стеклянных глаз, и того, как жадно и с наслаждением кваари вдыхал запах страдающих и перепуганных пленников.

«Ну а дальше только ждать».

Если бы Майрис знал, что будет происходить дальше, если бы он имел хоть малейшее представление, никакие бы наставления Дэниела ему бы не помогли. Бежать — вот что захотелось Майрису в первый момент, когда он увидел что начали вытворять кваари. А они в свою очередь все разом будто и забыли про пленников. Насытились их страхом и сцепились друг с другом в верещащем месиве. Перемешались лапы и щупальца, гвал и воркование прерывались где-то пронзительными визгами. На поляне начался настоящий ад. Майрису показалось, что кваари просто накинулись друг на друга и начали пожирать соседей, но присмотревшись, он понял, что это не общественный ужин, а самая настоящая оргия. Инопланетяне вопили и рычали в общей куче от боли и удовольствия. Они вдыхали запах сжигаемого благовония и впадали в блаженное беспамятство, в котором сливались по двое и трое. Это было дико для человеческого глаза и страшно видеть как пара могучих тел огрызались и дрались за свою особь, а затем по очереди или даже вместе совершали свой долгожданный акт. Редкие матки при этом визжали как резанные, разрывая гвал душераздирающим звуком. Майрису не оставалось ничего кроме как зажмуриться, закрыть уши чтобы не слышать и ждать. А Дэниел... Дэниел был не в состоянии даже осознать происходящее. Где было его сознание в данный момент и что виделось ему в таком состоянии, Майрису было страшно даже подумать. Губы Дэниела дрожали, глаза было крепко закрыты. Он лежал на земле в позе эмбриона и прерывисто дышал, обливаясь холодным потом и изредка вскрикивал, будто от одному ему ощутимых ударов.

«Пора, пора, пора!» — твердил себе Майрис, а сам боялся пошевелиться. Ему казалось, что стоит ему издать хоть шорох, вся эта куча кваари может наброситься на него. Уж не это ли видел в своем бреду Дэниел?

Майрис распахнул глаза и гневно уставился на вожака. Тот сидел на коряге, закатив глаза к небу, и наслаждался разносившимися по поляне звуками.

И когда Майрис уже собирался сделать то, о чем просил его Дэниел, произошло сразу несколько вещей.

Звуки вокруг будто сбавили громкость и ушли в фоновый режим, в голове раздался тонкий едва различимый писк. Майрис не обратил на это внимания и протянул руку к одному из пучков дымящейся травы у подножья коряги вожака. Пожилой кваари насторожился и повел носом в сторону пленников. И лишь затем, остановив Майриса в самый последний момент, в голове у него раздался треск передаваемого сигнала и долгожданный голос Грэя, чей безэмоциональный транслятор было не спутать ни с кем:

— Пилот! Я слышу твой сигнал! Держитесь. Помощь уже идет.

Майрис от неожиданности отдернул руку и вожак снова впал в свою эйфорию беспамятства.

«Грэй? Помощь! Как же быть? Нельзя выдать себя. Нельзя подавать признаки. Не шевелиться! Или все же попробовать? Вдруг помощь не спасет, зато мы выберемся сами. Сложно выбрать! Думай, Май, думай!»

«Даже если когда-то за нами отправят помощь, они не смогут пробиться в лагерь! Их учуют за пару километров от границы. Так что не надейся, парень».

«Да, Дэн был прав. Нас не вытащат отсюда. Зато если смогли отследить сигнал тут, то в лесу нас тем более будет проще отловить. Значит... решено!»

И не колеблясь более, Майрис молниеносно выбросил руку вперед и оторвал пучок пахучей травы от коряги. Вожак этого рывка даже не заметил.

«А теперь — точно ждать! А Дэн? Надо успокоить Дэна».

Не обращая внимания более ни на кого и игнорирую какофонию диких звуков, Майрис спрятал траву за шиворот и кинулся к Пилоту.

— Да тихо ты!

Он пытался удержать Пилота за плечи. Пытался привести в чувства, но все было тщетно. Дэниела колотило в ознобе и из груди его продолжали вырываться испуганные возгласы. И Майрис, видя и слыша это, забывая о себе, начинал понимать этот бессознательный бред. Казалось, он мог видеть то, что снилось в глубоком сне сейчас Дэниелу. И ему больше ничего не оставалось, кроме как сидя на земле крепко держать друга на руках и не давать ему прикусить собственный язык. Безумная паника начинала накрывать и его самого, но Майрис боролся как мог. Монотонно раскачивался вперед-назад, убаюкивая товарища, смотрел на землю под ногами и уверял себя в том, что только она реальна. Только земля, их с Пилотом истоптанные ботинки, лохмотья одежды и руки, накрепко сцепленные друг с другом. А все что вокруг — лишь сон, мерзкий и сумасшедший, который надо пережить. От которого надо проснуться.

«Хватит, Дэн. Прекрати бояться... Очнись же. Никого нет. Тебе кажется. Хватит, всеми Высшими тебя прошу...Дэниел!»

Тот же самый торопливый кваари-стражник оттаскивал пленников обратно в их клетки. Худо бедно, Майрис тащился за ним на привязи на своих ногах, спотыкаясь о коряги и вздрагивая от любого постороннего шороха в кустах. Дэниела сперва стражник пытался тащить за одежду волоком, но после того как Майрис повис у него за это на руке и уперся ногами в землю, вскинул Пилота на плечо, как тюфяк.

Майрис едва поспевал за кваари. Тому явно мечталось вновь избавиться от пленников быстрее. Какие люди, если там на поляне его ждало развлечение и долг поболее, чем какие-то люди!

У самых клеток, Майрис догнал кваари и, подпрыгнув, воткнул пучок дурманящей травы в небольшую щель между спиной стражника и его бесформенным горбом-симбионтом на спине. И сначала, в первые пару секунд не произошло ничего. Майрис остановился, веревка, идущая от его рук, натянулась, кваари замедлил шаг, замер на месте. Веревка выпала из его лапы, Дэниел рухнул с обмякшего плеча на землю. А затем, тонко взвизгнув, кваари рывком развернулся на месте и кинулся обратно к поляне, будто забыл там нечто важнее порученных ему пленников. Майрис только и успел, что отпрыгнуть от него в сторону и выдернуть веревку из под ног. Ошарашенным взглядом, не веря в такой

поразительный результат, парень косился на кваари пока тот не скрылся в темных кустах. После чего Майрису потребовался всего миг, чтобы прийти в себя и начать немедленно распутывать руки.

Высвободившись из нехитрого узла, парень бросился к Дэниелу и вновь попытался растряссти его. Взыл от отчаяния, когда понял, что и сейчас все бесполезно. Пришлось взвалить бесчувственного Пилота на спину и нырнуть прочь с дороги в кусты.

Куда прорываться, Майрис имел лишь теоретическое представление. Он понимал, что надо идти прочь от шума на поляне, в заросли и чем они будут гуще, тем лучше. Грузные и широкоплечие кваари не столь ловко будут пробираться по диким кустам. Неизвестно, как они видят в темноте, но то, что грацией они не отличаются, Майрис знал не понаслышке.

«Глубже. Дальше... Ничего не видно! Ладно... Глаза привыкнут. Вперед. Нужна вода».

На удивление Майрис вел себя предельно расчетливо и старался не думать о том, что будет, если их пропажу заметят. Более того, он старался вообще забыть об этих инопланетянах и не оборачиваться.

Через несколько минут пути, как ему казалось, Майрис наткнулся на тонкий ручеек сточной воды из поселения и, недолго думая, сбросил Дэниела на землю. Потом небрежно взял его за волосы и несколько раз окунул Пилота лицом в воду.

После третьего погружения Дэниел издал первый осознанный стон и замахал руками. Майрис мигом вытащил его из ручья, за что тут же случайно получил локтем в скулу.

— Уймись живо! — зашипел на Пилота Майрис и захлопнул ему рот ладонью.

Дэниел замер сразу и без вопросов. Непонимающе и испуганно огляделся, после чего круглыми глазами уставился на Майриса и вопросительно промычал.

— У нас получилось, Дэн, — прошептал Майрис, убирая ладонь. — Мы ушли!

— Как... далеко? — откашливая воду, поразительно вменяемо спросил Дэниел.

— Минут десять, пятнадцать пути.

Дэниел подавился вновь.

— Какого... ты тогда расселся! Валим живо!

— Но ты же...

— Бегом! Справляюсь.

— Ты хоть знаешь, куда идти?

Майрис пробирался за Дэниелом след в след. Густые заросли неохотно пропускали беглецов вперед.

— Знаю, — обрывисто ответил Пилот, не оборачиваясь.

— Ну и... поделись.

— На открытое место.

— Зачем?! Чтоб нас вычислили по следу?

— Если дойдем быстро, то не успеют.

— Отчего ты так уверен? — недовольно скривился Майрис.

Дэниел терпеливо вздохнул.

— Видишь ли, у нас есть пара суток форы, пока они очухаются и придут в себя. За это время надо сориентироваться и убраться как можно дальше.

— Тогда расскажи на милость, зачем надо было нестись сломя голову, если у нас есть сутки?

— Потому что! — вскипел Пилот. — Их жуки могут нас учуять. Вообще ты много

вопросов задаешь, тебе не кажется?

— А тебе не кажется, что ты держишь меня в неведении? — все еще с кривой миной на лице спросил Майрис. — Сперва на тему того, что было бы со мной в плену, потом на тему этой оргии. Сейчас — не говоришь, куда мы направляемся. Дэниел! Я тебе, кажется, жизнь спас, а ты даже не удосужился меня как минимум поблагодарить.

— Еще не спас, — буркнул Пилот, вертя головой по сторонам и принохиваясь. — Спасенными будем на плацу Базы.

— И, тем не менее «спасибо, Дэн» за то, что рассказал свой план по одурманиванию стражника, — язвительно продекламировал Майрис.

— Угу.

— И «спасибо, Дэн», что был в отключке, пока я добывал эту траву. Знаешь, это было не просто и меня едва не поймали за этим делом. Если бы не Грэй.

— Угу, — выйдя на небольшое открытое место, Дэниел уставился в небо.

— ...Ты вообще слушаешь? За нами помощь идет. Со мной вышли на связь!

Дэниел остановился, затем напрямик направился к поваленному дереву.

— М... Здорово, что могу сказать.

— Ты как-то не рад.

Забравшись на дерево, Дэниел огляделся по сторонам, определил одному ему понятное направление. Затем неторопливо и осторожно спустился с коряги и отряхнул ладони.

— Понимаешь, — начал он равнодушно, — не хочу тебя разочаровывать, но это ничего не значит.

— Почему же? За нами же вылетели. Мы уйдем подальше, как ты и говорил, и там нас подберут.

— Ты много видел спасенных из плена Пилотов? — Дэниел впервые с момента погони уставился Майрису в глаза.

— Нет, — твердо сказал парень. — Неужто ты хочешь сказать, что это бред? База никогда не бросает своих пилотов!

Губы Дэниела растянулись в тонкую сочувствующую ухмылку.

— Чего? — нахмурился Майрис.

— Молодой ты.

— Постой, что ты хочешь этим сказать?

Дэниел отвернулся и пошел в лес дальше, Майрис бросился следом за ним и почти сразу же наткнулся на Пилота. Дэниел ткнул указательным пальцем парня в грудь.

— Я хочу сказать, что в такие дебри не залетит ни один спасательный корабль. А так же что ни один здравомыслящий командир не отдаст приказ спасти пленного из этой дыры. Он скорее пощадит еще один самолет и пустит пленного в расход, записав его погибшим в бою. Мы дешевле техники, Майрис. Нас не выгодно спасать.

— Но в академии уверяли... — дрогнул голос парня.

— Академия примет новых курсантов и не будет лишней раз нарушать границу с кваари ради нас, — с железной интонацией продолжил Дэниел. — Это незаконно.

— А законно было брать нас в плен?

— Законно, что ступив за Границу, мы стали принадлежать сами себе. А то, что выкармливать нас взялись кваари — никого не волнует. За мной не присылали помощи. Я, так же как и ты ждал и надеялся в первый раз! Пока не выучил это транслируемое сообщение наизусть. Они дают нам надежду и ждут, вдруг мы все же не сломаемся и выйдем. Я хочу

выйти. Хочу вернуться на Базу и надрать своему командиру задницу, за то, что посылал это гребанное сообщение в записи.

Дэниел, покрасневший от накатившей злобы, с шипением вдохнул воздух через стиснутые зубы.

— Я не знал, — растерянно ответил Майрис, борясь с желанием попятиться.

— Ну конечно. Можешь, если хочешь, считать что твой командир не такой кретин как мой и надеяться. Только совет — для разнообразия — попробуй все же наладить с ним обратную связь, — Пилот издевательски подмигнул, — И помяни мое слово, когда это у тебя не выйдет.

И развернувшись вновь, Дэниел пошел дальше. Майрис остался на месте, обдумывая его слова.

— Эй, Дэн? — окликнул он его, когда Пилот почти скрылся в зарослях.

— Что?

— Куда ты теперь?

— На север, — сквозь кусты мелькнуло, как Пилот ткнул пальцем в небо. — Мне нужно забрать свое небольшое имущество.

— Где же оно! черт побери...

Вот уже минут пять как Дэниел рылся в кустах рядом с водопадом. К этой новой поляне беглецы вышли спустя час, и все это время Майрис молча брел следом, так и не поинтересовавшись ни о чем. Заводить беседу с Дэниелом лишний раз ему просто не хотелось. Майрис догадывался, что от этого раздраженного типа сейчас ничего полезного не добиться, а держаться вместе было просто жизненно необходимо. Поэтому только когда парень устал слушать это копошение в траве, он окликнул Пилота.

— Скажи мне, что ты ищешь, и я тебе помогу.

— Не найдешь, — резко бросил в ответ Дэниел, будто это Майрис был причиной его неудачных поисков.

— О да, ты так уверен.

Пилот не отреагировал.

— Сколько там до границы ты говорил? Дня три? Как-то не похожи эти заросли на убывающие. Мы патрулировали над такими в своем первом вылете. И вот скажу тебе...

— Ты еще подбодри, — оборвал его Дэниел, рывками вытаскивая нечто из-под камней.

Предмет явно никак не поддавался, и Пилот, выругавшись, уперся ногой в камень и дернул изо всех сил. Затем еще раз. На третий камень с чавканьем отлип от глины и перекатился на бок. Дэниел потерял опору под ногой и, неловко взмахнув руками, рухнул на землю.

Майрис дернулся было на помощь, но из кустов донесся торжествующий возглас:

— Есть!

— Хм? — Майрис изобразил равнодушие.

— Вот, — Дэниел встал и отряхнул сперва свою находку, а потом себя — теперь не помрем с голода.

Развернув сверток тряпок, Пилот извлек на свет боевой пистолет, по-видимому бывший когда-то его табельным оружием.

— Ты что... собрался этим дичь добывать? — обалдел Майрис. — Погоди-погоди. Откуда оно тут вообще?

— Что глаза то загорелись? — ехидно улыбнулся Дэниел и ласково протер пистолет рукавом. — Да, я догадался, что когда меня будут брать в плен, то отнимут все игрушки и выкинут. Поэтому я предпочел все спрятать заранее.

— У тебя там случайно автомата не завалилось? — завистливо хохотнул Майрис.

— Остроумно.

— Так ты вообще как этим собрался еду добывать? Оно же от дерева любого и щепки не оставит.

— Не уверен. Смотря как настроить, — задумчиво покрутил в руке пистолет Дэниел.

— Пробовал? — скептически скривился Майрис.

— Нет.

Парень угрюмо посмотрел на Дэниела.

Пилот озадаченно пожал плечами.

Их молчание прервал звонкий стрекот сверчка.

— Просто так далеко я еще не забирался, — всплеснул руками Дэниел.

— Но мы ведь и суток не прошли.

— Да... Я говорил, что нам пока крайне везет.

— Надеюсь, — рассерженный на такое беспечное отношение, Майрис пошел прочь.

— Эй, ты куда?

— К границе. По пути поднимусь на возвышенность, попробую установить обратную связь. А у тебя другие планы?

— Я иду к своему кораблю, — Дэниел деловито засунул пистолет за пояс.

Майрис остановился как вкопанный и покосился на Пилота.

— Он примерно в семи километрах отсюда, — терпеливо пояснил Дэниел. — Дойду, попробую завести. Повреждения там мелкие, косметические. Если удастся развернуть батарею на день, то взлететь можно.

— Где?

— Там...

— Это же почти обратно! — воскликнул возмущенно Майрис.

— Ну не совсем.

— Ты собрался опять идти в ту сторону?! Одумайся. Да тебя опять схватят пока ты будешь его реанимировать.

— А ты предлагаешь тащиться пешком неизвестно сколько и куда?

— Ты же сам указал направление!

— Но я понятия не имею сколько нам идти! Может быть три дня, может быть тридцать три! Ты хочешь идти до границы неделю? Без еды, без воды, убегая от их «гончих».

— Я верю в то, что за нами явится группа спасения, — настойчиво повторил Майрис.

— Твою налево!.. — фыркнул Дэниел. — Тебе их официальный отказ нужен? Парень, я не хочу, чтоб ты помер от голода, поэтому предлагаю пройтись до моего корабля.

— А я не хочу, чтобы нас вновь схватили, — стоял на своем парень. — Поэтому — идем к границе. У тебя есть оружие, еду добудем...

— Дурак, — протянул Дэниел, уходя.

Майрис зарычал от раздражения, плюнул и развернулся в противоположную сторону. Но не сделал он и шага, как в его голове раздался тихий треск.

— Дэн, стой...

Треск повторился и обратился тонким пронзительным писком.

— Дэн!

«Майрис? Где ты?», — разделся долгожданный голос Грэя.

— Дэниел! — надрывая горло, проорал Марйрис. — Сигнал!

— Хм? — Пилот наконец-то обернулся.

«Майрис. Твои координаты изменились. Не могу настроить обратную связь. Твой маяк, кажется перепрограммирован».

— Отвечают! Это не запись. Они знают, что мы не в лагере.

«Не могу знать, что вокруг тебя. Сигнал нестабильный. Но ты теперь ближе. Продолжаю поиски».

— Что говорят? — бодро, стараясь не выдавать излишней радости, поинтересовался Дэниел и подошел обратно к Майрису.

— Ищут, — после паузы ответил парень. — Грэй ищет. Нам нужно идти в том же направлении.

— Сколько?

Майрис пожал плечами.

— Пока не наткнемся друг на друга вслепую.

Ночь в лесу выдалась влажная и холодная. Разводить костер было опасно, а тонкая одежда плохо сохраняла тепло. Майрис пожалел, что во время побега не догадался украсть из их клеток хотя бы одно покрывало. Да и мешало бы оно большую часть времени. Но холод заставлял жалеть об этом упущении. Дэниел тоже держался как мог. Сперва он нес ночную вахту. Бродил вокруг привала, растирал себя руками, старался двигаться и согреться. Но к середине ночи продрог окончательно. Во время своего дежурства Майрис предложил Пилоту спать сидя, прислонившись спина к спине и так хоть немного согреться. От голода желудки обоих уже начинали завывать разве что ни в унисон.

На утро лес разбудил беглецов холодным дождем. Майрис обругал себя за то, что бесстыдно заснул на вахте, но так и не признался в этом Дэниелу. Найдя какой-то раскидистый куст лопуха, оба спрятались от дождя под его листьями и потеряли драгоценное время для пути. Когда дождь миновал, Майрис с Дэниелом двинулись дальше, ускорив шаг.

Весь день на их пути так и не попало ни единой птицы или животного. По-прежнему стрекотали сверчки, хлопали хвостами по воде в речках рыбы, летало и жужжало огромное разнообразие насекомых, но дичь найти так и не случилось. К вечеру беглецы оголодали уже настолько, что рискнули попробовать на вкус молодые ягоды. Ночью оба едва не затаив дыхания ждали как же отреагируют их организмы на неизвестную пищу, но им повезло вновь — ягоды не были ядовиты.

От усталости и истощения к утру вновь заснули оба. А проснувшись, позавтракали остатками ягод и двинулись дальше в путь. Майрис все ждал повторения сигнала, но Грэй больше не выходил с ним на связь.

Дэниел же прислушивался к звукам леса, безрезультатно пытаясь наслушать птицу. И именно его внимательность спасла обоих.

— Стой, — сказал Дэниел шепотом и обернулся.

Майрис замер и вслушался. Все то же жужжание насекомых и близкое журчание воды. Но было и, правда, нечто новое. Какой-то ритмичный хруст веток.

— Дэн. Ты слышишь это?

— Слышу, — Пилот затравленно озирался, пытаясь угадать направление.

— Бежим? — шепотом спросил Майрис.

— Погоди... могут услышать.

— Они и так идут следом! — шикнул парень.

— Не факт.

Хруст веток стал еще ближе, и следом послышался знакомый треск хитиновых панцирей.

— ...факт, — поправил себя Дэниел и тут же следом прошипел. — Дёру!

Майрис рванулся вперед с такой прытью, которой не ожидал от себя после пары суток истощения. Дэниел не отставал. Раздирая кусты, перепрыгивая через коряги, парни неслись вперед не зная что будут делать. А их преследователи, заслышав шум, бросились следом и треск хитиновых панцирей становился все отчетливей.

— Дэн, надо отбиваться! — проорал, уже не скрываясь, Майрис.

— Другие слышат!

— А эти догонят! — лавируя между тонкими стеблями уходящего вверх бамбука рывкнул парень.

— Дьявол! Сюда! — Дэниел резко сменил направление и прыгнул в канаву.

Майрис нырнул следом и пригнулся. У обоих оставалась слабая надежда, что их могут попросту не заметить и пробежать мимо.

Пилот выглянул наружу и выругался. В просвете стволов виднелись бегущие прямо в их сторону могучие тела кваари. Перед ними, как ищейки, стелились по земле огромные жуки, которые трещали и скрипели панцирями.

— Стреляй, чего же ты ждешь! — взвыл Майрис, выглядывая рядом.

— Пусть подойдут ближе.

Расстояние неумолимо сокращалось. Первые жуки уже начали оббегать добычу с боков, закрывая пути к побегу.

— Ну же!

Трясущимися руками Дэниел вскинул пистолет и выстрелил. Яркой голубой заряд вонзился в стебель бамбука и взорвал его изнутри в щепки. Холодная волна дрожащего воздуха рябью прошла по месту взрыва. Один из кваари на бегу выставил свое копьё и выстрелил водянистым плевком. Майрис рывком прижал Дэниела к земле и сам спрятался обратно в канаву. Кислотный зеленый плевок зашипел на земле в том месте, где только что были руки беглецов.

Дэниел выглянул второй раз и уже уверенней выстрелил в кваари, но тот ловко отпрыгнул в сторону. Жуки были уже почти совсем рядом.

— Дай мне! — орал Майрис, протягивая руку — Дэниел! Дай мне оружие!

Не слыша его, Пилот продолжал отстреливаться и промахиваться. Тогда Майрис вцепился в его ладони, толкнул плечом и выдернул пистолет из рук. Один миг — на то чтобы зафиксировать локоть и удобней перехватить рукоятку, а затем размеренные четкие выстрелы. Сперва беглые на жуков, затем в землю перед кваари. Взрыв, земля взвилась комьями вверх, закрыла обзор, а следующие пули встретили уже тела растерявшихся инопланетян. Последним получил свою пулю огромный жук, который подполз слишком близко и уже встал на задние лапы, раскрыв жвала. Майрис вновь пихнул Дэниела в канаву, и уже залегая следом и выставив одну руку, почти в упор снес жуку половину тела.

Тяжело вздохнув как рыба от резкого перепада воздуха рядом со взрывом Дэниел сел и

все еще возбужденными глазами оглядел место побоища.

— На, получай, — хмуро сказал Майрис, вкладывая пистолет обратно в ладони Пилота. Дэниел скользнул взглядом по оружию, будто впервые замечая его в руках.

— Неплохо, — высказал он, в конце концов и, поднявшись, пошел следом за Майрисом дальше.

Через полчаса пути и тщательного вслушивания в звуки, ни Дэниел, ни Майрис больше не чувствовали опасности и погони за собой. Все так же стрекотали мелкие насекомые и шумела на ветру листва. Бамбуковые заросли вновь сменились толстоствольными деревьями, а подлесок стал непроходим от густого кустарника.

Майрис раздвигал перед собой заросли папоротника, когда это случилось:

— Стоять на месте и не двигаться!

Электронный голос, немного измененный и правильный. Без оттенков эмоций и повышенных тонов. Как знать, возможно ли обладатель этого голоса кричал или испуганно предупреждал. А может он и вовсе угрожал.

— Грэй? — изумленно воскликнул Майрис, застыв.

Дэниел отреагировал моментально. Рука с пистолетом взметнулась вверх и безошибочно уставилась в кусты, откуда исходил голос.

— Твой позывной, курсант!

Майрис едва ли не спинным мозгом чуял, как его держали на мушке, но, тем не менее, ответил нетерпеливо:

— Не положено курсантам позывных. Рэдсон моя фамилия. Курс 3В, шестой месяц обучения.

Дэниел по-прежнему держал кусты папоротника на мушке, когда развесистые листья раздвинулись и на открытое пространство вышел сам Грэй, облаченный в свой защитный серый костюм.

— Майрис! — раздалось восторженно из переводчика над виском инопланетянина, и он опустил свой пистолет.

— Грэй! Старина!

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Парень рассмеялся впервые за все время плена, метнулся к инопланетянину и из радостных чувств обнял, что было сил. На что Грэй, ни на миг не растерявшись, по-братски похлопал его по спине и, как показалось, Дэниелу даже улыбнулся. Если конечно вообще ему был знаком смысл улыбки.

— Как?! Как ты смог найти нас? — затараторил Майрис. — Где твой корабль? Что с другими пилотами нашей группы? Вылетел ли кто-нибудь еще на помощь?

— Позже, — оборвал его взмахом руки Грэй. — Это кто?

Взгляд Майриса проследил за Грэем и остановился на Дэниеле, все еще целящемся в инопланетянина и не знающим, как ему стоит реагировать.

— Опустить оружие, Дэн, — попросил Майрис как можно спокойней. — Это наша помощь. Грэй? Это Дэниел, он помог нам бежать из лагеря.

— В моем приказе ничего не сказано о второй персоне. Я не...

— Вот значит как, — мигом догадался Дэниел и опустил пистолет. — Значит, стоило мне все же идти к своему кораблю. Группа спасения не для меня...

— Мы забираем его тоже! — твердо высказался Майрис.

— Да ладно, как хотите...

— Грэй, в чем дело? Договаривай.

— Не в том дело, что его у меня нет в приказе, — поспешно стал оправдываться инопланетянин, видимо понимая, что начинает назревать разногласие. — Просто мой корабль должен был быть небольшим, чтобы пробраться незаметно сюда, и он рассчитан строго на две персоны.

Короткую повисшую паузу прервал сомневающийся голос Майриса:

— Совсем на две? Или две с половиной?

— Совсем.

— И за что мне это... — вдруг уставшее с отчаянием проговорил Дэниел и сел на корягу. — Первый же страховый случай, и вот угораздило же оказаться в этом чертовом лесу на пару с пилотом-недоучкой и его дружкой-инопланетянином, который сподобился прислать не корабль спасения, а ракушку на два места...

— Дэн, не переживай. Мы сейчас вызовем помощь через передатчик Грэя.

— Да никого сюда не пошлют. Тут опасно, как в пасти у аллигатора, — всплеснул руками Дэниел.

— Он прав, — кивнул до этого внимательно слушающий Грэй. — Мы предоставлены сами себе. Спасение — моя инициатива. Связь с Базой отсюда — запрет. Кваари могут перехватить сигнал.

— Тогда что ты предлагаешь? — спросил Майрис.

— Идти к моему кораблю. Придумаем по пути. Можно дважды слетать до Базы.

— Выхода нет. Дэн, поднимайся. Дэн?...

Пилот, не реагируя пристального глядел в кусты, от которых они пришли, и прислушивался.

Грэй грациозно пригибаясь как хищник вышел вперед и поднял свои кожистые перепонки на голове. Глаза его прищурились, а лапы вновь легли на оружие на поясе. Майрис бросил взгляд вниз и только сейчас разглядел, что стало с ногами инопланетянина. Он даже забыл на миг, что за ними может быть погоня — так его удивила эта метаморфоза. А оказалось, что не было у Грэя никогда никаких копыт на ногах. Сейчас эта нелепая обувь была снята, и по земле, очень мягко раздвигая траву и не оставляя следов, ступали лапы, с загнутыми назад пальцами. Словно Грэй шел на костяшках кистей рук, которые были мощнее и сильнее верхних конечностей. И удивительно, но такое строение ног оказывается могло удобно использоваться.

— Надо бежать, — заключил Грэй. — Их много. Не отбиться.

— Далеко? — деловито спросил Дэниел, вскакивая с коряги и проверяя боезапас пистолета.

— Тысяча триста пять метров, — ответил Грэй.

— Веди, — кивнул Майрис.

И вся троица бросилась напрямик через кусты, ведомая инопланетянином.

Майрис бежал следом за Грэем и порой только и успевал, что видеть ускользающий от него в листве длинный тонкий хвост. Казалось, инопланетянин был прирожденным жителем леса. Как он лавировал между деревьями, как проскальзывал под ветками, а как пружинисто ступали его ноги по земле! Парни с трудом поспевали за ним.

— Быстрее. Они окружают нас, — прокричал Грэй.

— Не успеем! — ответил сзади Дэниел.

Шорох панцирей и топот тяжелых ног слышался все отчетливей и ближе. Майрису казалось, что он уже видел силуэты кваари по бокам. Их загоняли. Отворачивали от корабля. Майрис понял это по тому, как Грэй уходил все левее, пытаясь проскочить дальше от загонщиков. Раздался выстрел. Парень обернулся на бегу и увидел, как Дэниел отшвырнул опустевший магазин своего пистолета. Им вслед выстрелили из трех копий сразу. Деревья впереди предупреждающе задымились. Выстрел. Грэй разнес в щепки стоящее на пути дерево, нырнул вправо и легко проскочил под падающей кроной. Майрис и Дэниел пытались не отставать. Кваари торжественно заверещали, чуя близкую добычу.

Выстрел...гул, треск. Волосы встали дыбом от наэлектризованного воздуха. Снова нарастающий техногенный гул...

— ЛОЖИСЬ! — проорал Грэй, и даже сквозь переводчик донесся его громкий голос на родном языке.

Майрис припал к земле одновременно с Дэниелом и закрыл голову руками. Грэй кошкой упал на четыре лапы и низко пригнулся.

Гул достиг своей наивысшей точки и снова разразился мощным выстрелом. Соседние кусты с кваари разметало так, будто их не бывало. Троицу обдало ледяным воздухом и сильно рвануло к центру взрыва. Выстрел — где-то раздался верещащий писк. Фоном слышались взрывы поменьше. Над головами беглецов непрерывно свистел перекрестный огонь. Один из кваари вырвался из кустов, увидел Дэниела, прицелился, но вдруг без видимых причин взорвался горячими ошметками. Он даже не успел взвизгнуть. Следом за ним был жук, пронесшийся дальше к невидимым стрелкам, но вскоре и он лопнул на месте. Кишки и осколки хитинового панциря разлетелись кровавой кашей. Где-то дальше раздался характерный тонкий треск автомата. Участок леса на короткое время превратился в настоящий хаос. Майрис вжимался в спасительную землю, моля все мыслимые и немыслимые силы, чтобы их не задела. Где и что происходило было просто не понять. Сумасшедшая перестрелка выкашивала одного кваари за другим. Беглецов окатывало все новыми волнами холодного воздуха и хитиновых ошметков.

Но вот грохотнул очередной выстрел и треск автомата резко затих. Кваари больше не визжали. Вообще как-то внезапно затихли абсолютно все звуки. Только что — был ад из выстрелов, воплей и чавкающих звуков лопающихся тел, как вдруг не стало ничего. Майрис убрал руки от головы и осторожно опарашено огляделся. Стволы ближайших деревьев тлели в местах попадания пуль невидимого союзника. Трава была выжжена ровными круглыми участками. Оторванные листья продолжали падать на землю, где все еще дымились раскаленные куски взорванного жука и кваари. Да, кто-то явно потрудился на славу и оттянулся с удовольствием, не жалея патронов. Но только кем могли быть эти неожиданные спасители?

— Встать и назваться! — грозно приказал электронный усиленный голос из зарослей.

— Не стрелять, — на редкость ответил спокойно Грэй, поднимаясь. — Группа спасения.

Затем инопланетянин как ни в чем не бывало обернулся и шикнул на обалдевших парней, приказав им подняться.

Тем временем кусты впереди зашевелились, раздвинулись и на открытое пространство к беглецам вышло четверо людей. Облаченные в черные, матовые защитные костюмы, глухие и гладкие, как капли, шлемы. Все были при оружии и в отличие от Пилотов вооружены пистолетами-пулеметами, и даже одним агрегатом жуткой формы, навевающим мысли о

старых огнеметах.

— Глазам не верю. Пехота, вашу мать! — все еще немного нервозно хохотнул позади Дэниел и хлопнул себя ладонью по лбу.

Один из пехотинцев, вооруженный прославленной снайперской винтовкой, небрежно закинутой на плечо, вышел вперед и неразличимым касанием рукой шлема, откинул забрало.

— Грэйс?

— Райнер? — лицо инопланетянина растянулось от удивления. Ноздри на высоком лбу продолжали широко раздуваться после продолжительного бега. — Отец явно будет недоволен тем, в какие дебри тебя занесло.

Пехотинец, без видимых знаков различия, иронично усмехнулся и перекинул винтовку на другое плечо. На вид ему было лет тридцать. Крепкий, широкоплечий, с темными мягкими волосами, спадающими на лоб короткой косой челкой. Он держался естественно и уверенно перед Грэм. В какой-то степени по-хозяйски, чувствуя себя в своей родной среде. И даже грозную винтовку, которой прапорщик Янкинс однажды подверг весь набор курсантов в блаженный экстаз, Райнер держал легко и буднично, и Майрису пришла мысль, что так же непринужденно он мог держать в руках свою утреннюю чашку кофе.

— У нас тут свои дела, — беззлобно ответил пехотинец своим твердым голосом. — А вот что ВАША летучая братия делает на планете, я понятия не имею и весьма интересуюсь! Что? Опять из вашего ведра гайки сыпятся? Да аж из трех сразу?

Холодные серые глаза с хитрецей скользнули по истрепанным, заросшим беглецам в оборванных одежах. Те же, в свою очередь, продолжали недоумевать от столь странной ситуации.

— Спасательная... операция... — тяжело дыша, ответил Грэй.

— Спасуны, вашу мать, — хмыкнул Райнер. — Вас бы самих кто спас. Вот как напишу жалобу на аэродром, что их солдаты без летающего железа разгуливают и под прицелы пехоты кидаются.

Майрис молча изучал пехотинца и не мог понять, кого же он ему напоминает. Эта ироничная интонация, небрежные жесты, хитрая ухмылка. Да и сам факт знакомства этого типа с Грэм его напрягал. Слишком уж он вел себя смело и будто виделся с инопланетянином только вчера. Майрис украдкой покосился на Дэниела и различил в его взгляде на Райнера уже знакомое парню раздражение.

Тем временем Грэй перевел дыхание и спрятал пистолет в поясной зажим.

— Спасибо, — ответил он. — Если бы не вы, нам далеко не убежать. Я здесь за ними, — кивок на Майриса с Дэниелом. — Кваари перешли все дозволенные границы. Уж не за этим ли вас послали, чтобы разобраться?

— Не имею права разглашать, — извиняясь, покачал головой Райнер.

— Разведка?

Пехотинец смолчал и улыбнулся.

— Ясно. Мы вас не встречали, — Грэй обернулся к беглецам и грозно прищурился.

Майрис с Дэниелом синхронно кивнули в знак понимания.

— Хотя знаешь, Грэйс, я все же попрошу тебя об одной услуге, — Райнер положил руку на плечо высокому инопланетянину, и тот немного пригнулся, будто прислушиваясь. — Передай привет моему отцу при встрече. Скажи, что я шлю самые теплые пожелания.

На слове «теплые» загадочный пехотинец сделал особый акцент и его ухмылка исчезла.

— Сомневаюсь, что он будет им рад, — озадаченно ответил Грэй. — Особенно после

вашей последней встречи.

Райнер перевел взгляд на свою ладонь, печально улыбнулся, затем по-братски хлопнул инопланетянина по плечу и уже вновь глядя в глаза ответил:

— Рад не будет, но он поймет, что это значит.

— Выходите осторожно, не шумите, — предостерег Грэй парней, на подходе к поляне с самолетом.

— Чисто, — по привычке шепотом сказал Майрис.

— Слушай, Грэй, — с любопытством уже по-свойски спросил Дэниел. — Почему ты не сказал, что пригнал «иглу»?

— Это что-то меняет? — инопланетянин вышел последним из зарослей и напоследок прислушался.

Когда они распрощались с пехотинцами, то потом еще долго шли в тишине, и только однажды до них донеслась отдаленная перестрелка. В ее исходе никто из троицы даже не сомневался.

— Конечно! Это все меняет! — Дэниел обошел блестящий полированный корабль со всех сторон. — Мы в учебке вчетвером на таком летали в соседний поселок, чтобы незаметнее было.

— Как же вы туда втиснулись? — ошарашено спросил Майрис, глядя на тонкую кабину.

— Один в шлюз, другой в бомболюк... Что вы на меня так смотрите?! Да, у нас была нескучная учебка.

— Это все строго запрещается... — начал Грэй, активируя свой корабль и открывая лестницу в шлюз.

Корабль отозвался тихим приятным гулом заработавшей системы.

— Грэй, не будь занудой, — махнул рукой Дэниел. — Нигде это не прописано и все так делают. Или ты сам не ездил никогда в грузовом отсеке?

— К твоему сведению и твоему везению — я знал случаи и поэкстремальней бомболюка, — понуро опустив перепонки на голове, ответил Грэй поднимаясь в самолет.

— Это что же? — спросил Майрис, забираясь следом.

— Катание в скафандрах под брюхом вертолета, — донеслось из кабины.

Дэниел тихо присвистнул, взобрался наверх и, потянув за рычаг, поднял за собой лестницу.

В самолете и правда было тесно, как в шкафу. Узкий маленький коридорчик, соединяющий шлюзовой отсек и кабину был настолько низким, что по нему приходилось продвигаться согнувшись. В самой кабине места было ненамного больше, и два пилотажных кресла располагались почти вплоты друг к другу. Множество датчиков и приборов почти закрывали обзорные экраны, а тонкие, как оперение стрелы, крылья и вовсе закрывали боковой обзор. Единственное, чем был хорош этот миниатюрный самолет, так это своей незаметностью для радаров и тишиной для квари. Для полноценных боевых действий корабль был практически не предназначен.

— За нами могут вести воздушную охоту. Майрис, система управления тебе знакома, садись за штурвал, — приказал Грэй, а сам скомпоновался на кресле штурмана.

Парень послушно юркнул в кабину и, пристегнувшись запасными ремнями, начал проверку датчиков. Грэй тем временем стянул с себя длинные перчатки и с долгожданным удовольствием расправил ладонь. Майрис краем глаза уловил это зрелище и повернулся. На

его памяти Грэй лишь несколько раз снимал перчатки и оголял спрятанные под ними перепонки. Но то, с какой скоростью забегали его открытые пальцы по сенсорной клавиатуре его вновь немало удивило.

Грэй ввел финальную настройку координат, и два его длинных и тонких последних пальца на ладонях легли на панели оружейных установок. Одновременно на его голову опустился непрозрачный колпак с проекцией внешних камер.

— Я готов. Если замечу преследование и скажу — лавируй. Я собью их.

— Понял, — кивнул Майрис и собрался с духом.

— Взлетаем.

Дэниел как мог встал в распор поперек узкого коридора и прижался к стенке. Корабль с глухим уханьем оторвался резко от земли и пошел вверх, увеличивая тягу.

— Мягче, Майрис, не спеши, — невозмутимо поправлял его Грэй.

— Да уж, будь любезен, — прокряхтел Дэниел. — У тебя незакрепленный груз на борту.

— Прости, — недовольно буркнул парень и едва заметно покраснел.

— Курс тридцать пять. Иди строго по приборам на минимальной высоте.

— Есть.

Майрис мягким и широким виражом развернул самолет и, постепенно увеличивая скорость, задал ему нужное направление по маркеру на экранах.

Дэниел позади вновь присвистнул.

— Долго бы мы выбирались из этого леса...

Насколько хватало вперед поля зрения вся земля до горизонта была покрыта сплошным зеленым ковром. Папоротники, огромные секвойи, дикая помесь тропической флоры с умеренными. Только сумасшедший климат и неведомая химия кваари могли породить такой богатый на любой выбор лес. И он, этот зеленый океан, казался бесконечным.

— Мы примерно в тридцати километрах от Базы. Если все пройдет спокойно — будем там через несколько минут, — так же спокойно пояснил Грэй, манипулируя сенсорами и внимательно наблюдая за своими экранами.

— Ну, давай, боец, вперед, — подбодрил Дэниел. — Вези нас домой.

— Есть везти домой, — улыбнулся Майрис и мягко еще добавил скорости.

Вдруг переводчик Грэя одиночно пикнул, а сам инопланетянин изрек странную шипящую длинную тираду.

— Нас засекли, — наконец выловил в речи Грэя известные слова переводчик. — Уходи вправо.

Под бортом самолета затрещали заработавшие пулеметы — это инопланетянин мигом принялся за работу. Даже его длинный хвост от напряжения скрутился тугим кольцом.

Майрису не требовалось повторять дважды. Дернув штурвал, он резко вильнул кораблем правее и едва не потерял равновесие. Дэниел сзади громко выругался.

Пулемет трещал нещадно. Майрис кидал самолет в разные стороны, пытаясь увести его от снарядов. А те уже в свою очередь пролетали все ближе. Грэя явно было недостаточно на всех преследователей. В боковых экранах уже стали мелькать первые корабли кваари, но Майрис пока удачно уворачивался. Дэниела болтало в коридорчике и прикладывало с силой в обе стены. С каждым виражом он ругался все изощренней.

— Май! — проорал Пилот, пытаясь перекрычать верещащие на все тональности датчики. — И это пилотирование? Боги. Кто доверил тебе штурвал! А ну вон, салага!

— Ты сдурел!? Как?!

— Подвинься! Иначе ты же угровишь нас!

И не слушая больше Майриса, Дэниел начал забираться в кабину.

— Вы что там делаете? — не снимая шлема, спросил Грэй искусственным голосом, ничуть не подходящем к этой бешеной обстановке.

— Сейчас нас немного тряхнет, — предупредил его Дэниел и решительно пихнул Майриса к стене.

Самолет клюнул носом вниз и у всех пассажиров на миг дух ушел куда-то к затылку. Дэниел одной рукой вцепился в штурвал и дернул его на себя.

— Ноги! — приказал он, и Майрис испуганно отдернул ноги с педалей тяги и замер не дыша.

Пилот кое-как боком рухнул в кресло и намертво взялся руками за штурвал. Майрис тихо взвыл, прижатый спиной к каким-то панелям с датчиками и придавленный ногами Дэниела. Одноместное кресло оказалось крайне неудобно для двоих.

— Пристегни меня, — грозно сказал Дэниел.

— Как!? — недоуменно простонал позади Майрис.

— Как угодно! — не своим голосом рыкнул раздраженно Пилот.

С трудом протиснув руки за спину, Майрис отцепил свой ремень и перебросил его через Дэниела.

— Готово!

— Грэй, готовься к маневрам, — прикрикнул Дэниел и почти без промедления увел самолет в косую бочку со снижением.

Летучие аппараты кваари испуганно вильнули от самолета и на какой-то момент замешкались. Но тут же, как самолет вновь выровнялся, метнулись следом.

Дэниел активировал хвостовые камеры и экраны перед ним разделились надвое, демонстрируя обе картинки одновременно. Видя, что за ним увязались сразу трое, Пилот ввел корабль в широкую дугу вверх и влево. Кваари одновременно ринулись за ним.

— Грэй! Не стрелять! Я скажу когда.

Пулеметы послушно замолчали.

— Так, еще немного...

Самолет резко развернулся под прямым углом вправо и пошел почти вертикально вниз на снижение. Корабли кваари, не отставая, выстроились за ним в одну линию.

— Огонь по ближайшему!

Тр-р-р-ра!

Пулемет под бортом выдал короткую очередь и ближний аппарат взорвался голубыми брызгами. Второй за ним влетел в остаточную взрывную волну и был смят огромным давлением в эпицентре. Третий попытался уклониться, но расплавленные осколки задели его дребезжащие стрекозиные крылья, и корабль неуправляемо пошел вниз.

Дэниел с упорством плавно потянул штурвал на себя и выровнял не пострадавший самолет. Воздушный бой завершился полностью в их пользу.

— Дэн, — хрипло сзади выдал Майрис. — Ответь мне на один вопрос. Если ты так пилотируешь, как ты умудрился угодил к ним в плен?

— Аккумулятор сдох, — то ли в шутку, то ли всерьез ответил Пилот, продолжая сосредоточенно водить взглядом по всем экранам.

На подлете к Базе вся троица смогла вздохнуть с облегчением. Ни после пересечения

границы, ни когда диспетчерская Луна Гранты блестящим на солнце шаром засверкала на горизонте. Только когда оператор подтвердил разрешение на посадку, и полоса засияла направляющими огоньками и Майрис, и Дэниел позволили себе расслабиться.

— Сажай птичку, герой, — хмыкнул вновь из коридорчика Дэниел.

— Есть сажать птичку! — бойко отозвался Майрис, с комфортом восседаая в одиночку на пилотажном кресле.

— Левее, — поправил его Грэй, улыбаясь.

— Я знаю, — монотонно ответил Майрис.

Шасси коснулись полосы и самолет по инерции проехал еще несколько десятков метров.

Майрис знал, что он мог бы попробовать посадить самолет и вертикально, но уж очень не хотелось ему рисковать на последнем шаге.

С мягким хлопаньем открылся шлюзовой отсек и Дэниел блаженно выскользнул наружу и потянулся. Выбрался из кабины и Грэй, осторожно ступая по жесткому асфальту своими голыми костяшками на ногах. Последним покинул самолет Майрис, заглушив двигатели.

Неторопливо вся троица двинулась к аэродрому, а навстречу им бежал медперсонал, неуклюже размахивая большими чемоданами со всем необходимым. Выбежали из ангара и техники, чтобы проверить самолет и отогнать его с полосы. Просочились в числе медиков и пара людей в штатском, чей растрепанный и боевой видок явно свидетельствовал о журналистской профессии. Высыпали из зданий и несколько зевак, чтобы полюбоваться на первых за всю историю Базы людей, вернувшихся из плена. И неспешно, вышел им навстречу даже сам Командир — Джейкоб Аллен, чья черная с серебром форма была приметна издалека.

Медики окружили Майриса и Дэниела и стали виться вокруг них, проверяя, спрашивая, снимая на ходу первые анализы. Журналисты заглядывали через их плечи и пытались наперебой задавать вопросы.

Грэй отстранил от себя всех и направился в сторону. Никто из журналистов даже не кинулся за ним. Все же репутация инопланетян не вызывала доверия. Майрис хотел было окликнуть его, высунулся из-за плеча медика, но увидел, что Грэй подошел к Командиру и о чем-то тихо заговорил с ним. Журналисты со своими бесконечными вопросами просто не дали ему расслышать диалог. А медики увели обоих парней в здание больницы.

Грэй же, подойдя к Командиру Базы и смотря вниз на него с высоты своего роста, отдал воинское приветствие.

— Вольно, Грэй, — кивнул Джейкоб. — Что-то случилось?

— Не совсем, Командор, но Райнер просил передать вам привет.

Каменное лицо Джейкоба не изменилось.

— И все?

— Нет. Еще «самые теплые пожелания», — процитировал Грэй.

Какая-то неуловимая тень скользнула по лицу Командира и его ноздри слегка раздулись от гнева.

— Спасибо, я понял, — стальным тоном ответил он.

— Командор, разрешите вопрос?

— Разрешаю, Грэй.

— Это как-то касается мальчишки?

Джейкоб пристально всматривался в глаза инопланетянина, размышляя стоит ли отвечать на этот вопрос. Когда пауза, казалось было, уже затянулось, Командир, не меняясь в лице и в интонации ответил со свойственной ему лаконичностью и строгостью.

— Нет.

Сенат был как всегда строг и непреклонен.

Ранним утром за десять минут до объявленного приемного часа я прибыл на монорельсе на центральную станцию к Храму. Безобразный серый монолит стен все так же нависал над входом и все так же как раньше заставлял каждого гостя ощущать себя микроскопическим ничем не стоящим битом в сравнении с могуществом Сената. Я не поднял головы на монумент, венчающий плоскую стену, не взглянул на него снизу с восхищением. Я и так прекрасно знаю, как велик раскинувший руки в жесте объятий человек в мантии. Мне знакомо лицо, с которого ваяли лик образцового Сенатора. Мне довелось быть свидетелем того, как громоздили на крышу эту позолоченную статую.

За пару минут до начала заседания я уже стоял у порога, буравя стальные раздвигающиеся двери глазами. Эти господа не прощали опоздавших, хотя к их чести стоит отметить — всегда и сами являлись вовремя. Были они какой-то особой кастой со своими порядками и культурой. Любопытной даже с одной стороны, но настолько противной мне, что и лишней мысли о Сенаторах я у себя не держал.

И вот уже я стою в центре громадного круглого зала, на «арене», как мы в шутку называли это место. Двенадцать Сенаторов восседают по кругу за кафедрами. Самые крайние из них — выше меня на пять ступеней, центральный Сенатор — на уровне второго этажа. Я все же вынужден поднимать голову, чтобы смотреть ему в престарелое лицо. За их спинами сквозь узкие вертикальные стекла иглами вонзаются в зал утренние лучи солнца. Они освещают меня и слепят, когда я смотрю на Сенаторов. Но мои глаза быстро привыкают к свету, и микроскопическая механика слегка сужает зрачки.

— Джейкоб Аллен, полковник военно-воздушного флота и командующий базы Луна Гранта, — обращается ко мне левый самый младший по рангу служитель закона. — Сенат ознакомился с вашим посланием и на его основании принял решение вызвать Вас в Храм для окончательного прояснения всех возникающих вопросов. Если у Вас за это время появились какие-либо еще причины для созыва Сената, просим Вас огласить их.

— Глубокопочтенный Сенат, — мой голос отразился легким эхом от каменных далеких стен. — В своем письме я уже изложил все свои мысли и просьбы, касающиеся ситуации на Границе. Все, что мне удалось еще пронаблюдать за прошедшую неделю — это катастрофически низкая поставка дополнительных запчастей на Базы и нередкие задержки продовольствия. Я склонен полагать, что это может быть лишь чередой случайных совпадений, а никак не предумышленной операцией. Посему — все мои просьбы остаются прежними. А именно, в связи с обострившейся боевой обстановкой на границе Пятого сектора прошу выделить дополнительные средства на продовольствие, расходные материалы и топливо. Так же прошу разрешение на принятие дополнительного набора курсантов и соответственно прошу предоставить им все необходимое для прохождения дальнейшего обучения. На данном этапе ресурс Луна Гранты не рассчитан на курсантов свыше двухсот человек. Свободные инструктора западных Баз уже готовы перевестись в Пятый сектор и ждут лишь официальной подписи правительства. Но и это не все. Последнее — я прошу разрешения усилить защиту Пятого сектора и созвать совет представителей человечества и квари для изменения линии границы и узаконенного перенесения ее вглубь южного

полушария на основании официально подтвержденных диверсий и заключении моих Пилотов в плен.

Тишина сгустилась в зале, будто мои заявления были новы для Сенаторов. Их лица не дрогнули, но младшие обернулись на старших, дожидаясь их реакции. Я покорно ждал. Распрямив плечи и с достоинством приподняв голову.

— Вам должно быть известно, полковник, — подала голос сухая дама в возрасте, сидящая по правую руку от центрального, — что Сенат не дает разрешение на собрание представителей рас из-за единичных случаев. Мы рассматривали каждый из них и пришли к выводу, что все действия, совершенные нашими соседями — кваари, есть ответная реакция на ваши нарушения. Ваши пилоты первыми нарушали границу, а ваши грузовые танкеры вторгались...

— ...На выделенный под вырубку квадрат, госпожа Сенатор, — не выдержал я. — Во всех аппаратах сохранились записи с бортовых компьютеров и их пути следования можно проверить в любое время.

— Ваши пилоты, — холодно повысила голос дама, — выходили в стратосфере глубоко за границу. Что вы ищете там, полковник?

— Я искал там своих утерянных бойцов.

— Вероятно, успешно, — с недоверчивым прищуром ответила Сенатор.

— Не безрезультатно.

И снова зависла тяжелая пауза. Сенаторы уже не переглядывались, но теперь речь перехватил седовласый мужчина слева.

— Из всех ваших просьб, полковник, мы можем удовлетворить только одну. Сенат готов выделить дополнительное финансирование на починку оборудования и предоставить Луна Гранте право на усовершенствование имеющейся у вас техники. Мы направим распоряжение цеху. В остальном же мы вынуждены отказать в связи с тем, что считаем ваши опасения необоснованными. Активные действия со стороны кваари пока еще не подтверждены.

— Но, тем не менее, вы отдали приказ пешей разведке добыть информацию непосредственно из логова. Сенат никогда бы не стал рисковать таким образом, будь он уверен в безопасности обстановки. Посылать вооруженный отряд в сердце «добропорядочных соседей» — это нечто новое в дружественной человеческой политике.

— Это информация секретна и не должна распространяться во избежание паники со стороны населения, — железным тоном осек меня левый Сенатор.

— Значит, основания имеются, — заключил я и улыбнулся в глубине души.

— Повторяем, полковник, все, что Сенат может сделать для вас — это дать вам средства в небольшом объеме и модернизировать старые летательные аппараты. Вы можете открыть дополнительный набор курсантов под свою ответственность, но чем они будут полезны вам без техники? Ситуация в Полисах, как вам самому известно, финансово плачевная...

Кажется, в какой-то момент я перестал его слушать. Что мне до его оправданий. Зачем эти лживые слова и увиливания. Кто передо мной? Сборище трусов или хитрецы, укрывающие правду? Недостаточно средств... Нехватка материалов. Что еще можно придумать, чтобы просто не дать людям право почувствовать в себе силу раз и навсегда победить в этой войне?

— Человечество уже сейчас может дать кваари отпор, — я поднимаю опущенный взгляд на центрального Сенатора. Возможно, слишком резко. Его руки на кафедре дрогнули. — У нас достаточно Пилотов. Вам же стоит всего лишь расконсервировать Аврору.

Тишина в зале. Как я ее ненавижу.

— Ваша чрезмерная осведомленность ставит все более жирный крест на вашей карьере... полковник, — сухим голосом, будто с презрением выплюнув мое звание, впервые ответил мне центральный.

— Было бы лучше для вас, Джейкоб, назвать имя вашего информатора, — с хищной угрозой отозвалась дама справа.

— У меня нет информаторов, госпожа Сенатор, — незаметно сжав кулаки, отвечаю я. — К вашему сведению я имел неосторожность залетать тогда еще в открытую зону и стать свидетелем ее постройки.

— Полковник Аллен, Сенат принял свое решение, — громко огласил центральный, пресекая дальнейшие разглагольствования. — Совет для пересмотра границы собираться не будет. Зато вам будет выделено финансирование и аппаратура для модернизации. Так же, как наиболее горячая точка, Луна Гранта получит экспериментальную партию новых моделей летательных аппаратов. Вам будет, чем заняться в ближайшее время, Джейкоб. Но если до Сената дойдут новости от сторонних лиц о проекте «Аврора» либо о разведке — мы будем знать, в чью сторону обратить свой взор. Вы устаете, полковник. Сенат в любой момент готов предоставить вам отдых.

Что-то оборвалось в глубине души. Упало на дно и разбилось. Вероятно, это были остатки эмоций. Сволочи. Трусливые лжецы и сволочи.

— Благодарю, — голос сухой, словно не мой. Поклон головы. Отблески солнца скользнули по моим форменным знакам и отрезвили сознание. — Сенат как всегда щедр и заботлив.

— Вы свободны, полковник, — подал голос самый младший из служителей закона. И я вышел из зала, не задержавшись.

Файл_05.

(38 лет назад)

Из воспоминаний. Заселение.

Ремень безопасности скрипит, когда я натягиваю его и подгоняю под свой размер.

— Тебе не обязательно лететь туда самому, Джейк, — говорит мне Стив, наматывая на руку большой пучок кабеля. — Сгоняй «птичку», не высовывайся.

Я равнодушно рывком затягиваю второй ремень и затем неспешно спускаюсь с крыла самолета на пол ангара. Моя «птичка», мой родной корабль выжидающе стоит перед створками наружу, призывно раскрыв кабину. Старый, очень старый самолет даже по нашим меркам. Залатанный листами металла, переваренный несколько раз во швах он все еще может летать и способен выходить на поверхность один, под нашим чутким контролем. Но сегодня я лечу на нем во плоти. Так я решил. Я хочу еще раз своими глазами увидеть новую землю и наших гостей.

— В общем, как знаешь, я предупреждал, — пожимает плечами Стив и уносит под мышкой заклеенный синей изолентой ноутбук, с помощью которого помог мне перенастроить самолет.

— Держи. На сохранность, — я снимаю с головы свою старую любимую кепку и вручаю ее товарищу.

После чего застегиваю молнию на комбинезоне, закручиваю неторопливо рукава и

опускаю воротник, разминая шею. Наши мелочи, ставшие ритуалом. Нашей маркой. Привычным жестом откидываю рукой волосы со лба. Затем ставлю ногу на лестницу, ведущую к кабине. Всегда правую — это уже примета. Так же как мы никогда не забираемся на помост оператора беспилотника с левой ноги. Кругом ритуалы и приметы, а уж мы, люди старого поколения — вдвойне суеверны.

Я забираюсь в кабину и накидываю на плечи ремни безопасности. Идеально. Тело уже ощущает себя частью огромной техники, но это еще не все. Что начнется, когда я подключусь к ней...

— Удачи! — козырнул снизу Стив.

Я ответил нашим фирменным победным знаком и закрыл стеклянный колпак кабины.

Включаю тумблеры запуска системы, даю давление на подачу топлива. Машина отзывается мягким сытым гулом и мелкой дрожью. Она уже зовет меня. Я чувствую самолет как живой, и мне кажется, что будь он таковым — как резвый конь, нетерпеливо бил бы сейчас копытом.

Я снимаю стояночный тормоз и кладу руки на штурвал. По моим пальцам мгновенно пробегает ток, проходит сквозь тело, ныряет к затылку и возвращается по коже. Приборная панель сию секунду вспыхивает всеми лампочками, и самолет начинает выть перед стартом.

Вдох, выдох, мысленный позыв и сопла вспыхивают синим пламенем, а машина припадает вперед. Я вручную отпускаю тормоз и даю ей полный ход. Меня долгожданно вдавливают в сидение, и я отдаюсь машине, сливаюсь с ней окончательно. Мимо меня проносятся огни выходного туннеля. Все быстрее и быстрее сливаются в смазанные штрихи. Скорость продолжает увеличиваться, огни уже растянулись сплошной полосой. Одно неверное движение штурвала — и я ведь даже не успею осознать, что случилось. Мой самолет просто разотрет по стенам в пыль. Но именно за это я люблю такой взлет. За напряжение. За гладкие, как рельсы, полосы ламп. За сопутствующую дрожь, предвкушение и звук. Гул оглушительно нарастает и вдруг... хлопок и блаженная тишина. Надо мной разворачивается черное от туч смоляное небо, а снизу расстилается уже знакомый погибший расплавленный город.

Самолет умиротворенно гудит соплами, скользя над скелетом небоскребов. А я смотрю вперед, выискивая наших «друзей». Они обещали начать работу над планетой, и я вызвался их проверить.

И вот на границе города я нашел их. Вернее — мне привиделось неестественное движение поверхности. Будто земля вспухала и бурлила как бегущий девятый вал.

Легкое движение пальца — и самолет резво завалился набок и свернул в нужном направлении. Я всматриваюсь вперед, подключаюсь глазами к внешним камерам и не верю своему восприятию. Мысленно переключаюсь на визоры. Проверяю. Обратно на камеры... А мой самолет подлетает все ближе.

Как жаль, я никогда не забуду этого. Реальность в один миг стала для меня омерзительным ужасом.

Цепью по земле от бывшего леса к городу ползли и изрыгали нечто под хвост жуткие аморфные существа. Блестящий тонкий слой слизи оставался за ними, а сами существа подгребали сухую землю под себя большими жвалами. И вся эта цепь бурлила, шевелилась и не минуя никаких препятствий двигалась к городу. Камни за ними таяли, скелеты автомобилей растворялись в пар. Существа жрали все подряд и именно в этот момент меня охватило тяжкое чувство безвыходности нашей ситуации. Я просто облетал кругом эту цепь,

не снижаясь, и понимал, что сила, способная растворять мусор и каменную кору земли — просто не может быть мирным союзником. Более того — существа, пожирающие нашу, мою планету не могут быть «друзьями». Это мог быть единственный способ вернуть былой расцвет Земле, но я слишком люблю свою планету, чтобы простить это. И я не прощу. Я не буду верить в их благие намерения до последнего. Никогда. Просто уже за то, что они скрыли от нас свой способ. За то, что жрали нашу Землю как черви, пока где-то далеко другие распыляли споры на прогнившую почву.

Неделя прошла, как Майриса выписали из больницы, откормили, напичкали витаминами и отправили на продолжение учебы. Сказать, что было легко — значило глубоко соврать. Восстанавливать свои знания было не просто. А догонять ровесников — тем более. Все же Майрис потерял без малого месяц. За это время его сокурсники успели налетать немалое количество часов, освоить теорию по эксплуатации самолетов и уже получили допуска на многогабаритные аппараты. А Майрис? А он до сих пор так и оставался в хвосте, с трудом сажая малый истребитель, и в свободное от обучения и сна время засиживаясь за горой учебников и симулятором. Благо Грэй предоставил ему по дружбе неограниченный доступ к аппарату. Инопланетянин был бы и рад сам поднатаскать Майриса, но был загружен новыми курсантами.

В общем вот так Майрис и остался практически на самообразовании. Теория давалась легче практики, но она, к сожалению, не объясняла, как поднимать в небо что-то более тяжелое и боевое. Нужно было практиковаться, а на практику должен был быть допуск. А допуск давали только при наличии определенного количества часов налета, которых у Майриса просто не хватало. Получался замкнутый круг. А ведь через пару месяцев обещался быть промежуточный зачет, а через три — выпускной экзамен.

В какой-то момент Майрис уже смирился с тем, что он не получит свою долгожданную вымученную классификацию. Смирился с тем, что ему придется вернуться в Полис ни с чем. Без денег, без документа и даже без столь ценных в современном мире знакомств. Все его друзья сокурсники погибли, а репутация первого вернувшегося из плена — как показала практика — бестолковая. Наоборот даже его стали сторониться как прокаженного. Новые соседи по комнате были хоть и общительные ребята, но тянуть отставшего курсанта не могли. Пытались сначала, но не смогли. То ли понимания проблемы им не хватало, то ли у Майриса должного желания.

После того, как Майрис завалил промежуточный тест, Грэй всерьез решил, что парню необходим новый куратор, который будет возиться с ним и подтягивать нужное. Сам он по причине занятости не мог ежедневно вести над парнем надзор, а потому подал запрос выше. Ответа не приходило долго. Ни один даже недавно окончивший курс молодой Пилот не хотел подработать у Майриса куратором. Кто-то знал парня лично и считал бесполезным возиться, другие опять же обходили стороной. Были и третьи, согласные, но сами занятые по горло работой. Однажды даже Янкинс вспомнил старого бойца и поинтересовался у инопланетянина, как же он еще сам не свалил из академии. На что Грэй по-человечески скорчил растерянную гримасу и пожал плечами.

Так и оставался Майрис без куратора еще около месяца пока однажды Грэй не ворвался в комнату к парням и не растолкал Майриса за полчаса до положенного подъема.

— Подъем! Сегодня сдаешь контрольный полет со своим новым куратором, —

проскрипел над ухом безэмоциональный переводчик.

— Куда? Грэй, такая рань! Пойду я заниматься, никуда не денусь.

На шум проснулись и заворчали соседи по комнате.

— Ты хоть понял, что я сказал? Совсем растащило? Тебе, олух, инструктора нашли. Встал немедленно и бегом марш!

Скрипя громче несмазанной тачки, Майрис рывком поднял себя с кровати и принялся собираться. Приобретенные привычки сделали свое дело, и уже через две минуты парень вылетел за порог комнаты в полной готовности и поспешил за Грэем.

Вопреки ожиданиям Майриса инопланетянин потащил его вовсе не в класс наземной подготовки, а сразу на взлетную полосу.

— Так сразу? Без подготовки, теории и знакомства? — засомневался Майрис.

— А что тебе? Много надо? Подготовит на месте. Проинструктирует тоже.

— Неужели кто-то из местных согласился? — прибодрился парень.

— Нет. Не местный.

— Печально...

Учебный двухместный бомбардировщик стоял готовым на взлетной площадке. Двигатели бархатно гудели холостыми выхлопами, техники отсоединяли топливный шланг, а второй пилот, назначенный куратором, ковырялся в электронной панели под крылом самолета. Неприметный серый балахонистый комбинезон, легкая обувь, серая кепка, засунутая под погон, и пушистый хвост светло каштановых волнистых волос.

Майрис подумал, что глаза обманывают его.

— Что, студент, не устал быть двоечником? — закрывая крышку панели и оборачиваясь, спросил куратор.

Молодое лицо здорового и счастливого человека. Гладко выбритый подбородок, глаза с ироничной смешинкой. Такой новый, но такой знакомый вид.

— Дэниел!

— И тебе не болеть, — хохоча вслед за Майрисом, Пилот обнял друга и похлопал его по спине.

— Ты как тут оказался?

— Попросил о переводе на Луна Гранту. Все просто.

— Зачем?!

— А ты, стрелок, как думаешь? Слухи о том, что кому-то на Базе не хватает кураторов далеко ушли. Скажи спасибо Грэю. Когда он уже совсем отчаялся, то решил найти меня.

Инопланетянин гордо распустил и сложил хохолки на голове и приосанился.

— Я решил, что двум одиночкам будет проще.

— Хочешь сказать, Дэн, что и у тебя потом возникли проблемы с коллегами? — изумился Майрис.

— Отставим этот вопрос, — отмахнулся Пилот. — Забирайся лучше быстрее в кабину, пока нас не принудили освободить взлетку.

— А разве... — запнулся Майрис, бегом поднимаясь по приставной лестнице в самолет, — разве ты можешь быть уже куратором?

— Я же уже целый Пилот больше как два года, — ответил вслед Дэниел, а затем закончил тихо себе под нос, — вот и узнаем какой из меня может быть инструктор.

Привычно загудели разгоняемые двигатели, самолет задрожал мелкой дрожью.

— Ну что, колеса в воздух. Работаем по инструкции, — сел в соседнее кресло Дэниел,

включил полную подачу топлива и воздуха к двигателям, и накиннул на плечи ремни.

— Есть, командир! — бойко козырнул с кресла первого пилота Майрис и положил напряженные руки на штурвал.

— Поднимаешь птичку, я боюсь, говорю что не так и запоминаю.

— Ясно!

— Начали!

Короткий разгон, сильная тяга и резкий отрыв от земли. Мягко прошипели втягиваемые шасси, и самолет пошел ровно, словно по льду. Это был не шустрый одноместный перехватчик, который обязан был отзываться на малейшую мысль, а размеренный задумчивый бомбардировщик.

— Да ты, никак, успехи делаешь! — похвалил Дэниел, боюсь штурвал.

— Самое сложное для меня — маневры, — пояснил Майрис, кивая на тренировочное ущелье, настигнутое старыми каркасами, арматурой и прочим большим строительным мусором, создававшим своеобразную полосу препятствий.

— Ну тогда курс туда. Устроим принудительное обучение! — как показалось парню, злобно улыбнулся Дэниел.

И с того дня для Майриса начался настоящий ад. Вернее, так считал сам парень. А его новый куратор и старый друг считал наступившую пору всего лишь полезным развлечением. Дэниел гонял Майриса почти постоянно. До изнеможения, до засыпания за планшетом с учебным материалом, до гудящей от напряжения головы после симулятора. Парень иногда даже подозревал, что куратор намерен приготовить из него минимум Пилота высшего класса, а максимум живого робота. О чем иногда в промежутках не забывал намекать Дэниелу.

— Все твои проблемы именно от того, что ты считаешь себя бездумным дополнением к машине, — назидательно объяснял Пилот.

— Не бездумным, — ворчал Майрис.

— Но дополнением. Видишь ли, когда ты перестанешь так думать и начнешь, наконец, ощущать себя единым целым с самолетом, то тогда добьешься успехов. Ты слишком зажат.

— Я полностью контролирую процесс.

— А надо не контролировать, надо участвовать!

— Это как?

После учебного насыщенного дня, после тренировок и отработки маневров на тренажерах, Дэниел с Майрисом полюбили заседать в маленьком кафе, на территории Базы. Кафе не носило даже названия и было весьма скромным заведением с десятком столиков, в котором обычно не принято было задерживаться. Курсантам, как правило, отдыхать долго не полагалось, а бывалые Пилоты предпочитали выбираться в бар «Прогноз погоды» за стенами Базы.

Дэниел же любил кафе с первого своего посещения и водил сюда Майриса в конце почти каждого дня, откармливая сладким и настаивая на восполнении сил.

— Есть разница между контролем и участием в процессе. Когда ты лишь контролируешь ситуацию, ты не полностью погружен в действо. Не испытываешь должных эмоций, не чувствуешь нужного страха. Не сливаешься с машиной, — Дэниел сделал глоток своего кофе. Как всегда, это был капучино. Как и везде — синтетический. — Тебе надо познать технику как вторую кожу. Чтобы ты боялся за эту шкуру, как за свою собственную.

Чтобы даже оцарапать ее тебе было боязно.

— А если я наоборот не хочу так трястись? — нахмурился Майрис, согревая ладони о кружку с чаем. При всей доступной гамме искусственных вкусов парень все же предпочитал натуральный, хоть и странный на вкус травяной отвар, унаследовавший историческое название «чай».

— Тогда ты вечно будешь «лятать» как дерганный робот.

Поставив кружку, Дэниел широко распахнул замершие глаза и изобразил пару нелепых движений руками. Майрис опустил глаза к чаю и проигнорировал гримасу.

— Просто отдайся сначала машине, и почувствуй ее, — вновь серьезным тоном продолжил Дэниел. — Чем тебя это так смущает, не понимаю. Ты же прекрасный стрелок. Разве ты не испытываешь то же чувство с оружием?

— Это несколько иное, — уклончиво ответил Майрис. — Когда ты держишь оружие, то оно становится продолжением тебя, ты его видишь, оно небольшое. Остальное, что тебе нужно — просто выучка крепко и уверенно его держать, чтобы позволить своей руке направиться в нужном направлении. А с пилотированием иначе. Будто не сам управляешь машиной, а она тобой.

— Глупый ты, — заключил Дэниел, допивая кофе. — Она ведь даже не твой «зверь», а ты не «наездник». Она — твой костюм.

— И он слишком велик.

— А ведь ты даже подключаешься к нему поверхностно. Нашему с тобой поколению оставили лишь малую часть тех возможностей, какие были у людей раньше. Это же проще простого! Что стоит сесть в кресло и надеть шлем, который читает твои мысли.

— А не что? — насторожился Майрис.

— А не подключаться наживую каждым нервом к датчикам и сенсорам, — глядя в пространство, печально ответил Дэниел. — Вот это — страшно. Но одновременно — неопишимо восхитительно.

Майрис с подозрением смотрел на Дэниела и очень живо представил себе, как оно, каждым нервом ощущать машину, каждой жилой вести управление, а глаза видят не экран, а сетку напрямую с радаров. Провода в вены, датчики под кожей, оголенные нервы. Каринка получилась пугающей и кровавой, так что парня даже передернуло.

— Хорошо, что мы живем в век современных технологий, а не раньше.

— Как знать, что мы скажем потом, когда технологии вновь обновятся, — протянул Дэниел, вставая из-за столика и оставляя на нем оплату.

Выпускные экзамены растянулись в академии на две недели. Поздняя зима, наконец, опомнилась и окутала землю мягким холодком с непроглядным белым небом и редким слабым снежком. Давно уже люди не помнили, что такое снежные сугробы и метели. Не знали, каково — это кутаться от холода в теплые пуховики. Настоящая зима, по слухам, еще оставалась далеко на полюсах, но туда наведывались лишь немногочисленные экспедиции.

В мягком, испорченном вмешательством квари, климате дороги и тротуары никогда не покрывались ледяной коркой, а жители одевались лишь в более плотные непродуваемые куртки. Единственное, что однозначно определяло смену сезона — было небо. Почти всегда закрытое молочно-белыми тучами.

— И как же там летается? — глядя на низкую облачность, спросил Майрис.

Как назло первые в году холода выпали на его зачетную неделю.

— Как-как — буркнул Дэниел, поевшись и подняв меховой воротник куртки. — Как обычно. Ты же по приборам летишь, а не по виду из окна.

— Но все же тучи.

— Подумаешь тучи. Видимость на пару километров меньше обычного.

— Так это же опасно.

— Жить вообще опасно...

Долгожданные зачеты начались с «земли» и проверки теоретической подготовки. Был у курсантов и день сдачи базовых тестов, включающих вопросы об общем устройстве современной техники. И день экзаменов по навигации и артиллерии. За все каждому курсанту начислялись баллы и вносились в общую базу, по результатам которой курсант, сдавший зачет, направлялся в наиболее подходящий род войск.

На пятый день были стрельбы, и Майрис получил от экзамена настоящее удовольствие. Тут он чувствовал себя в своей тарелке и мог не беспокоиться за результат.

После дня отдыха начались зачеты на точность управления и высший пилотаж. О симуляторах не было и речи. С тех пор как курсантов во время обучения пересаживали на настоящую технику — про наземную подготовку забывали. И, как и ожидалось, этот зачет затянулся надолго. На отдельной площадке, в стороне от основного аэродрома, комиссия с земли оценивала полный комплекс фигур и виражей, которые выполняли перед ними в небе выпускники. Естественно, в небо позволяли подниматься только по одному. И хотя комиссия пыталась максимально ускорить процесс и разрешать взлет второго сразу после окончания выполнения комплекса первым курсантом, продвигалось все медленно.

Майрис сдавал свой зачет ближе к концу дня и заметно измаялся ожиданием. Лишних зрителей на выезд на площадку брать запретили, а потому пожаловаться Дэниелу на всю тягомотину парень не мог. Еще с утра он был даже уверен в своем успехе. Недаром Дэн до тошноты натаскал его на одноместный самолет. Виражей Майрис на такой машине больше не боялся, а взлет и посадку комиссия не оценивает. Лишь бы трафик соблюдал и не подрезал дорогу следующему курсанту. А то за такое могли сразу записать незачет.

И все же, сколько Дэниел не учил, как нужно сливаться с самолетом, сколько не приводил аналогий, Майрис выполнил весь комплекс фигур по-своему. Он «оседлал» самолет и вел его как большой, тяжелый транспорт, выпущенный на волю в небо. Истребитель не был для него пушинкой, не был крылатым костюмом, но все же парень справился. Не без огрехов, конечно. Где-то вывел штурвал слишком рано, где-то недокрутил бочку. Но в целом зачет сдал. Не хуже и не лучше большинства.

— А как же ему быть на «войне»? — меланхолично спросил Грэй, косясь на окно, откуда виднелось «любимое» всеми Пилотами ущелье с препятствиями. Именно там должен был проходить финальный экзамен.

— Что-нибудь придумаем, — дуя на вилку с куском котлеты, ответил Дэниел.

— Пойдешь с ним вторым номером? — догадался инопланетянин.

— Ну да, это же не запрещается. Главное результат.

— Но ты уже Пилот, а не его сокурсник...

— А найди мне попробуй в правилах такой запрет, — хитро улыбнулся Дэниел.

Грэй почесал нос на переносице и задумчиво скривил лицом.

— Вот то-то и оно, — протянул Пилот. — На деле никогда не важно, как идеально ты крутишь бочку. Главное, как эффективна работа твоей команды.

Утро самого ответственного дня зачетной недели началось со снегопада.

— Чудеса погодных условий. Лучше бы так было вчера.

Хмурый на вид Майрис был сперва бледен от неприятно затаившегося страха, потом зелен, от предчувствия проблем.

— Как-то нет у меня желания летать там сегодня в такую погоду...

Курсантов и команду техников везли на трех больших автобусах в сторону ущелья. Именно там, на самом отшибе Базы располагался небольшой ангар, в котором ждали своего часа побитые самолеты, которые и образцами было назвать иногда страшно. Всю малопригодную летающую технику сгоняли сюда, доживать последние сезоны до финальной поломки или отказа. Новые самолеты отправлять на полосу препятствий руководству было просто жаль. Зачем портить хорошие машины, когда почти каждый раз после полетов то на брюхе прибавится царапина, то гидравлика захромает. Курсанты — народ, как правило, нервный, и, сдавая «войну» в ущелье, часто не жалели казенную технику. А порой даже и откровенно били об скалы. Нет, успевали спастись при этом все — что в самолетах работало отменно, так это система катапультирования — но при таком раскладе все самолеты жили недолго.

— Да ладно, хорошая погода. Прохладно, — щелчком пальца Дэниел отправил за окно автобуса сигаретный бычок.

— Видимость плохая. Еще и взлетку небось приморозит.

— Называй вещи своими именами. Тебе страшно.

— Это последний экзамен.

— Радуйся!

— Я выжить хочу!

— А, то есть сдашь ты его или нет, тебе уже не важно?

Майрис уже давно запомнил, что переспорить Дэниела невозможно и потому отвернулся, а Пилот достал новую сигарету.

Ехавшая позади колонны карета скорой помощи еще больше сгущала краски.

Боялись этого испытания все курсанты. Летали по ущелью несколько раз, пробовали работу в парах, но все равно боялись. Пока ехали автобусы, Дэниел все смотрел по сторонам и отмечал будущие команды. Вот сидят сокурсники, там другие. А вон впереди бодро беседует курсант с молодым Пилотом. Оба похожи. Возможно, братья. За ними снова сокурсники, через три сидения — снова парочка с уже одним бывалым Пилотом. Все знали лазейку в экзаменационных правилах по этому вылету. И кто имел возможность — привлекал на помощь старших. Комиссия закрывала на это глаза и только лишь в случае явных бездействий испытуемого снимала драгоценные баллы. Хотя как можно бездействовать в таком экзамене, Дэниел понятия не имел. На то он и командный.

— ...Результаты ваших полетов будут оцениваться с камер, развешанных по всему ущелью, а так же с датчиков и радаров наружного наблюдения ваших самолетов. Все записи будут отправлены в Центр и внимательно изучены. Результаты экзамена будут озвучены через два дня, — нудным голосом объяснял порядок проведения испытаний член комиссии.

— А теперь пусть один человек из каждой команды вытянет свой номер по жребию.

И когда Майрис вытянул карточку с цифрой «15» он тяжело вздохнул и снова приуныл.

— Зато полюбуемся побольше на других чудаков, — звонко хлопнул парня по плечу Дэниел и уселся на скамью рядом.

— Тебе лишь бы над другими смеяться.

— Неправда. Я набираюсь опыта на чужих ошибках.

— Говорят, свои запоминаются лучше, — язвительно отметил Майрис.

— А у меня память хорошая.

Понять, что и Дэниел тоже нервничал перед испытанием, можно было только по тому, как часто он брался закуривать. Эта вредная привычка изрядно раздражала Майриса, но он молчал, лишь недовольно отмахиваясь от дыма и косясь на пачку дорогих сигарет, которые Пилот небрежно раскуривал как стандартный в академии «Перекур».

Когда пятнадцатый взлет позвали на старт, Майрис был уже как заведенный.

— ...Нет, ты же помнишь! Спираль. Спираль! Ее так никто и не сдал. Все пропускали кто один удар, кто больше. Но пропускали.

— Ну и что. Удары то маркером. Чего бояться, — спокойно шел к кораблю Дэниел.

— А руины? Да я не разверну там эту баржу на сто восемьдесят!

— Я скажу, когда разворачивать.

— А «рой» в облаках? Ты сам говорил, что быстро наводиться не умеешь.

— Придется...

— Но как?!

— Лезь в кабину! — раздраженно рявкнул на Майриса Дэниел и гроыхнул за собой дверь.

Майрис мышью юркнул на кресло основного пилота.

— Куда полез? А ну вон! — все еще приказным тоном шугнул Дэниел.

— Ну как же... это... ну ведь!

— Вон пошел на место наводчика, — палец Пилота уперся в тесной кабине во второе кресло. — Стрелок фигов. Захочешь порулить — у тебя есть чем. Но в остальное время будешь отстреливать мишени. Ясно?

— Так ведь не положено, — пискнул то ли в надежде, то ли от растерянности Майрис.

— Нигде строго не указано. Кыш.

И Майрис быстро перескочил на кресло второго номера за дублирующий штурвал и панель бортстрелка.

«Борт 0.3, взлет Пятнадцатый, вам разрешен подъем», — услужливо озвучил оператор по связи с самолетом.

— Борт 0.3, принял. Взлетаем, — эхом ответил Дэниел мысленным сигналом через подключенный к шлему передатчик.

«Майрис? Связь?»

«Есть связь», — по привычке кивнул парень, выводя необходимые настройки для взлета.

Зачем говорить вслух? Зачем перекрикивать рев двигателей, когда есть шлем, один чип в голове у каждого и централизованный канал связи на самолет? Зачем совершать много лишних движений, если можно передать компьютеру всю пачку необходимых параметров. Зачем излишне стараться, когда можно включить автоматику и дать машине команду на взлет лишь страхуя штурвал руками. Майрис невольно косился на Дэниела и не переставал удивляться, с какой легкостью тот отдает себя в распоряжение компьютеру и растворяется в нем. Почти погружается в электронный мир, лишь частью сознания контролируя внешнюю среду и пожирая глазами смотровые мониторы.

Когда самолет оторвался от земли, Майрис положил руки на штурвал, закрыл глаза, сосредоточился и приказал компьютеру вывести сетку с прицелом на монитор. После чего

открыл глаза, убедился, что маркер прицела следит за его взглядом и на время расслабился. У них была минута, чтобы долететь до начала ущелья.

А после нее — начался зачет.

Рывок, Дэниел слегка отклонился, самолет вильнул вправо и проскочил под нависающей скалой. Где-то рядом должна была стоять турель... Бойкий сигнал, как толчок, ударил Майриса в сознание и он скорее инстинктивно, чем обдуманно выстрелил в показавшуюся из-за поворота пушку.

«Я хотел проверить, насколько быстро ты реагируешь», — объяснил свой резкий посыл сигнала Дэниел.

«Доволен?»

«Удовлетворен».

Самолет летел с огромной скоростью, но Майрису казалось, что они ползут как дирижабль. Еще несколько раз по пути он отстреливался от турелей. Дважды опередил Дэниела и «снял» мишени раньше, чем тот их заметил.

«Вон тот сложный поворот!» — вскрикнул мысленно Майрис.

«Неприятный немного, — поправил его Дэниел. — Держись».

Пилот резко сбавил газ и включил боковую тягу на полную. Нос самолета задрался вверх, хвост повело по инерции. Еще мгновение и он мог зацепить бортом за выступающий край скалы. Не думая особо, что делает, Майрис в миг развернул сигнальный пульсар назад и выстрелил самолету под хвост. С такого близкого расстояния почти безобидный тепловой удар мощно ударил в скалу и расколол ее хрупкий край, давая место самолету для маневра. И снова тяга возросла, вдавила в кресло и прижала голову в шлеме к спинке. Машина с низким гулом вынырнула над ущельем.

«Сам придумал?» — спросил Дэниел, выводя самолет на прямую.

«Нет, где-то видел».

«Молодец».

«Не хотел штрафных очков».

Они подлетали к руинам. Какие катаклизмы заставили скалы смешаться с остатками цивилизации таким образом — оставалось только гадать и ужасаться. Погребенные под завалами в кольце отвесных скал, вырастали из земли металлические балки бывшего завода. А может быть, секретного объекта. Возможно, что даже простого города. Некому было гадать над тайнами руин, их просто использовали.

«Ден? Обязательно идти по флажкам?» — тревожно подумал Майрис.

«Да!»

«И под тем башенным краном?»

«Именно!»

«Сбавь скорость!»

«И не подумаю!»

Взвизгнула промелькнувшая сбоку бетонная арка какого-то здания. Хлопками проносились снизу плоские крыши. Дэниел разгонял самолет все быстрее. Потайные турели просто не успевали поворачиваться и стрелять вслед.

«Дэн!»

«Ты даже не представляешь, на что эта птичка еще способна...»

Дверь спрятанного ангара распахнулась, и из нее высыпало три мелких робота.

«Майрис?» — спокойно и даже буднично прозвучал вопрос.

Вместо ответа Майрис развернул самолетное орудие и принялся отстреливать маркерами роботов. Но тут-то он и не учел, что башенный кран приближался...

Кульбиту тяжелого бомбардировщика мог бы позавидовать даже самый легкий разведывательный флаэр. То была не просто бочка с выворачиванием носа корабля в сторону. Это был самый настоящий дрифт с разворотом в воздухе. И если ширококрылый самолет не мог просочиться в щель под краном носом вперед, то, как Дэниел разумно рассудил, он сможет влететь в нее боком. В результате чего Майриса сперва прижало к стенке, затем к креслу, потом он понял, что видит роботов перед кораблем (а ведь еще миг назад они были в хвосте!), и только после этого его ремни на кресле затрещали и впились в плечи.

— Май, ты же хотел сдать этот экзамен? — от восторга прокричал вслух Дэниел.

— Дэн, ты псих! — думая, что это поможет, Майрис со всей дури уперся руками в потолок кабины.

— Готовься к «спирали» и «рою»! Повальсируем....

— ...Это было не допустимо! Как только мозгов хватило! Здесь! На МОЕЙ Базе!

Вот уже пять минут как за закрытой дверью кабинета доносился разъяренный голос Командира. Грэй нервно мерил шагами коридор, кусал перчатку и вздрагивал, когда голос Джейкоба срывался с новой силой.

— Ладно бы себя угробили! Дураков не жалко, но заманить «рой» ботов к поселку... Это вы несомненно от большого ума выдумали! Прямо гении, вашу мать!

— Сэр, приносим извинения... — попытался вставить Дэниел, но на него тут же обрушился новый поток командирского гнева.

— На кой черт мне ваши извинения?! Когда бытовой экзамен превращается в хрен пойми что! В войнушку поиграть захотелось? Рыцарями неба побыть? Или перед другими хвост распушить? Велико дело, понты кинуть. Да только другие из-за вас чуть не пострадали. А про испытательный полигон с разбитыми вдребезг ботами я вообще молчу! Кто будет все восстанавливать? Вы?

В принципе гневался Командир на бестолковых «героев неба» не долго. В какой-то степени он даже ими гордился. Разум подсказывал, что такие лихачи нередко полезны на войне. Но поругать молодняк, чтоб не зазнавался, считал делом обязательным и личным. Во-первых, выговор от командира они снесут тяжелее, чем от приемной комиссии, во-вторых, было у Командира желание запомнить выделившуюся пару.

— Прежде всего, вы должны соблюдать безопасность, а уж потом заботиться о скорости выполнения поставленной задачи. Если вы это не уясните себе раз и навсегда, то могут случиться куда большие проблемы!

— Но все было под контролем, господин полковник, — опуская взгляд, осторожно вклинился Майрис.

— На этот раз — может! — хлопнул ладонью по столу Джейкоб. — В следующий раз — не знаю!

Прощтрафившимся Пилотам (а Джейкоб уже для себя решил, что так и быть позволит шустрому курсанту получить заслуженное звание) не было позволено сесть и не было дано команды «вольно». Поэтому оба стояли, вытянувшись в струнку, и только отводили глаза. Командир же нависал над столом, оперевшись в него руками, и даже в такой позе значительно «давил» на парней.

«Пожалуй, с них хватит. А то один уже белее стен».

Командир грозно окинул обоих взглядом. Никто из парней больше не решался нарушить тишину. Как говорится, во избежание...

— За ваши выкрутасы я распоряжусь, чтобы комиссия начислила вам, курсант Рэдсон, штрафные баллы, — понизив тон, почти спокойно заявил Джейкоб. — Надейтесь, чтобы оставшихся вам хватило до получения звания Пилота.

Майрис сглотнул пересохшим горлом.

— А теперь выметайтесь из кабинета и не попадайтесь мне на глаза!

В подтверждении командирских слов, лежащий в углу черный пес грозно зарычал и гавкнул. Молодых пилотов как ветром сдуло, а Джейкоб уставшее рухнул в свое кресло. Словно только этого и ожидая, черный пес поднялся со своего места, подошел к хозяину и, сверкнув желтыми глазами, положил большую голову на колени.

А буквально через минуту в кабинет Джейкоба заглянул Грэй.

— Заходи, — не дожидаясь вопроса, позвал он.

— Громко ты их. Весь этаж напугал, — покачал головой инопланетянин и уселся напротив в кресло.

— А нечего бардак разводить.

— Они хотели как лучше...

— О да, у них получилось.

— И что ты намерен делать? — вольность, с которой Грэй обращался к Командиру можно было свести на свойство переводчика, но при желании инопланетянин мог сымитировать и вежливый тон.

— Как минимум не давать им распуститься, — жестко ответил Джейкоб.

— Такой молодой, но такой старый Джейк, — покачал головой Грэй.

Тон инопланетянина заставил Командира насторожиться.

— Но признайся, ты же доволен ими, — улыбнулся в милом оскале Грэй.

— Немного, но я не завидую их будущему.

— Отчего же?

Инопланетянин застыл, ожидая очевидного для себя ответа, а Джейкоб не торопился, глядя черного пса по голове. Воспоминания... Слишком много воспоминаний до сих пор ютилось в сознании командира, и часть из них сейчас готова была снова всплыть на поверхность. Джейкоб улыбнулся им как старым знакомым, которых не видел долгие годы. Черты его лица разгладились, и глубокие хмурые морщины на лбу распрямились. Грэй терпеливо ждал, не прерывая командира и давая ему время на ностальгию о прошлом. Казалось, даже он сам, с каким-то отцовско-родственным чувством любовался впервые за долгое время улыбнувшимся командиром. Их успела связать долгая история, и Грэй не понаслышке знал, как редко на Джейкоба накатывали минуты счастья и такого непосредственного спокойствия. Инопланетянин застыл расслабленной статуей, не спуская преданных глаз с командира, но когда молчание, казалось, уже слишком затянулось, Джейкоб вздохнул и прервал тишину едва слышным голосом:

— Они слишком знакомо идут по моему старому пути.

Выпускной вечер бывшим курсантам, а теперь уже молодым Пилотам и лейтенантам, устроили на славу. Главный зал совещаний Луна Гранты был освобожден от кресел, а высокие столы отодвинуты к стенам. Заполняли их в этот день различные вкусные мелочи, от миниатюрных бутербродов до редких канапе с настоящими отварными яйцами и кусочков красной рыбы. По современным меркам — роскошь была невероятная. Пока весь мир питался синтетикой и полусинтетикой на растительной основе, Базы, как оплот человеческой цивилизации по праву получали лучшее со всех уголков планеты. И вина с многоградусными настойками не оставались в стороне.

Первая половина выпускного прошла, как и ожидалось, в виде символической церемонии. Разодетые в парадные лейтенантские мундиры выпускники по очереди приглашались на сцену и награждались почетными листами классификаций и значками Пилотов. Поздравления, аплодисменты. Камерная церемония для одного выпуска, но открытый вечер для всех желающих. Маленький праздник Базы, организованный для приветствия молодого пополнения профессионалов. В этот вечер не принято было вспоминать о размолвках и ошибках. А старшим Пилотам — посмеиваться над молодыми. Отныне выпускники становились частью большой семьи.

Из динамиков доносилась легкая приятная музыка. Присутствующие разбрелись по группам, весело общались, шутили, вспоминали любопытные моменты, делились впечатлениями о зачетной неделе. Легкая выпивка располагала на беседы. В зал заходили все новые и новые люди. Пилоты, которые не теряли возможности ежегодно заглянуть на вкусное и бесплатное мероприятие. Некоторые знакомились с молодыми, кто-то принимался сразу агитировать войти в «их» группу. Ближе к ночи в зал стало стекаться и руководство Базы. Сержанты, командиры подразделений, начальники отделов и их заместители. Даже Командир Джейкоб не остался в стороне, но, как и прочие, попросил не афишировать свое присутствие.

Майрис хвостом бродил за Дэниелом по залу от одного стола к другому и терпеливо выслушивал его восклицания.

— Нет, ты глянь! Индейка! Это ж натуральная индейка!

— Можно подумать, что ты ее ни разу не пробовал...

— Естественно пробовал! — обиделся Дэниел. — Но нас на церемонии даже ей не угощали. Вот тебе и Луна Гранта.

— Дэн, мне неловко говорить, но на тебя уже косятся как на идиота, — шикнул Майрис, дергая друга за рукав мундира. Откуда тот его откопал, Майрис спросить не удосужился.

— Да какая к едрене фене разница, — отмахнулся Пилот. — Нам не стыдно было, когда на нас косились после разгрома полигона, а сейчас должно быть стыдно? За что?!

Раз и навсегда Майрис уяснил для себя, что спаивать Дэниела нельзя. Ни чуть-чуть, ни совсем чуть-чуть. Из почти адекватного молодого человека его длинноволосый друг мог уже после одного стакана вина превратиться в развязного и весьма шумного товарища.

— За то, что ты поешь дифирамбы каждой котлете, — Майрис сделал решительный ход и взял Пилота под руку, чтобы увести от стола.

— Ты хотел сказать «за то, что я нажираюсь всем подряд».

— И это тоже.

— Вот жмот!

— Мальчики, не ругайтесь, — в своем порыве парни почти налетел на Грэя, отчего тот от неожиданности растопырил перепонки на загравке.

— Грэй? — Майрис уставился инопланетянину на руку. — Ты ешь фрукты? Я всегда думал, что ты плотоядный.

— Вообще-то я... обычно..

— О! Зефир!

Дэниел пулей рванул из рук Майриса к соседнему столику.

И почти верно рассчитал траекторию своего движения, если бы не сделавший шаг в сторону какой-то парень.

— Эй!

— Смотри, куда ногу ставишь!

— Ой!

Уходя от столкновения, Дэниел отклонился влево и чуть было не толкнул даму рядом с собой.

— Ох, простите меня, леди! Мисс... эм... миледи. Я вам ничего не отдал, не опрокинул?

— Нет, юноша, не беспокойтесь.

Дама на этом мероприятии выглядела несколько необычно, если не сказать более: неожиданно. Затуманенный пеленой спиртного мозг Дэниела соображал хоть и быстро, но поэтапно. Сперва он отметил про себя, что дама в платье. Строгом, черном, приталенном, без изысков, но платье. В то время как остальные вокруг были в мундирах и парадных костюмах. Потом он обратил внимание на серьги. А уж украшения здешним служащим и особенно Пилотам запрещались — они сбивали сигнал. Далее Дэниел заметил еще много мелочей, которые полностью выбивали даму из круга местных посетителей, но самая важная мысль ему почему-то так и не пришла.

— Миледи, меня терзают догадки, — тут же изменился в лице и манерах Дэниел. — Что же может делать такая прекрасная особа, как вы, на таком шумном мероприятии?

— Вероятно, отдыхать, — с улыбкой ответила она в тон Пилоту, как бы мимоходом изучая его.

— А почему бы нам не пройти на воздух? — Дэниел решил не затягивать со словесными реверансами. — Звезды подсказывают мне, что вы приехали к нам издалека, а я бы с радостью устроил вам экскурсию.

Дама тихо рассмеялась.

— Я думаю, вас бы утомили мои собственные рассказы о Луна Гранте.

— Почему же? — слегка опешил Дэниел.

Из-за плеча Пилота вышел вперед черный мундир с серебряной нашивкой на рукаве и витыми погонами с двумя звездами. Дэниел похолодел.

— Извини, родная, но надо было переговорить с майором. Надеюсь, тебя здесь еще не съели?

— Только глазами.

Простой жест. Короткий взгляд. Но сколько нежности было в нем и сколько обожания в глазах. Рука мужчины легла женщине на талию, едва заметно привлекая к себе. А ее голова прикинула к его груди, мягко потеревшись щекой. На какой-то миг оба забыли обо всех

остальных присутствующих вокруг, а затем Джейкоб поднял взгляд на Дэниела. И в этих человеческих, но таких сейчас волчьих глазах, кроме немого вопроса было отчетливое, но неконтролируемое, предупреждение настоящего вожака: «моё».

— Оу, ну все, — расшаркался в извинениях Дэниел. — Вижу, мое присутствие более не нужно. Леди под защитой. Никто больше не будет случайно наступать на ноги. Можно быть спокойным.

И бочком стал медленно отходить подальше.

— Он тебе не сильно надоел? — как можно более буднично спросил Джейкоб у супруги.

— Нет, наоборот был весьма вежлив, — улыбнулась дама, глядя на растерявшегося Пилота.

Тут-то Грэй и понял, что товарища надо выручать. Выцепив из толпы Майриса и поставив его перед собой, инопланетянин сделал шаг к Командиру.

— Джейк! — изобразил радость транслятор. — Тут к тебе тело рвется! Жаждет раскланяться в благодарностях.

И Грэй легонько тюкнул костлявым кулаком Майриса по почкам.

— Кхе... э... Простите, господин полковник! Разрешите эм..

— Мы не на службе, Рэдсон. Вольно. И давай без чинов, — внимание Командира полностью перетекло на Майриса.

Грэй клецнул зубами на Дэниела и провел кончиком своего хвоста по горлу. Пилот все мигом понял и ретировался за спину инопланетянину. Дама с нескрываемым любопытством наблюдала за всем балаганом.

— Господин полк..., простите, сэр. В общем, я хотел сказать, что должен сказать вам большое спасибо! — не без труда выпалил на одном дыхании Майрис.

Джейкоб удивленно вскинул одну бровь.

— За то, что поверили в нас, и дали мне шанс, — язык у парня развязался, и последующие фразы выходили все более непринужденно. — Я убежден, что будь на то ваша воля, меня бы никакие баллы не оставили на Базе. И поэтому, от всей души, хотел сказать спасибо. Ни я, ни мой товарищ не подведем вас. И если бы не...

— Все, хватит, не перебарщивай, — Грэй похлопал парня по плечу и, не дав ему закончить, развернул на месте и подтолкнул его и Дэниела прочь.

— Дети... — пожав плечами, извиняющее скорчил гримасу Грэй и удалился следом за Пилотами.

Несколько секунд Командир и дама стояли в немом изумлении, переваривая случившееся и осмысливая неразбериху.

— А ты еще спрашивала, за что можно любить это место, — приобнимая супругу, потом сказал тихо Джейкоб. — Такой цирк невозможно не любить.

Командир взял со стола бокал с вином и почти залпом опрокинул его в себя. А дама, еще некоторое время глядя вслед ушедшей троице, серьезным тоном заключила:

— Присмотрел бы ты за ними дальше. Сильные ребята. Далеко пройдут.

В моем распоряжении на Базе все, что я пожелаю. Мой автомобиль на стоянке. Час в дороге — и мы дома. Но я слишком пьян, чтобы лететь по трассе. Я мог был попросить своего помощника отвезти нас домой. Полчаса полета на вертолете — и мы дома. Мог бы попросить отвезти нас любого другого водителя, Пилота, да хоть даже Грэя, но мне было

жалко тех минут, которые мы провели бы в дороге. Нам было жалко. А еще дома остался ночевать сын. Не хотелось его будить.

От щедрости я поставил дежурному по гостинице бутылку какого-то вина и попросил не пускать никого на верхний этаж. И чему он так засмутился?

Все события как в легкой дымке. Я помню, как закрыл за нами дверь номера, а потом я уже целовал ее шею. Мои руки нашли застежку ее платья и снимали его. Долго. Мне казалось, что все это очень долго. Да, иногда я могу рычать от переполняемой меня страсти, и как хорошо, что я не вижу себя в эти моменты со стороны.

А как она снимала с меня мундир... Только женщине дано это делать «так». С желанием, растягивая и смакуя каждую пуговицу. Меня истязали такой медлительной пыткой, а я от этого все больше ее хотел.

А потом мы любили друг друга как первый раз. С чувством, упиваясь страстью и скалясь от удовольствия как дикие звери. И в эти моменты мое сознание уходило куда-то далеко, отрываясь от тяжелого тела и соединяясь с чем-то более объемным, более древним и, как иногда мне казалось, становилось, наконец, цельным.

Я почти задремал, когда моя супруга вернулась из душа и устроилась рядом под одеялом. Такая родная и такая теплая. Я лежал, слушая ее ровное дыхание и сам, погружаясь в сон, вспоминал.

Низкие потолки отсеков в медицинском блоке сверкали яркими лампами. Здесь были самые светлые помещения во всем убежище, и многие люди с непривычки жаловались на боль в глазах. Кто-то даже придумал при входе в медотсек повесить контейнеры с солнечными очками, и дурацкая поначалу идея прижилась.

Поэтому сразу выявить частых посетителей медотсека от захаживающих служащих было легче легкого.

В тот день Командор не мог нарадоваться нашими успехами по подъему первой разведгруппы на поверхность. Впервые за все время — скафандры выдерживали жару. В это сложно было поверить, но с каждой неделей температура на планете Земля нормализовывалась. Кваари работали без перерывов, мы старались за ними не отставать.

Первым делом разведгруппа наладила лифт от поверхности к убежищу, а как только он заработал, наша пилотская братия получила временный отдых. Кто-то мигом расцвел от счастья. Другие, как я, не знали чем себя занять в отсутствии «дела всей жизни».

Я сопровождал Стива в медотсек, когда он вновь затеял этот пустой разговор.

— ..А вообще нам надо расслабиться, отдохнуть, пока в нас не шибко нуждаются. Поправить здоровье, например. Ну, вот бери пример с меня. Тебе не нужно здоровье подрихтовать?

— Нет, я в норме.

— Вот ведь, здоров как пес, — с обидой буркнул Стив, и терпеливо дождался, пока врач сделал ему укол в руку. — А мне вот за радиацией вечно следить приходится.

— Может, в твоём блоке что-нибудь фонит, — пожал плечами я.

— В моем блоке живут еще трое наших, и у всех то язва, то кишки, то сердце, то вот, блин, лучевка. Откуда оно берется, ума не приложу...

— Зато теперь у нас есть отдых, — мрачно вернул я его на более приятную тему.

— Точно! Можно отпустить тяжелые мысли и подумать, к примеру, о более прекрасных формах. Вон! Кстати о формах. Мне кажется, та лаборантка на тебя давно уже засматривается!

Я проследил взглядом за его рукой и поперхнулся.

— Да она же еще ребенок!

— Дурак, тебе что, не нравится? — перекопился от изумления Стив.

— Да как бы... — я еще раз бросил неловкий взгляд на девчонку. — Что ей может нравиться во мне, шестидесятилетнем мужике?

— Пилоте, Джейк! Пилоте! — хлопок мясистой лапы пришелся мне по плечу. — Девочки любят нас, али забыл? А ты все равно не катишь на шестьдесят. Ты когда последний раз в зеркало смотрелся? Что надулся? Вот то-то и оно. Спроси меня, так я тебе тридцатник дам максимум! Так что пользуйся случаем, пока совсем не зачах... Или... Ты что-то недоговариваешь о своих недугах?

Я поздно понял, что надо мной ржут.

— Да иди ты в..! — отмахнулся я.

— Ну? Мужик ты или нет? — подстрекал Стив.

Я зарычал на него и покраснел. А он расхохотался в голос, чем еще больше смутил меня. И, сам не знаю, но я поднял взгляд на девушку, будто ища в ней хоть малейшую поддержку в свой адрес, и получил ее. Она смешно хмурила еще детский носик, глядя на покатывающегося в гоготе Стива, а когда поймала мой взгляд, вздрогнула как лист, затаилась, а потом смущенно улыбнулась. И в этот короткий момент я впервые понял, или мне показалось, что нам есть о чем заговорить.

На утро новоявленным Пилотам не дали долго прохлаждаться и сразу же во время подъема скрипучий голос вредного дежурного по общежитию объявил о переселении. Казалось бы, став уважаемыми членами пилотской братии, молодое пополнение вновь ощутила на себе всю радость суровой военной жизни по спискам и расписаниям. Разве что в новый виток армейской жизни закралось маленькое приятное дополнение в виде учета пожеланий «трудящихся».

Общежития для Пилотов Базы было хоть огромным, но не резиновым. Однако время и статистика распорядились так, что места для новых служащих находились всегда. То на соседних Базах не хватало рабочих рук, и тогда Луна Гранта перераспределяла некоторых своих Пилотов. То заканчивалось время контрактной службы, и бывалые летчики уходили в запас. А иной раз судьбой Пилотов распорядилась жизнь, и кто-то не возвращался с вылета, попадая в плен или погибая на границе, отстаивая рубеж.

Так или иначе, небольшое право выбора с кем жить и в каком количестве у молодых Пилотов было. И поэтому, недолго думая, Майрис согласовал свой переезд с ответственным за перераспределение капитаном и попросил поселить его с Дэниелом. Капитан что-то проверил по своему планшету, бегло пробежал взглядом по личному делу, а затем дал добро. Переселяться пришлось сразу же.

— Ты, я смотрю, тут неплохо устроился, — заключил Майрис, заходя в жилой номер Дэниела.

— Не льсти мне, — отмахнулся Пилот, отходя в сторону и пропуская парня. — Я всего лишь немного передвинул мебель.

Двухместный номер было обустроен немногим богаче номеров для курсантов. Чуть более новая мебель, телевизор на стене, большего размера холодильник, висящие полки на стенах, пара столов и удобных кресел. Все строгое, не дорогое, но комфортное.

— Надо будет потом показать тебе номер Грэя, — хмыкнул Дэниел. — Вот там в

одноместных номерах куда больше шика.

— Ты еще предложи заглянуть в обиталища старшего офицерского состава, — парировал Майрис, ставя свой небольшой рюкзак на стол.

— Так у этих вообще отдельные дома в соседнем поселке.

Распределение личных вещей заняло у парня немного времени. Дольше он простоял только рядом с полкой, на которую Дэниел аккуратно складировал свои журналы легендарной «Популярной механики».

— А почему ты не заказываешь подписку на них через планшет? — спросил Майрис, с трепетом листая глянцевые страницы.

— А разве не кайф держать их в руках? — вопросом на вопрос ответил Пилот.

— Еще скажи, что ты и художественную литературу покупаешь, — убирая на полку журнал, сыронизировал парень.

— Ну да, — пожал плечами Дэниел.

Майрис удивленно покосился на друга.

— В основном фантастику, — без тени смущения продолжил Дэниел, еще больше ставя Майриса в тупик. — Знал бы ты, какую чудень иногда сочиняют! Ты представляешь, про Землю, страдающую от перенаселения. Или про то, как люди друг с другом воюют. Кто-то даже однажды придумал вирус, охвативший планету, из-за чего человечество начало поедать друг друга. А было еще про вирус бессмертия и про вирус, как его там... эльфийства.

— Зачем ты читаешь этот шлак? — скривился Майрис.

— Забавно! — расхохотался Дэниел. — Про войны с инопланетянами никому писать нельзя, зато про бойню человека человеком — можно. Деградация!

— Во-во... — подытожил парень, закрывая тему так не любимой им художественной литературы.

С каких пор Майрис начал с презрением относиться к любому литературному творчеству, он и сам не помнил. Книги в большинстве своем всегда были для него непозволительной по цене роскошью, поэтому парень вырос на честно выигранном в крышки покоцанном планшетнике. Машинка эта была хоть и старая, но свои функции по закидыванию и отображению текста выполняла. А поскольку времени у Майриса было уже с детства не много, то тратить свободные часы на изучение чужой фантазии ему было жалко. Для него литература существовала только новостная и полезная. И когда по Полису прокатывалась очередная волна человеческого фанатизма по тому или иному автору, Майрис только непонимающе косился на людей, с упоением читающих новый рассказ. Он просто не знал, чего должно не хватать человеку в жизни, чтобы так обстрагиваться от окружающего мира и погружаться в чью-то придуманную реальность.

«Неужто Дэну так мало ежедневных приключений, и ему хватает еще сил на это? — Майрис вновь покосился на полку. — Я понимаю еще журналы «механики», он все же тащится от любой новой техники...»

— Кстати, ты решил то для себя, что будешь делать дальше? — взгромоздившись с ногами на кровать, спросил Дэниел, чем вернул Майриса из размышлений.

— Ну ты сказал! — встрепенулся парень. — Продолжать служить тут дальше.

— Ты ж не хочешь.

Майрис даже «завис» от такой твердой и уверенной интонации и так и сел на свою кровать напротив.

— Почему?

— Энтузиазма в глазах не вижу.

— Много ли ты видишь? — прищурился Майрис.

— Я вижу, что Грэй сказал мне, что ты служишь здесь ради того, чтобы заработать и спрятаться от гражданских. Я прав?

Впервые в голосе Дэниела прозвучала даже не жесткость, а негодование. Что было в нем — упрек или злость — Майрис так и не понял. Но осознал, что, как однажды ему пришлось оправдываться перед Греем, так же придется повторить все перед напарником.

— Да, прав, — фраза далась Майрису тяжело, и где-то в глубине души он почувствовал сам себя мелким предателем. Ведь Дэниел так старался пробудить в нем истинное желание служить. А на самом деле Майрис до сих пор сохранил в себе исключительно корыстное желание.

— Пока я буду служить Пилотом, я буду получать необходимые для себя и для своего брата деньги, а так же буду неприкосновенен. Но это не значит, что я вовсе не испытываю интереса от службы, — попытался скрасить он, замахав руками. — От вылетов на патрулирование, дежурств и если надо — отстрела наших щупалистых гадов. К этим с последних событий я уже испытываю отдельную личную неприязнь.

Майрис ждал, что Дэниел возьмется переубеждать его, а в худшем случае еще больше разозлится за столь эгоистичный настрой. Потому что поверить в фальшивые слова парня о желании перестрелять всех врагов человечества мог бы только дурак. Однако, Дэниел не стал углубляться в разбор мотивации и психологий, а склонил разговор в неожиданное русло.

— А тебе не приходило мысли, что за эту твою неприязнь, тебя и оставили тут на Базе?

Майрис призадумался.

— Ведь посуди сам, — решил «добить» друга Дэниел. — Ты не лучший. Команда из нас с тобой тоже не ахти какая великолепная. Много других Пилотов и даже двоек работают эффективнее нас. Профессионалов хватает. А пройдет год, и твои сокурсники будут новыми асами. Так разве не приходило тебе мысли, что тебя удержали здесь, именно надеясь на твою неприязнь к кваари?

— Почему ты думаешь, что это важно? — засомневался парень.

— Потому что, как мне кажется, скоро высшее руководство устанет терпеть этих, — кивок в окно, — на границе. И им нужно побольше таких сорвиголов, как мы с тобой. Чтобы лезть против правил, на чистой ненависти. Чтобы покачнуть это шаткое равновесие и ударить членистоногим по самые уши.... — Дэниел хлопнул кулаком по ладони, выдержал паузу и все-таки не удержался от финальной «оплеухи», — ...А ты мне тут про свою бедность вещаешь, тоже мне, сирота подзаборная. И про то, какой ты весь из себя семейный.

Майрис стиснул зубы, чтобы не выдать чего-нибудь оскорбительного в ответ. Колкость выдалась удачная и весьма обидная. А когда первое возмущение чуть прошло, Майрис холодно выдал:

— К твоему сведению, я все же не буду забывать и эту сторону вопроса.

— Ну, так и пусть твой брат сам тоже идет сюда служить! — мгновенно нашелся с ответом Дэниел и всплеснул руками. — Какие проблемы?

— Возраст. Ему пятнадцать.

— Да и отлично! — подбодрил Пилот. — Пусть попробует. Иногда талантливых ребят и в двенадцать лет готовы взять.

— Здесь опасно, — гнул свое Майрис.

— Пусть научится летать и идет на грузоперевозки, — настаивал Дэниел, вновь начав размашисто жестикулировать, как это случалось, когда его посещала хорошая идея. — Большие дела, большие деньги. А ты освободишься от необходимости его обеспечивать. И, возможно, перестанешь ссать каждый раз перед вылетом.

Сидевший до этого без того обиженный Майрис возмущенно подскочил.

— Я не боюсь!

— Да, конечно, — ухмыльнулся Пилот. — Порассказывай мне, кто твои мысленные оры во время подъемов слышит.

Майрис плюнул и не нашелся, что ответить.

«А с другой стороны он прав, — подумал парень. — Если бы за меня не держался сейчас братец, кто знает принял бы я эту войну как свою? Ведь я уже проверил, что в состоянии постоять за себя и пристрелить нескольких гадов. Уж не за тем ли я изначально шел на Базу, чтобы изменить свою жизнь и начать все заново? Так вдруг мне надо только окончательно обрубить все хвосты? Чтобы не жалеть себя? Нет... Скорее, чтобы разрешить себе выкладываться на полную».

— Мне надо обсудить все с братом... — в итоге решил и прервал тишину Майрис.

— Давай-давай, нерешительный ты наш, — подбодрил Дэниел, копаясь в своем слайдере. — Вам как раз неделю на таски перед настоящей службой дали, а новобранцам двери открыли.

Майрис еще глубже ушел в размышления.

— Тебя отвезти?

— А?

Парень поднял голову и не сразу понял, что предложил ему напарник.

— Тебя до Полиса подбросить? — разборчивее повторил Дэниел.

— А как же ты сам? — удивился Майрис, забыв про обиду.

— Возьму пару дней отпускных, — небрежно отмахнулся Дэниел, закидывая слайдер на полку. — Собирайся, нечего время терять.

И, не дожидаясь ответа, Дэниел подорвался с кровати, перекинул через плечо свою куртку и направился к двери. Майрис же, так изумленно и сидел на кровати до тех пор, пока Пилот не окликнул его еще раз из коридора. После чего по привычке прихватил свой неизменный рюкзак со слайдером и документами, и поспешил за Пилотом.

Дэниела отпускали неохотно. Попавший в историю со своим пролетом на экзамене, Пилот встал на заметку у руководства и едва отговорился от обучения молодого пополнения и продолжения работы куратором. Дополнительной денежной суммой он не соблазнился. Отпускной квартирой на среднем уровне тоже. Веских причин держать в ближайшие сутки у начальства не было, и только этот факт позволил Дэниелу подписать бумаги и покинуть Базу на «трое суток, с учетом отведенного на дорогу времени».

Первый раз за время своего отпуска Майрис удивился, когда понял, на чем Дэниел хочет отвезти их в Полис. Черный как смола, блестящий, без единой хромированной детали мотоцикл покорно ждал своего владельца на подземной парковке. Увидев это громадное чудо техники, Майрис завистливо присвистнул.

— Когда живешь на службе на всем готовом и редко попадаешь домой, то вскоре понимаешь, что надо на что-то тратить свою накапливающуюся зарплату, — как бы смущенно развел руками Дэниел.

Тихо и ровно подал голос заведенный двигатель. В дань традиции низкогудел тяжелый выхлоп. Мотоцикл бархатно рычал на холостом ходу. Толчок, легкий кач от включенной первой передачи, бодрый и даже какой-то восторженный рык, а затем мотоцикл играючи тронулся с места. И словно не колеса перемещали его по земле, а земля плавно текла рекой под ним. Раскатистый звук двигателя эхом отражался от стен подземной парковки, будто на зависть остальным спящим машинам. «Смотрите, я отправляюсь в путешествие», — звучал он, и остальные провожали его потухшими фарами.

Дэниел придержал своего напористого «зверя» лишь единожды, сбавив скорость рядом с легендарной паритетной Reventon.

— А вот это моя мечта во плоти, — с блаженством в глазах цокнул языком Дэниел. — Красавица, а не машина! Не знаю в каких архивах владелец ее достал, но он явно эстет.

Майрис посмотрел на темно-серебристый угловатый спорткар, и в его памяти невольно всплыли воспоминания о сумасшедшей поездке за триста километров в час. Тогда он еще боялся такой скорости, и мог без стеснения высказаться ее владельцу о вреде бензиновых двигателей. Но как давно это было. Кожаный салон, отделка зеленовато-бурым бархатом.... Майрис не стал вмешиваться в мечту Дэниела со своими воспоминаниями и лишь дружелюбно бросил через плечо: «Еще накопишь!».

Дэниел сладко вздохнул, захлопнул колпак своего шлема, приготовился, а затем резко прибавил газу, едва не отрывая переднее колесо тяжеловесного черного гиганта от земли.

А Полис жил своей жизнью. Огромные небоскребы наперегонки тянулись ввысь. Рекламные щитки, мерцающие всеми огнями радуги, заслоняли друг друга. Магнитные дороги ревели от проносющихся по ним машин. Огни, огни, повсюду горел свет, навязчиво бросаясь в глаза даже в дневное время.

Желтые фонари вдоль дороги, красные габариты у обочины, пурпурные и зеленые рекламы, неоновые вывески названий. Кипящая пестрота красок на нижнем и среднем уровне Полиса пугала и отталкивала. В то время как поверхность земли и все, что было выше, строго оберегалось от вторжения рекламы. Только редкие телевизионные стены ежеминутно транслировали новости.

Сколько же лет было этому мегаполису? Никто не мог дать точного ответа. Еще во времена подземного обитания людей история ломалась, и некоторые ее отрывки терялись в миллионах терабайт, которые скупуплезно оберегали выжившие. Все помнят записи о том, как зарождался этот и другие Полисы на земле. В момент, когда стало ясно, что жизнь на поверхности станет невыносимой, объединенное правительство всей планеты приняло, пожалуй, первое и единственное верное решение за все свое время. Вся информация, все возможные чертежи, записи, книги, всё, что было достигнуто человеческой наукой, сохранялось в электронном варианте и консервировалось в хранилищах. Тысячи лучших и перспективных ученых в первой волне были расселены по наилучшим, с точки зрения людей, бункерам. Едва не начались войны. Самые состоятельные пытались купить себе место в подземелье, обделенные и оставленные на произвол нищие ломали заграждения и рвались под пули автоматных очередей, в надежде вырвать себе шанс на спасение. Человечество начало звереть и сходить с ума. И, возможно, только чудо спасло людей от тотального уничтожения на том этапе. Чудо и стойкость тех солдат, кто был вынужден держать оборону бункеров. Политики призывали сограждан к спокойствию, министры лживо уверяли толпу, что все могут пережить «апокалипсис» в своих подвалах и в стенах

метро. Аналитики подтверждали данные и хором с министрами успокаивали людей. Журналисты поднимали шум и объявляли все ложью. Но, так или иначе — толпа схлынула. Люди смирились с судьбой. И миллиарды жителей планеты вместе со всей оставшейся флорой и фауной сгорели на поверхности, когда настал роковой день. Хотя, говорят, что и дня того как такового не было. Температура увеличивалась постепенно, и большинство жителей погибли в первую очередь от затопления родных земель. Растаявшие ледники сильно подняли уровень океана, и вода просто смыла половину стран. И только затем жара начала становиться настолько невыносимой, что выжившие на поверхности стали умирать от пекла и обезвоживания. Океан возвращался в свои привычные границы, оголяя мертвые города, а затем испарялся дальше, уходя в небо и покрывая землю сплошной черной шапкой туч. Тогда-то на планете и воцарился настоящий ад.

Но бункеры выжили. Передержали волны умоляющих людей и перетерпели наводнения. Спасенных ученых и их семьи старались держать в неведении о том, что творилось на поверхности. Им пытались обеспечить благополучную жизнь в бункерах. Те, кому предстояло заново возрождать все человечество, не должны были попусту страдать. И они жили. Первое время было тяжело, людям приходилось привыкать к тесным условиям и смешанному обществу. Вся надежда возлагалась на их детей.

Так проходили годы. Смешались языки, за ними смешались расы и культурные ценности. Выжившие поняли, что только на основе единства культуры они смогут избежать последующих внутренних конфликтов. Им даже это удалось! В какие-то годы даже вера у людей стала общей, хотя какая вера могла быть у людей, чья жизнь была посвящена науке. Последними напоминаниями о той или иной крови были лишь фамилии да остатки воспитания, но со временем терялись и они в повседневной жизни.

Уже после того, как земля очистилась на поверхности от всего живого, некоторые бункеры не выдержали нагрузки и зачали. Так погиб, к примеру, крупнейший бункер восточной Азии, не справившийся с потреблением слишком большого количества выживших. Иные погибли от обезвоживания — не во всех бункерах технология позволяла прорыться глубоко под землей в поисках источников. Африка не пережила внутренней междоусобицы, а с Америкой просто надолго была утеряна связь.

Но спустя десятки лет упорной работы, когда кваари снизошли до помощи людям и восстановили климат на планете, выжившие бункеры расцвели новой жизнью. Человечество открыло недры бункеров навстречу солнцу и возвели на поверхности новые города. Так появились многоуровневые Полисы, центры цивилизации, полностью автономные и поистине гигантские. Они росли до сих пор, расширялись и уходили шпилями небоскребов ввысь. Не прекращали работу подземные лаборатории, открывались новые промышленные районы, как грибы после дождя росли жилые кварталы. У Полисов нет года зарождения. Никто не может точно назвать дату, когда на поверхности был возведен первый дом, потому что не это время рождения каждого города. А то, когда была заложена первая плита спасительного бункера, из которого впоследствии, как из семени, проросли новые уровни Полисов. И неправ тот, кто считает все те несколько Полисов похожими друг на друга. При всей схожести технологии и условий у каждого есть свой собственный «родной» и неповторимый запах, цвет и голос. Так, к примеру, родной город Майриса, несмотря на все темные подворотни, удушливые рыночные кварталы и сырость подвалов, все же нес запах утреннего весеннего дождя. Когда редкие капли заканчивают омывать сверкающие стеклом небоскребы, а солнце заливают скромными лучами чистые улицы, вдоль которых еще горят

на рассвете желтые фонарные столбы. И даже не чувствуется нехватки растительности — Полис еще достаточно молод и свеж сам по себе.

Дэниел остановился на обочине у подъезда дома среднего уровня и ждал Майриса. Как только они въехали в Полис, парень стал вести себя очень тревожно. Рядом с домом долго оглядывался, высматривал кого-то в прохожих, постоял у ограждения и всматривался в многоэтажные дороги. После чего все-таки решился и зашел в дом.

А Дэниел беспечно сидел на своем мотоцикле боком и курил, глядя по сторонам. Все вокруг было каким-то бурым. Грязные улочки, захламленные банками и коробками из-под еды, кривые фонари. Где-то попадались на виду дырявые мусорные баки, в которые жители упорно продолжали пихать свой мусор. Серость и темнота были повсюду. Свет неохотно опускался на эти уровни и лишь в полдень доставал редкими лучами до нижних слоев Полиса. Разве что те же рекламные вывески не самым удачным образом скрашивали общую темноту. Сплошные «Кафе», «Быстро без СОИ», различные на все вкусы «Интим»-бары и магазины маячили перед глазами. На одних экранах могли транслировать последние новости, а на соседних, заглушая всех дикторов — рекламу новых фильмов и безинтеллектуальных сериалов, только и предназначенных для очередного промывание мозгов населению. А люди... Люди были достойны отдельного внимания. Вроде бы ухоженные, приличные работники офисов и сотрудники элитных предприятий, но было в них что-то не то. Слишком поникшие головы, усталые взгляды и опущенные спины. И это даже не потому, что был конец дня, Полис изначально жил все двадцать четыре часа в сутки посменно. А, как рассудил Дэниел, не хватало этим людям частого вида неба. Не доставало солнечного света. Вот и унывали они в своих уютных квартирках, на приличных улицах, отличающихся поистине чистотой по сравнению с нижним уровнем. Унывали и тихо умирали. Так никому и не нужные работники, очередные звенья в длинной цепи. И это был основной класс жителей. Родители гениев, солдат и Пилотов. Отсюда выходили жители верхнего уровня, и тут зарождалась большая часть культурной прослойки.

Дэниел щелчком пальца отправил сигаретный бычок в пропасть между дорогами и подумал, что понимает, что заставляет фантастов современности писать о войнах человечества. Ведь живя тут, наверняка, тем же писакам хочется в тайне стукнуть какого-нибудь провинившегося соседа. Поводов найдется немало.

Майрис вернулся примерно через полчаса. На первый взгляд все такой же задумчивый, но Дэниел заметил, что парень как груз с души сбросил.

— Уладил. Теперь можно и ко мне, — заявил лаконично Майрис, поправляя рюкзак.

— Разве ты не живешь с братом? — удивился Дэниел. Предложение Майриса подождать его сразу прозвучало странно, но Пилот решил не вдаваться в подробности.

— Нет, снимал отдельно комнату, чтобы если что, не подставлять его. Это не далеко, три квартала на юг и уровнем ниже.

От одного только упоминания о нижних уровнях Дэниел страдальчески скривился.

— Тебе там что-нибудь нужно? — в упор спросил он.

— Да нет. Пожить хотел.

— Тогда поехали лучше ко мне.

— Да брось. Еще дискомфорт тебе доставлять, — отмахнулся Майрис.

— Ты моей совести дискомфорт доставишь, если останешься на свой первый отпуск в бараке. Садись, приглашаю, — приказным тоном указал Дэниел.

— Куда едем хоть? — усаживаясь позади, спросил парень. Он прекрасно помнил, что

если Пилот заговорил таким тоном, перечить ему становилось бесполезно.

— Пятью этажами выше, — бросил через плечо Дэниел и рванул на себя гашетку.

Осмыслив слова друга, Майрис удивился второй раз за время отпуска.

Двери лифта разъехались в стороны, и Дэниел широким жестом предложил Майрису пройти. Парень помялся на пороге, проглотил свое восторженное удивление и только затем решился зайти в обиталище друга.

Квартира Дэниела представляла собой одну большую полукруглую комнату с выходом на лоджию и кухню. Посреди комнаты на небольшом подиуме располагался темно-серый диван с круглым стеклянным столиком. Вдоль стен тянулись открытые полки с книгами и шкафы. Лишь один бар имел натуральный оттенок красного дерева и гордо стоял рядом с дверью на лоджию. В остальном все было белое, светло-серое, и блестящее глянцевым пластиком.

Пройдя к окну, Дэниел вывел замысловатый символ пальцем по стеклу и тут же прозрачные панели отъехали в стороны, пропуская свежий ветер в квартиру, вздымая легкие белые шторы. Майрис не спрашивал, откуда у Пилота такая квартира. Вопрос прозвучал бы неприлично, да и не принято было в современном обществе интересоваться кошельками других. К тому же сам Дэниел вскоре по-хозяйски запричитал, исследуя холодильный отсек на кухне.

— ...нет, нет. Такую вещь я готовить не буду. Эту тоже. Разогреть сухой паёк? Майрис? Ай, ладно. обойдемся. закажу свежего на первый раз.

И, захлопнув дверцу, без промедления почти метнулся к встроенному планшету на стене, рядом с лифтовыми дверцами.

— Алло, Мариша? Пусть привезут мне что-нибудь вроде котлет, зелени и жареного картофеля? Страсть как по отраве соскучился... Ага! По ней самой. Буду благодарен. Спасибо!

Планшет пикнул и отключился, а Дэниел вернулся на кухню, взял из подвешного шкафа два больших бокала и насыпал в них горсть льда из холодильника. После чего направился к бару в большой комнате, извлек из него стеклянную бутылку с янтарным напитком и разлил на треть в бокалы.

— Я боюсь, что не осилю крепкое, — запротестовал Майрис, наблюдая за всем этим нехитрым приготовлением.

— Осилишь! — твердо протянул Дэниел, доверху наполняя бокалы газировкой из жестяных банок с надписью «Доктор Пепс». — Вот такое оцени.

Майрис неохотно взял прохладный бокал с трескающимися кусочками льда, сделал маленький глоток, и, с удивлением для себя, оценил вкус и блаженно улыбнулся.

— А ты говоришь «не осилю», — передразнил его Дэниел, взбалтывая содержимое своего бокала. — Устраивайся. Скоро принесут ужин.

Еду, и правда, доставили буквально через пять минут. Горячую, в специальных серебристых контейнерах, пахнущую родными ароматами. Без примесей химии и запаха старой, маслянистой воды. Так что молодые Пилоты с удовольствием уплели ее в считанные минуты. После чего Дэниел спустил опустевшие контейнеры в мусорный отсек и обновил себе напиток.

Наевшись до отвала и скрасив время спиртным, Майрис почувствовал, как его разморило. По организму растеклось приятное тепло, в голове начинало ненавязчиво

шуметь. Парень откинулся на диване и понял, что впервые за долгое время ощущает себя поистине хорошо. Не столько комфортно и уютно, сколько спокойно. Вдалеке от опасностей и войны, надежно спрятанный от любых нежелательных гостей в Полисе. Это было просто чудесное ощущение, когда не надо было быть готовым куда-то бежать, рисковать жизнью и думать над тем, кто прав в этой пассивной войне.

Так они просидели с Дэниелом на диване, до вечера, обсуждая первый за службу отпуск Майриса, вспоминая как изменился Полис за последние полгода. Не обошли стороной и тему войны с кваари. Оба Пилота пришли к мнению, что здесь, в городах люди и знать не знают толком о ситуации на границе, а все новостные каналы успешно и бесстыдно скрашивают информацию, чтобы не пугать мирных жителей. Так телевидение и было ими названо — сволочным. Следующим под горячую руку попал Сенат со своей политикой вечного перемирия. Затем военная промышленность, которая, по словам Сената, работает круглые сутки, и все равно не успевает штамповать на человечество столько оружия, сколько нужно. После чего разговор парней перетек в жаркий спор, и Дэниел даже принялся выписывать расчеты маркером по своему стеклянному столу, чтобы доказать Майрису, что количество производимого оружия и самолетов больше числа погибших Пилотов. Даже по данным Баз. И даже по внутренним неафишируемым спискам. По мнению Дэниела большинство техники просто исчезало, покидая станок. Следующим и очевидным неприятелем были признаны кваари и тут Пилоты вновь сошли во мнениях. Припомнили даже пехоту, которая, по мнению обоих, была малочисленна и лишь копила жиры за спиной авиации, поближе к Полисам. Майрис спросил было у «всезнающего» друга про странного парня, попавшегося им на пути во время побега, но Дэниел был осведомлен не больше. На том его и забыли.

Лишь ближе к ночи, по третьему разу сменив бокалы, парни перебрались на лоджию, где Дэниел пообещал показать Майрису «обалденный видок». Выйдя из комнаты, Майрис присвистнул от восторга и едва не споткнулся о сваленные на полу вещи. Но все же пробрался к перилам, встал рядом с Дэниелом и обвел взглядом Полис.

А тот заиграл новыми красками. Вспыхнули вечерние неоновые вывески, средний и нижний уровни загорелись желтым искусственным светом. Габаритные огни автомобилей слились в сплошные алые ленты, а небоскребы выпустили в небо столбы белых прожекторов.

— Красиво у тебя тут, — вдыхая свежий незадымленный воздух, сказал Майрис.

— Да уж, — расслабленно протянул Дэниел. — Родители постарались в свое время.

— А кем они были? — решил спросить парень.

— Отец — Пилот. Мать — хорошая портниха, — без тени тайны ответил Дэниел, прихлебывая из бокала.

— И это все на состояние отца?

— Ага. Он нас сюда поднял. Хороший был Пилот. Прошел первую волну атаки. Долго держал оборону, но... И его настигли.

— Соболезную, — поник Майрис.

— Да все там будем, — вздохнул Дэниел. — Зато остались после него связи. Он, знаешь ли, с начальством Базы в дружбе старался быть. Я тогда мелкий был и в этой его дружбе находил только один плюс — он когда возвращался домой, рассказывал мне много разных историй.

— Каких же? — спросил Майрис, поддерживая беседу.

— О, порой самых необычных, — Дэниел щелкнул зажигалкой и блаженно закурил. —

Например, был у них на Базе один капитан. Старый, седой, располневший. Прихрамывал чутка. Но все с него на Базе готовы были пылинки сдуть. Потому что летал он как Высший... Никто его переплюнуть не мог. И его рекорд по числу сбитых кваари тоже никто не побил.

Дэниел сладко затаился и неспешно выдохнул сизый дымок.

— Ходили слухи, что он один из Вторых. Потому что, действительно, подобных ему асов больше не попадалось на Базе с момента ее основания. А он... Говорили, что перевелся с другой, а там уже и концов не найти. Что было дальше с ним, тоже не скажу. Он отправился служить куда-то в другое место.

— А как было имя героя? — без особого любопытства, поинтересовался Майрис, глядя на небо.

— Не помню точно. Возможно, Стив. Да, точно. Стив Арчер. Отец любил про него рассказывать.

— А почему, кстати их называют «Вторыми»? — вспомнил Майрис то, что давно его интересовало.

Дэниел даже встрепенулся.

— Ты разве не знаешь?

— Нет, — смущенно вжал голову в плечи парень.

— Но как же история? Вам ведь преподавали.

— Упоминали, но никогда не объясняли почему вторые, а не какие-нибудь первые, — замаялся Майрис. — Все сплошь сумбур и, такое впечатление, будто о них стараются не упоминать.

— Ну, тема Вторых и правда относительно под запретом, — почесал подбородок Дэниел. — И все потому, что люди слишком любили их. А ученые признали эксперимент по их созданию провалившимся. Я слышал, что когда-то активно выступали против них служители Высших. Дескать, само их существование есть большой грех человечества, и люди не имели права так экспериментировать и скрещивать живое с машиной. Одним словом — идиоты! Но власть прислушалась к мнению большинства, и постепенно все упоминания Вторых стали считаться противозаконными. Тогда-то и сознались ученые. Тогда же постарались уйти на дно и оставшиеся герои. Ну, а почему Вторые...

Дэниел призадумался, вспоминая нечто интересное.

— Легендарные люди. Без малого спасители человечества. Когда-то, давным-давно, в первую эпоху человеческой цивилизации, люди и машины существовали отдельно друг от друга. Как сейчас, к примеру, человек и... допустим овощ! Люди управляли машинами вручную, не подсоединяя мозг к компьютеру. Они считаются первым поколением. К слову, такое управление было безопасно, но с точки зрения нашего времени — медленно. Порой человеческая реакция давала сбой, отчего случались аварии, сталкивались автомобили, падали самолеты. И всему причиной была слишком медленная человеческая реакция и невнимательность.

— Но потом наступила вторая эпоха. После апокалипсиса, — продолжил Майрис.

— Именно. Страшная катастрофа заставила людей уйти под землю, и доступ к поверхности стал надолго закрыт. Но искались способы. Придумывались варианты. И ученые предложили вариант усиленной связи человека с машиной. Чтобы сигналу пробиться через толщу земли и быть достаточно устойчивым, мало было, образно говоря, надевать наушники. Надо было стать самому таким ухом и чувствовать все напрямую. Ровно как и

посылать сигнал. Так решено было сделать Вторых. Именно от самой эпохи и сменившегося поколения пошло такое название. Не знаю, какова была первоначальная цель ученых, но на деле они получили больше, чем рассчитывали. Их сеть прижилась в организмах людей и во многом упростила последующее производство техники и дополнительной аппаратуры, так как Вторым не нужны были ни экраны, ни ретрансляторы сигналов. Одно кресло, с выходом мощной антенны на поверхность, и то без кнопок и дополнительных датчиков. Знай только настраивайся на нужную волну сигнала. Фактически, после них надобность в новых пилотах класса «бункер-поверхность» отпала, — Дэниел выдержал театральную паузу и закончил мрачным тоном. — А потом настала Третья Стадия...

— Наш век, — кивнул Майрис.

— Да. Эпоха неона, глобальной чипизации населения, синтетического кофе и бесконечных лесов, — Дэниел перегнулся через перила и плюнул вниз. — К нам прилетели «на помощь» кваари, радостно отхватили половину планеты, а мы лишь удивленно прохлопали ушами, не имея на начальном этапе ни техники, ни армии. А когда опомнились, поняли, что одних Вторых мало, а кто-то из них еще по состоянию здоровья отошел от дел. Что делать. Стали срочно придумывать технику, сдружились с Серыми и, нате вам! Получили ополчение религиозной братии. Ох что только не звучало тогда! «Создавая Вторых — гневаете Высших», «Не допустите возвращения цивилизации на электронную ступень», «Тело без проводов — дети без микросхем», «Бог против нанов». Хорошо, ученые быстро сориентировались и вместе с Серыми придумали вот эти, наши с тобой пластинки.

Дэниел указал на мелкий чип на шее Майриса.

— Фактически, мы с тобой Пилоты третьего поколения. А дальше дело было только за техникой. Механизмы стали сложнее, программы — длиннее. Мы научили машины понимать наши мысли и достигли согласия со святошами. И казалось бы, все в нашем мире прекрасно. Но информационный океан полон слухов.

— Например? — Майрис облокотился на перила и повернулся к напарнику лицом.

— Например, ты напомнил мне про теорию Четвертой стадии, которую пророчат во всем как крах человеческой цивилизации. Видишь ли, все на самом деле держится на еще более базовых понятиях. На мыслях.

Майрис удивленно вскинул одну бровь, но промолчал. Дэниел вспоминал и думал, как увязать всю теорию в короткий и логичный рассказ.

— Вся техническая часть, все возможное выживание человечества держится на одних мыслях. И на возможности людей мыслить не хаотично, — начал он издалека. — Ведь какими бы совершенными ни были технологии, как бы не фильтровали они сигналы мозга, до тех пор, пока того же Пилота не научишь мыслить структурировано и твердо — он не будет хорошо летать. Это азы человечества, как расы. Альфа и омега. Ведь можно выделить три ступени человеческого сознания, которые мы подключаем в той или иной степени. Первое — одна мысль — одно слово. Примитивный позыв и эмоция, как «вперед», «стоять», «больно», «хорошо». Именно с этими сигналами работают наши машины. На таких побудительных позывах строится все пилотирование. Фактически, в базу данных бортового компьютера записывается программа, ставящая каждую простую мысль человека в соответствие с какой-то цифровой величиной. И отдавая команды машине, ты передаешь ей набор чисел, которые приводят к тому или иному действию. Далее... Вторая ступень — мысль, как слова, подкрепленные зрительным образом. Слайдом. С этим уровнем работают такие хитрые устройства, как дримкодеры. Они считывают картинку из нашего подсознания,

накладывают на нее слова, которые возникают у нас при ассоциации и в итоге — мы получаем качественный записанный сон. На основе этого уровня, как было выяснено, происходит большая часть общения между собой как у кваари, так и у Серых. Это те самые моменты, когда они будто смотрят друг другу в глаза и «продавливают» сознания, будто меряются своей волей. Людям же достаточно проблематично думать всегда совместно с образами. Поэтому, что уж говорить о третьем уровне мысли, который считается уровнем бессловесного понимания.

Дэниел залпом допил содержимое своего бокала и откашлялся.

— На третьем уровне мысль подобна короткому фильму или рассказу. Как будто одним махом ты сочиняешь письмо и отправляешь его другому человеку, а он, лишь коротко глянув на него, понял, что ты ему расписал. И вот на такое виртуозное складное мышление способны не многие. Чтобы тебе было еще понятнее — вспомни разные носители информации. С каждым годом их физический размер уменьшался, а размер памяти — увеличивался. Так и с мыслями. Таких уровней в теории — бесконечно много. Поскольку бесконечно можно сжимать информационный посыл. Было бы умение и была бы возможность их понимать. Собственно в этом и беда человеческой расы — мы не умеем понимать объемные мысленные сигналы.

— Почему же это беда? — опешил Майрис. Для себя лично он бедой это не считал и не смог вспомнить случая, когда ему хоть раз могло бы понадобиться так просто глянуть собеседнику в глаза и за мгновение рассказать обо всех приключениях за сутки.

— Потому что именно по этой причине мы не смогли выйти на контакт с расой Первородных, которые нагрянули в 2012-м! — всплеснул руками Дэниел и закатил глаза.

Майрис удивленно смотрел на друга и даже слегка отстранился назад.

— Мы показались им слишком тупыми и безмозглыми, — продолжал распыляться в возмущениях Пилот. — И эти гады взяли на себя право подтолкнуть человечество к развитию путем окунания мордами в грязь! Буквально засунули под землю, велением одного «псевдопальца» или «псевдощупальца», что уж у них там было, хрен их знает. Изменили генетику долбанных растений и всего-навсего отключили им фотосинтез. Шикарно! Гении прогресса, блин. Как результат — жара, духота, вредные газы, планета медленно превращается в духовку и теряет атмосферу... Сволочи! Мало ли какими мы им показались.

— Ладно, успокойся, — парень протянул напарнику свой бокал. — Как-то ты далеко отошел от Четвертой Стадии.

— А что с ней? Ну, теория есть такая, да, — Дэниел бокал принял и отпил разом половину. — Что техническое развитие слишком стремительно и человечество вскоре просто не будет поспевать за столь быстро меняющейся и ускоряющейся техникой. Сегодня они читают наши мысли, завтра будут понимать, куда и как мы хотим лететь. А послезавтра... Не знаю. Двигатели станут быстрее, машины умнее, а люди как были со своими примитивными мыслями «налево», «направо», так и останутся. И придем мы снова к ситуации, как раньше — все катастрофы от слишком медленной реакции и неумения оценивать обстановку в целом. Тогда хоть ты тресни — остается только перелопачивать мозг, чтобы он работал с большей частотой.

— Слышал я о подобных экспериментах, — буркнул Майрис, радуясь, что хоть какие-то слухи доходили и до него.

— Да кто уж не слышал! — фыркнул Дэниел.

— Только не знаю, будут ли эти новые лабораторные «суперчеловеки» умнее, —

подумал вслух парень.

— А они не умнее будут, а быстрее, — поправил друга Пилот. — Возможно, сопоставимы с Серыми, потому что это снова наш общий с ними проект.

— Как-то идея Вторых с их железками в теле мне нравится куда больше, чем проект Четвертых с непонятной новой генетикой...

— Синтетическая еда, синтетический кофе. Теперь еще будут синтетические люди. Зашибись живем! — хохотнул Дэниел.

— Опять ты со своим кофе! — издевательски улыбнулся Майрис. — Ты же знать не знаешь, какой он настоящий на вкус.

Дэниел поднял вверх указательный палец, сделал паузу, выдохнул, залпом допил коктейль, прочувствовал как мягкое тепло разлилось по желудку, и только потом, опустив палец, ответил с коварной миной на лице:

— И это вдвойне обидно!

Сообщение из Луна Гранты пришло обоим Пилотам в конце второго дня, и в нем оповещалось об обязательном сборе утром в резервном ангаре. Парни осмыслили сообщение, обдумали и поняли, что нет времени задерживаться в Полисе ни часу более. Поэтому, покидав немногочисленные вещи обратно в рюкзаки, Майрис и Дэниел кое-как быстро привели себя в приличный вид, выпили отрезвляющего рассола, найденного где-то в подсобке у той самой Маришки, и помчались на мотоцикле обратно на Базу.

Всю дорогу Майрис вжимался в сидение и мечтал прирасти к нему руками, ногами, да хоть бы и корнями из задницы, лишь бы не улететь в кювет на резких поворотах, которые закладывал не до конца проснувшийся Дэн. А Пилоту снова было весело. Внезапный призыв на Базу снова ввел его в состояние восторженного сумасшествия, и он разогнался на мотоцикле с опасной беспощадностью.

И будь кто из них слугитель Высших, он бы сказал: «Хвала всем, что никто не пострадал». Но ни Дэниел, ни Майрис в Высших не верили, а потому по приезду на Луну Гранту лишь Майрис выдал, слегка запинаясь: «Хвала небу... Жив. Ненавижу дороги».

Ситуация в общежитии удивила обоих. Сперва сторож поинтересовался у них «с какой стати приперлись в ночь». Потом значки на многих дверях отчетливо давали понять, что хозяева комнат еще отсутствуют. В коридоре Дэниел выловил одного из соседей и спросил, слышал ли тот про сбор и почему так много пустых комнат. Сосед округлил глаза и заявил, что о внезапном сборе никакой информации не проходило, а молодые Пилоты еще все в разъездах на каникулах.

Дэниел, задумчиво выковыривая какой-то запутавшийся репейник в своем хвосте, прошествовал в свою комнату и посмотрел на часы.

— Ну... Через семь часов узнаем что же это было, — заключил он.

Майрис закрыл за собой дверь и рухнул на кровать.

— Разбуди через шесть с половиной, — бросил он напоследок и почти сразу заснул.

А Дэниел тем временем вытащил репейник из волос, удивленно изучил его со всех сторон и выкинул в окно. После чего растерянный посидел пять минут на кровати, мысленно совещаясь со своим организмом, а хочет ли он спать. Организм спать отказывался категорически, взбодренный поездкой, и тогда Дэниел недовольно вздохнул, пружинисто поднялся с места и вышел из комнаты, намереваясь неспешно прогуляться по ночной Базе.

Бледное небо пастельных тонов у самого горизонта переходило в мягкий желтоватый цвет. Прохладный утренний воздух преломлял краски, и яркие рыжие лучи окрашивали в алый низкие облака, подсвечивая их по краям. Буйство красок было в самом разгаре. Еще чуть-чуть, и выйдет из-за горизонта сверкающий белый диск солнца, разом развеяв фантастическую палитру холодного утра.

Дэниел стоял рядом со взлетной площадкой и любовался рассветом, кутаясь в теплую кожаную куртку с меховым воротником. Мысли в этот момент у него текли вялые и размеренные. Он не обращал внимания на задувающий холодный воздух, а просто смотрел в небо, шурясь от яркого света, но с каким-то особым вниманием и трепетом наблюдая за смешиванием цветов.

Позади, где западное небо еще, словно тушью, заливало темно-синим оттенком, все еще мерцали холодные звезды. Достаточно было повернуться спиной к восходящему солнцу, чтобы увидеть частичку отступающей ночи. Еще один день. Еще один короткий цикл планеты, казалось бы, такой миниатюрной и беззащитной перед просторами всего космоса. Люди иногда забывают об этом, слишком привыкшие к дневному небу, которое как голубой колпак укрывает их от бесконечности наверху. Людям порой страшно смотреть в ночное звездное небо. Им кажется, что они могут упасть туда — в зловещий, безмолвный космос, где их окутает мрак и холод. Им страшно. И лишь некоторые готовы смотреть на бескрайние просторы вселенной с сожалением. От того, что не могут взлететь и нырнуть в нее, как в океан спокойствия и тишины.

— Что, Пилот, вдохновляешься рассветом? — спросил почти беззвучно подошедший обладатель электронного голоса.

— А... Грэй, — приветливо встретил инопланетянина Дэниел. — Да вот, смотрю на эту прелесть и думаю... Уже ради этой красоты можно служить на Базах. Ведь где еще такое увидишь. В Полисе никогда. Только если с крыш. И то — небоскребы-небоскребы. Хрустальные вышки, заслоняющие свет.

— Это еще не самое прекрасное, — совсем по-человечески вздохнул Грэй, шурясь и глядя на взошедшее солнце.

Сейчас в лучах рассвета инопланетянин словно преобразился. Мельчайшая чешуя, покрывающая его кожу, заблестела различными оттенками. На головных перепонках проявились спиральные узоры, а глаза словно покрылись непрозрачной отражающей пленкой. Дэниел опустил взгляд вниз и удивился, увидев ладони Грэя без перчаток. Меж тонких пальцев протянулась едва заметная перепонка. И инопланетянин подставил ладони к свету, словно собирая в них такое приятное ему тепло.

— Видел бы ты ночи на Авроре, — продолжил вскоре Грэй. — Ты бы понял, что такое чудо.

— А ты видел? — спросил Дэниел. Название неизвестной Базы не вызвало у Пилота вопроса. Мало ли действующих Баз на планете. А сколько еще дополнительно строится?

— Не своими глазами. Но если бы своими... — на памяти Пилота у Грэя впервые появилась мечтательная улыбка. Причем, как показалось Дэниелу, настоящая улыбка, свойственная всей их расе, а не имитация. — Мы же видим больше цветов, чем вы. А там... лилово-зеленые рассветы... и полярные сияния по ночам.

Дэниел опешил.

— Постой. Полярные? Это где такое?

— Выше, — уклончиво ответил Грэй.

— Я думал, все Базы находятся только на южной границе, — недоверчиво ответил Дэниел.

— А я не сказал что это База.

— А что это?

— Место, — после короткой паузы хитро ответил Грэй.

— Какое?.. — сам не заметив как, перешел на шепот Пилот.

А Грэй все улыбался. Глядел на рассвет, грелся в лучах солнца и молча хитро улыбался. Потом он услышал что-то, чуть повел головой, и дреды на его висках хрустнули деревянными бусинами.

— ...О! Кажется, вам пора на сбор.

Дэниел изо всех сил прислушался и уловил едва доносившийся до взлетки сигнал утреннего подъема в общежитии.

— Так он будет? — изумленно спросил Пилот. — Это не шутки? Почему же тогда мало кто знает о сборе?

Грэй принялся неспешно одевать свои перчатки и озвучил единственную мысль, не пришедшую в голову Пилоту:

— Потому что собирают не всех, а особо перспективных.

— Равняйся! Смирно!

— Вольно, Пилоты, — Командир Джейкоб сделал твердый шаг вперед.

Молодые и бывалые служащие Базы расслабились, но не позволили себе сойти с места в строю перед командиром.

В длинном ангаре резервных самолетов сейчас стояло около сотни Пилотов. Перед ними в небольшой круг света вышел Командир Базы, за ним, сложив руки за спиной, стояли несколько техников и капитан. Ангар производил не самое лучшее впечатление. Огромное полупустое помещение было холодным и темным. Стерильным светом горели только лампы при входе. Вдоль стен, наспех покрытых жестяными листами, тянулись ряды больших деревянных ящиков с неразборчивыми маркировками и пучки толстых кабелей в гофрированной оболочке. Где-то в дальнем конце, как знали Пилоты, стояло раньше несколько испытательных самолетов, которые лишь пару раз поднимались в небо в начале испытаний, после чего не прошли тесты и были законсервированы до лучших времен. В остальном, ангар был всегда полупустым, потому что резервной техники на всех Базах, а не только на Луна Гранте, как правило, не имелось.

И вот Командир, облаченный в свою повседневную офицерскую форму, остановился перед Пилотами и пристальным взглядом окинул всех присутствующих.

— Я рад приветствовать всех собравшихся здесь защитников человечества, — звонко начал он. — Как вы уже поняли, мы собрали самых лучших из вас. Тех, кто за время службы продемонстрировал свою отвагу и проявил себя в боевых действиях. Именно такие как вы должны являться примером для окружающих и подавать надежды на победу. И я, как ваш командир, а так же как простой человек, рассчитываю, что ваша служба и дальше будет столь же полезна нашему роду. И желаю, чтобы, таких как вы, стало еще больше.

Пилоты все как один приосанились, но к середине речи начали мельком переглядываться. Бывалые строили задумчивые лица, понимая, что такая вступительная часть не приведет дальше ни к чему хорошему. Молодые с опаской косились на старших и беспокоились. Джейкоб же равнодушно выдержал паузу, прокашлялся и затем продолжил.

— Но перейдем к делу. Многие знают, что наша инженерия не дремлет, а постоянно работает над совершенствованием боевой техники и оружия. На последнем заседании Сената, посвященному обороне Полисов было решено выпустить в свет новые образцы такой техники. И, как бы радостно это не звучало, но наша База была выбрана для проведения эксперимента.

Майрис внимал словам полковника и в момент, когда Джейкоб обмолвился об экспериментах, он готов был поклясться, что уловил у командира саркастичные нотки в голосе.

— Итак, братья-Пилоты, — Джейкоб заговорил чуть громче. — Представляю вашему вниманию новую модель, на которой вам предстоит летать.

Где-то за стеной низко взвыл генератор, и один из техников рывком опустил рычаг рубильника. Вспыхнул свет. Затрещали прогреваемые лампы, озаряя белым холодным светом весь ангар. И Пилоты увидели, что все время стояло перед ними в тени.

Антрацитно-матовый и абсолютно гладкий аппарат, как насекомое, покоился на трех

невесомых подножках. Высокий и ширококрылый самолет почти не уступал размерам предыдущим, но за счет своей формы казался легче и изящнее, как живое существо. Чуть закругленные вниз крылья, приспущенный «нос» и два штриха обшивки вместо хвоста. Вертикальное хвостовое «оперение» отсутствовало в принципе. Самолет был плоским, и лишь слегка скругленным по бокам. А его силуэт и вовсе напоминал сглаженный наконечник стрелы, висящий над землей на кончиках крыльев и тонкой подножке под кабиной. Ни единой щели на виду, ни одной прозрачной поверхности. Все покрывала матовая черная структура, разделенная будто рисунком, слабо отсвечивающим геометрическим ромбовидным орнаментом.

— Электромагнитный легкий истребитель сопровождения, — чуть отойдя в сторону, торжественно с гордостью представил его Джейкоб. — Сокращенно ЭЛИС. Источник энергии — наш родной термояд. Но это и все, что осталось в нем от прошлых образцов. Улучшенная система распознавания команд, полноценный дублирующий автопилот при необходимости, лучевое и аннигиляционное оружие. Адаптивная система маскировки, отражение сигналов и глушение звуковых волн. Но главная изюминка — отклоняемый вектор гравитации.

Кто-то присвистнул в строю Пилотов. Большинство изучало диковинку с немим восторгом. Лишь бывалые придирчиво оценивали новый аппарат, но и на их лицах просматривалось легкое восхищение.

— Значит, никакого реактивного движка? — вырвался все же у кого-то из бывалых вопрос.

— Нет, — Джейкоб провел ладонью по матовому «носу» корабля. — Вся тяга осуществляется за счет контролируемого поля, которое ЭЛИС создает вокруг себя при движении. Это дает ему возможность совершать более резкие маневры, вплоть до остановки на месте. Благодаря такому полю Пилот не ощущает внутри кабины перегрузок, а также самолет оказывается защищен от физического воздействия. Единственный минус у данной модели — только то, что он не приспособлен к полетам на сверхатмосферных высотах. Иными словами, ЭЛИС нужно постоянно корректироваться своим полем с земной гравитацией.

— Круто! — донеслось из строя.

— То, что надо!

— Налетаемся!

— А где же шасси? — спросил кто-то из Пилотов и остальные вслед за вопросом тут же заинтересованно притихли.

Джейкоб благодарно улыбнулся спросившему и кивнул.

— Это лучше продемонстрировать. Капитан? Обеспечьте.

Облаченный в простую свободную форму капитан бойко забрался по приставной лестнице наверх и приложил ладонь к серому колпаку. Под его рукой обшивка стала прозрачной и цельный сегмент соскользнул назад, открывая кабину. Капитан забрался в самолет и таким же легким касанием закрыл за собой колпак, который тут же вновь слился с самолетом.

Последующие несколько секунд не происходило ничего, и Пилоты уже нетерпеливо переступали на месте. Хотя и понимали, что капитану нужно было время подготовиться, подключиться к бортовому компьютеру, запросить авторизацию... и прочее и прочее... Но с другой стороны, разве не должны техники вывезти самолет на открытое пространство? Ведь

такое чудо вряд ли самостоятельно может выехать из ангара. Без шасси. А ведь техники так и не отправились открывать громадные двери.

И тут самолет тихо, едва слышно загудел.

Это не было похоже на рев реактивных двигателей. Не было похоже и на турбины автомобилей. Скорее, его гул был схож с ватыным и густым шумом компьютерной станции. Это было не просто тихо, а **ОЧЕНЬ** тихо.

А потом ЭЛИС ошетинился сотнями чешуек на брюхе и с легким качем просто оторвался от пола, поднявшись на полметра выше.

Кто-то восхищенно выругался. Другой присвистнул. Разноголосье восторга раздалось со всех сторон. И словно вслед за пожеланиями Пилотов самолет взьерошился ранее прижатыми пластинками на крыльях, которые сперва показались Пилотам диковинным орнаментом, и плавно развернулся на месте, демонстрируя себя со всех сторон.

— Капитан, покажите нам, что оно умеет вытворять в небе, — счастливо улыбаясь вслед за остальными, попросил Джейкоб.

ЭЛИС иронично «клюнул» носом в знак согласия и поплыл по ангару в сторону дверей. Ожидаящие этого момента техники засуетились, включили раздвижные двери, следили за крыльями самолета, чтобы тот не задел ненароком стены. Но ЭЛИС пролетел по ангару ровно и мягко, будто проехал по невидимой платформе.

Командир позвал Пилотов следом и сам направился к выходу. На улице тихого гула самолета было почти не слышно, лишь чешуйки мелко подрагивали при работе и слабо подсвечивались от источника у основания.

Когда все Пилоты вышли на взлетную площадку поглазеть на чудо техники, капитан в кабине самолета не стал долго церемониться, а сразу увеличил нижнюю тягу и взмыл как пробка вверх.

И эти движения, эти виражи, вытворяемые самолетом, были уже не элементами высшего пилотажа, а балетом. Искусным танцем в воздухе, похожем на игривое укрощение дикого зверя наездником. Когда самолет, казалось, извивался в воздухе змеей и нырял вниз, а его Пилот в последний миг пришпоривал своего зверя и отворачивал нос от земли. Казалось, что у это модели был свой характер, и характер этот проявлялся только там — высоко в небе, демонстрируя виражи за гранью возможного. И не знавшие поблажек с тягой Пилоты с трудом верили, что там, высоко над поверхностью, в маленькой кабине счастливый капитан восседает в кресле, как на тренажере, не завывая от бешеного ускорения и не впечатываясь спиной в кресло. А уж как этот самолет мог тормозить! Ни одна машина — наземная, воздушная, водоплавающая — не обладала такой минимальной инерцией, как ЭЛИС. Он просто прекращал движение вперед, как нарисованный. И это было восхитительно. Это было сверх человеческого понимания.

И впервые, глядя на чужой полет, Майрис понял, чего он хотел бы добиться на службе. За какие-то несколько секунд невероятных кульбитов он осознал, чем раньше являлись его полеты. Жалкой игрой и попыткой научить держаться в воздушной среде. Но те самолеты, и те симуляторы не давали ему понять главного — что не нужно было учиться держаться в воздухе. Нужно было учиться в нем жить. Как это мог новый самолет, казалось слившийся с воздушным потоком в единое целое. Он не прорезал его, а управлял им. Изменял поток в своем направлении и нес в себе Пилота как наездника. Этот самолет был «живее» всех предыдущих, и тут Майрис поймал себя на мысли, что он готов сделать все, чтобы «приручить» его. Чтобы тот показал ему, что ощущает небесный житель в родной стихии. И

Майрису не требовалось смотреть на Дэниела, чтобы догадаться, о чем думает напарник. Парень просто знал, что их мысли схожи, потому что сам он понял, что так долго пытался ему внушить друг.

Хорошая это все-таки машина, но чужая. Словно бы и для людей сделанная, слишком умная для простой техники. Вот стою я сейчас рядом с ней, глажу по матовому боку и не понимаю, что же мне в ней не нравится.

Вокруг тишина пустого ангара. Пилотов я распустил по комнатам на день изучать теорию, офицеров занял проверкой всех поступивших самолетов, а сам... А что сам? Стою рядом с грудой супернавороченного металлолома и не понимаю, что же мне в ней не нравится.

Вроде бы система интеграции привычная, скорость отзывчивости чуть выше, но это и лучше. Никаких закрытых кодов не вижу, вся программная часть у меня как на ладони, но не испытываю я к самолету доверия. Может все дело в слишком умном автопилоте?

Конструкторы, конечно, уверяли, что он активируется только при потере контакта с Пилотом, но кто его знает. Не люблю автопилоты. А то даже пожертвовал бы здоровьем и совершил пробный полет...

Вдруг мой передатчик залился нервной трелью, отчего меня ударило током от обшивки самолета.

— У вас поразительная особенность, капитан, ловить меня в самых дальних закоулках Базы, — надевая передатчик на ухо, отвечаю я на вызов, потирая пострадавшую руку о бедро.

— Командир! Срочное сообщение из Акила Моры! — с паникой вещают мне оттуда. — База подверглась атаке!

Нахлынувшее было у меня ироничное настроение как ветром сдуло. Одевая перчатки, я, не раздумывая, быстрым шагом направился к выходу из ангара.

— Уже иду к вам, — отвечаю я на ходу. — Есть еще информация?

— Да! — капитан чуть понизил тон, — Они только сейчас смогли выйти на связь. Но находятся под обстрелом уже около часа.

Я не сдержался и выругался в ответ.

— И до сих пор держатся?!

— Как могут...

За ворота ангара я вылетел почти бегом. Жестом показал своему водителю заводить машину и, забравшись в сидение, громко хлопнул дверцей. Молодой лейтенант аж подпрыгнул на месте, но без лишних вопросов тронулся вперед.

— К штабу, — махнул я ему, а потом продолжил капитану в передатчик, — Уже отправили им ответный сигнал? Выслали ближайшую группу перехватчиков?

— Никак нет, сэр! — снова запаниковал капитан. — Обратная связь невозможна! А отправлять группу не имеем права, пока не будет изве...

— Понял! Сейчас буду, — бросил я напоследок и отключился.

А водитель гнал так, что даже мне мало не показалось. Ох, не прогадал я с парнем! Ни разу не подвел и лишнего не спрашивал. Хотя вижу, как перепугался. В руль вцепился, так что костяшки побелели. Чего же ты, парень, боишься? Не тебе угрожает опасность и даже не мне сейчас. На кону сейчас чужие жизни, но ты-то этого не знаешь. Или может быть, я тебя напугал? Так я же держу себя под контролем... или нет?

Во двор штаба мы буквально влетели. Парень не стал сбавлять скорость перед

небольшим порожком, и наша машина бойко скакнула вверх. Будь у нее крыша, я бы «наградил» водителя парой эпитетов за отбитую голову. А так я молча покинул машину и поспешил к дверям штаба, где меня уже встречал звонивший капитан.

— Докладывай, — приказал я, обходя его.

— Атака длится уже час. Только сейчас наладили сигнал...

— Это я уже слышал, — сухо бросаю я, заходя в лифт.

— Хорошие новости — есть еще живые. Они держат оборону, плотно засели в бункере.

Наши пытаются наладить связь, перепробовали более половины резервных каналов...

Лифт тем временем стремительно летел вверх.

— Но есть и плохая новость, сэр...

— Слушаю.

И хотя на душе у меня уже все сжалось, и я готов был услышать такое долгожданное и страшное «теперь они готовы напасть на нас», капитан, запинаясь, озвучил вещь еще более неприятную.

— Но связь вышел Сенат, и приказал не оказывать Акила Море содействия.

Дверцы лифта щелкнули и разъехались в стороны, пропуская нас в вышку командного пункта, когда я осознал услышанное и разразился на весь штаб праведным гневом.

— Какого хрена?!

Капитан отпрянул к стенке лифта, а остальные офицеры старательно притихли, склонились к своим столам и даже тише защелкали клавишами.

— Они считают, что команда подвергшейся атаке Базы заражена и может разнести инфекцию, — на одном дыхании выдавил капитан.

— Сэр, мы уточняем данные, — встрял офицер за пультом связи. — Но по первым фактам команда Базы в контакт с инопланетной формой жизни не вступала. По ним лишь провели обстрел и уничтожили все корабли.

— ...Но Сенат транслирует запрет на всех волнах и на все Базы! — добавил второй.

— Никто из соседей Акила Моря не пойдет против Сената!

И кто бы знал, какой гнев накатил на меня тогда. Случилось то, чего я так опасался и наступление чего пророчил. Все невмешательство Сената раньше, все его отказы и задержки разом припомнились мне за короткий миг, и я проклял всю нынешнюю власть с ее «головой». Не было сейчас времени размышлять о мотивации этих стариков и понимать какие-то их хитрые планы. Все это будет потом. А сейчас передо мной встала цель и один враг, которым являлся для меня Сенат. Что же до прорвавших границу кваари, то они лишь небольшая помеха, в то время как настоящий враг сейчас ожидал от меня ответных действий. Я знал это. И принял решение.

— Картинку из космоса на экран, — приказал я.

Одно из стекол командного пункта мигнуло и показало вид на терпящую поражение Базу сверху. Кораблей кваари было не много, неуклюжим роем они вились вокруг, разбивая оставшиеся сооружения, и лишь некоторые целенаправленно пробивали землю над бункером. Фоном ко всей этой картине звучал сигнал бедствия, передаваемый по радио из динамиков. Как и другим, мне хватило лишь одного взгляда, чтобы понять, какие корабли прилетели атаковать Акила Мору, и на что они способны. Угрозы заражения они не могли нести даже теоретически.

— Капитан, отправьте к Базе дежурную эскадрилью и один транспортник для выживших.

— Но приказ Сената не вступать в контакт, — снова запинаясь выпалил офицер.

— Мне вас учить, как оказывать помощь дистанционно?! — на каблуках резко повернулся я к нему. — Отвлеките и разбейте эту кучку атакующих, и вывезите на беспилотниках кого можно!

— Сэр? — словно еще раз уточняя у меня приказ, нерешительно спросил капитан.

— Без лишней шумихи! — уточнил я свои намерения на всякий случай.

— Да, сэр! — на этот раз уже бойко козырнул он и кинулся связываться с Пилотами.

И стоило ли удивляться, что когда обратная связь с Акила Морой была восстановлена, все наши опасения о заражении не оправдались. В какой-то момент База подпустила волну кваари слишком близко, и те ринулись на нее голодными псами. Наружные уцелевшие датчики показывали безопасность воздуха, а бункер, в котором находились уцелевшие — был герметичен. Даже у самых недоверчиво настроенных офицеров пропали последние сомнения после таких данных. Зато после всего этого происшествия мое отвращение к Сенату еще более укрепилось, и я понял нечто важное, что изменилось с недавних пор. А именно то, что после таких странных, если не сказать больше — ошеломляющих — приказов Сената мы могли рассчитывать уже только на самих себя.

— Давай-давай! Еще быстрее! Ну же!

— Пытаюсь!

— Плохо пытаешься. Влево-вправо! Вправо, дурак!

— Ааа!

— Ну, все, ты проиграл! — сочувственно похлопал Дэниел Майриса по плечу.

Майрис хлопнул себя ладонью по лицу и откинулся на спинку игрового автомата.

— Этот тест придумали извращенцы! — простонал он. — Тут невозможно пройти всю трассу и обогнуть абсолютно все блоки.

— Неправда, это хороший тест на реакцию. Просто у кого-то руки кривые, — хихикнул Дэниел.

— И это говорит мне снайпер-отличник.

— Так, давай без оскорблений!

— А я и не оскорбляю, — вылезая из автомата, ухмылялся Майрис. — Ты у нас во всем самый лучший и уникальный. Вон даже позывной у тебя заморский. Одним словом — Фогель.

— Остряк и подхалим...

— Дэн, Майрис, освобождайте уже игрушку! — вклинился подошедший с компанией другой Пилот.

— Уже уходим, — приветливо улыбнулся Дэниел и направился следом за Майрисом к выходу из кафетерия. — Но все же я потом еще погоняю тебя на этой трассе.

— О, помилуй! — картинно закатил глаза Майрис.

— И не подумаю. Меня резко не порадовало, как ты на последнем дежурстве засуетился, увидев всего лишь стайку пташек.

— Так ты называй вещи своими именами! — возмутился Майрис. — Это были не просто пташки, а инсекты-опылители от кваари. Эти дуры размером с холодильник, если попадут в крыло, то вряд ли разрежутся им пополам.

— А вот поэтому я так задрочу тебя на этом автомате, чтоб ты не только между инсектами летать научился, но и в дождь между капелек.

— И нахрена я с тобой связался... — пространно заметил Майрис.

— Может потому что хотел выжить? — хихикнул Дэниел.

Дойдя до их общей комнаты, Дэниел открыл дверь и ввалился в нее, растянувшись в воздухе и плашмя прыгнув на спружинившую кровать.

— Еще одна такая ночь сна и я начну сходить с ума. Где мой выходной! Где поход в «Прогноз погоды», где Полис, трасса, боевые действия? Как думаешь, Май, что вероятнее? Я помру от скуки или от трезвости?

— Я думаю, ты свихнешься от редких вылетов, — спокойно добредя до кровати, Майрис скинул обувь и забрался на свое место.

— Ну да, ну да, — Дэниел перевернулся и уставился в потолок. — Как-то я не думал, что тут все будет так тухло. А вроде бы — постоянное дежурство, правила контролируемого неба. А по факту? Два радара в обе стороны от Базы вдоль границы и к ним по эскадрилье. Нет, я, конечно, понимаю, что смена там, и всё такое... Но почему-то мне казалось, что ресурс Луна Гранты поменьше будет и наша смена будет наступать не раз в сутки, само собой, а хотя бы раз в двое суток.

— Тебя чем-то не устраивает то, что ты около полутора суток сидишь на земле и, да прости меня за буквальность, куришь свой бамбук? — Майрис выглянул из-за своего слайдера.

Лицо Дэниела вытянулось, будто его застали за чем-то неприличным, и он тут же сунул обратно в карман свою заготовленную сигарету.

— Не, я все же не настолько недоволен, но на моей прошлой Базе дежурства были почаще.

— Зато Луна Гранта больше, — Майрис вновь погрузился в чтение.

— Кстати, что это у тебя там? — заинтересовался Дэниел.

— Не поверишь, мануал, — и, развернув слайдер, парень продемонстрировал Пилоту трехмерную модель ЭЛИС во всей красе с кучей мелких подписей и графических кнопок.

— Даа, — протянул довольно Дэниел. — Ее бы облетать подольше и погонять на разных скоростях, а то машинка знатная, а летать на ней нас заставляют в штатном режиме.

— Ее до сих пор тестируют, — прочитал в слайдере Майрис. — И чаще всего — вдали от границы. Любопытно, что максимальную скорость на самолете пока не ограничили, что значит, что теоретически она очень большая... А вот практически...

— ...А практически, — перебил Дэниел, — это им надо сажать в кабину самых безбашенных Пилотов и разрешить гнать, пока не надоест.

— Да, но чем может закончиться такой полет, если вдруг пойдет мельчайшая трещина в обшивке? Это ты полем прикрыт от всей тяги и можешь набирать скорость, пока не заснешь на штурвале, а если что?

— Тогда сперва мы получим лепешку на спинке кресла, а потом — раскатанный в пыль по земле самолет, — все еще довольный расфантазировался Дэниел.

— Вот поэтому испытаний скорости на нем решили не проводить. И всем нам запрещают нарушать распорядок дежурства и своевольничать. А то много вас таких найдется, желающих поставить рекорды.

— А сам-то будто бы отказался, — искоса глядя на напарника, хитро проговорил Дэниел.

— Нуу...

— Будто не вижу я, каким влюбленным взглядом ты смотришь на эту птичку.

— Допустим, не отказался бы погонять, — сдался Майрис, тяжело вздохнув. — Но в кабине — страшно.

— Всегда есть дистанционка, — подмигнул Дэниел.

Майрис открыл было рот, чтобы возразить, но Пилот сам высказал то, что было у парня на уме.

— Но, увы, это еще более незаконно, чем тырить самолет для скоростных испытаний во время своей смены.

— Фогель, Стрелок! — окликнули напарников в ангаре, когда те направились к своим самолетам.

— Чего тебе, Брук? — слегка скривившись как от вони, спросил Дэниел.

Как всегда, в ангаре перед очередной сменой дежурных Пилотов царила деловая суета. Самолеты готовились к очередному вылету, проводились последние регулярные тесты оборудования. Техники проверяли электронику и готовили взлетные полосы. Здесь же Пилоты надевали защитные костюмы и получали необходимые распоряжения. Майрис с Дэниелом как раз встретились с командой самолета-радары и сейчас направлялись к своим кораблям.

Частый задира и негласный соперник Дэниела, тоже заступающий в эту же смену на дежурство, нагнал напарников вместе со своим ведомым.

— Готов поспорить, что уж сегодня мы точно кого-нибудь выловим, — танцующей походкой он поравнялся с Дэниелом.

Высокий, короткостриженный Пилот здорово подходил на роль баскетболиста, а лицом прошел бы на роль красавца-головореза для какого-нибудь дешевого фильма. Вечно змеиная улыбочка и прищуренные глаза. Майрис невзлюбил этого Пилота с самого начала, когда тот впервые сам подсел к друзьям за столик во время обеда и завел разговор, естественно о полетах. Ему интересно было знать, кто же такой этот новый ас, переведенный с другой Базы и даже отмеченный Командиром личным выговором. Брук любил конкурентов и любил с ними соревноваться. А Дэниел любил подыгрывать, а потом в подходящий момент резко делать успехи и обгонять соперников. Другое дело, что Майрис не любил, когда его друг брался «на слабо». В такие моменты он, конечно, начинал геройствовать и вытворять невероятные вещи, но чем это потом грозило ему по возвращении на Базу, предугадать было невозможно.

— Это еще с чего вдруг? — будничным и почти безразличным тоном спросил Дэниел.

— Ночка была холодной, а после таких они вылезают как мухи из дерьма, — гордый своими познаниями заявил Брук.

Дэниел коварно улыбнулся.

— Тогда первая добыча будет у нас.

— Ну-ну, лихачи, внимательней смотрите по сторонам, — улыбнулся в оскале Брук. — Иногда это очень полезно.

— А ты тоже не стесняйся давить тапку в пол, — приветливо кивнул Дэниел. — Это, знаешь ли, помогает, когда гонишься за добычей.

К этому моменту обе команды Пилотов дошли до развилки, и человек из обслуживающего персонала ангара указал обеим командам направление и сектора их самолетов.

— До встречи через пару часов, — махнул рукой Брук.

— Уже скучаю, — крикнул вдогонку Дэниел.

— Ребята, у нас штатное задание, — как только они разошлись, Пилот радара одернул своих попутчиков. — Не превращайте все это в соревнование. Моей смене это не нужно.

— Да не беспокойся, Сомарс. Никто не будет устраивать гонок, — бесстыдно лукавя ответил Дэниел.

— И бросать свою задачу я вам тоже не рекомендую, — угрюмо продолжал Пилот. — Из этого ничего хорошего тоже никогда не выходило.

— А часто вас бросали, Сомарс? — поинтересовался Майрис, одевая шлем.

— Случалось, и уж поверьте, я не хочу знать, что кваари могут устроить с моим самолетом, окажись он без прикрытия. Не создавайте мне проблем, ребята.

Сказанное последним прозвучало уже мольбой и товарищеской просьбой так, что Дэниел уже почти решил было не поддаваться соблазну и действительно полетать тихо и спокойно. Но Майрис прервал в нем все столь трогательное размышление.

— Гляди, — дернул парень друга за рукав и указал куда-то к дальней стене ангара.

— Это ж Кэп, — лишь вскинув брови почти не удивился Дэниел, всюю погруженный в развязывание узла на своем шлеме.

— Интересно, что-то стряслось? — пространно высказался Майрис, продолжая пялиться на развернувшуюся сцену.

А там, около стены ангара, в слабо освещенном углу, Командир о чем-то разговаривал с одним из офицеров, облаченных в летный костюм. Офицер внимательно слушал, застегивал шлем и кивал, после чего задал один единственный вопрос, и полковник коротко согласился.

— И почему все самое интересное происходит в нашу смену... — монотонно пробубнил Дэниел, даже не глядя на Джейкоба с офицером. — Пойдем.

— Он всегда кого-то куда-то посылает... — все еще оборачиваясь, размышлял Майрис и пытался хоть как-то заинтересовать друга. — Я сколько раз замечал.

— Вот дорастем, станем старлеями, и тоже будем знать много больше тайн Базы, — поправляя костюм, пробурчал Дэниел.

— Дэн, смотри. А он на ЭЛИС пошел, — Майрис дернул напарника за рукав.

— А вот это уже любопытнее.. — Дэниел остановился и лениво оглянулся.

— Эй, вы, оба! — шикнул на Пилотов Сомарс. — Не задерживайтесь! Мы же в графике!

Дэниел пробурчал нечто неразборчивое, после чего угрюмо напялил шлем и пристегнул рукава на манжетах к перчаткам.

Потом Пилоты привычно забрались в свои кабины, провели рутинные тесты аппаратуры и доложились о готовности ко взлету. Операторы проверили воздушный коридор и дали добро на подъем. Самолеты вечерней смены патрулирования стартовали каждый со своей взлетки и взмывали в небо. Но вот с дальней полосы пулей вылетела черная размазанная точка и стремительно пронеслась вперед.

«И даже держит курс к границе», — на общий с Дэниелом эфир меланхолично заметил Майрис, провожая растворяющуюся в небе черную точку ЭЛИС.

«В одиночку, — поддакнул Дэниел. — Что-то новое».

«Ладно, — заключил Майрис, пристраиваясь на свое место в строю. — Узнаем по возвращению».

«...Как твои радары, Сом? У меня плохое предчувствие», — спросил Дэниел.

«Пока все спокойно... Двое наших на пределе видимости. Сил противника не

обнаружено».

«А улья?»

«Сегодня нет».

Уже около часа один самолет-радар и два сопровождающих его истребителя патрулировали воздушное пространство вдоль границы, и ежесекундно искали и слушали. Никаких признаков приблизившихся ульев не наблюдалось. Сил противника, групповых или одиночных — тоже. На исходе смены Дэниел и Майрис, только и занятые сопровождением радара, начинали уже скучать. Засорять эфир в это время было нежелательно, а потому без надобности напарники чаще молчали. Даже пейзаж вокруг успел надоесть за все время — безграничный лес с одной стороны и сухая нейтральная зона с другой.

«Они в упор не желают приближаться, — размышлял Дэниел. — Знают, что ли, каков наш предел видимости?»

«Дураков среди них все меньше», — лениво ответил Майрис.

Но вдруг на горизонте над лесной полосой в абсолютной и оттого еще более пугающей тишине вспыхнул сверкающий огонек взрыва.

Дэниел смачно выругался на весь эфир.

«Что!?» — от неожиданности дернулся Майрис и его самолет вильнул хвостом. После чего мигом напрягся и закрутил головой во все стороны.

«Взрыв! На 10 часов!» — проорал Дэниел, не сводя взгляда с растущего огненного шара на горизонте.

Далеко в небе над территорией кваари мелкая черная точка самолета пулей выпорхнула из зарослей и погналась за невидимой с такого расстояния добычей. Все участники патрульной команды уставились на нее как замороженные. Сомнений не оставалась — это был тот самый самолет, который вылетел вместе с ними с Базы. Что он там делал?! Какую задачу поручил выполнять ему Командир на чужой земле? В одиночку. В окружении врагов. Майрис, Дэниел и экипаж радара примкнули к своим экранам в ожидании развязки этого действия, но внезапно.... Вопреки всем мольбам и ожиданиям черная точка самолета окрасилась алым и сама взорвалась белой вспышкой, так и не настигнув врага. И все это произошло в звенящей тишине молчаливого эфира, а кабины самолетов не пропустили в салон ни одного звука снаружи. Но прошел какой-то незначительный, и в то же время бесконечный миг, как эфир прорезался душераздирающим писком и шуршанием помех. Он все нарастал, врезался в сознание, заполнял собой всё до боли в головах, до состояния, когда не слышны становятся собственные крики. Казалось, от этого писка и шума вот-вот должны взорваться головы неожиданных свидетелей. Но вот страшный писк так же резко оборвался, как выключенный, а шелест помех начал постепенно затихать.

«Ах ты ж....», — многоэтажно выразился Майрис, морщась после писка в голове и с ненавистью разглядывая небо в той стороне. Больше всего на свете он хотел сейчас сорвать с себя шлем и с силой зажать руками уши.

«Сом, что за херня?!» — проорал Дэниел, не менее страдальческим тоном.

«НЕ ЗНАЮ, Дэн! — воспользовался микрофоном не менее напуганный контролер. — У меня экипаж психует! Сперва ноль полный, потом сплошные помехи. Тут хаос. Техника с ума посходила. Противника не видно».

«Какое, б..., не видно?! Я их глазами вижу!»

«Я тоже, Дэн! Но по приборам пусто», — уже чуть успокоившись, ответил растерянный Сомарс.

«Кажется, мы бессмысленно тратим тут время», — выразил общую мысль Майрис, поглядывая в небо и на всякий случай следя за кронами деревьев.

«Туда рукой подать, — снова встрял Дэниел. — Если слетать, то узнаем что там...»

«Запрещаю!» — грозно проорал Сомарс.

«Зато я тебе скажу, что там блокирует электронику!» — забылся и огрызнулся Дэниел.

«Не покидай место в строю! Это приказ».

«Оно поможет...» — из последних усилий попытался Пилот.

«НЕТ!»

«Нужно!»

«Дэниел!» — Майрис приподдал своему сигналу чуть больше силы и вдолбил его в голову напарника.

«Что?!»

«Сомарс, — как только Дэниел отвлекся, Майрис переключил свой эфир на радиста. — Мы ведь можем передать координаты взрыва на Базу, и запросить подкрепление или разведку? Это место надо проверить. Могут же они выслать сюда хоть кого-нибудь?»

Через динамик, подключенный к общему эфиру было слышно, как офицер тяжело с дрожью вздохнул и заставил себя успокоиться.

«Мои ребята уже отправляют сообщение».

«Отлично», — согласился Майрис.

«Если дадут вам добро — полетите, — добавил Сомарс. — Но если нет — остаетесь. У вас задача прежняя».

«Понял. Жду ваших распоряжений, капитан, — согласился Майрис, а потом обратился к другу. — Дэниел?»

«Да?» — угрюмость с которой был задан простой вопрос была слышна даже по связи.

«Ты на задании, лейтенант», — напомнил Майрис.

И лишь спустя короткую паузу Дэниел ответил отчаявшимся тоном:

«Как ты можешь оставаться столь хладнокровным?...»

Событие, произошедшее во время дежурства, не выходило из головы Дэниела ни на минуту. Пилот рассуждал и думал о нем все оставшееся время до возвращения на Базу. Стоило ожидать, что молодых Пилотов не отправят в разведку на территорию противника. База утверждала, что к месту взрыва будет послан разведывательный самолет, однако проверить это у Майриса и Дэниела шансов не было. Очень скоро после инцидента их сменила другая пара самолетов, и напарники отправились на Базу.

По прилету Дэниел мигом отправился разбираться. Майрис лишь неодобрительно покачал на это головой, решив, что друг слишком часто сует свой нос куда не следует.

И вот, через некоторое время, уже в душевой, в самом частом месте обсуждения разных сплетен и тайн, Дэниел вновь вернулся к вопросу этого неясного вылета офицера на ЭЛИС и его крушения.

— ...И ты знаешь, что они сказали? — возмущенно заметил Дэниел, подразумевая под «ними», возможно, своих друзей из операторов.

— Что? — вежливо поинтересовался Майрис, намыливая мочалку.

— Что этого вылета не было в их плане! — всплеснул руками Дэниел. — Что там вообще не могло быть никакого самолета. А если и был, то нам-то уж точно знать не положено.

— Ты же сам видел, как Командир распорядился этим взлетом, — чуть заглушая воду, ответил Майрис. — Видать нам, и правда, вообще не следовало об этом знать.

— База, на которой скрывают информацию от личного состава, быстро распадается, — обиженно буркнул Пилот.

— Значит, такая информация, — начал уже раздражаться Майрис.

— Значит, так не доверяют личному составу! — парировал Дэниел.

— Что ты, чесслово, привязался? — высовывая голову из-под струи воды, возмутился Майрис. — Тебе самому хочется голову в пекло совать?

— А тебе, как всегда, не хочется, — не вопрос сорвался у Дэниела, а утверждение.

— Я следую приказам.

— А если тебе прикажут висеть в воздухе и смотреть, как гибнет твой товарищ — тоже подчинишься? — Дэниел упер руки в бока и встал в обвинительную позу. Что довольно комично смотрелось с его наполовину намыленным телом и мочалкой в руке.

— Сбрендил? — даже не обернулся Майрис.

— Ну, правда? — продолжал давить Дэниел.

— Нет, — рявкнул Майрис, только чтоб от него отвязались.

— И не важно, кто это будет. Я или кто-то еще. Мы тут все братья, и если понадобится, я даже Брука пойду прикрывать, — голос Дэниела становился все громче и злее. — Потому что я тоже хочу быть элементарно уверен, что моя спина не окажется оголенный из-за какого-то ПРИКАЗА!

На поднятый шум уже начали заинтересованно оборачиваться другие посетители душевой.

— Блин, мужики, замолкайте! Разорались как глухари на току... — лениво пробасил кто-то в наступившем молчании.

— Окей, — взмахнул рукой Дэниел и отвернулся к стенке, продолжая водные процедуры.

И после этого Майрис все ждал, когда же Дэниела прорвет на возмущение следующий раз. Он даже чуть было не заключил сам с собой пари на то, а будет ли его напарник продолжать негодовать, когда уже в раздевалке, где они остались последними, Дэниела снова понесло.

— ...И все же я начинаю утрачивать доверие к начальству, — задумчиво изрек он, стоя перед своим раскрытым шкафчиком.

— Оу, полегче давай с заявлениями, — округлил глаза Майрис и невольно отстранился.

— А что? — извиняюще пожал плечами Пилот. — Мне честно не нравится, когда меня дурят.

— Еще утром ты был равнодушен, с чего ты вспетушился? — неторопливо начал одеваться Майрис.

— С того, что я своими глазами увидел, какой фигней мы занимаемся вместо дела, — все еще стоя в полотенце, развел политическую тему Пилот. — Почему бы не пройти через границу и не сжечь пару ульев? Ну да, как пару месяцев назад эти суки напали на Акила Мору. Почему бы не сбросить на них сверху заряд помассивнее? Что думаешь, они уж прям так стекутся на нас?

— Они тоже пойдут в наступление. А у нас техники мало отбиться от всех и сразу.

— Техники... — проворчал Дэниел. — Интересно, начальство вообще знает, что там творится за границей? Много ли тот капитан смог передать информации?

— Наверняка знают немало, — угрюмо покосился на друга Майрис.

— На моей прошлой Базе командир порой лично летал в разведку. Он был отличным асом. А тут... — задумчиво изучал свою рубашку Дэниел.

— Тут намного больше офицерский состав. Будь я Командиром — я бы руководил с положенного места, потому что на нем я нужнее, чем в небе, — дернув за края, Майрис расправил на себе куртку.

— А кстати интересно... — Дэниел прислонился плечом к стеллажу со шкафчиками и задумался, глядя в пространство.

— Что еще?

— Почему Командир никогда не летает? — растерянно посмотрел на друга Дэниел.

— Откуда тебе-то знать, — недоверчиво скривился Майрис.

— Он никогда не летает, и старшие Пилоты это подтверждали, — Пилот задумчиво запустил свою пятерню во влажные волосы. — Но вот почему? Сейчас для поднятия общего боевого духа Базы как никогда полезно было бы вылететь разок на разведку! Даже я бы все простил. И секретность эту, и бесполезные выговоры, и вообще... А что мы знаем про Командира? Да ничего! Что он вообще делает, сидя в своем кабинете и изредка посылая Пилотов к странным точкам на карте? Да и слухи эти!

— Какие? — Майрис даже перестал собирать свои вещи и поднял взгляд на напарника.

— Почему Командира помнят уже закончившие контракт Пилоты? — начал загибать пальцы Дэниел. — Почему он ездит на машине старого образца? Почему он почти никогда не снимает перчаток? Блин! Мне отец рассказывал про одного чудака на их Базе, который тоже вечно даже спал в перчатках. Тоже мне... Народ считал это пижонством, но прощали, потому что тот был чемпионом по полетам. Но Командир то при чем? Почему он вообще старше, чем кажется?

— А сколько ему лет? — глуповато вытянул лицо Майрис, выцепив из тирады последнее.

— Больше чем кажется.

— Блин, — махнул рукой Майрис, поняв, что сейчас любые вопросы бесполезны. — Уймись, Дэн.

— Почему-почему... — ворчливо бубнил Дэниел, садясь на лавку. — АЙ!

— Что?! — от неожиданности Майрис подпрыгнул и развернулся на месте.

— Ссука... — взвыл с болью в голосе Дэниел.

— Я?!

— Заноза! — зашипев, Пилот встал с лавки и выдернул деревяшку из оголенной ляжки.

— Поделом тебе, — ехидно хихикнул Майрис.

— ...И почему База, которая ворочает миллионами, не может купить своим пилотам нормальную мебель из пластика или металла? — в сердцах пнул лавку Пилот.

— Знаешь, Дэн, наверное, я тебя удивлю, — встряхнув полотенце, довольно сказал Майрис.

— Ну? — Дэниел потирал уколотое место.

— Почему мебель не из пластика? — Майрис закрыл свой шкафчик. — Наверное, потому что деревьев вокруг нас просто дохрена.

Последующая пара недель для обоих Пилотов прошла без каких-либо приключений. Дэниел быстро отошел от своего возмущения, и Майрис вновь прочувствовал на себе всю прелесть внимания напарника и его «школу». Да и вообще, после заступления на должность Пилота Базы Майрис не почувствовал, что многое изменилось в его жизни. Все так же продолжались изредка занятия по теоретической подготовке, Пилотов по-прежнему обучали фигурам высшего пилотажа. Разве что планку умений подняли значительно выше и требовали теперь от Пилотов намного более виртуозного полета и подетальных знаний всей внутренней системы самолета. Как считалось на Базе — какой же это Пилот, который не будет знать толком, что вышло из строя в его технике? Другое дело, что чинить ее он был не обязан, но должен знать, как управиться с тем корытом, которое могло ему достаться. Потому что хороший Пилот должен уметь летать на всем, что летает; отличный — на всем, что летать не может; а виртуоз должен уметь летать даже на том, что к полету в принципе не приспособлено.

Кроме того, раз в трое суток, на второй день после дежурства, Пилотам давали на облет новые самолеты. К боевым действиям и патрулированию технику все еще не допускали, разумно полагая, что летный состав должен сперва привыкнуть к ней на своей территории, в условиях приближенных к боевым, и лишь затем ему будет позволительно подставить самолет врагу.

Какой же это был чистый и незамутненный кайф для Майриса — управлять таким восхитительным самолетом! Он чувствовал себя в нем прекрасно. Воспринимал машину, как второе тело, ощущал себя с ним единым целым и, как ему казалось, по первым результатам даже не отставал по очкам от более старших Пилотов. Возможно, ему помогал малый налет на прошлых самолетах, и Майрис легко переучился на ЭЛИС. Но парень любил считать, что просто он нашел «свою» технику. И после нее каждое дежурство на старых самолетах было для него очередной пыткой. Будто пересаживаешься с резвого коня на старую, хоть и родную, клячу. Все в сравнении казалось очень медленным и задумчивым. Управление — не

отзывчивым. Автопилот — тупым. Скорость — маленькой. Тяга — большой. И все эти тестовые полеты были подобны вкусной сладкой приманке.

Дэниел же летал на ЭЛИС чуть более сдержанно. Регулярные наставления не давали ему забыть контролировать скорость и все свои действия. Было видно, что от полетов Пилот получал мало удовольствия. Он хотел большего, рвался в бой, но вынужден был ежеминутно сдерживать свои порывы на тренировках. Возможно, поэтому он так выматывался каждый раз после них. А потом после патрулирования на старой технике Дэниел часто изображал депрессию. Вернее это он сам так называл свое расхлябанное состояние. На деле Пилот был всегда бодр, подтянут, гладко выбрит и почти идеально застегнут на все пуговицы.

С Грэм друзья почти перестали пересекаться и единственными моментами, когда выдавалось время для перекидывания парой фраз, был ужин в общей столовой, после которой напарники старались перетаскивать Грэя в тихий кафетерий и заваливать вопросами.

— Грэй, ну подумаешь, скажешь пару лишних слов, мы не выдадим, — уговаривал с ангельским выражением на лице Дэниел.

— Ага, скажи уже, когда нам ждать, что ЭЛИС запустят на службу? — поддакнул Майрис.

— Откуда мне знать, каковы планы высшего руководства на самолеты? — неумело лукавил инопланетянин. — Может быть, кваари лучше не знать об этих самолетах.

— Но ведь один они даже сбили... — как бы между делом напомнил Дэниел.

— Так от него ничего и не осталось, — пренебрежительно отмахнулся лапой Грэй.

— Опа, смотрели? — Дэниел пихнул Майриса локтем в бок.

— А зачем, если он и так самоуничтожился?

Майрис с Дэниелом изумленно вытянули лица и переглянулись.

— Зачем?

— Ни грамма технологии врагу! — гордо провозгласил Грэй. — Условия поставили наши, а ваши согласились.

— Ваши?

— Мой народ.

— Ага! Так они помогали строить! — победно ткнул пальцем в инопланетянина Дэниел.

— Мой народ делает половину вашего транспорта, и после этого ты удивляешься, что мы помогли сконструировать ЭЛИС? Вернее просто поделились технологией?

— А чего ж раньше не делились?

— Люди были не готовы.

— А сейчас?

— И сейчас тоже не готовы, — Грэй поскреб пальцем свою переносицу. — Но я не знаю, почему выпустили в свет.

— А чем это мы не готовы? — недоверчиво прищурился Дэниел.

— Вы медленные.

— Дык, а как же нам стать быстрее?

— Не знаю, — Грэй неловко встал из-за стола, смущаясь и в прямом смысле уходя от разговора. — Правда, не знаю.

— Грээй? Ты снова юлишь, — сказал вдогонку Майрис.

— Нет. Я давно перестал понимать, что творит мой народ вместе с вашим начальством.

Сигнал тревоги огласил Базу около шести утра. При его звуке обувающийся Майрис подскочил, сидя на кровати, как ужаленный, а Дэниел опрокинул на себя кружку с кофе.

— Ну вот, как всегда, все в нашу смену! — отчаянно взвыл Дэниел, спешно меняя рубашку и надевая куртку.

— Не учебная, — быстро подлетев к окну и выглянув наружу, заявил Майрис.

Вопили сирены из громкоговорителей, носились в суматохе неисчислимые команды техников и обслуживающего персонала. Пилоты высыпали из дверей общежития и бегом неслись на свои позиции к самолетам, получать конкретное задание.

Как готовые в этот день заступать на дежурство, Майрис с Дэниелом в считанные секунды собрались и выбежали из комнаты. У них было всего пять минут, чтобы добежать до соседнего здания ангара к заготовленной к вылету технике. Четыре минуты — Майрис едва не сбил с ног бегущую ему наперерез медсестру. Три минуты — Дэниел взбегал по лестнице ангара, распихивая всех, кто хоть немного задерживался, и невольно расчищая дорогу напарнику. Две минуты — несколько секунд напарники выделили на то, чтобы отдышаться и перевести дух. Собраться, вдохнуть, выдохнуть, утереть пот и явиться в помещение ангара, не снося все на пути. Одна минута — время на то, чтобы позволить персоналу одеть себя в тесный защитный костюм.

— Брут, какого хрена? — Дэниел заметил суемящегося рядом в толпе не менее ошарашенного Пилота.

— Они перешли рубеж! — лихорадочно застегивая воротник костюма, перекричал остальных Брут. — И летят к границе.

— Много? — сосредоточенно спросил Дэниел, стараясь не упустить ни слова.

— До пятидесяти, — выкрикнул Пилот, а потом растворился вместе со своим напарником в суетливой толпе и понесся к своему самолету.

— Черт! — в сердцах выругался Дэниел.

Время.

Сирена воздушной тревоги натужно выла, но ее почти заглушал общий гул, стоящий в ангаре. Спешно заводилась техника, офицеры управления посадкой размахивали светящимися жезлами и выводили самолеты на взлетные полосы. Ревели двигатели, и корабли стартовали со второго этажа ангара, как с авианосца. Сектор за сектором оживал, а затем пустел, как только самолет поднимался в воздух. И казалось, что всюду царила беспорядочная суета, но к ней стоило присмотреться чуть внимательней, чтобы в кажущемся хаосе рассмотреть четкую последовательность и распланированность действий каждого отдельно взятого члена Базы. Обе дежурные эскадрильи поднимались в воздух. И было в этой спешной суматохе что-то особо завораживающее. Будто растревоженный улей просыпался после ежедневной рутины, охватившей Луна Гранту в последние недели.

Майрис добежал до своего самолета и через ступеньку вскочил наверх по приставной лестнице, когда мимо его самолета пробежал к соседнему напарник.

— Дэниел! — окликнул его Майрис.

— Да?.. — растерянно обернулся Пилот, взмахнув еще не убраным под шлем своим длинным хвостом.

Майрис стоял одной ногой на подножке, а другую уже перекинул в кабину. На короткий миг он заставил себя забыть обо всем напряжении, расслабиться, как его учили, улыбнуться и показать напарнику большой палец.

— Это — твой тот самый долгожданный бой, — крикнул он следом.

Впопыхах Дэниел лишь кивнул и повторил ободряющий жест. После чего так же бойко взлетел по лестнице и закрылся в кабине.

«Ну вот и постреляем», — Майрис нырнул в свою кабину и закрыл колпак, как уже делал это многие десятки раз. То, что это был его первый настоящий боевой вылет, Пилот как-то упустил из головы. Сказалась общая беготня, частые тренировки и помнился побег из леса на Базу. Тогда — было страшно. Сейчас — уже нет. И даже не пугало его предостережение Брута о том, что врагов будет немного больше, чем их. Какая разница сколько! У кваари всегда был численный перевес, и всех Пилотов готовили к этому. И сейчас Майрис с нетерпением ждал своей команды на вылет, выводя самолет на полосу, одновременно проверяя рулевое управление и докладывая о готовности оператору.

И вот плита позади поднята, створки ангара открыты — взлет! Парой секунд спустя рядом прогудели двигатели самолета Дэниела, и Майрис, сверившись с радаром, настроил связь с напарником.

«Фогель, ты в порядке?»

«Естественно, Стрелок!» — возмущенно отозвался Дэниел.

Как только вся эскадрилья поднялась в воздух, в эфир ворвался голос оператора, вещающего сразу на всех:

«Координаты противника — Сектор ВЗ, северо-восточный квадрат. Количество целей — пятьдесят две единицы. Двигутся ровным курсом к границе и на предостерегающий залп не отреагировали. На связь не выходят. Приказ командования — при достижении расстояния в три мили навестись на цели и готовиться открыть огонь. Но сам огонь не открывать. Повторяю — до получения внятного ответа от них — огонь не открывать».

«Что за черт?» — прошипел Дэниел Майрису.

«При малейшей угрозе атаки — огонь на поражение, — продолжал дальше оператор. — Высылаем координаты на ваши бортовые компьютеры».

«Они нас лишают возможности бить на большом расстоянии!» — вспыхнул Дэниел.

Майрис молчал, не зная, чью сторону вопроса он готов сейчас принять. Оправдывать можно было и тех и других, но потом, после боя. А сейчас нужно было лететь в звене и сосредоточиться на координатах и целях. Какая разница, что с ними делать. Пилоту должно быть все равно. Он должен быть хладнокровен, чтобы безошибочно выполнить свое задание. А думать за него пусть будет лучше начальство.

«Расстояние до цели — шесть миль. Приготовиться».

Хоть весь полет до цели и занял несколько минут, для Майриса, как и для остальных, время пролетело незаметно. Пилоты обеих эскадрилий были на взводе. Подобных боевых вылетов не было уже давно, и сейчас навстречу кваари отправлялось преимущественно молодое поколение. Где-то позади на Базе сейчас спешно собирался второй рубеж. Готовились к поднятию по тревоге щиты, выводились на взлетные полосы другие самолеты, как знать, возможно, даже приводили в боевую готовность засекреченные ЭЛИС.

Майрис увидел корабли кваари и понял, что Пилотам есть чего опасаться. Тяжеловесные полуживые даже не самолеты, нет, брюхастые твари с наездниками, укрытыми под полупрозрачным хитиновым колпаком, рассредоточенным роем летели навстречу.

«Ракеты к бою готовы! Наведение! Ждать!» — гроыхала в голове команда ведущих.

Щелчок предохранительного колпака на рычаге наведения. Палец лег на гладкую

кнопку, по неумирающим традициям выкрашенную в алый цвет. Все внимание Майриса целиком сконцентрировалось на целях.

Ну же! Они должны первые открыть огонь. Первые! Иначе нам придется унижаться кружить вокруг них и сопровождать вплоть до Границы, если они туда собрались. А уже после, только на нашей территории мы имеем право открыть огонь. Не здесь. Но в нейтральной зоне.

Несколько живых кораблей спикировали вниз, отвлекая внимания. Еще десяток взвился выше. Остальные, как ужаленные наподдали скорости и ринулись вперед, будто надеясь пойти в лобовую атаку.

«А ведь они могут!» — успела промелькнуть у Майриса мысль, как следом он увидел вынырнувший снизу из зарослей корабль чужих, на бешеной скорости ворвавшийся в строй самолетов.

Грянул оглушительный взрыв, и самолеты вокруг бросились врассыпную. Корабль Майриса качнуло взрывной волной, но обшивку почти не пропустила звука, а наружные экраны затемнили ослепительную вспышку.

«Огонь! Огонь!» — орали ведущие наперебой с операторами Базы.

Палец сам нажал на кнопку, раньше, чем мозг успел осмыслить сделанное. Юркая ракета выпорхнула из-под крыла самолета и белым штрихом унеслась в ряды врагов. Попала ли она в цель или нет, Майрис уже не знал. Целиком и полностью он был занят тем, что уводил самолет от смертоносных «плевков» непонятной жижи, которую выпускали корабли кваари.

Быстрее, быстрее! Как учил Дэниел. Это даже проще, чем в игре! Лавировать между кораблями, угадывать по одному взгляду их траекторию и прокладывать свою в обход — это же так просто. Сигнал самолета молчал, а, значит, никто пока не сидел на хвосте, и можно попробовать захватить в прицел новую цель.

Майрис вырвался из центра сражения и развернул самолет. Из дальних рядов чужих на него тут же направилась пара существ, но у Пилота было в запасе несколько мгновений, чтобы осмотреться и одним велением мысли перевести свой эфир на напарника.

«Фогель! Вызывает Стрелок. Где ты?»

Ответ последовал моментально:

«Стрелок! У меня двое на хвосте. Никак не сброшу».

Это было просто. Настроиться на канал связи, отдать бортовому компьютеру команду поиска и мгновенно получить на экране желтый целеуказатель. Самолет Дэниела стремительно летел выше основного боя и старательно отрывался от пары чужих, на пределе сил дребезжащих рядами своих стрекозиных крыльев.

Не раздумывая более, Майрис дал полный ход, но не к напарнику, а сперва наперерез тем кваари, что неслись на него. Сигнал наведения нетерпеливо пищал, показывая, что обе цели взяты на прицел. В последний момент Майрис поставил самолет на крыло и сбросил ракеты. Секунду ничего не происходило, лишь два живых корабля пронесли по бокам, жужжа крыльями и один даже сделал попытку зацепить самолет парня своими лапами. Но затем, выпущенные ракеты сориентировались в пространстве и навелись на цели. Грянул одинокий взрыв. Второй кваари успел вильнуть распластанным хвостом и увернуться огромным воздушным змеем.

А Майрис уже летел, не оглядываясь, к напарнику, и готовил очередные ракеты к пуску. Самолет Дэниела тем временем нырнул вниз, и затем Пилот вошел в свой излюбленный

маневр спиралью. Заструился следом отвлекающий дым, кваари попали в самый центр облака. Дэниел все сужал свою спираль, пока самолет не вошел в обычную бочку, после чего рывком свернул в сторону и вверх. Следовавшие по его дыму чужие взвизгнули, притерлись слишком близко друг к другу, обломали крылья и, трепыхаясь в неразберихе, полетели, запутанные, к земле.

«Йохооу! — победно выкрикнул Дэниел, пролетая мимо напарника. — Смотри, Стрелок, мы же почти побеждаем!»

И правда, ряды кваари заметно поиссаякли, а самолеты Пилотов, яростно гоняли оставшихся чужих по всему небу. Многие самолеты дымили едкими ожогами обшивки, кто-то и вовсе был потерян из виду, но в целом бой казался выигранным.

Но вот завопил сигнал тревоги у Майриса.

«Черт! Он у меня на хвосте!» — крикнул он Дэниелу, отлетая в сторону.

«Вижу гада! Сниму!» — ответил напарник и отработанным на тренировках маневром ушел из поля зрения кваари.

А тем временем на Базе в командно-диспетчерском пункте истерично завопили радары.

— Обнаружены новые цели! — возбужденно выкрикнул оператор. — Порядка шести сотен объектов движутся с юго-запада! Расстояние — десять миль!

— Откуда они взялись, черт побери! — взбешенно прорычал Джейкоб, глядя в экран и припадая кулаками в перчатках на стол диспетчера.

— Снова глушитель сигнала, сэр! — мигом доложил другой радист. — Помехи не пропали, но временно снизились.

— Их не было еще несколько секунд назад!

— Они хотят, чтобы мы увидели их, — догадался полковник.

Сейчас, как никогда, он был больше похож на зверя, нежели на человека. Черты лица заострились, глаза прищурились в гневе. Даже верхняя губа иногда вздрагивала, оголяя злобный оскал.

— Сколько осталось наших самолетов? — отчеканил вопрос Джейкоб.

— Семнадцать, сэр! Пятеро возвращаются на Базу с серьезными повреждениями. Остальные сбиты!

— Проклятье! — прошипел Командир, и кожаные перчатки скрипнули на кулаках.

— Расстояние до новых целей — шесть миль!

— Ваши приказания, сэр? — ожидающе спросил оператор.

Джейкоб еще раз внимательно изучил приближающееся облако подкрепления чужих и сравнил с маленькой кучкой оставшихся кораблей. Некоторые из точек моргали, сигнализируя о повреждениях. У всех без исключения не доставало боезапаса для продолжения сражения. А если выслать им немедленно подкрепление с Базы? Еще две эскадрильи готовы к вылету и Пилоты даже заняли места в своих самолетах. Один приказ — и силы сравняются. Кваари хотели поиграть с людьми, подразнить своим умением прятать корабли и выныривать буквально под боком. Но и люди тоже еще на что-то способны. Малыми силами, а все равно они продолжали побеждать чужих, будучи один на один без поддержки с земли. Это много стоит. И сейчас у Командира был большой соблазн выслать подкрепление и разгромить этих наглых выскочек. Это было реально! Всего один приказ, и люди смогут сполна отомстить за разбитую Акила Мору.

— Приказываю оставшимся Пилотам немедленно возвращаться на Базу, — четко выговорил Джейкоб. — Мы отступаем.

Майриса чуть было не протаранил его преследователь, когда Дэниел вынырнул из облака тому на хвост и сбил прямой наводкой.

«Готов!» — доложил Дэниел.

Майрис выровнял самолет и по привычке проверил боезапас. Пока они совершали все маневры Пилот и забыл о том, что дважды активировал дымовую завесу и сейчас оставшегося не хватило бы и на мелкое отвлекающее облачко. Число сохранившихся ракет позволяло пока ощущать себя спокойно. Если в боевых условиях вообще возможно применение подобного слова. Повреждений корабля нет. Ближайшие цели на экранах помечены маркерами, но ими уже занимаются другие Пилоты. Но вот на экранах образовалось странное размытое длинное облако алого цвета, и Майрис даже не сразу догадался, что это всего лишь пометка целеуказателя. Но когда он понял это, то сердце ухнуло и провалилось в пятки.

«Дээн! — все еще с сомнением вызвал Майрис напарника. — Скажи, на два часа у тебя тоже видны цели? Или мой экран барахлит?»

Пару секунд от Дэниела не было ни слова. Его самолет все так же летел крылом к крылу Майриса, не совершая лишних маневров. Но затем, Дэниел ответил:

«Похоже, у нас гости», — траурно отозвался Пилот.

И ровно в этот же момент все каналы перекрыл сигнал встревоженного оператора с Базы:

«Всем кораблям приказ немедленно отступать! Повторяю — возвращайтесь на Базу немедленно».

«Их чертовски много, Дээн! — как только восстановился канал, встрял Майрис. — Летим назад!»

И снова легкая пауза, будто ответ шел с задержками.

«Да», — ответил Дэниел, и его самолет заложил широкий вираж и развернулся к Базе.

Один за другим корабли людей отступали. В общем эфире еще слышалась какая-то какофония звуков, пререкания, отказы и просьбы, но в целом — эскадрилья отступала. Оставшиеся неразбитыми кваари быстро смекнули, что их спустили с прицела, и мигом развернулись вдогонку.

— Отошлите им сигнал о нашем отступлении немедленно! — взревел, Джейкоб, глядя на экраны и видя, что, несмотря на прекращение атаки, за самолетами все равно пошли преследователи.

— Пытаемся, сэр! — разрываясь, ответил впопыхах диспетчер. С момента приказа он непереставая начал посылать заготовленный сигнал «белого флага», как его обзывали, но кваари не реагировали, словно глухие.

— Может их глушитель блокировать наш сигнал? Они же раньше реагировали!

— Исключено, сэр, — в отчаянии доложил второй. — Разные частоты. Сейчас они просто игнорируют.

— Они сами нарушают Соглашение, — прорычал Командир. — Выслать навстречу группу прикрытия! Но в нейтральную зону не залетать.

— Есть, сэр! — операторы тут же занялись новым приказом.

«Фогель! За тобой хвост!» — лавируя под выстрелами, успел заметить Майрис.

«Знаю!» — огрызнулся Дэниел.

«Уходи!»

«Пытаюсь!»

Самолет Дэниела неуклюже пошел спиралью, и Майрису пришла мысль, что его Пилот просто на исходе сил. Сам он тоже едва держался, и мозг, казалось, настолько приспособленный к долгой работе в напряженной обстановке, начинал уставать. В действие все чаще подключалось старое ручное управление, и Майрис вел самолет, полагаясь лишь на свои рефлексy. Если громче писк слева, значит быстрее надо уклониться вправо и наоборот. Зуммер в самолетах был устроен отменно — по одному лишь звуку можно было ориентироваться и понимать, где именно находится преследователь. Но это хорошо работало лишь для одного, максимум двух загонщиков позади. Но когда на хвосте сидело уже трое — сигналы начинали просто смешиваться и дезориентировать Пилота.

«Уходи к земле, — приказал Майрис. — Я попробую снять пару».

Самолет Дэниела нырнул вниз как подкошенный. Майрису даже показалась сначала, что его зацепили, но желтый маркер показывал, что корабль напарника цел и невредим.

Огромное неопределенное облако алых точек продолжало тем временем нагонять человеческие корабли. Их определенно гнали к Границе и «клевали» вслед редкими плевками кислоты.

«Дэн! Я потерял тебя! — слишком поздно опомнился Майрис, когда понял, что за разглядыванием облака упустил напарника. — Фогель!»

Самолет дернуло вперед, а потом стремительно закрутило вправо. Майрис сперва рефлекторно выправил корабль, поддал тяги и, только вернув стабильное положение, расслышал сигнал тревоги.

«Неисправимое повреждение. Необходимо немедленно вернуться на Базу либо посадить самолет».

Пилот лихорадочно посмотрел по сторонам и увидел, как одно его крыло дымится тем самым едким кислотным испарением. На обшивку налипла клейкая пузыристая масса, которая разъедала ее и прожигала до самых рабочих элементов. А ведь там ниже еще находится оставшийся боезаряд!

Немедленный сброс правого обвеса!

На такую команду было мало мысли, требовалось ручное управление, и Майрис нажал необходимую комбинацию клавиш. Оставшиеся ракеты посыпались бесполезным грузом вниз, и когда последняя ракета покинула ячейку, зеленая жижа на крыле окончательно прожгла обшивку. Чему свидетельствовал истошный писк о нарушенной герметизации.

И только тогда Майрис вновь вспомнил о напарнике, но было уже слишком поздно.

«Фогель! Фогель, отзовись! Дэн!» — пытался дозваться Майрис, пробуя несколько частот, но от Пилота не было ответа. И чем дальше парень улетал от места сражения к Базе, тем меньше у него было шансов докричаться до друга. Сигнал, так или иначе, слабел, а уж дальность разрешенной частоты «борт-борт» была и вовсе минимальной.

«Дэниел!»

И так, пытаясь вызвать Дэна, Майрис даже не обратил внимания, как преследовавшие еще более поредевшую эскадрилью кваари остановились. Он также не обратил особого внимания, что нападения в тыл прекратились, как только на горизонте показались первые корабли прикрытия. Как было приказано — они не перелетали Границы, а маневрировали по самому краю, грозно наводя орудия и готовясь дать залп по каждому чужому, кто приблизится на расстояние выстрела. Но таких, к сожалению, не нашлось.

Майрис перестал звать напарника, как только они перелетели на свою территорию. Самолет неприятно кренился на один бок, и крыло скрипело, будто вот-вот готово было

отвалиться. Сам не зная как, Майрис без проблем посадил самолет и сдал себя в распоряжение медиков. Те волной накинлись на всех вернувшихся Пилотов и окружили их, отводя в стороны, пока технический персонал тушил самолеты и вывозил их со взлетных полос. Майрис отмахнулся от врачей, позволив им только сделать какой-то укол. Он все продолжал с надеждой вглядываться в приземляющиеся самолеты, рассчитывая увидеть знакомый борт с нарисованной птицей, но Дэниела среди вернувшихся так и не появилось. Может быть у него вышла из строя связь, может быть ее блокировали. Может в попытках уйти от преследования он сам улетел слишком далеко и вышел из зоны действия сигнала. Вероятно, его даже подбили, и он смог посадить самолет на лес. Да он мог катапультироваться хоть из пылающего куска металла, и все равно остался бы жив! Но хоть бы появился сигнал! Хоть бы убедиться, что он еще жив. Майрис утешал себя тем, что в диких зарослях пропадает даже хваленый сигнал «mayday» от корабля, не говоря уже о маленьком передатчике в головном чипе.

А меж тем вся База стояла на ушах. Носились из конца в конец медики, пожарные заливали самолеты пенистой массой, нейтрализуя кислоту и туша тлеющие и искрящиеся элементы. Срочно разоружались пострадавшие корабли. Массивные бронемашины загружали весь боезапас в свои контейнеры и увозили прочь. Что-то постоянно объявляли по громкоговорителю. Майрис даже не особо прислушивался. Он все смотрел на Пилотов, побывавших с ним в этом бою, и с ужасом осознавал, как измотал этот вылет каждого из них. Ослабшие и будто даже одичавшие, они ходили серыми «призраками» между персоналом и немного опустошенным взглядом смотрели на всю суету.

Майрис даже не особо удивился, когда из очередного приземлившегося самолета, высланного Базой на прикрытие основной группы, выскочил и понесся ему на встречу Грэй.

— Живой! — встревоженно провозгласил инопланетянин, вертя Пилота за плечи и быстро осматривая со всех сторон. — Где второй?

Майрис с трудом заставил себя поднять измученный взгляд и вообще понять, о чем говорил Грэй.

Инопланетянин пару секунд цепко смотрел Пилоту в глаза, после чего все так же развернул за плечи и отвел в сторону к стене ангара и усадил на один из ящиков.

— Не вернулся, — понял без слов Грэй, и для Майриса это был словно сигнал.

Пилот стиснул руками край ящика до дрожи в собственных плечах, и скрипнул зубами, пока боль не отдалась в виски.

— Это я потерял его, — выдавил через силу Майрис. — Я сказал спускаться к земле и потом потерял его.

Грэй растерянно отпрянул, беспомощно опустив тонкий хвост на пол. К чему он был точно сейчас не готов — так это к человеческой истерике. Поэтому инопланетянин неловко засуетился, поднял руки и никак не решался, что с ними лучше сделать — то ли снова взять Пилота за плечи и встряхнуть, то ли что-то сказать и успокоить. На лице Грэя застыла совершенно беспомощная мина, и он даже зажато посмотрел по сторонам, убеждаясь, что все вокруг слишком заняты, чтобы на них пялиться.

Но, к удивлению Грэя, Майрис быстро совладал с собой и обратил свою начавшуюся было истерику в гнев.

— Он должен быть жив! Сигнал просто не достает сюда. Должен быть жив. Сколько шансов! Надо просто найти. Выслать корабль в тот сектор. Слушать чужие сигналы. В конце концов там были еще люди!

— Майрис, все будет! — нашел за что зацепиться Грэй и вернул к себе внимание Пилота. — Их будут искать. Но сейчас всё должно утихнуть. Понимаешь? Мы были на грани войны, Май... Настоящей войны!

Майрис поднял взгляд на Грэя и впервые увидел у него на лице испуг. Да настолько не соответствующей его облику, что на какой-то миг Пилоту показалось, что перед ним сейчас стоит вовсе не инопланетянин, лучший инструктор академии и целый майор, а затравленная школьница, которую впервые напугали рассказами о том, как делаются дети.

— Лучше бы мы отбивались до конца, — хрипло ответил Майрис, прогнав явившийся образ.

Неожиданно Грэй вновь крепко схватил парня за плечи и встряхнул.

— Нельзя! — шикнул он, все еще смотря испуганными глазами. — Мы многое о них упустили. Мы не знаем их. Они слишком быстро меняются. Нельзя войну. Не сейчас. Рано. Если бы не Джейк... Они готовы были сегодня пробить рубеж! Понимаешь?! Они бы прошли границу и... И...

— Лучше замолчи, Грэй, — шепотом посоветовал Майрис, сейчас не столько напуганный, сколько ошарашенный безумным заявлением инопланетянина.

Он видел, что ближайшие люди начали прислушиваться к Грэю, и кто-то даже стал останавливаться и перешептываться друг с другом. А если этого не должен знать никто? Чего же ты так испугался, наш хладнокровный Грэй, что запаниковал?

Хвост инопланетянина прижался к ноге, а сам он затравленно оглянулся по сторонам. Остановившиеся было люди сделали вид, будто ничего не слышали, и постарались быстро ретироваться. Но Майрис заметил, как некоторые уже передавали услышанное другим.

— Кажется, тебе надо быстрее покинуть ангар, — заглядывая в огромные зеленые глаза сказал Майрис.

— Да. Точно. Верно... — немного пригибаясь, Грэй отошел от Пилота. — Я найду тебя потом.

Майрис сдержанно кивнул, а инопланетянин поспешил покинуть ангар. Завидев Пилота на ящике, один из медиков подошел к нему и поинтересовался самочувствием. Парень лишь отмахнулся и сказал, что его уже осмотрели.

— Тогда больше вам здесь нечего делать, — ответил медик. — Отправляйтесь к себе. Но если почувствуете хоть малейшее недомогание — мигом к нам.

— Понял, — сухо сказал Майрис и поднялся с ящика. Тут же он понял, что силы у него стремительно кончаются и что единственное желание у него сейчас было — это рухнуть в кровать и проспать.

«Но Дэниел... Надо сказать, в каком секторе он потерян. Но кому?... Не знаю. Ничего сейчас не знаю».

И где-то глубоко в голове засела мысль, что всему причиной был этот укол с лошадиной дозой успокоительного, который не просто гнал в кровать, но и временно давал отдых мозгу от всех тяжелых мыслей.

Кругом раскинулся первозданный мрачный космос.

Майрис понял это, когда осознал, что находится в странном состоянии — руки и ноги вроде бы не затекли, но двигались медленно, будто ватные. Соппротивления почти не ощущалось. Так уже бывало в первые мгновения, когда Майрис нырял с крыш небоскребов в бездну Полиса. А сейчас это ощущение было постоянным. Неужели это и есть та самая

манящая невесомость?

Он присмотрелся внимательней и разглядел далеко внизу огромный, парящий в пространстве кусок земли, утыканный, словно шипами, огромными шпилями антенн и радиовышек. И как только он разглядел все это, земля стала приближаться. Вернее, даже нестись навстречу с огромной скоростью.

Инстинктивно Майрис закрыл лицо руками, но вдруг его мягко развернуло в пространстве, и теперь уже он летел над заснеженной поверхностью, вздымая позади себя тучи искрящегося снега. И он внезапно понял, что ощущает себя больше. Настолько больше, что может кончиками крыльев дотронуться поверхности земли, если будет лететь на боку.

Майрис понял, что ощущает себя машиной. Быстрой, юркой и удивительно маневренной. В один миг ему пришло понимание, что если захотеть, он может заставить себя остановиться. Или полететь хвостом вперед. Или на носу. Ведь вокруг него — невесомость! Чистое пространство, которым можно управлять.

Но вот впереди завиднелись взрывы, и Майрис, не раздумывая, понесся туда. Каким-то отголоском сознания он помнил, что был рожден для боя. Что война у него в крови и прописана в каждой микросхеме железного мозга.

Бой все приближался, и Майрис ощущал всеми сенсорами своей обшивки, как вокруг уже проносились мимо первые враги. Пока далекие и неопасные, кружащиеся роем вокруг металлических вышек. Но вот впереди, где гроыхали взрывы и засвечивали фотоэлементы яркие вспышки — была настоящая опасность. И туда надо было добраться как можно скорей!

Майрис просто захотел приблизиться к месту сражения, а пространство само развернулось, подставилось нужным боком, и вот уже маневренный самолет оказался в гуще битвы. Кругом были одни чужие, которые, завидев его, без промедления кинулись навстречу. Майрис с триумфом представил, как сейчас разгромит всю армаду одним лишь залпом и разобьет врагов как кегли, но неожиданное осознание едва не лишило его опоры воздуха. У него не было вооружения!

И с этой страшной мыслью Майрис ощутил, как первый громадный жук вцепился ему в спину, второй навис на крыле и завалил на бок. А остальные жужжали вокруг, раздирая обшивку на части своими крючковатыми лапами. Дико заверещала сирена разгерметизации, и Майрис почувствовал, что задыхается. Руки-крылья онемели, он падал в пропасть, гравитация притягивала с неумолимым упорством, сверху давили враги...

Майрис закричал, взмахнул руками из последних сил и ударился обо что-то острое. От боли вся сумасшедшая картинка рассеялась, парень в ужасе откинул с себя одеяло и рывком сел на кровати. Все это оказалось простым сном. Всего лишь сном, но заставило так нервничать и бешено стучать сердце. Майрис ошалело посмотрел на свои руки, попробовал их поднять и понял, что всего лишь отлежал их. А вообще как он здесь оказался? В своей комнате. В светлое время суток. Когда нужно было быть в классе, или на дежурстве, или на разборе...

И неожиданно для себя Майрис все вспомнил. Он вспомнил битву утром, вспомнил, как он летал между живыми кораблями чужих на своем маленьком самолете. Он даже вспомнил тот ужас, который испытал, увидев на экране алое облако из целеуказателей. И, конечно же, он вспомнил, как потерял напарника.

— Дэн, — будто это могло помочь, озвучил вслух Майрис.

Может быть, его уже нашли? Или хотя бы распознали сигнал? Выслали спасательный

корабль или даже везли обратно! Куда стоило пойти в первую очередь, чтобы все узнать?

Мысли Майриса беспорядочно метались сами как рой, но он заставил себя сконцентрироваться и все разложить по порядку.

— Так. Стоп, — парень взялся за гудящую голову. — Если привезли, то сперва в медотсек. Значит, туда в первую очередь. Если нет — спросить, когда будет выслана помощь. Это к диспетчерам, — парень с трудом поднялся с кровати. — А если совсем все плохо?

Кое-как напялив ботинки и встав на шатающихся ногах, Майрис надел куртку, которую успел перед сном скинуть на стул, и ответил удрученно сам себе:

— А если все плохо — тогда надо искать Грэя.

Первое, что удивило Майриса, когда он вышел из своей комнаты и покинул здание общежития — это удивительное спокойствие всех обитателей Луна Гранты. От утренней готовности к бою не осталось и следов. Как-то довольно быстро оправились от потрясения все жители и единственное, что заставило Майриса поверить в реальность прошедших событий — тень тревоги на лице каждого человека. Было видно: народ взволнован и где-то в глубине души напуган. Но как им удалось так быстро успокоиться — для Майриса было секретом.

Конечно, стычки с кваари проходили не ежедневно, но почти раз в неделю на патрульные корабли совершались «профилактические» нападения. Точно так же и люди, не церемонясь, позволяли себе дать залп вслед гигантским жукам. Это больше походило на игру и попытки клюнуть противника «за все хорошее». Серьезные же, спланированные заранее сражения, были редкостью и чаще всего заканчивались жертвами с обеих сторон. Либо кваари собирали небольшой рой и перелетали границу, чтобы целенаправленно атаковать какой-нибудь транспортник или деревню. Либо люди обнаруживали улей, слишком близко ютящийся к границе или на территории нейтральной зоны, и тоже отправляли свои корабли, чтобы стереть с лица земли нарушителей. Но большую активность в таких случаях проявляли, конечно, чужие. Не сдерживаемые политикой единого правящего Сената, они, как разномастные банды, совершали рейды ради удовольствия и дразнили человечество. Люди скрипели зубами и терпели. Потому что с одиночными нападениями они еще могли справиться, а вот с разозленной ордой всех чужих, вздумавших просто одновременно перейти границу — уже нет. Сказывался численный перевес и простое отношение к живым ресурсам. Вожди кваари не щадили своих рядовых трутней, и численность их довольно быстро восстанавливалась. Люди себе позволить такой роскоши не могли. Пилоты не расходный материал. И на обучение хорошего Пилота требовалось время. Не говоря уже о том, что невозможно было пересадить всех жителей за самолеты. Академия отсеивала некоторых курсантов еще на стадии обучения, видя, что у человека просто недостаточно быстрая реакция.

И, наконец, такие сражения, как утром, как знал Майрис, случались крайне редко. Эти акции проходили уже по наставлению вождей и были прямым нарушением договора между сторонами. Что побуждало их идти на такой шаг — было неясно. Да и не для Пилотов это занятие — разбираться в причинах нападения и психологии чужих. Людям важно было отбить атаку, что они и сделали. Но чтобы так быстро успокоиться... Так быстро оклематься после такого оскорбительного щелчка по носу... Майрис не понимал, как можно было так быстро привести Базу в порядок и сделать вид, будто ничего не произошло.

Оказавшись в медцентре, Пилот первым делом поспешил к стойке, за которой сидела

дежурная медсестра.

— Скажите, — встревожено начал Майрис. — кого-нибудь из сбитых Пилотов сегодня уже привезли?

— Нет, сегодня никого нового уже не привозили, — вежливо ответила девушка. — Вчера вечером четверых удалось вывезти с места крушения, но больше пока никого не нашли.

— Как вчера? — растерялся Майрис. — Вчера же было тихо.

Медсестра пару секунд непонимающе хлопала глазами, глядя на парня, а потом расплылась в улыбке и протянула:

— Ааа, Вы, наверное, один из участников боя. Вы проспали сутки, и сегодня уже другой день. Сражение было вчера утром. Вечером к месту летали спасательные корабли. Вот имена тех, кто был привезен.

Настала очередь Майриса глупо смотреть на медсестру и осмысливать сказанное. Как она сказала? Сутки? Немудрено, почему на Базе все уже такие спокойные. Но как он умудрился так проспать? Вроде бы ставил будильник, намеревался проснуться через пару часов, чтобы пойти потом искать Грэя... Но как вышло — последнее ему уже приснилось, и сильное успокоительное буквально вырубил парня. А если бы снова война?

Последний вопрос Майрис озвучил вслух.

— Сирены всех будят, — многозначительно пожала плечами девушка, потом еще раз протянула список на слайдере. — Вот прибывшие. Вы спрашивали.

Майрис очнулся от недоумения и жадно уставился в экран с фамилиями. Не то, не то, не то... Знакомой фамилии не было ни в начале списка, ни в конце. Майрис даже прочел список дважды, но это ничего не изменило. Среди спасенных Дэниела не было.

— Вам помочь? Вызвать врача? — встревожено спросила девушка, глядя на бледнеющего парня.

— Нет, спасибо, — Майрис отдал слайдер и поспешил покинуть здание медцентра.

«Возможно, они просто не искали в том секторе. Ведь мы уже пролетели далеко домой. Надо узнать... Пойти к спасателям..»

Силы будто снова покидали Майриса, но он старался не обращать на это внимания. Запоздало он вспомнил, что не ел уже больше суток, но о том, чтобы пойти в столовую, у него и мысли не возникало. Сперва надо было передать координаты, потом уговорить спасателей полететь туда. Дождаться, пока они согласуют свой вылет с руководством... Даже если все было бы быстро, парень был уверен — меньше, чем через день результата можно не ожидать. А ведь если Дэниел жив, то как он там держится один в лесу?

О последнем Майрис старался просто не думать. Пока что ему нужно было сделать все, чтобы вытащить друга оттуда. И своими деловыми размышлениями он всячески глушил в себе просыпающуюся совесть.

Грэй поймал Майриса на подходе к корпусу спасателей и пожарных.

— На тебе лица нет! — воскликнул инопланетянин, заглядывая в бледные глаза парня.

— Помогите мне. Нужно пойти туда и сказать, где должны искать, — уставше кивнул Майрис на корпус.

Грэй проследил за его взглядом.

— Нет, туда ты не пойдешь, — и, подхватив парня под руку, повел его в противоположном направлении.

— Но погоди! Ведь надо!

— Они уже все обыскали. Я летал с ними, тоже искал. Вдоль всего пути возвращения. Твоего напарника нигде не было, — терпеливо пояснял Грэй. — Этих бесполезно просить. Я договорился с радистами, с которыми вы летали. Его ищут.

— Но долго искать нельзя.

— Мы попробуем...

— Куда ты меня ведешь? — Майрис уже отчаялся противостоять крепкому инопланетянину и покорно шел рядом.

— Откармливать. Ты себя со стороны видел?

— Ты мне не мать, чтобы... Ладно, не важно.

За разговорами парочка неспешно дошла до столовой. В это время дня они были там одни, что позволило Грэю во время обеда подробно расспросить Майриса о том, как шел бой и что лично он заметил необычного. В то же время Пилот тоже порывался завалить инопланетянина вопросами о его вчерашней осведомленности.

— Их была туча. Половина радара была в целях. Я никогда раньше не видел их в таком количестве, — понизил громкость своего транслятора Грэй. — И они до последнего глушили сигналом свое местоположение.

— Не думал, что мы доживем до этого, — совсем уж душераздирающе вздохнул Майрис. — Все эти глушители, новые корабли... А ведь так хотелось отслужить более-менее спокойно, или чтобы все это сошло на нет как-то само собой.

— Оно не сойдет. Мы долго держались. Терпение кончается и у людей и у кваари.

Майрис не отрывал взгляда от своей кружки и теребил ее ручку с самого начала разговора. Тяжелые мысли все же настигли его, и теперь парень представлял жалкое зрелище. Совесть грызла его изнутри. И вынужденный хоть как-то бороться с ней, Майрис закрылся от всего извне и просто перестал слушать.

— Это Дэн всегда мечтал застать начало войны, — с тяжким воспоминанием выдавил парень. — Ему постоянно хотелось стать героем, не мне.

— Майрис, не начинай, — вжал голову в плечи Грэй.

Выслушивать чужие проблемы и жалобы Грэй не умел. Он всегда говорил, что ему чужды большинство человеческих эмоций. Мучений совести Грэй не понимал особенно. А большой опыт общения с разными людьми дал инопланетянину понять, что в таких ситуациях несчастные нуждаются в а) поддержке, б) ободрении и в) сострадании. Поддержку Грэй уже оказал, поведав Майрису, что ведутся все усилия по поиску. Ободрения тоже — ведь прошел всего лишь день поисков! Не неделя, не месяц. Еще все шансы впереди. А что такое сострадание Грэй никогда не понимал. Да, он тоже испытывал какую-то тяжесть от потери неплохого сослуживца. Который даже начал относиться к Грэю по-дружески! Эка редкость! Не со страхом, не с неприязнью, не с терпимостью, как к простому компьютеру, а именно по-дружески. Мало было таких людей, которые видели в инопланетянине самого обычного сослуживца. С чувствами, хоть и специфическими, характером, хоть и непростым. Грэю нравились такие люди. С некоторыми из них он даже позволял себе откровенничать. И теперь от потери одного такого хорошего человека, инопланетянину было... грустно. Да, именно грустно. Почти так же, как было, когда его изгоняли из родной колонии. Или так же, когда по воле высшего руководства его обратно перевели на Базу, и у Грэя пропала возможность и дальше работать в одной команде с Райнером и присматривать за пареньком. То было хорошее время. И с Дэниелом было хорошее время. Чем-то они оба были похожи, как считал Грэй. И это что-то вызывало у

инопланетянина симпатию.

— А ведь вчера я как чувствовал, что ему не следовало лететь, — продолжал тем временем дальше откровенничать Майрис. — Он был не готов к вылету. Какой-то слишком рассеянный и странный. Мне надо было заметить это и предупредить его.

Майрис страдальчески стиснул свой лоб ладонью.

— Почему я такой дурак, а? Еще пытался подбодрить его! А в итоге тупо не доглядел. И потом, главное, еще во время боя я чуял его тревогу! Но решил, что это лишь сдержанность и раскомандовался. Это же я сказал ему уходить к земле и там отрываться от хвоста. Я! А он тоже возьми да улети в непонятном направлении. Там были отличные заросли, где он мог запутать свой хвост, благо уже делал так! Но его понесло в сторону, а потом не знаю куда... А я его даже вытащить не могу. Какой из меня напарник, а? Обещал сделать все, что смогу, а в итоге? В итоге я даже заснул после той бурды, которую в меня вкололи, хотя мог бы немедленно броситься в тот же вечер на поиски. Зачем они это сделали, а? Чтоб мы не мешали? Ответь, мне, Грэй.

Пилот продолжал бы убиваться чувством вины и дальше, но Грэй еще в середине монолога наострил уши и по-птичьи склонил голову набок.

— А где, ты говоришь, были эти заросли?

От столь неожиданного вопроса Майрис изумленно скривился и немного отпрянул назад.

— Какие заросли? Эм... те самые что ли? Не знаю. По-твоему я запоминал координаты? — еще более угнетенно покосился на инопланетянина парень.

— Сможешь узнать место? — строго спросил Грэй.

— Да какое там... — отмахнулся Пилот, уткнувшись обратно в чашку.

Проигнорировав уныние Майриса, Грэй что-то ввел на панели своего наручного слайдера, положил ладонь на центр стола и нажал кнопку «Ввод». Тут же перед собеседниками развернулась плоская голографическая карта с примитивным рельефом и наложенными сверху фотографиями со спутника. Карта рябила и подтормаживала, но демонстрировала картинку достаточно понятно.

— Вот путь, по которому вы возвращались на Базу, — показал свободной рукой Грэй. — Здесь мы встречали вас. Где были примерно те заросли?

Грэю показалось, что это шанс. В отличие от парня, который грустил, мучился и был бесполезен в своих страданиях, инопланетянин был куда более сдержан. С разочарованиями он привык бороться делом, и сейчас как раз такое дело могло вот-вот сформироваться.

Майрис же, сперва без энтузиазма отнесшийся к вопросу, все с большим интересом взирал на карту. Тень уныния немного отошла на второй план, и парень попробовал сосредоточиться и вспомнить. Строгий тон Грэя и жесткий взгляд его больших глаз был неплохим стимулом. Оглядев карту под разными углами, в конце концов, он указал пальцем в одну точку.

— Где-то тут.

Теперь настала очередь инопланетянина задумчиво взирать на точку. Делал он это достаточно долго, что так парень даже заинтересовался.

— А что? — спросил Майрис.

— Я вспоминаю, где были последний раз помехи. Но ничего не припоминаю про это место. Только тучно там последнее время, а это само по себе слегка приглушает сигнал.

— Тучно, говоришь, — протянул Пилот, не отрывая рассеянного взгляда от карты. — А

покажи-ка мне прогноз погоды.

Грэй услужливо набрал новую комбинацию клавиш и поверх карты высветились разноцветные тепловые пятна и однотипные плоские облака.

— А раньше?

— Уже неделю там стабильно висит один циклон, — небрежно ответил Грэй. — Так что картинка почти не меняется.

— И ты говоришь, что циклон всегда глушит сигналы наших радаров? — уточнил аккуратно Майрис.

— Да.

Майрис надолго впал в раздумья. Когда-то давно была у него информация про циклоны, но сейчас она упорно не лезла в голову. То ли про специфики сигналов, то ли про их отражение. Пилот сейчас пытался буквально воссоздать услышанную теорию заново, но мысли в голову лезли какие-то уж слишком бредовые.

— Что-то крутится у меня в голове о циклонах, никак не могу вспомнить, — пожаловался Майрис. — Вроде бы Дэн говорил о них нечто особенное, не знаю... Циклоны, связь, сигналы.

— Может про то, что где-то еще есть плохая пробиваемость сигнала? — предположил наугад Грэй.

Майрис метался глазами из стороны в сторону, напряженно вспоминая. Но вдруг слова инопланетянина зацепили, ниточка воспоминаний стала видна, осталось лишь ухватиться за нее, поймать и потянуть. Нужная мысль была так близка, и парень застыл, чтобы ее не спугнуть.

— В поселениях кваари не пробивает сигнал...

— Так это само собой, — отмахнулся разочарованно Грэй, потеряв интерес к казалось было зарождавшейся гениальной мысли.

— Нет! — хлопнул ладонью по столу Майрис. — В поселениях нет сигнала, потому что все поселения мигрируют вслед за циклонами! Вот что рассказывал Дэн! Он же сидел в плену больше месяца и расспрашивал предыдущих пленников. Кваари переезжают вслед за циклонами!

— И ты хочешь сказать, что... — ошарашено вылупил глаза Грэй.

— Что вот поэтому все наши поиски ульев оканчивались неудачей. Рядом с границей их просто нет! А вот в той точке, в этом закрытом месте, под самым нашим носом, где мы не заподозрим — сейчас может укрываться нехилый передвижной пункт. А их неведомая глушилка — лишний повод для отвода глаз.

— Это надо проверить, — озадаченно заявил Грэй, выключая карту. — Послать мелкие корабли, возможно, полетать над самыми кронами. Никто не полетит сейчас наверх в те тучи.

— И если Дэн сейчас там, — продолжил свою неожиданную мысль Майрис, — если его перехватили на земле кваари...

Скрипнули по полу ножки стула, а задетый стол покачнулся. Майрис резко вскочил на ноги и решительно оперся руками о столешницу.

— Нам надо лететь туда!

— С ума сошел? — опешил Грэй, прижав хохолок. — Там сейчас закрытая зона. Никто не даст тебе права на вылет.

— Организуй учебный полет, — настаивал Майрис.

В таком решительном виде парень позабыл обо всех своих страданиях. Дело! Он придумал дело, которое не просто давало ему надежду на спасение друга, но и вообще могло оказаться очень выгодным ходом людей против кваари. Неожиданный ход на бесконечной шахматной доске. Одна проверка — и люди получают фору! Только бы согласился Грэй. Только бы понял всю идею.

— Твой самолет отследят с Базы! А если там и правда улей, то услышат чужие и собьют.

— Значит, я возьму самолет мельче и тише, — начинал злиться Пилот.

Ну, давай же серый, ты умеешь соображать быстрее! Пойми, что надо сделать и помоги!

— Там циклон! Тебя просто сдует! — зашипел Грэй и нервно стукнул хвостом по полу.

— Тогда... — Майрис на миг задумался. Как ему не хотелось этого говорить... А уж как не хотелось бы этого совершать. Но зародившаяся в его плане сейчас идея была единственным выходом при данных условия. — Тогда я беру ЭЛИС.

— Псих! — Грэй шустро вскочил из-за стола. — Это запрещено. Тебя собьют с Базы.

Майрис понизил голос и отчаянно заявил:

— В таком случае, воспользуюсь дистанционкой.

Как он говорил раньше сам? Красть самолет нельзя. Угонять ЭЛИС — тем более. А вывозить сверхсекретный самолет из святой святых Базы — самого Центра Управления — дистанционно вообще предел наглости и признак отсутствия ума.

— Пилот, не думай об этом, — умоляюще попросил Грэй.

— А почему? — навеселе спросил Майрис. — Это самый лучший вариант. Я долечу туда быстрее, чем на старых самолетах. Меня не успеют сбить с Базы. Я пройду над ульем незаметно, и мне в конце концов начихать на этот долбанный циклон. И в придачу — в самолете останется место для Дэна.

Грэй отчаянно взвыл и всплеснул руками. Из рта инопланетянина донеслась длинная непереводаемая транслятором фраза.

— И если там будет улей, — поднял указательный палец Майрис, — я окажусь прав со своей теорией, и База сможет прицельно нанести удар. Что... в некотором роде может смягчить мне наказание.

— Майрис, прошу тебя, — Грэй положил свои руки на плечи Пилоту и заглянул в глаза. — Ты хоть понимаешь, что это практически невозможно? Ты не украдешь корабль из-под носа охраны. Не пройдешь к пультам управления. Их, конечно, не охраняют так пристально, как сами самолеты, но любой проходящий мимо офицер пошлет тебя прочь с твоим званием. Тебе нечего там делать. И я не говорю о том, что будет, если тебя все же услышат кваари. Собьют корабль. А потом? Претензии Базе! Новый конфликт!

— Это нейтральная зона, Грэй, — спокойно заявил Майрис, даже не дрогнув. — Одиноким корабль имеет право там находиться, если не проявляет агрессии и не несет угрозы противоположной стороне. Я знаю порядки. Я вылечу без вооружения на борту. А вот если на меня нападут, то это уже будет их нарушение и нарушение права нахождения там. Потому что если они действительно поселили улей...

Грэй закрыл свою голову руками, не зная как еще отговорить парня.

— А что касается прохода к пультам управления, то ты поможешь мне, — твердо сказал Майрис.

— Я?! — инопланетянин ошарашено отпрянул и растопырил в возмущении хохолок. — Не надейся.

— Ты, Грэй, ты. Проведешь меня туда, отвлечешь, кого надо, скажешь, что ведешь к

тренажерам. Придумай!

— Меня же будут судить с тобой.

— Признаюсь, что взял тебя в заложники, отобрав твой персональный аннигилятор.

— Но почему ты считаешь, что мне это все надо?

— Потому, Грэй, что ты ненавидишь кваари и уважаешь это же чувство в Дэне.

— Подумаешь... будто мало вас таких — фыркнул инопланетянин не очень уж убедительно.

— А еще, — не закончил Майрис. — Потому что уже однажды ты полетел за мной в чужие земли. И только попробуй соври, что тот вылет был согласован, и после ты пожалел о содеянном хоть раз.

— Тогда не было войны, — бессильно заявил инопланетянин.

— А сейчас я сделаю так, что ее, может, и не будет.

Внушительное здание Центра Управления Полетами и одновременно Административный корпус располагался в самом центре территории Луна Гранты. Двухуровневое монументальное сооружение, казалось, могло выдержать даже ядерный удар, настолько крепким на вид оно смотрелось. Нижний уровень в форме усеченной пирамиды был увенчан кубическим сектором поменьше. Лицевая часть здания была плоской, и до самой высоты тянулось застекленное панно из непробиваемого материала. Обратная сторона многоуровневыми этажами выступала в сторону взлетных полос. Смесь металлоцемента и жаропрочного стекла. Торжество человеческой мысли в области ударопрочности. Огромный бункер и последняя линия оборона Базы. Ходили слухи, что глубоко под Центром Управления пролегали сети коридоров и множество залов с резервными пунктами связи. Такие здания были во всех Базах по планете и нередко служили людям для укрытия во время атак. Но только на Луна Гранте бункер и ЦУП был оснащен такой дивной по красоте диспетчерской вышкой. Круглый шар держался на тонком шпиле и всегда блестел в лучах солнца. Архитекторов мало беспокоило то, что с такой вышкой База становилась видна издалека. Да и не беспокоило это весь состав Луна Гранты. Ведь какой был смысл прятать то, о местонахождении чего знали все и свои и чужие. Намного лучше было в таком случае наоборот, демонстрировать врагу свою мощь и несокрушимость. Ведь База — это рубеж. И он ни в коем разе не должен быть сдвинут.

Майрис шел следом за Грэем небыстрым, но решительным шагом. Перед походом инопланетянин дал парню несколько указаний, заставил его переодеться, привести себя в порядок и строго приказал вести себя уверенно. Честно, Майрис пытался. Но от взгляда наверх на стеклянное громадное панно не удержался. С такого ракурса шар диспетчерской вышки самым краешком выглядывал из-за здания и отражал свет не хуже второго солнца.

— Куда вам? — строгий дежурный в холле преградил дорогу Грэю и Майрису и цепким взглядом изучал обоих.

— Крэг, ты чего? — изумился искренне инопланетянин. — Я же по делам.

— Ничего не знаю, серый, — хмуро покачал головой дежурный. Второй охранник за стеклом в соседней комнате насторожился. — К тебе одному претензий никаких. Но это кто?

Майрис, как обещал, даже не растерялся, а продолжал беспристрастно взирать на дежурного.

— Этот со мной. Нужен мне для консультаций по предстоящему вылету. Он Пилот. Участник вчерашних событий, — терпеливо пояснил Грэй.

— Я вижу, что не слесарь, — буркнул охранник, пробежав взглядом по всем значкам на куртке Пилота. — Мне надо снять его номер карты, а потом идите.

— Без проблем, — махнул Грэй, попуская Майриса вперед.

Парень знал, что данной процедуры не избежать, а потому послушно подошел к дежурному, повернулся к нему спиной и предоставил право пройти сканером по нашей пластине. С этого момента в компьютер ЦУП поступила информация о том, кто находится в здании. Нехорошо. Но и не очень плохо. Пока они с Грэем играли свою легенду, можно было не беспокоиться.

Потом дежурный пропустил обоих гостей вперед и, проходя мимо него, Майрис заметил на поясе у мужчины оснащенное парализатором оружие.

— Как тут серьезно, — шепотом сказал Майрис, заходя в лифт вслед за Грэм.

— Военный объект, — ответил сухо инопланетянин. С начала всей операции было не понять в каком настроении пребывал серый. Отвечал он односложно, сдержанно. Шутить перестал. Даже за хвостом установил отдельный контроль и старался не болтать им нервно из стороны в сторону. А то вот было бы обидно обоим проколоться на такой мелочи, как недовольно скрючивающийся хвост.

— А если бы ты был один? Или если бы пришел кто-то из старших офицеров. Как бы они действовали?

— Сенсоры карт стоят еще перед входом, — буркнул Грэй. — У офицерского состава карты другие. Их видят издалека, сканируют и пропускают без вопросов.

— Понятно, — мрачно отозвался Майрис и затих.

Лифт щелкнул на отметке «уровень 4» и открыл дверцы. Что находилось на «уровне 7» Майрис даже не стал спрашивать, разумно полагая, что седьмой уровень — это шарик диспетчерской вышки. А вот цифры от минус одного до минус шести парня заинтересовали куда больше.

— А что внизу? — поспевая за Грэм, спросил Пилот.

— Не знаю, — ответил тот.

— Как это.

— Мне не рассказывали.

— Но ты же имеешь предположения?

— Имею. Но это мои предположения, и тебе о них знать не нужно.

Вот так. Майрис разом понял, что с Грэм сейчас лучше не болтать о лишнем. Инопланетянин был недоволен, если не сказать больше — раздражен. Хоть он и улыбался приветливо офицерам по дороге, хоть кивал почтенно и отдавал воинское приветствие старшим по званию — отношение к Майрису у него держалось крепко обиженное.

«При том, что я возьму всю вину на себя, а ему даже суток в обезьяннике не достанется. Он же тут свой, как болт в обшивке. Решили же, что он скажет, будто ничего не подозревал, и что сделаем вид, будто я закрылся в отсеке. У него даже репутация не пострадает!»

О том, что пострадает его, Майриса, репутация, парень не хотел думать. Проскочила шальная мысль, что плевать ему на репутацию и дальнейшее служение на Базе, если он не вытащит Дэна из леса. Но за ней полезла и вторая — а что делать, если он действительно не вытащит напарника оттуда. Или что там уже некого вытаскивать. Оставалась последняя надежда — доказать местоположение улья в нейтральной зоне. А дальше хоть трава не расти. Это он будет виноват в гибели друга. За такое можно испытать любое наказание.

Грэй вскоре избавил Майриса от необходимости отдавать воинское приветствие всем без исключения, свернув в однообразных коридорах в боковой сектор. Офицеры хоть и смотрели на парня косо, но наличие инопланетянина снимало с него почти все подозрения. Мало ли, что они тут забыли. Когда Майриса с Дэниелом однажды «конвоировали» в кабинет Командира в соседнем административном корпусе, удивленных взглядов было и то больше. А тут что? В ЦУП народ являлся на дело. И не бумаги перебирать или нарекания начальства выслушивать, а действительно работать. Следить за кораблями, отправлять послания, слушать и анализировать сигналы. И, в конце концов — летать.

Целых два этажа здания были отведены в ЦУПе на терминалы беспилотников.

Объяснялась такая необходимость тем, что по старому опыту в каких-то случаях Пилотам невозможно было выйти на улицу. Конечно, существовали подземные туннели, соединяющие ангар со всеми общежитиями и Центром. Но иной раз плотная обшивка могла не защитить человека от радиации, перегрева или заражения. Поэтому чтобы наверняка сберечь умелых людей ЦУП был оснащен таким количеством терминалов, которое могло поднять в небо едва ли не все боевые единицы самолетов. От осознания такой возможности Майрис проникся особым уважением к конструкторам Базы. Это же надо — беспилотная армия против кваари! Только почему же так не делают всегда? Майрис был так удивлен, что спросил об этом Грэя, забыв, что тот обижен.

Но Грэй ответил и даже не проявил неприязни к вопросу.

— Потому что такая атака была бы не эффективна. Ты не слышишь всего, чего нужно. Не видишь всего, чего должен. Терминалы это не альтернатива, а средство последнего шанса. Можно вылететь на бой, но нельзя в этом бою победить.

— То есть все это нужно для простого ободрения Пилотов, дескать показать, что у них есть еще шанс укрыться под ЦУПом и вылетать на бой, сохраняя жизни? — изумился Пилот.

— Для ободрения — это верно. Но я сам сказал не точно. Дистанционно даже можно сражаться с большим успехом, но это надо очень хорошо чувствовать машину. А могут это не все.

— А я смогу? — спросил Майрис, начиная тревожиться.

— Не знаю, — после чего Грэй издевательски оскалился. — Но тебе же только слетать туда и обратно, да?

Майрис хмуро пробурчал ругательство и снова замолчал.

Тем временем Грэй довел их до «узла», как называлось это место, и обратился к скучающему оператору за стойкой, которого явно оторвали от просмотра какого-то фильма на его маленьком слайдере.

— Какой пульт сейчас свободен? — навалившись на стойку локтями, спросил Грэй. — Нужен стратосферный вылет на радаре.

— Чей приказ? — деловито осведомился оператор, лениво всматриваясь в свои мониторы.

— Мой, — щелкнул зубами Грэй.

— Цель?

— Поиск корабля в нейтральной зоне.

— Хм..., - борьбу лени с упрямством оператора можно было проследить на его лице от начала и до конца. Ковыряясь в экранах, он искал любой повод, чтобы отказать инопланетянину.

Несогласованные заранее вылеты здесь не любили. Хоть они и могли возникнуть неожиданно и быть очень срочными, все равно оператор на «узле» должен был провести проверку. Не основную, которой уже займется непосредственно оператор в диспетчерской, но беглую. Кто, куда и зачем. В идеале, конечно, было иметь назначение на вылет под электронной подписью старшего офицера. Или быть таковым. А поскольку Грэй по людскому табелю был целый майор — шансы на вылет у него были внушительные.

— А чего ж не на своем корабле? — нашел к чему придраться оператор.

— Потому что я не радар, а иной самолет там сейчас сдует, — терпеливо пояснил Грэй. Оператор еще подумал несколько секунд, потом решился.

— Четвертая ячейка.

— Спасибо! — счастливо заявил инопланетянин, бойко оттолкнулся от стойки и прошел вперед к полукруглому холлу, который заканчивался четырьмя механическими шлюзами. Назвать эти створки «дверьми» у Майриса язык не поворачивался.

Приложив руку к сенсору рядом с дверью, Грэй просветил свою ладонь и получил зеленый свет. Створки двери лепестками развернулись в пазы внутри стен и пропустили инопланетянина с Пилотом внутрь.

Ячейка представляла собой полутемное помещение с десятью навороченными электроникой креслами и стойкой компьютеров перед ними. За экранами сидели и при входе гостей подняли глаза двое молодых парней. Один из них, насколько знал Майрис, был штатным оператором, в должность которого входила работа со всей связью кораблей с Базой. Второй — в простонародье назывался системщиком. В его должности входил контроль над работой непосредственно самих пультов и их активация.

Грэй привел Майриса в сегодняшний дежурный сектор и, как успел рассказать парню, в соседних ячейках могли в данную минуту заседать другие Пилоты.

— Радар уже готовится к взлету, — лениво произнес оператор. Сообщение от коллеги на узле ему уже поступило.

— Ваш первый пульт, — вторил ему системщик.

Грэй проследил, чтобы створки двери закрылись и полностью отсекали их от узла. Только после инопланетянин обернулся и скорчил извиняющуюся морду.

— Простите.

Майрис получил условный сигнал и молниеносным движением достал из-под куртки выданный Грэем шокер. Два точных выстрела, и вот уже оператор с системщиком бесчувственно сползли со своих кресел на пол.

— По крайней мере, это сделал не я, — протянул печально Грэй.

— Я надеюсь, ты сможешь дальше активировать все сам? — аккуратно пересаживая парней в сторону на пол, спросил Майрис. — Обойти систему, активировать ЭЛИС.

Грэй посмотрел на Пилота как оскорбленный.

— Я не просто старший инструктор, — ответил инопланетянин. — А один из авторов программы запуска.

Майрис изумленно уставился на Грэя, но промолчал. Чего же он еще не знает о своем товарище? И как многое ему еще предстоит узнать. «Автор программы»... Да этой программе лет двадцать, не меньше.

— Садись за первый пульт, — рявкнул приказным тоном Грэй и стремительно кинулся к компьютерам.

Человеческие символы, панели, пункты меню... для Грэя все это было хламом. Набрав последовательность команд, инопланетянин зашел в консоль управления и первым делом заблокировал дверь в ячейку. Результата инопланетянину показалось мало, и, выставив свое оружие на минимальную мощность, Грэй прицельно расплавил оба дверных привода.

— Ты носишь с собой лазер!?! — в полном шоке прокричал Майрис, залезая в кресло и опуская визуализаторы дисплеев над головой.

Грэй игнорировал вопрос и продолжил сосредоточенно вбивать команды одну за другой. Со стороны могло показаться, что инопланетянин набирает хаотичный набор символов, а терминал отвечает на них таким же свихнувшимся беспорядком. Это не был набор иероглифов, как ожидал бы увидеть человек, но в том бардаке букв, чисел и служебных знаков Грэй легко читал информацию.

Вот инопланетянин нажал очевидную кнопку «ввод» и первый пульт, за которым сидел Майрис, вспыхнул синими огнями. Питание пошло на визуализаторы, засияли голографические экраны, заморгали объемные изображения на подлокотниках.

— Положи руки на кресло и сядь удобнее. Мне нужно провести калибровку, — произнес Грэй.

Майрис подчинился. И как только калибровка была завершена, его руки обхватили бесплотные голограммы реальных шарообразных рычагов, а под пальцами выросла из света привычная клавиатура.

— Это же полная имитация кабины ЭЛИС! — восхитился Майрис. — Оно может так воссоздать все, что угодно?!

Грэй снова не прореагировал. Он был полностью захвачен своим взломом системы. Ведь что такое запустить дистанционно самолет? Не отдать приказ на терминал техников, сидящих в ангаре и курящих на взлетке. Нет. Это влезть во внутреннюю сеть машины, пробить ее систему защиты, подать команду. А уж ЭЛИС, как никакие другие самолеты, был наиболее приспособлен к дистанционке. Но от этого имелись и дополнительные степени защиты. А если ломать самолет внаглую, то ему в последний момент могут просто перекрыть путь и не открыть ангар вручную. Поэтому все должно быть тонко, незаметно. Можно так запустить систему, что корабль даже не пискнет. А одновременно с этим открывается ангар, готовится взлетка... И тут еще Майрис задает глупые вопросы.

— Грэй? — заволновался Майрис. — У нас проблемы?

— Понимаешь, как работать с этой штукой? — сухо спросил Грэй.

Майрис задумчиво оглядел виртуальную кабину, на экранах которой отражалась взлетная полоса ангара, и проверил клавишу затенения. Нажимать на воздух было крайне неудобно, но повинуясь движению руки, виртуальная кнопка нажалась, а экран самолета чуть затемнился.

— Да, понимаю, — ответил Майрис, борясь с подступающей тревогой.

Сердце бешено колотилось. Отступить еще можно было, но тогда на них доложили бы вырубленные парни. Дальше только вперед. Но он был не готов. Совсем не готов! А ведь Грэй уже вводил последние команды!

— Готов? — выглянули большие зеленые глаза Грэя из-за мониторов.

— Не знаю, — честно признался парень.

— Тебе пятнадцать секунд на то чтобы вылететь за зону поражения зениток.

— А потом?! — в ужасе спросил Майрис, забывая, в общем-то, что любая атака его не заденет.

— Потом они распознают взлом и будут ломиться сюда.

— Выпускай, — скомандовал Пилот, пока еще сам не успел передумать.

И внешне ничего не изменилось. Все та же тишина в ячейке, нарушаемая гудением мощных серверов. Никаких скрежетов ангарных ворот, никакого рева двигателя. А так хотелось их сейчас услышать! Просто, чтобы сполна ощутить всю реальность происходящего!

Но Майрис заставил себя сделать первый рывок и дал в виртуальном кресле полный газ с одновременным отрывом от площадки. Благо ЭЛИС это умел. И хорошо, что он был почти беззвучен.

На экранах приближался выход. Четыре секунды. Майрис успел увидеть, растерянного служащего, пошедшего разбираться к воротам ангара. Человек отпрянул в сторону, а затем

его свалило с ног воздушным потоком. Пять секунд. Вперед, вперед! Ворота, отрыв! На круговых дисплеях развернулась небесная картинка и тонкая черта земли по самому краю. Нужно торопиться. Майрис услышал, как отчаянно защелкал клавишами Грэй и подумал, что, возможно, диспетчерская сейчас очень удивлена. Сейчас они должны проверить вылет. Еще пару секунд им на размышление и подтверждение. Пилот разгонялся все быстрее. Вот уже пройдена половина территории Базы. Во встроенных динамиках кресла звучали голоса операторов с диспетчерской. Грэй заглушал их, ставил помехи. Давай! Кажется, они уже поняли, что вылет не запланирован. В тоне диспетчера звучала угроза и приказ. Требовали развернуться. Ну конечно! Одиннадцать секунд. У них еще есть шанс развернуть защитные орудия из Базы. Интересно, а что они будут делать, когда он выйдет из зоны поражения? Пошлют следом еще корабль? А еще интересно, что же транслирует им Грэй?

Пятнадцать секунд. Да! Он вырвался! Теперь его не достать! Вот вам всем. Можно немного расслабиться. Грэй блокирует все обращения диспетчеров и держит контроль только за Майрисом. Но это все хорошо. Дальше ему надо думать над другим — как достать Дэна и как долететь до нужной ему точки.

Майрис вызвал на боковой дисплей карту и отметил свою цель маркером. На экране возникла виртуальная точка, и Пилот развернул машину в ее сторону. Далеко было лететь...

Но вдруг дверь ячейки позади закрипела и вспыхнула искрами. Их ломали! В диспетчерской мгновенно отследили, откуда шло управление, и выслали службу на перехват. Грэй оставил свое место и ринулся к двери, прихватив по дороге шокер. Он собирался отстреливаться? Ну, ему виднее. Пока это было хорошо. Дверь они держать могли. Намного больше Майрис сомневался в своих способностях увести самолет, если за ним отправят другого Пилота. Но ведь он на ЭЛИС? А насколько всем известно пределы скорости на нем еще никто не устанавливал... Это был шанс испытать машину, и Майрис поддался искушению. Всё поддавая скорости, он заставлял его нестись быстрее, приковывать сознание лихого Пилота к себе. Скорость манила. Пусть и на виртуальных дисплеях. Пусть таким обманом зрения. Но Майрису казалось, что он действительно сидит в кабине и разгоняет самолет до невероятной скорости. Восторг! Чистая радость! Опыняющее удовольствие. Сколько уже он так летел?!

Но вдруг, обходя все блоки Грэя, прорывая так тщательно установленную защиту, из динамиков кресла послышался писк вторгшегося сигнала, и искусственный голос огласил:

«Борт двенадцать! Приём! — и помедлив на долю секунды, проверяя информацию и считывая данные напрямую с пульта управления (что казалось невозможным) продолжил. — Майрис, ответь».

Настольный терминал истерично сигналил о перестрелке в здании Центра Управления. Да знаю я! Знаю, что там происходит. Одна за другой камеры отсека переключаются и демонстрируют мне всю картину происходящего. Вырубаю вой тревоги ударом кулака по кнопке. Теперь монитор просто истошно моргает красным сигналом.

— Сэр! — моя дверь рывком распаивается, и в нее влетает капитан. — Мы не можем прорваться к их пультам управления! Они заблокировали дверь и активировали защиту! И еще, господин полковник... — он почти задыхается после бега. — Грэй ведет по нам обстрел....

Разгневанно отрываюсь от своих мониторов и мгновенно разворачиваюсь на каблуках. — Они совсем с ума посходили?! Так обесточьте их сектор! Взломайте дверь.

— Нельзя, сэр! — натужно объясняет он. — В том секторе находятся еще около десятка пилотов. Если их обесточить, мы потеряем все корабли.

Сосредоточиться! Немедленно собраться и думать! Что еще можно сделать, кроме как отключить этих идиотов?

— Вы отследили, куда вылетел его корабль? — уже сдержанней спрашиваю я.

— К зоне F. Нейтральная земля. Туда, где мы вчера потеряли Пилотов, — тут же докладывает капитан.

— Живо к пультам!

И отпихивая его в сторону, я сам первым вырываюсь в коридор.

— Но, сэр! — капитан едва поспевает за моими широкими шагами. — У нас нет сейчас свободных Пилотов, кто мог бы пролететь в ту зону и сбить их! Там циклон! К тому же у него новая техника... Нам не догнать!

Естественно, вы ничего не можете сделать, иначе бы уже сделали. Пилот ушел в циклон, да еще на ЭЛИС. Кто же такой не дурак-то? Вырвался за пределы зениток. А ведь я приказал сбивать эти самолеты, если вылет не согласовывался! Упустили... Это сейчас он летит в нейтральную зону. А где гарантии, что через пару минут ему не взбрендит полететь к чужим? На секретном корабле! Когда мы вчера едва предотвратили войну! Что за проклятье на мою голову... И не моя команда виновата во всем этом инциденте, а я. Где-то я недосмотрел. Что-то упустил. Значит, и решать проблему придется самому. Хм, странно. Почему-то я даже этому рад.

— Я не собираюсь их сбивать, — дверь в сектор с кабинами с шипением отъезжает передо мной в сторону, и я вижу солдат, столпившихся вокруг двери в одну из ячеек. Как только кто-то попытался приблизиться и начать варить кусок приводов, через щель в него стреляли из шокера. Идиоты! — Для начала только узнаю, на кой черт они туда отправились.

— Вы?! — капитан встал, будто налетел на невидимую стену.

— Включить пятый пульт! — едва ли не на бегу отдаю я команду операторам в первой ячейке, пролетая мимо бранящихся солдат, усердно пытающихся открыть запертую дверь.

И почему мне так понравилась эта идея? Не знаю. Сколько лет назад мне было противопоказано садиться за пульт, а я вот лезу при первом удобном случае. Я же бессовестно доволен случайно предоставленным моментом. Но почему же так? Как знать. Потом буду разбираться. Сейчас важно не терять ни минуты.

Операторы и системщик в ячейке отреагировали быстрее молодого капитана, и мой приказ был лихорадочно исполнен сию же секунду.

Полетели на пол ненавистные кожаные черные перчатки. Без раздумий, с какой-то особой давно подзабытой яростью я расстегиваю защелки своего кителя и, не глядя, кидаю его в руки капитану. Туда же за ним следует белая рубашка и кобура. Части давно забытого ритуала.

— Присмотри, — успеваю сказать я капитану, прежде чем в одних брюках и нательной майке сесть в кресло пилота.

— Но... вам же нельзя! — вылупил глаза парень, будто при нем сейчас вот-вот свершится чудо.

Одна за другой щелкают клавиши пульта. Мои пальцы привычно касаются нужных панелей, запуская технику и активируя режим беспилотной связи с другим кораблем ЭЛИС. Эх, не мой это самолет, совсем не мой. Чужой кажется вся приборная панель. Хотя, какое к черту это имеет значение!

— Корабль 27, сектор В подключен и готов к взлету! — оповещают операторы со своих пультов.

Свободные из них, уже не таясь, прячась на меня. Так и недолго почувствовать себя динозавром, таким раритетом, вышедшим на дорогу во всей своей запыленной рассыпающейся красоте.

— Принято, — отвечаю я, опуская мини-экраны над головой перед глазами и запуская картинку.

Темное помещение, заполненное проводами и гудящей радиаторами охлаждения техникой перестает существовать для меня. Мир вокруг наполняется светом огней голограмм.

Однако... Привычки не забываются. Спинай через тонкую майку я ощущаю, как ток пронизывает напичканное электроникой кресло, ладони предательски холоднеют от давно подзабытых ощущений. Капитан хотел увидеть чудо? Чудо, о котором знал, но всегда боялся спросить напрямую? Лучше бы никогда не видел...

Руки привычно ложатся на сенсорные подлокотники, и ладони тут же окружают голограммы рычагов и джойстиков. Но я не берусь за них. Мне это не надо. Едва заметные волокна, как тонкие блестящие нити, вырастают от рук к сенсорам, подключая меня напрямую к машине. Погружение.... Я закрываю веки и не смотрю на экраны — я вижу картинку своими глазами. Контакт, соединение — сознание ныряет все глубже в электронную неизвестность. Я люблю представлять это туннелем. Бесконечной скважиной с сотней огней, куда я уношу свое естество в погоне за новым телом. Миг — и вот уже множество датчиков корабля проецируются на все мое тело, и я чувствую себя во много раз больше и массивнее. Мысль — разгон двигателя. Непривычный аппарат. Слишком резвый для моего старого духа. Другая мысль — поворот. Будто тысячи мельчайших чешуек встали дыбом и развернулись по ветру. Я делаю рывок всем сознанием и ныряю во взлет. Гул поднимающийся от потоков воздуха мне неведом, но я домысливаю его, как нас учили на инструктажах, чтобы неглохнуть от абсолютной тишины. Машины не слышат. Но, как ни странно, чувствуют боль. Все мои нервы сейчас просто натянуты от напряжения каждой детали, сплюсчиваемой перегрузкой, смертельной для человеческого тела без скафандра. Я не вижу. Но электронная картинка, восстановленная датчиками, преобразовывается и высвечивается у меня прямо на глазах. Какие к черту экраны с указателями боезапаса? Я ощущаю их нехватку как собственный голод. Разве мы, «второе поколение», чудо научного прогресса? Или же, все-таки, неудачный садистский эксперимент? Не знаю. Я отдал бы все, чтобы лишиться себя возможности ощущать мощь ревущего под брюхом двигателя, его тягу и легкость с которой можно лишь дрогнуть пальцем, послать сигнал от мозга и развернуть летающую махину в воздухе. Я отдал бы все, чтобы выдернуть из тела эту чертову встроенную интересеть, делающую наше поколение раритетом в кругу новых Пилотов и убивающую ежеминутно изнутри, при этом заставляющую проживать десятилетия в наблюдении падения человеческой расы. Я бы отдал все, но я не расстанусь с этим по своему желанию. Хоть иногда, хоть во вред здоровью, мыслью ли или телом — но в небо. Ведь когда еще можно ощутить себя ТАК.

Сквозь облака, минуя щекочущие обшивку грозовые тучи, я постепенно нагоняю молодого Пилота. Мой корабль слушается легко, хоть и непривычно. Действительно, создатели потрудились на славу. Новая птичка скользит по небу с грациозностью и маневренностью рыбы в воде.

«Борт 12, приём» — я обхожу сигналом каналы всех Баз, транслирую узкий поток и посылаю передачу напрямую второму кораблю. Потом решаюсь пойти глубже и по обратному каналу через его самолет вернуться на Луна Гранту, в Центр Управления, в нужный сектор к четвертой ячейке и первому пульта. Кто же ты, лихой Пилот? Дурак, посмевающий стащить у меня из-под носа лучший корабль. Я считываю информацию с его пульта напрямую и удивляюсь. Так это ты?! — «Майрис, ответь».

«Не надо пытаться мне мешать. Я должен долететь до Улья и вытащить оттуда своего напарника».

Машины не умеют передавать эмоции, но я чувствую по колеблющейся громкости звука его тон. Парень на грани паники. И естественно ему неоткуда узнать мой голос.

«Какого Улья?» — а вот это главный вопрос. Если парень знает больше, чем я, возможно, я не буду его сбивать. Ведь так не хочется.

«У меня есть подозрения, что в нейтральной зоне под центром циклона находится передвижной Улей. Они глушат сигнал и приближаются к границе. Всегда глушили».

А вот это уже интересно. Я втягиваю в себя обратно приготовленное оружие, но не спускаю его с прицела. Улей в нейтральной зоне? Что-то новое. Если пацан сможет это доказать, то он достоин будет благодарности. Если Улей там, его встретят чужие. А если не встретят, то я, чего уж мелочиться, пронюхаю обстановку и осмотрюсь. Главное не пускать этого бойца к границе. А до тех пор, пусть себе летает под моим прикрытием. Ну а что мне следует еще с ним делать? Бездействовать и смотреть, как гибнет корабль и потенциальный пассажир в нем? Конфликта с кваари нам уже не миновать, так хотя бы тогда я сделаю все, что в моих силах, чтобы мы победили в этом раунде.

«Лети. Я прикрою тебе отход», — формулирую я мысленный поток импульсов как можно яснее.

Он хотел ответить что-то. Помехи его эмоций пробежали волной по моим радарам, но сдержался в последний миг, не утратил контроль над ситуацией и удержал свой корабль ровно. Несмотря на вихри, не сбиваясь с курса в грозowych тучах. Молодец, пилот, твой напарник хорошо успел обучить тебя.

Я разгоняю свой корабль быстрее и вырываюсь вперед, чтобы отвлечь на себя внимание вражеских сенсоров. Будь на моем месте обычный пилот, адреналин хлынул бы ему в кровь, оседлал эмоции и снизил бы скорость управления. Я же не ощущаю ничего. Порыв — ветер заставляет мелко вибрировать крылья. Разворачиваю маневровые пластины — ухожу в крутой вираж и снижаюсь. У машин никогда не происходит сбоя с вестибулярным аппаратом. Я лишь осознаю по гироскопу, что над моим верхним покрытием земля.

И вот оно, долгожданное чувство тревоги, сообщающее мне, что наши корабли засекли. Попались! Развернуть все радары в ту сторону, мгновенно просчитать число вылетевших на перехват кораблей, переключить энергию на боковые щиты.

«Не задерживайся и снижайся за напарником. Его маяк будет слышен на высоте в сто метров. Даю тебе пять минут».

«Принято!» — отвечает мне Пилот и ныряет к земле, где еще через мгновение блестящий корпус корабля скрывается в гигантских зарослях папоротников.

А вражеские корабли тем временем разлетаются, готовые окружить меня.

Хотите узнать, с кем имеете дело? Хотите понять, что этот бой для вас закончится ничем? Хотите узнать, что такое старая школа пилотирования? Чтож.

...Как давно я мечтал об этом...

Реверс на полную мощность. Практически мгновенная остановка с полной скорости до нуля, разворот в скольжении, корректировка боковыми двигателями и выстрел с опережением. Такое не повторить человеку в кабине. Так тонко не смог бы отработать маневр ни один современный Пилот с пульта. Им не понять в какую долю секунды подобрать «рули» и как загасить двигатели не более чем для опрокидывания машины. Две ракеты сорвались с креплений под обшивкой и, сверкнув, устремились к целям. Конец дипломатии. Хватит уже церемониться. Боковой разворот на месте, наклон без качания, пропустить под крылом вражеский кислотный плевок. Снова выстрел. Уже позади меня толкнуло взрывной волной от первых двух целей. Вторые столкнулись друг с другом в маневре. Я мгновенно срываюсь с места, убираю на миг всю тягу, многотонным грузом ухожу под корпус другого корабля, выныриваю и поджигаю его хвост гравитационным полем маневровых пластин. И дальше снова выстрел, уклонение, крен... Так люди не летают. Боюсь, даже конструкторы не предполагали, как умеет летать их самолет. Но я доволен. И моя машина довольна. Да, она чувствует это все вместе со мной. Воздушная груда железа, напичканная лучшей электроникой, умеет чувствовать. Она счастлива, что вылетела в бой со мной, и просила, чтобы я испытал ее со всех сторон. Что ж, друг мой, посмотрим, на что ты еще способен. Идеальная бочка на месте, и мой противник падает вниз, не успевая зацепиться паучьими лапами за корпус. Сбить ли его? Нет, лучше поиграть. Потому что мы с кораблем так хотим. С ускорением снижаюсь вниз и на долю секунды даю мощный импульс тяги под брюхо. Незадачливый чужой, как от пинка стремительно летит к земле сбитой мухой и проваливается в заросли. Ну что? Есть еще желающие? Кажется, в начале вас было меньше. А что мне? Я лишь счастлив и дальше исполнять танец. Мой воздушный танец смерти. Где пропадает направление и гравитация, а есть только густой воздух и заклятые враги.

Когда Дэниел рассказывал Майрису о некоем Пилоте на его старой Базе, парень не представлял себе, как можно «летать как Высший». Он видел асов, выделяющихся в небе такое, отчего у зрителей захватывало дух и кружилась голова. Он знал, что существовали люди, способные чутя машину, как вторую одежду — настолько сроднились они с техникой. Это считалось талантом. Но вылетая с напарником на борту из леса, Майрис не думал, что увидит Такое. Нет, этот Пилот не летал как Высший. Майрис сказал бы, что он летал как Демон. И машина не была ему второй одеждой. Она была ему второй кожей. Враги просто не успевали сосредоточиться на своей единственной жертве — так мгновенно и неожиданно он уходил с их линии огня.

Где-то в ячейке сбоку жалобно скулил Грэй, явно подсмотревший зрелище на экране.
— Что ты наделал... — изредка переводил некоторые фразы транслятор. — Быстрее домой... Быстрее... Так нельзя.

Майрис дал полный ход и наобум послал невидимому Пилоту сигнал.

Человеческое «включилось» во мне вновь, когда Майрис передал сигнал об отходе. Пилот поднял свой корабль и понесся к облакам, значительно медленней, чем мог бы. Это означало, что внутри сейчас настраивались комфортные условия для его напарника.

А ведь я почти успел разглядеть во всей своей игре расположение Улья!

В итоге я срываюсь следом, продолжая отстреливаться и сбивать сигналы, путать вражеские каналы связи, засорять их техническими помехами и свистами. Но с такой

скоростью я чувствую себя медлительной груженной валунами черепахой...

...Резкий удар в корпус и меня закрутило в воздухе. Всего одна мысль о живом, и я уже теряю хрупкий контроль! Связь с кораблем начинает таять. Будто немеют конечности. Нужно снова погрузиться. Представить туннель... Немедленное подключение! Концентрация! Необходимо выровнять машину и перенаправить радары, чтобы не получить новых повреждений... Я пытаюсь изо всех сил. Где-то в моем настоящем теле я с силой стискиваю зубы и больно впиваюсь ногтями в ладони.

«Некорректное системное подключение! Пожалуйста, выполните переидентификацию» — вклинивается меж мной и сигналами машины услужливый женский механический голос. — «...Выполните переидентификацию. На время вашего отключения система активирует автопилот».

Что?! Не смей! Нет. Отмена. Отмена, гребаная ты нанотехника!

Но тупая, как таран, программа автопилота вклинивается поверх моего управления и вытесняет меня прочь. При этом я все еще остаюсь подключенным ко всем датчикам и частям корабля. словно к дальней от выхода стенке прижали. Я не могу сменить курс, не могу вмешаться, не могу даже отключиться! Мою машину... Мое тело насильно ведут, сковав волю.

Во времена, когда наше «второе» поколение пилотов было ведущим, на корабли никогда не ставили программу автопилота, зная, как не вовремя она может подключиться. Да и сейчас — этот удар, это попадание, сбilo тонкую настройку и коротнуло в мозгах системы программу запуска автопилота. Даже винить в этом некого... Но авось спокойно долечу до Базы таким образом?

Новый удар и мое неподвластное вмешательству тело бомбит вражеский плевок кислоты. Как же чертовски больно! всю спину начинает дико жечь и уже мой мозг не справляется и подает ложные сигналы. Проклятье! Мне повредили центровку, и я начинаю заваливаться набок. Воздух будто теряет плотность. Пораженное крыло режет пространство, а второму не хватает сил выправить машину. Еще этот автопилот... Будь я в состоянии контролировать процесс я бы знал, как выровняться! Хвостом ли, носом, да плевать! Я бы развернулся набок и повис на одном крыле, но долетел бы. Но земля уже рядом. Этот папоротник... Страшно обожгло новым выстрелом визоры. Как бы глаза в родном теле не пострадали. Ломаются о стволы деревьев крылья, мне будто выворачивает руки. А автопилот... Если я не отключусь немедленно, то болевой шок может быть настолько сильным, что...

Удар сминает тело.

— ...отсоединяйте оттуда!

— ...вытаскивайте и кладите! На пол, куда же еще!

Голоса операторов и техников начинают долетать до слуха. Кажется, я на грани. Боль настигла меня. Но если слышу, значит, меня все же отключили полностью. Успели. Неужели. Человеческое восприятие начинает постепенно возвращаться. Интересно, все ли во мне цело? Почему же я проваливаюсь дальше?

— Медиков в отсек! Живо!

Чьи-то руки начали неистово делать мне массаж сердца. Холодная мелкая игла пронзила кожу на шее и впрыснула препарат. А меж тем я с нарастающей паникой в угасающем сознании понял, как глухо и пусто в моей груди. Как множествами мелких разрядов щекошет кожу от неправильно отключенных волокон интерсети.

— Где же медики?! Мы теряем его!

Нет, так сердце им не запустить... Их не учили, как обращаться с такими, как мы... А силы есть всего на одну попытку. Я уже слишком глубоко.

Прислушаться к телу, почувствовать сосредоточение тока. Этот беспорядочный хаос. Причина в нем. Нужно перезагрузить интерес. Вытянуть руку, заставить себя пошевелить ею. Сантиметр за сантиметром... ее почти невозможно поднять с пола, но, если я прав, то и не нужно. Если я правильно помню.

Кончики моих пальцев коснулись обмотки толстого кабеля, подключенного к креслу пилота, и страшная искра пронзила мое тело насквозь. Ярko сверкнули плафоны, мигнули и погасли экраны операторов, заглохла система вентиляции. Искра пробежала по всей интереси моего тела, оживив каждый нерв, восстановив начальные установки, вернув все на нулевой «отключенный» этап, скользнув по мышцам и запустив сердце. В углу хлопнул и взорвался плафон, рассыпав искры на пол. Но... По крайней мере, я себя спас.

— Ну как он?

— Лучше. Состояние стабильное. Но все равно организуйте сюда носилки.

— Капитан! Поступило сообщение, что борт 12 прибыл на базу. С ним в кабине один спасенный.

— А тот Пилот в соседней ячейке?

— Отключился от пульта и согласен выйти безоружным.

— Задержать его, серого, а также и спасенного в придачу! Посадить под наблюдение до трибунала. Они ответят нам за весь этот бардак...

Женский голос мягко вкрадывается в тишину. Пустота уходит. Я чувствую тепло ее руки на своей ладони.

— Что ты видишь?

Отвечать не просто. Еще сложнее понять, что действительно надо ответить.

— Я вижу сон.

— А во сне?

— Огонь.

Ее рука чуть тревожнее сжимает мою.

— Много?

— Повсюду.

— А если я скажу, что это камин?

— Тогда оно не кажется столь страшным.

Она улыбается. Я понимаю это по легкой окутавшей меня теплоте.

— Это твой огонь.

— Он часто снится мне.

— Я знаю.

— Но я не боюсь.

Вот так. Это действительно так.

— Потому что ты им управляешь?

— Не знаю.

— Не знаешь?

— Мне кажется.

— Так управляй.

Я удивляюсь даже во сне и смотрю ей в большие добрые глаза.

— Как?

— Как самим собой.

— Подъем, шпана, к вам посетитель.

Отсек изоляции, или в простонародье, обезьянник, находился на нулевом этаже административного корпуса и выглядел довольно прилично. Само наличие этого места на Базе у кого-то могло вызвать возмущение и всплеск антигуманного настроения. Но практика показывала, что обезьянник большее время пустовал, и случаи, когда в него сажали людей, а уж тем более обитателей Базы, можно было пересчитать по пальцам. Наиболее частыми гостями отсека изоляции были пленные чужие, но и эти времена давно прошли, потому что по общему мнению было решено — допрашивать кваари бесполезно. А чтобы их изучать и проводить опыты, объект должен был находиться на территории медцентра. На том и остановились.

Майрис с Дэниелом по привычке встали с лавочки, готовые к встрече любого гостя. Грэй остался восседать в углу, уныло скорчившись, и не подавать признаков заинтересованности.

Металлическая решетка в общем коридоре звякнула замками и открылась. По коридору пронеслись шаги нескольких человек. И уже вскоре к зарешеченной камере подошел мрачный охранник и уже знакомая парням женщина, сегодня одетая в строгую серую рубашку мужского покроя и светлые брюки. Невысокие каблуки ее туфель слабо цокали по полу.

— Оставьте нас? — обратилась она к охраннику, и тот, не отвечая, кивнул и ушел обратно к двери.

— Миледи, я... — растерянно начал Майрис.

— Не надо, — остановила она их, подняв руку. — Поздно уже извиняться.

— Как он? — тяжело спросил Дэниел.

— Плохо, — честно ответила женщина и вздохнула. — Никогда не думала, что когда-то скажу такое. Но это вы во всем виноваты. Если бы не вы, он бы не полез туда геройствовать.

— Но мы же не знали, что он пойдет следом, — жалобно выдавил Майрис.

— Не знали, что он один из «Вторых», — продолжил Дэниел.

— Это вас не оправдывает, — твердо, но в то же время с огромным спокойствием ответила женщина. — Вы подвергли опасности не только себя, но и вынудили вмешаться других. Посмотрите, что стало теперь. Он уже не настолько в хорошей форме, чтобы входить в контакт с техникой. С каждым разом все сложнее. И все большая требуется реабилитация. Это больно. Но все же он рискнул и полез спасать вас. Цените хотя бы это.

Очень живо Дэниелу представилась картинка больничной палаты, а в ней, за стеклом, подключенное к капельнице тело. В окружении аппаратов и электроники, тщательно изолированной и расставленной подальше от кровати. Дэниел виновато сплотнул и отвел взгляд от женщины. Он не знал, что сию же секунду, Майрис видел такую же картину.

— Мы можем чем-нибудь помочь? — спросил Майрис.

— Нет, — покачала головой женщина. — Вы и так сейчас под стражей. А после того, как он выйдет, он сам решит, что с вами делать.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Прошу всех встать. Суд идет, — грянул в маленьком зале суда голос помощника.

Скрипнуло несколько стульев, отодвинулась лавочка. Пятеро членов суда и немногие присутствующие поднялись со своих мест.

Сухой пятидесятилетний мужчина с лицом коршуна прокашлялся и возвестил:

— Провозглашается приговор. Военный суд рассмотрел дело по обвинению Майриса Рэдсона, Дэниела Лорэнса и серого под идентификационным номером 545 в совершении преступлений по статьям уголовного кодекса человеческой нации. Юридическим органом Пограничной Базы Луна Гранты было предъявлено обвинение в том, что 26 июня 2106 года лейтенант Лорэнс находился на боевом задании в состоянии легкого алкогольного опьянения, что привело к быстрой потере координации, неадекватной реакции на указания напарника и как результат — к крушению. Далее, 27 июня 2106 года лейтенант Рэдсон, пользуясь поддержкой серого № 545, совершил нападение на сотрудников Центра Управления, взломал внутреннюю сеть Базы и выкрал особо секретный образец техники, не разрешенный для полета вне зоны Луна Гранты. Затем, телеметрия показала, что угнанный корабль был исправен и помех в связи не существовало, что доказывает неподчинение Рэдсона прямому приказу высшего руководства и намеренное невозвращение на Базу. В результате сложившейся ситуации был подвергнут опасности Пилот, прикрывающей отход Рэдсона из зоны противника, обострена ситуация с дружественными силами кваари и поставлена под сомнение секретность технологий. А также, серый № 545 обвиняется в добровольном содействии Пилоту Рэдсону в проникновении в здание Центра Управления, взломе внутренней сети Луна Гранты и оказании вооруженного сопротивления охране. Суд исследовал материалы и пришел к выводу, что совершенные действия могли повлечь за собой конфликт человечества и кваари, привести к гибели обслуживающего персонала и вызвавшегося на помощь Пилота. При назначении наказания суд учитывает важность полученной в ходе вылазки информации о нахождении противника в нейтральной зоне, а так же безупречную ранее репутацию всех участников действия. На основании изложенного федеральным законом западно-европейского Полиса военный суд приговорил Дэниела Лорэнса, Майриса Рэдсона и серого № 545 признать... виновными по указанным статьям обвинения и назначить наказание в виде десяти лет ссылки в колонию сибирского округа.

Едва уловимые шорохи и тяжелые вздохи пронесли по залу. Отчаянно скрипнул зубами Дэниел. Одними губами выругался Майрис. А хвост Грэя плетью упал на пол.

— Приговор обжалованию не подлежит.

— Грэй! Эй, Грэй, просыпайся. За ними прилетели.

Майрис аккуратно растолкал инопланетянина за плечо и заготовлено отскочил в сторону. Но если в прошлый раз тонкий хвост больно саданул Пилота по рукам, то сейчас он даже не вздрогнул. Грэй тяжело разлепил большие глаза и печально поднялся на ноги. С момента оглашения приговора инопланетянина будто подменили. Он почти не говорил, был вял и печален. Даже Майрис и Дэниел были чуть живее, хотя вот, казалось бы, кому на всю жизнь сломали карьеру — так это им.

Дэниел был просто зол. Все свои благодарности за спасение он уже успел высказать напарнику, и теперь любое воспоминание об этом благородном жесте вызывало у Пилота только сарказм. Доспасались. Худшего сценария просто нельзя было придумать. Карьера летела к чертям! Половина личных сбережений ушло на возмещение ущерба за взлом техники и дверей ангара. Просто-таки мечтать можно было о такой судьбе! Колония... Такое извращенное унижение для Пилотов еще надо было придумать. Да они не проживут там и

десяти суток на чужой земле. Какие там годы? Куда смотрела разведка? Почему так условно снизили наказание юристы? Ведь после возвращения Пилота на Базу и заточения их троих за решетку, Луна Гранта нанесла точечный удар по улью и спасла себя от атаки. Разве этого было мало, чтобы оправдать их? Колония — это как смертная казнь для людей. Особенно для Пилотов. Где был Командир, когда им выносили приговор?

Этим вопросом чаще всего задавался Майрис, сполна ощущая на себе вину за случившееся с командиром Базы. С момента прихода к ним его жены, больше новостей о здоровье Джейкоба не поступало. Майрис боялся худшего. Ведь Командир не появился на суде. Его не видели охранники. А офицеры просто молчали. Майрис боялся. Мысли о ссылке мало занимали его, как и мысли о своей потерянной жизни и испорченной репутации. Важнее всего ему было узнать, что с Командиром все в порядке.

И когда за троицей явилась охрана, лишь Грэй пришлось вытаскивать из камеры силком. Майрису показалось, что инопланетянин напуган, о чем тут же шепнул Дэниелу. И уже вместе парни взяли товарища под руки и повели к вертолету.

Громко хлопали лопасти, готовые поднять вертушку в любую минуту. Сильный ветер бил в лица и обвиненные вынуждены были прикрывать глаза. Намного комфортнее себя ощущала охрана в бронированных прозрачных шлемах и конвоиры, вышедшие из вертолета. Двое солдат в черной защитной форме, непрозрачных шлемах и при миниатюрных наручных автоматах.

Когда троицу подвели к вертолету, один из солдат открыл им дверь, помог каждому забраться внутрь и пристегнул наручниками к пассажирским ручкам. Сдав последнего заключенного, охранники Базы заметно расслабились и повеселели. Теперь эти парни были уже не их заботой. Больше не надо было соблюдать формальности, и один из охранников сочувственно махнул рукой Пилотам.

Первый солдат в черном удалился в кабину к пилоту вертолета. Второй остался с заключенными, закрыл дверь и демонстративно положил автомат на колено, не выключая его из боевого режима. Лопасти заработали с удвоенной силой, и с мягким качем вертолет оторвался от земли.

Майрис выглянул через плечо в овальный иллюминатор и вздохнул. Луна Гранта исчезала под брюхом их транспорта, и Пилот попрощался с ней будто в последний раз. Все же База стала ему вторым домом. Все же тронуло его что-то в душе, и эта война людей и кваари стала так же Его войной. Майрис переживал. Искренне переживал за оставшихся внизу людей, которым грудью предстояло защищать границу и Полис от ежедневно пробирающихся чужих. Ведь он мог бы еще долго служить. Как и Дэниел. И вместе они продолжали бы быть отличной командой. Возможно, даже стали бы лучшими. А Грэй был бы у них третьим в звене! Ах, какая бы вышла слаженная команда. Да только не бывать этому уже никогда. Вряд ли после срока их возьмут на Базу. Да и разучатся они быть такими. Станут возрастными мужиками, годными разве что на радар или бомбардировщик. А ЭЛИС для них уже потерян... Прощай, Луна Гранта. Ты научила нас бороться.

Через двадцать минут даже сверкающая вышка Базы стала маленькой точкой на горизонте и вскоре пропала из вида. Мощные современные двигатели быстро уносили вертолет прочь. Звукоизоляция в кабине была отменная, и троица вполне могла разговаривать, почти не повышая голоса. Да только говорить всем ничего не хотелось. Мрачный тип в черном шлеме не сводил взгляда с заключенных. Пилоты были отгорожены от заключенных толстым бронированным стеклом. Иными словами, обстановка становилась

все тяжелее с каждой минутой.

— А ты, Грэй, мог бы и радоваться, — хмуро высказал Дэниел, подперев голову руками в наручниках. — Все же домой едешь.

За весь день ни проронивший ни слова инопланетянин тяжело вздохнул и закрыл глаза.

— Они выбрали наихудшее для меня время для ссылки, — ответил его транслятор.

— Почему же? — буркнул Дэниел.

— Сам увидишь, — многозначительно махнул рукой Грэй.

С момента заключения только инопланетянин остался в своем родном специальном комбинезоне. За все время знакомства Майрис успел только узнать, что эта особая ткань как-то поддерживает внутреннюю температуру инопланетянина. И если лишить Грэя его одежды, то довольно быстро он замерзнет и как самое обычное хладнокровное может впасть в кому. Самого же Майриса и Дэниела давно переодели в серые мышинного цвета костюмы, делающие парней неспособными к выживанию в любых других условиях, кроме городских.

— Мне кажется, тебе это нужно, — неожиданно раздался механический бас конвоира через усилители в шлеме.

Майрис с Дэниелом практически одновременно вздрогнули и обернулись, а Грэй удивленно приоткрыл один глаз.

Не вставая с места, солдат протягивал инопланетянину ободок серебристого транслятора. Еще недавно смотрящий на заключенных автомат теперь был переведен в режим ожидания и смотрел в сторону двери. Грэй настороженно приподнял хохолок на загривке, осторожно протянул руку и принял ободок. Парни смотрели на это с не меньшим удивлением.

— Поменяй, — сказал солдат не приказным тоном.

Грэй послушно снял свой транслятор и надел на голову новый. Нажав пару миниатюрных кнопок, включил устройство и видимо что-то произнес на родном языке. Потому что устройство пискнуло, настраиваясь в первый раз на диалект, и затем чистым женским голосом перевело:

— Зачем? Я и так была довольна.

Услышав свой новый голос, Грэй резко закрыл ладонями динамики и чуть ли не с обожанием уставился на солдата в черном шлеме.

— Это что еще за дурацкая конспирация? — мрачно спросил Дэниел, скривившись от не привычки.

— Это... — голос Грэя был не просто женским. Девушка, однажды озвучивающая данную версию, была явно молодых лет и доброго нрава. По сравнению с прошлым голосом, этот новый был просто перезвоном колокольчиков. — Это мой привычный голос.

Казалось, версия была настолько хороша, что даже умела передавать эмоции. И если транслятор не врал, что было маловероятно, то Грэй даже запинаясь от восторга.

Дэниел удивленно вылупил глаза и не нашелся, что сказать. Майрис наклонился вперед и выглянул из-за плеча напарника.

— Грэй, а Грэй... — начал он неуверенно. — Это что же получается? Ты... Женщина?

Инопланетянин светился от радости и, казалось, хотел теперь болтать без перерыва.

— Смотря, что ты подразумеваешь под этим словом, — с улыбкой сказал он. — К примеру, к кваари ваш человеческий термин не применим, потому что наличие женщины подразумевает существование второго и только одного пола, в то время как кваари отличаются как от вас, так и от нас наличием трех...

— Стой-стой! — замахал руками в цепях Майрис. — Я хочу сказать — ты продолжатель рода в своей расе и ты можешь рожать потомство?

— Ну, — протянул Грэй игривым тоном. — В таком случае да.

— А почему же ты раньше не сказал! — воскликнул то ли с возмущением, то ли с изумлением Майрис, потом задумался и добавил тише, — сказал-а...

— Так вы и не спрашивали, — засмущался инопланетянин.

И как-то так случилось, что все трое почти разом обернулись на солдата с неммым вопросом в глазах. Продолжая сидеть смирно, конвоир снова заговорил механическим голосом:

— Ее зовут Грэйс.

— А ты-то откуда знаешь, — недовольно шикнул Дэниел, но инопланетянин остановил его рукой.

— Ты не мог бы убрать затенение шлема? — подозрительно спросила Грэйс, по-птичьи наклонив голову и прищурившись.

Какие-то секунды солдат медлил, и Майрису казалось, что он улыбался. Так хитро, как уже когда-то виделось Пилоту. И в этой улыбке было торжество. Главная роль в придуманном им спектакле. Вот только кто же актер?

— У вас не только гайки из самолетов сыпятся, — пробасили усилители, а затем солдат неторопливо стянул с головы массивный шлем. — У вас, я смотрю, вся система к чертям летит.

— Райнер! — воскликнула Грэйс и если бы не прикованные к сидению руки, кинулась бы солдату на шею.

— Привет, подруга, — добродушно улыбаясь, сказал старый знакомый.

— Но! Какого черта? — заикаясь от волнения, встрял Дэниел. — Почему ты?

— Ваш командир попросил меня сопроводить особо ценный хвостатый груз, — все еще едва заметно ухмыляясь, честно ответил Райнер и галантно кивнул в сторону Грэйс.

— Так с ним все в порядке? — мигом оживился Майрис.

— А что ему будет, железному-то, — закатил глаза пехотинец.

— И ты приезжал на Базу? — в свою очередь выдала вопрос Грэйс.

— Нет, конечно! Он мне позвонил. Правда, опять чуть голову не взломал, — задумчиво почесал затылок Райнер.

Грэйс издала подобие довольного урчания, а ее транслятор тихо перевел: «Он умеет».

— Так, значит, мы спасены! — хлопнул в ладони Дэниел и оглядел своих попутчиков. Майрис с Грэйс веселья не поддержали, но подозрительно покосились на Райнера. Продолжения не могло не последовать.

— Эм. Нет, — осадил Дэниела пехотинец. — Я бы не назвал это спасением. Скорее, вы привлекаетесь на новое задание.

— То есть?

Вопрос прозвучал прямо и конкретно. И все присутствующие осознали, что черед восторгов и вступлений пройдена, а сейчас настал момент раскрывать все карты. Вся дружная команда осужденных приковала свое внимание к Райнеру, а пехотинец сбросил с себя прежнюю веселость и выпрямился в кресле.

— Ваш командир уже давно ведет свою отдельную игру на фронте.

Майрис не пропустил мимо ушей особое отношение их нового знакомого к Джейкобу. Как-то чрезмерно старательно он выделял акцент на слове «ваш командир».

— Иногда ему что-то не нравится в современном распределении сил и кажется подозрительным. Тогда он подключает все необходимые ресурсы, чтобы разузнать истину. И так сложилось, что вот уже несколько лет он не мог придумать, как заслать своих людей в Колонию. Что там творится — загадка. Официальная информация сильно урезана, и у нас есть подозрение, что Колония производит нечто более интересное, чем технику для вашей пилотской братии.

— Так, значит, нам предстоит найти «нечто» в этом инопланетном месте? — скривившись спросил Дэниел.

— Поправка, — поднял палец вверх Райнер. — Помочь мне найти это «нечто».

«Вроде ничего и не сказал, но одним махом провел черту, — невозмутимо глядя на пехотинца, отметил Майрис. — Он главный, а мы в роли массовки. Почему меня это не удивляет?»

Дэниел хмуро кивнул, скрестил руки на груди и откинулся на спинку кресла.

— Это не так легко, как кажется, — продолжил Райнер. — На вас выпадает основная роль. Найти того, кто может знать о тайне и предоставить его мне. Ваш круг общения с местным населением в Колонии будет намного шире. И ваша любознательность не будет вызывать подозрения, потому что все, кто попадает в Колонию — редко возвращаются. Я уверен, что тайна оберегается хорошо, но слухов внутри должно быть полно. Если слухами займусь один лишь я, то об этом быстро донесут до «верха». В лучшем случае — меня убьют в ближайшей подворотне.

— А в худшем? — невозмутимо спросил Грэйс.

— В худшем случае Сенат прикажет устранить нас с вами, расформировать Луна Гранту и ликвидировать все ее высшее руководство.

На некоторое время в салоне вертолета зависла тяжелая пауза. Дэниел с выразительным изумлением уставился на пехотинца, Грэйс понимающе кивнула, а Майрис прокручивал в голове финальную фразу.

«Устранить? Расформировать? Ликвидировать? Всю Базу, нас и начальство? В худшем случае».

— Как тебя там... Райнер? — неловко вернулся к разговору Дэниел. Опустив руки вниз, он наклонился вперед к пехотинцу. — Так, все же, ЧТО мы ищем в Колонии?

Глядя холодным волчьим взглядом на парня, Райнер улыбнулся одним лишь краешком губ и ответил:

— Мы ищем Четвертое поколение Пилотов.

Белая пустыня простиралась во все стороны. Редкие холмы, как проплешины выступали над поверхностью, открывая серую затвердевшую почву. Ветер гонял бесцветный песок и разбивал закручивающие вихри о гладкие стены Колонии.

Колония. На первый взгляд достаточно мирное название. Но сколько за ним скрывалось! Чужое место. Дикое. Странное. Оно образовалось, когда на пустырь приземлился корабль Серых. Огромная туша металлического аппарата до сих пор покоилась на планете, опущенная под землю и скрытая в недрах удачно образовавшегося разлома почвы. Именно здесь люди впервые наладили контакт с дружественной расой и заключили соглашение. Волонтеры Серых сочли пустырь пригодным для своего обитания и развернули поблизости небольшой городок. Впоследствии городок начал расти. Прибывали на помощь люди. Возводились дома, лаборатории. Выросла округлая стена, защищающая колонию от

ветров. Жизнь закипела.

Однако в какой-то момент, когда Серые всю развернули свои мастерские, люди начали понимать, как невыгодно далеко они поселили чужих от своих Полисов. Инопланетянам стали поступать предложения перебраться ближе, сойти с этого пустыря и объединить лаборатории на территории одних городов. Но тут-то впервые покладистые, дружелюбные и такие сговорчивые Серые уперлись рогом. До сих пор делившиеся своей наукой и знаниями инопланетяне категорически отказались переселяться и едва не прекратили всячески помогать людям. В то же время среди самих Серых вспыхнули внутренние разногласия. Одни были полностью согласны с людьми, настаивали на том, что «млекопитающая раса» абсолютно безопасна, и ни в коем разе не пошатнет внутреннее устройство общества. Другие почувствовали себя прижатыми к стенке и считали, что люди тайно хотят похитить все их секреты. Первые утверждали, что прибыли на Землю именно для того, чтобы поделиться тем, что имели. Вторые боялись и думали, что люди их уничтожат, если узнают больше, чем нужно. Сами же люди остались в стороне, с опасением дожидаясь исхода вспыхнувшего разногласия. Результат же оказался на удивление непредсказуем. В долгом споре волонтеров победило большинство, но из уважения к собратьям они смягчили свое отношение и пошли с людьми на компромисс. Серые отказались переселяться в Полисы, но позволили ученым человечества открыть на территории своей колонии любые лаборатории. С одним лишь условием полной секретности производства. Иными словами — все, что творилось за стенами Колонии, должно было оставаться тайной. Ученым, имеющим непосредственный доступ к мастерским чужих, запрещалось покидать Колонию и поддерживать контакт с людьми за ее границей. Любой другой человек, прибывающий в Колонию, имел строго ограниченный доступ и дальше жилой зоны не пропускался. Колонию мог покидать только готовый продукт. Что бы это ни было. Новое синтезированное топливо, новые чипы, новая электроника или программное обеспечение. Только финальная разработка.

И на такие условия люди согласились пойти. Оставили чужих в покое, запретили кому ни попадя летать в зону пустыря, и со временем наладили удобные способы доставки всего необходимого Серым. Материалы, ресурсы, все доставлялось инопланетянам в достатке. Взамен люди получали готовые изделия, и, если им удавалось его скопировать — Серые не мешали.

В одном только люди были не согласны с Серыми. Инопланетяне так до сих пор и остались непонятыми и навсегда получили клеймо безжалостных существ. И все из-за того меньшинства, которое верило в добрые намерения человечества и уговаривало соплеменников не бояться. Радикально настроенные собратья хоть и согласились остаться на Земле, но всех, кто имел до этого иное мнение, изгнали из Колонии и навсегда изуродовали, сделав их фактически никем в своем кругу. С тех пор люди приняли в свои ряды всех изгнанных, кого смогли спасти, а с остальными жителями Колонии старались поддерживать исключительно деловые отношения.

— Каково видеть все это снова, Грэйс? — спросил Майрис, когда их вертолет начал закладывать вираж над Колонией и заходить на посадку.

— Больно, — скупно перевел транслятор.

Склонившись к окошку иллюминатора, их боевая подруга вновь приуныла.

Майрис еще успел удивиться тому, как хитро и тонко поймал ее душевные ощущения транслятор, и задумался, неужто в их лексиконе есть такое понятие. Но Грэйс, видимо

решила, что лишняя откровенность уже ничего не испортит, а потому пояснила:

— Шрамы снова болят.

Майрис тяжело сглотнул и больше не развивал тему.

Их вертолет тем временем опускался на отведенную площадку.

Раскачивались под ветром несущего винта протянутые от дежурной вышки провода. Ходила ходуном плохо закрепленная в нескольких местах колючая проволока на решетках. Вот вам и Колония. Приехали. Добро пожаловать.

Вертолет ювелирно сел в центре площадки, и Райнер принялся отстегивать наручники своей команды от цепей. Пехотинец снова скрыл свое лицо за забралом шлема и ввел автомат в боевой режим. Конспирация пока была необходима. Как сказал Райнер, главное — сначала пройти контроль и вписаться в базу данных. После этого, возможно, им предоставят некоторую вольность. Майрис с Дэниелом о местных порядках не знали ничего, потому спорить не стали, хоть и удивились слову «вольность» в их-то положении.

Вертолет сбавил обороты винта, Райнер открыл дверь и спрыгнул на землю. К нему присоединился второй конвоир. И только под прицелами двух автоматов осужденным позволено было покинуть вертолет.

Первое, что удивило Пилотов — абсолютное отсутствие кого-либо из встречающих. То ли не полагалось больше никакой охраны, то ли она была не нужна. Но затем, внимательней изучив сетчатую решетку с колючей проволокой, а за ней вторую высокую стену, поняли, что даже пожелай они бежать, затея оказалась бы бесполезной.

Конвоиры подвели Пилотов к единственной двери на площадке, электронный замок на ней пискнул, загорелся зеленым светом и открылся. Пилоты по очереди зашли в бетонный голый коридор, пехотинцы следом за ними. Оружие в боевом режиме, дергаться не возникало ни малейшего желания. Как только дверь за ними закрылась, в коридоре сразу наступила тишина. Приглушенные звуки винта звучали с каждым шагом все тише.

Следующая дверь была метрах в двадцати от первой, и Майрис по пути к ней насчитал пару сканеров на оружие, электронные устройства, и один на первичное биологическое обследование. И, конечно же, не обошлось и без простых камер. Что же могло быть за следующей дверью, становилось все интересней и интересней.

Однако, когда замок и на второй двери загорелся зеленым светом и тяжелая створка открылась перед Пилотами оказалась мелкая регистрационная комнатка с бронированным стеклом, за которым сидел сурового вида заросший мужик в футболке. Из единственного отверстия в стекле торчал намертво закрепленный пистолет, выполненный для ведения огня в замкнутых пространствах. Почему-то у Майриса не возникло сомнений, что где-нибудь под столом мужик легко мог прятать оружие и серьезней.

— Кто такие и чё пожаловали? — скрипучим, вусмерть недовольным голосом, выдал на одном дыхании мужик, кладя руку на пистолет.

Райнер пнул поедающую кусок хлеба жирную крысу и подошел чуть ближе к стеклу.

— Новые заключенные, — ответил он через шлем.

Мужик односложно выразился, общим смыслом сформулировав вопросы «зачем» и «с какой стати», а так же «понаехало вас тут, еще записывать каждого».

Пехотинец в зеркально черном шлеме не сказал больше ни слова и не сдвинулся с места. Тогда мужик тяжело вздохнул, убрал руку с пистолета, преодолел свою лень и подвинул себе монитор с древней еще клавишной клавиатурой.

— Номера личных делов ихних? — спросил мужик.

— Сто-десять-пятьдесят два, три и четыре. Проходят строго вместе, — невозмутимо ответил Райнер.

Мужик пощелкал по клавишам. Одна из них умудрилась залипнуть. Он ругнулся и с остервенением побил по ней несколько раз пальцем. Клавиша, как ни странно, отлипла.

— Да, есть такие, — подтвердил мужик. — В пятнадцатую комнату их води пока.

— А ты пока вызови заправщика к вертолету, — в свою очередь раскомандовался пехотинец.

Мужик что-то проворчал в ответ, но за работу взялся. А Райнер указал Пилотам на вторую дверь и с удовольствием отправился следом за ними.

— Странновато тут, — выдал общую мысль Дэниел, идя впереди всех.

Новый коридор вовсе не напоминал предыдущий «рукав», и отличался от него наличием кучи простых пластиковых дверей по правую сторону и зарешеченными широкими окнами по левую. Правда дешевый бетон был все тот же и с потолка свисали лампы в пыльных плафонах.

— Мне интересно, что за дверью пятнадцать, — шепотом пробурчал Майрис.

А за окном как ни в чем не бывало расхаживал спокойно народ. В основном люди. Как успел заметить Майрис — не в военной и тюремной форме. Промелькнуло и пара высоких фигур Серых. Грэйс подозрительно косилась на улицу.

Но вот рядом с очередным окном в тени здания под козырьком стоял местный обитатель в балахонистой накидке. При приближении группы он обернулся на звук шагов. Пилоты разглядели в тени его капюшона неожиданно рыжую в алую полоску морду. А инопланетянин в свою очередь разглядел среди шедших Грэйс. Его морду перекосило в удивлении, а спустя миг — в презрении. Подняв руку и отогнув край капюшона, Серый (который, в общем-то, не соответствовал по цвету кожи своему названию) разразился тирадой.

— Kanu shie-ha! Le va te-rino mare Nando. Ur-kha ka-a-ne!

И плотоядно ухмыльнувшись, сложил пальцы в странном и непонятном для людей жесте.

Грэйс изменилась в лице мгновенно. Хохолок на голове встал дыбом, раскрывшись за ушами как два веера. Кожа на лбу скукожилась, ноздри почти закрылась. А пасть, до этого почти такая человеческая, широко распахнулась, оголив добрую сотню мелких, но острых как иглы клыков. И все это под угрожающее шипение.

— Мека-гі... nando, — пожелал вслед прошедшим мимо заключенным инопланетянин, и каркаясь смеясь ушел прочь.

— Что он сказал? — на свой страх и риск поинтересовался осторожно Майрис.

Грэйс, все еще злая, как фурия переметнула взгляд на Пилота и не без труда заставила себя ответить:

— Мечтает скоро встретиться.

Дэниел сочувствующе покосился на подругу, но промолчал. Вообще, при конвоирах, а тем более лишних, им лучше было молчать. И то, они слишком много уже говорили для обреченных на пожизненный срок.

В пятнадцатой комнате заключенных встретил еще один мужик, но уже сидящий за своим рабочим столом, без бронированного стекла, и до этого вяло перебиравший самые настоящие бумажные документы.

У Пилотов не спросили ничего. Ни номера личного дела, ни срока заключения, ни

статьи. Мужчина в комнате на них просто посмотрел, оценил по каким-то своим критериям. «Уж не мерки ли снимает?» — промелькнуло у Дэниела. После чего сверился с бумагами, назвал номер дома, этаж, комнату, сказал, где надо быть поутру и как обязательно, после чего отпустил восвояси. А когда Райнер кивнул парням на выход, едва вспомнил, окликнул их и настоятельно заявил:

— ...А если комната будет занята, гоните постояльцев взащей. Я им не разрешал. Вот вам и Колония. Вот вам и ссылка с отработкой.

Райнер отпустил второго конвоира к вертолету, а сам вызвался сопровождать бедолаг к их новому жилищу.

— Ему можно доверять? — спросил Майрис у Райнера про второго пехотинца.

— Да, вполне, — выйдя на улицу из здания под гордым названием «Зона первичного досмотра», Райнер снова снял шлем и отключил автомат от боевого режима. — Это стандартная процедура, так или иначе, если заключенные адекватные. Все же мы не звери, и своих стараемся хоть немного ввести в круг дела на чужой земле.

— А если бы мы были неадекватны? — спросил Дэниел.

— Выпихнул бы вас сюда на улицу, а дальше хоть помирайте от голода, — пожал плечами Райнер.

— Спасибо, — издевательски фыркнул Дэниел.

— Не за что, — вежливо отозвался пехотинец.

Жилая зона была полна людей. Кто-то выглядел прилично и напоминал лишь слегка замотанных работяг, коих полно на нижнем уровне Полиса. Иные и здесь не производили впечатление законопослушных граждан. Самих инопланетян было не много, но те, кто попадались без исключения косились только на Грэйс. А она, к своей чести, шествовала по улочке не бросая взгляд по сторонам и гордо подняв голову. Даже хвост плавно извивался из стороны в сторону и выдавал в ней полное внешнее спокойствие. Но вот только Пилоты и Райнер знали, как их подруга умеет держать себя в руках, и понимали, чего ей иногда это стоило.

Над маленькой улочкой нависали самые простые коробки плиточных домов. Старый бетон где-то трескался и обваливался. У кого хватало смекалки — тот замазывал его клеем. Иные оставляли «как есть» в ожидании часа, когда эта развалюха, наконец, обвалится. Дома не ремонтировал специально никто. Если он падал — на его месте расчищали землю и ставили новый. Фундамент? Нет, зачем он. Дом косой? Не нравится — идите в глиняные юрты. Совсем не нравится? Простите, но вы на чужой земле, а хорошо отапливаемые помещения вам не полагаются. Вот и всё. Живи пока можешь, пользуйся, чем дают и поменьше жалуйся, чтобы не выделяться. Работай за еду. Пей только воду и не убивай крыс. Потому что крысы — это, извините, местный деликатес для здешних хозяев!

Пока Пилоты шли к своему «дому», Райнер рассказывал им о нехитрых правилах выживания. Все же, что касалось их настоящей работы в Колонии они обсудили еще в вертолете. Вроде бы все даже шло по плану. И никто больше не порывался приставать к их подруге. Пока что. Наверное. Их ведь фиг поймешь!

Комнатка в пыльном, вусмерть провонявшем доме, была даже пуста. Правда, Дэниел долго ругался и плевался, осматривая все по сторонам и боясь приближаться к стенам. Майрис просто скривилась, но утешал себя тем, что у кваари «в гостях» было хуже. Грэйс просто проигнорировала запах и обстановку. А Райнер мучительно боролся с желанием снова натянуть шлем со встроенной фильтрацией воздуха.

Остаться в комнате пехотинец Пилотам не дал, а лишь попросил запомнить место и спешно повел обратно на улицу.

— На работу ходите обязательно и вовремя. Единственная строгость там — во время утренней проверки. Если кого-то не окажется по списку — отправят искать. Если найдут — мало не покажется.

— Что сделают? — Дэниел только сейчас начал отходить и менять цвет лица с зеленого на здоровый.

— Ограничат в питании, увеличат работу. Поля, жара, сон на холодном бетонном полу.

— Понятно, дальше можешь не продолжать.

— Куда мы теперь? — это уже Майрис.

— В наиболее пригодную харчевню.

— Зачем?

Райнер посмотрел на Майриса очень долгим изумленным взглядом, после чего изрек:

— Поесть.

— А... — Пилот смущенно отвернулся обратно на дорогу.

— Но если честно, то я жду, — профессионально осматриваясь по сторонам, продолжил Райнер.

— Чего же? — любопытствовал Дэниел.

— Пока вся эта кодла соберется, — незаметно кивнув на кучкующихся возле входа в столовую инопланетян, ответил пехотинец.

Грэйс пренебрежительно фыркнула, но без задержки зашла следом за Пилотами в заведение.

Внутри «харчевня» была на удивление полна народа. Люди вперемежку с Серыми сидели за столиками, но только по отдельности. И если среди людей попались несколько одетых в летную форму ребят из службы грузоперевозок, то, кто заседал тут из инопланетян, понять было на первый взгляд невозможно. А уж внешний вид и вовсе удивил Майриса с Дэниелом.

Когда-то давно люди крепко ошиблись, назвав прибывшую расу Серыми. Чего-то они явно не знали о своих гостях, или те намеренно скрыли. Но среди всех чужих, кто пока попадался Пилотам — ни одного инопланетянина с серым оттенком кожи они так еще и не встретили. В зале столовой пестрели все цвета. Алые, рыжие, темно-синие в желтую полоску, лиловые... Почти одинаковые на лицо инопланетяне не повторялись окрасом — ни боком, ни даже ухом. Какие же они серые, если родной цвет их кожи различается даже сильнее, чем цвет волос у людей! И все они, все без исключения замолкали, когда Грэйс проходила мимо их. Останавливались на полпути лапы с зажатыми крысиными жареными лапками, замирали алюминиевые кружки с водой. Каркающая речь переставала доноситься со всех сторон и даже люди, напряженные нависающей тишиной, подозрительно замолкали.

— Зачем ты привел нас сюда? — дрожа от едва сдерживаемого гнева, прошипела Грэйс на Райнера, когда они остановились у стойки.

— Всего один раз. Больше не потребуется, — спокойно заверил ее пехотинец.

— Придурок, — шикнула Грэйс и облокотилась на стойку, старательно игнорируя окружающих.

Майрис переглянулся с Дэниелом и жестом попросил молчать. На их памяти Грэйс ни разу никого не обзывала. Уж если такое случилось — значит, дело плохо.

Тем временем Райнер заказал у хозяина за стойкой по плошке супа на каждого и куску

хлеба. На удивленные взгляды ответил, что лучшего здесь не дадут. Конечно, если нет желания испытывать судьбу и есть крысиный шашлык.

— Честно, не пробовал, — признался пехотинец, выпивая воды. — Побоялся, что не донесу это в вертушке обратно.

— Слышь, Райнер, — пихнул Дэниел его в локоть. — Кажется, у нас проблемы.

Пехотинец прислушался, посмотрел на отражение зала в шлеме, покрутил головой и поправил волосы на голове.

— Нет, еще не проблемы.

Позади начинала собираться разномастная толпа инопланетян. Громадные туши, не уступающие кваари в росте, были почти все облачены в свободные накидки из бурой ткани, напоминающие старые пончо. Без исключения все были без обуви и ступали по полу на согнутых назад мощных пальцах. Тяжелые хвосты нервно болтались за спинами. Лапы без перчаток раскрывались, раздвигая перепонки, и угрожающе сжимались в кулаки. Оголенные клыки скалились на пришедших парней. Те, что столпились в дальних рядах, с интересом поглядывали на Грэйс.

— Райнер? — забеспокоился Майрис, когда толпа обступила со всех сторон и прогнала из заведения остальных людей.

— Ешь, — кивнул тот в свою очередь на суп и взялся за ложку.

Пехотинец ждал.

Толпа начала возмущенно переговариваться. Но ближе чем на пять метров не приближалась.

— Ты плохо тянешь на крутого, ты знаешь об этом? — шикнул на него Дэниел и взялся крепко за ложку. Как именно он надеялся ей отбиваться, он и сам не знал.

— А я и не крутой, — Райнер полез в один из карманов своей разгрузки на поясе.

Грэйс не оборачиваясь на фразы соплеменников снова стала угрожающе задира хохолок. Перчатки она сняла, и сейчас короткие, непригодные для драки когти, оставляли глубокие борозды на деревянной стойке.

Райнер вытащил из подсумка три одинаковых ободка транслятора и два из них дал Майрису и Дэниелу. Третий надел сам.

— Пригодятся. Чтоб вникнуть, — сказал он и включил переводчик.

Парни последовали его примеру и поспешно нацепили трансляторы. Через наушники в них тут же полетел поток фраз за спиной.

«..Нет, оно у тебя не останется. Пойдет по рядам, чтоб мало не показалось»

«Я раньше увидел!»

«Пошел обратно, резаный. Вообще сам тебя оприходуя».

«Да это даже противно».

«Изгнанное!»

«Вон это за дверь!»

«Нет, сперва взять!»

«Моё».

«Нет, наше».

«Нам нужнее».

— Что за... — выругался Дэниел, как сразу же позади него двое цветастых рыжих самцов сцепились в грызне друг с другом.

— А вот теперь скоро будет пора, — меланхолично прокомментировал Райнер, глядя в

отражение шлема.

Один из стоявших в стороне инопланетян воспользовался шумихой в рядах и резко дернулся вперед, хватая Грэйс за руку. За что мгновенно получил когтями второй руки по щеке, заскулил и отбежал в сторону. Тут-то лавину и прорвало. Задние ряды заголосили в одну тональность, а спереди сразу трое ринулись вперед. Дэниел замахнулся ложкой. Майрис кинулся заслонять подругу. Грэйс шипела и огрызалась. Сразу двое вцепились в ее руки и пытались вытащить вперед.

Грянул выстрел. А за ним еще три, почти слившихся в один. Толпа отпрянула, а четверо инопланетян, жалобно вереща, и вовсе отскочили, зажимая простреленные и даже отстреленные ладони.

Один из самых высоких и упорных сделал короткий шаг вперед и тут же новый выстрел раздробил ему палец.

— Стоять, кому сказано, — почти не повышая голоса, твердо запечатлел в тишине Райнер.

С транслятором на голове, около стойки и с автоматом в одной руке на уровне пояса он выглядел... не крутым. А он и не обещал им быть. Немного взъерошенная копна волос, небрежная поза, он был спокоен и уверен в себе. И только рука, плавно переходящая в дуло автомата твердо держала толпу на прицеле, а холодный взгляд серых глаз цепко осматривал каждого, кто хоть немного вздрогнул.

«Пошел ты..» — услужливо перевели трансляторы всех троих высказанное с дальних рядов.

— Следующие пули пойдут на поражение, — невозмутимо предупредил Райнер.

И Майрис украдкой покосился на пехотинца и с одного лишь взгляда понял: убьет. И не задумается.

«Зачем ты лезешь не в свое дело?» — спросил желтый.

— Потому что оно моё, — холодно ответил Райнер.

«По какому праву?»

— Потому что не ваше.

«Докажи».

— Нападай.

Ствол автомата стрелой навелся на желтого, а тот скривился в гневе и бессильно прорычал. Помирать ему явно не хотелось.

«Оно наше!» — выдал тот синий в желтую полоску.

— Вы отреклись от этого. А я нашел.

Серые, которые в общем-то не Серые, не спорили.

«Ты не имеешь права нас тут убивать» — нашел, за что зацепиться кто-то.

— Имею, если тронешь моё.

«Ты уйдешь, бескрылый. Когда-нибудь тебя не будет рядом», — пригрозил снова желтый.

— Тогда я начну геноцид вашей разноцветной половины с тебя первого. Уверен, Серые не останутся без носителей генофонда.

Ствол продолжал смотреть на желтого. А он сам смотрел, не мигая, в глаза Райнера. Обычного с виду парня, с автоматом в руке, но с такими безжалостными глазами. Инопланетянин не вызывал у него ровным счетом никаких эмоций. Словно мусор, приставший к ботинку, который не представляет угрозы и который можно всего лишь

стряхнуть. Беспольный кусок неожиданно проявившей эмоции плоти. Просто ничто. И в это ничто было так легко пустить пулю и навсегда смахнуть этот мусор с ботинка. А удерживает его лишь то, что болтается этот кусок пока далеко. В считанных сантиметрах от негласной границы, за которой — расстрел. И желтый понял это. И остальные поняли. Шипели, рычали, демонстрировали клыки, но отступали. Уходили подальше от границы. Потому что добыча была бы очень хороша и желанна, но жить всем хотелось больше.

Райнер опустил автомат, только когда последний чужой ушел из столовой. Долго и глубоко вздохнув, он так же медленно выдохнул, сбрасывая неразличимое напряжение. Снова поправил волосы и стер выступившую на лбу испарину.

— Спасибо, — выдала севшим голосом Грэйс, поворачиваясь вслед за парнем к недоеденному супу. — Присвоить меня было самым удачным ходом.

Райнер хмыкнул, взял со стола кружку, одним махом допил оставшееся содержимое и громко впечатал ее обратно в столешницу. После чего только Дэниел, стоявший к пехотинцу ближе всего расслышал:

— В гробу я видал все ваши животные игры.

Когда-то наступает время становиться безжалостным. Я честно думал, что протяну дольше. Но события последнего месяца вынудили меня на время оставить службу и задуматься. Странно осознавать, как твой родной дом, целая родная планета, летит чертям под хвост. И все потому, что где-то допущена одна небольшая системная ошибка. Я считаю, что знаю, в чем она состоит, осталось узнать — имеются ли у меня единомышленники.

15.58

Я сижу в кабинете за своим столом перед экраном монитора и смотрю на пока еще пустые ячейки видеоконференции. Пятнадцать одинаковых окон по числу командиров Баз, но только пять из них должны появиться с минуту на минуту. Только пятерым я могу полноценно доверять, не боясь, что наши слова пойдут выше. Только они еще преданно служат символу военно-воздушных сил и помнят его истинное значение. Настоящее, а не то, о котором рассказывают в училищах. Ведь наш знак, тот, который мы все почетно носим слева на груди — это не просто символическая планета Земля, охваченная кольцом инверсионного следа от самолета по Границе, но и стилизованное Око, напоминающее каждому о нашей роли вечных стражей и защитников родной планеты. Наша роль — это наша гордость. Жаль только, что уже мало кто помнит об этом. Я мог бы созвать сегодня больше людей, но за некоторых не могу ручаться. А так, пять искренних голосов — уже немало, чтобы понять интересы нашего круга.

15.59

Пунктуальность наше всё. Мы можем быть сто раз друзьями. Мы могли летать вместе и пить за одним столом, когда были молоды, но есть у деловых разговоров своеобразная грань, которую все стремятся соблюдать. До поры, конечно, но любое поведение формируется целью встречи. А я, вызывая людей, дал им четко понять, что намерен провести важный диалог. К тому же — что это за время — четыре часа. Середина рабочего дня, а у каждого из них могут быть иные дела. Видеоконференция это все, что мы можем себе позволить в условиях далеких друг от друга дислокаций. К тому же не стоит забывать про секретность. Данный канал связи мне в свое время зашифровала сама Грэйс, и я склонен больше доверять ей, нежели программистам, выпускникам университетов Полиса.

16.00

Пять окон на мониторе ожили одно за другим, подключившись к моему каналу. С них на меня смотрели такие знакомые лица. Оказывается, я даже успел немного соскучиться.

Клайв МакМиллан. Командир Цунами Маунт. Боевой товарищ с молодых лет. Человек, с которым я плечом к плечу встречал впервые корабль кваари. Это было так давно. В почти забытой старой эпохе. Как же ты изменился, друг. Все так же с виду бодр и молод, но глаза... Ты тоже чувствуешь, как наш век подходит к концу? Тоже из последних сил цепляешься за каждый новый год? Я помню, ты тоже перестал летать, как и я, чем отыграл у старости еще пару десятков лет. Но надолго ли нас еще хватит? Лично я понял, что больше не могу терпеть. А ты?

Марлен Алиева. Единственная леди в наших рядах. Годы делают тебя только краше. Я помню, мы познакомились лет десять назад, когда ты всю прорывала себе путь наверх. Я одобрил твою кандидатуру на пост командира молодой Базы Салтус и с тех пор острые

языки решили, что ты мне приглянулась. Но мы-то с тобой знаем, что это не так. Мы ни разу не затрагивали личных тем, потому что видели — они нам не нужны. Мы хорошо умеем понимать невысказанное, и это одно из многих качеств, которые я ценю в тебе, Железная Леди.

Ральф Джонсон. Спасибо, что согласился выйти на связь. Рад тебя видеть спустя долгое время. Помнится, когда-то у нас возникли небольшие разногласия, но это все в прошлом. Надеюсь, сейчас мы с тобой стоим по одну сторону баррикад, и ты готов сотрудничать. Хотя, если ты появился, то мои опасения напрасны. Спасибо. Я, правда, буду рад твоему острому уму и поддержке в лице всей Базы Фалкс Бэй.

Кэхел Охарис. База Гномонис. Приятно, что на последнем совете ты отстоял свое право и дальше командовать Базой. Ты мой ближайший сосед с запада, и как никто другой в курсе, что творится на нашей земле. Я помню, как ты звонил мне недавно и высказывал предложение обсудить новую оборонительную политику. Прошу — каждый из собравшихся Командиров наверняка будет согласен обсудить сей вопрос.

Виктор фон Вульф с Ферноста. Еще один сослуживец из проекта Вторых Пилотов. Давным-давно мы были с тобой в разных группах и даже устраивали гонки без правил. Веселое было время, не так ли? А каково тебе сейчас на восточном побережье старой Евразии? Акила Мора разбита, и нам с тобой пришлось сомкнуть границы и стать соседями. Если мне не изменяет память, то ты единственный, кто снова лег «под нож» и избавил себя от нашего дара и проклятье. Ты стал обычным человеком, Виктор. Стареющим, утратившим способность соединяться с машиной, но полностью здоровым. Я не осуждаю тебя. И никто из нас не осуждает. Это был твой выбор и, надеюсь, что сам ты в нем не разочаровался.

Еще пятеро людей, носящих, как я, погоны полковника. Пять таких близких мне по духу людей. По которым я, оказывается, скучал. И когда все они вышли на связь я разглядел у каждого легкую улыбку на лице. По окошкам в мониторе невозможно было понять, кого каждый из них рад видеть, но за себя могу ответить — я был благодарен и рад им всем.

— Спасибо, господа, что откликнулись, — произнес я, задав начало беседы и тем самым перейдя на обращение без чинов.

Еще заранее я расположил камеру так, чтобы не скрывать от собеседников свою позу. Едва облокачиваясь на стол, положила руки перед собой в спокойном, ничего не выражающем жесте. Марлен, Клайв и Ральф поступили так же. Остальные предпочли не показывать больше своего лица.

— Как твое здоровье, Джейк? — как всегда предельно вежливо спросила Марлен.

Было в ней что-то от старых кавказских кровей, удивительным образом сохранившееся со времен подземелья. Как обычно она собрала волосы в тугий строгий пучок на затылке, который казалось, еще немного и начал бы стягивать ее лицо. Почти черные глаза смотрели в монитор, но я понимал и даже почти чувствовал, как они буравят мое изображение на ее экране.

— Благодарю, Марлен, я снова в строю, — легкая улыбка, кивок головы.

— Ты нас сильно напугал, дружище, — это уже Клайв.

А глаза наивные и искренние. Вот это твоя беда — ты всегда слишком честен и не скрываешь это. Вечный короткий ежик на голове придает тебе молодецкий вид, но вместе с такими глазами отмечает у людей чувство доверия к тебе, как к сильной личности. Хотя это не так, и мы знаем это.

— Мы уж подумали, что провалился весь наш воздушный флот вместе с тобой, —

добавил он, ухмыляясь.

А это уже первый звоночек в мой адрес. Интересно, прореагируют ли другие?

— Не прибедряйся, Клайв, — отвечаю я. — Случись что, ты бы первый отправил группу поддержки и отогнал бы наших неприятелей далеко в леса.

— Но ненадолго, — предельно сдержанно вставил свое слово Виктор.

Мне пришлось побороть желание победно улыбнуться. Два слова еще слишком мало.

Вместо этого я направил тему разговора в другое русло.

— Ральф, я слышал, на твоей земле сейчас жарковато.

Коротко стриженный сухой полковник под пятьдесят перевел взгляд на мое изображение на мониторе и неопределенно пожал плечами.

— Где сейчас спокойно. Силы моих на пределе, но пара соседей в беде не оставляют. Хотя, я подозреваю, что еще несколько таких крупных атак, и нам придется переезжать.

— У вас не было такого, как на Акила Море, — впервые за время беседы подал голос Кэхел. — Старая Америка живет относительно спокойно по сравнению с нами.

— Это называется спокойно? — воскликнул Клайв. — Да кто бы знал, какими грузовиками мы каждую неделю отвозим в леса этих перебитых жуков! Да у нас тут стену строить из панцирей скоро можно будет.

Марлен иронично улыбнулась.

Виктор свел брови и с усилием потер пальцами переносицу.

— Мы не располагаем таким количеством техники, как Евразия, — продолжил свое пояснение Ральф, когда Клайв перевел дыхание для новой фразы. — Регулярные запросы наверх пока не дают результатов, и в итоге у нас каждый самолет на счету.

— При том, что людей навалом, — вклинился обратно Клайв. — Молодые ребята идут потоком, а мы из кожи вон лезем, чтобы не разочаровать их и хотя бы научить летать. Вот недавно обещали нам новую поставку железа, но все тянут, говорят, что не успевают собрать в срок.

— Зато у нас приток людского ресурса минимальный, — мягко ввернула свое Марлен. — Мои аналитики докладывают, что престиж Воздушных сил падает с каждым годом.

— А теперь еще и с каждым месяцем, — добавил Виктор.

— Их напугал разгром Акила Моря, — пояснил Кэхел. — Я лично видел, как в нашем Полисе вылезла из подполья организация, агитирующая молодых на переезд в леса и существование с кваари бок о бок.

— И как? — как всегда немногословно спросил Виктор.

— И ведь едут. Находятся такие и едут. Боюсь, как бы они не сговорились со святошами.

Я слушал их и не перебивал. Да, им нужно было выговориться. Нужно было разжечь себя, вновь войти спустя время в доверие друг к другу. Нужно было поделиться проблемами. Пока они считают, что у них одна проблема — кваари. Но я молчал и выжидал до тех пор, пока кто-нибудь из них не помянет нашу главную беду.

— Ну у вас и бардак, — с печальной жизнерадостностью покачал головой Клайв. — Я чувствую, нам надо будет скоро меняться. Мы вам людей, а вы нам железо. Глядишь, еще просуществоваем десяток лет.

— Вот именно, что десяток, — люблю я Виктора за «оптимизм».

— Да это все Сверху на нас «чудеса» идут, — отмахнулся рукой Клайв. — Я связывался непосредственно с поставщиками, и они обещали нам море железа. Хоть каждого

гражданина в кабину усадить хватит. Но, говорят, только по указанию Сверху. А Наверх я посылал ни одну сотню мегабайт запросов, и ноль эмоций. По-моему Сенат слегка оборзел.

Звоночек номер раз!

— Я до сих пор не понял их паники, когда они запретили лететь на Акила Мору, — нахмурился Виктор.

Звоночек номер два.

— А я попробовал отправить своих людей прижать свихнувшихся любителей кваари. И что вы думаете? На следующий день ко мне постучались люди из правительства и «деликатно» попросили не давить на мирных граждан, — внес свою лепту Кэхел.

— Сенат стал слишком пассивен, — это уже Ральф.

— Мне кажется, Джейк, ты ждал от нас именно этого, — черные, слегка подведенные тушью глаза прищурились, и губы дамы сложились в тонкую улыбку.

Умница, Марлен.

Собеседники разом замолчали, предоставляя мне слово.

— Я считаю, что Сенат, как форма правления перестает оправдывать наши ожидания, и он себя изжил.

И так я провел жирную черту в нашем разговоре, завязывая мысли слушателей на одну тему. Возвращаться к старым вопросам равнозначно объявлению своей беспомощности. Или отказу от дальнейших действий. Но и поспешно соглашаться тоже нельзя — нужно все обдумать. Поэтому пять командиров замолчали и погрузились в размышления. Я видел неуверенность у некоторых в глазах. Другие напряженно продумывали сферу своих возможностей и что они могут сделать. Но главное, что ни у кого это заявление не вызвало резкого отрицания и никто не кинулся оправдывать сенаторов.

Это только с виду вся беседа до сих пор походила на ничего не обязывающий обмен информацией. На деле каждый прислушивался к собеседникам и оценивал их. Не пропускалось ни одно слово, и тема строго выдерживалась. И поэтому теперь, когда я на правах организатора встречи мягко направил их мысли в одну сторону, все поняли, что вот она — цель всего разговора.

Почти спустя полминуты Ральф первым подал голос, очень неуверенно и деликатно.

— Даже если начать как-то заниматься этим вопросом, то кваари могут оказаться большой проблемой в неудобный момент.

— И ты предлагаешь уже прямо так взяться и «заняться вопросом»? — изумился с недоверием Клайв.

— А почему нет? — парировал решительней Ральф. — Как минимум мы можем безопасно вывести вопрос на обсуждение в общее собрание флота и, если повезет, собрать коллективную жалобу.

— Мы подавали уже много жалоб, — склонил голову набок Кэхел. — Хотя что-то изменилось?

— Если собрать голоса в кучу, то, возможно, мы добьемся эффекта.

— И чего ты хочешь этим добиться? — скучающим тоном спросил Виктор.

— Ну... Переизбрания? — предложил Ральф, сам уже не веря в свою идею.

Марлен закатила глаза наверх, Клайв тихо фыркнул. Виктор... снова изменил своей лаконичности.

— Сам-то понял, что сказал? Они не отдадут свои места никому другому, как бы народ не просил. Джейкоб попал в точку. Сенат полностью устарел и ведет неверную политику в

условиях нашей войны.

— Тогда остается только... — Ральф повертел руками перед собой, подбирая удачное слово.

— ...Рубить с плеча? — колко подсказала Марлен.

— Получается да, — трагично согласился Ральф и тут же возмущенно воспрянул. — Но это же переворот!

— Как бы да, — жизнерадостно отозвался Клайв, увлеченно почесывая за ухом.

— Единственное что — я с трудом представляю, как распределить войска в Полисы и хватит ли оставшихся людей на Базах для обороны границы, пока не прекратится весь наш внутренний бардак, — глубокомысленно изрек Виктор.

Сомнений не оставалось — он уже всерьез прикинул план свержения власти. В этом был весь он — решительный, хладнокровный, и никогда не действующий в полсилы.

— Я думаю, нам надо сыграть иначе, — сложив пальцы домиком, сказал я.

Господа в окнах конференции обратили все внимание на меня. Я начинаю все больше убеждаться в своей ведущей роли в диалоге.

— Нет сомнений, что сейчас Сенат чувствует себя в относительной безопасности, — продолжил я. — Граждане Полисов удовлетворены их работой, а мы по уши заняты защитой границы. И если сенаторы ведут какую-то свою, неизвестную нам, игру, то они наверняка понимают — пока у нас есть непосредственный враг в лице кваари, мы для них не угроза. И, поверьте, они будут делать все, чтобы не оставить нас без дела. Но если мы задумали действовать, то, на первый взгляд, у нас есть два варианта. Или решительно свергнуть их власть, ввести войска, взять в кольцо здание Сената. Или попытаться действовать тайно и провести все без лишней шумихи. Но в обоих случаях малейшая наша ошибка и ее неверная трактовка в СМИ приведет к ярости всего человечества в наш адрес. Помните? Они живут хорошо, они не знают, чего нам стоит их спокойствие. Это мы в их лице «не справляемся с обязанностями» на границе. Не надо и гадать, чью сторону примет народ. Значит, единственный верный для нас вариант — завоевать в первую очередь доверие людей. Для этого нужно обличить Сенат в явной измене Человечеству и заполучить крепкую победу над кваари. Подвинуть их так далеко, чтобы еще полвека мы могли спать спокойно.

Они выслушивали меня и размышляли. Я видел, как они верили моим словам и соглашались с ними. Пока что у них было море вопросов, но они еще не сформулировали их. И когда я дал им небольшую паузу для осознания сказанного, Виктор выцепил главное в услышанном:

— Их игра непонятна для нас, это верно. И самое худшее, что пока она построена так, что фактически разоружает нас и ведет к истреблению поодиночке.

— Либо мы чего-то не знаем, либо нас уничтожают намеренно, — нахмурился Клайв. — Но как-то не верится в столь очевидный второй вариант.

— Бессмыслица какая-то, — выдал Ральф.

— Если им не нужен Воздушный Флот, то почему бы его просто не расформировать, — задумалась вслух Марлен. — Зачем нас подставлять?

— Бред, — снова согласился Ральф.

— Хорошо, оставим пока кваари, — рубанул ладонью Кэхел. — Как мы докажем измену Сената?

— Соберем данные по всем их отказам в сотрудничестве, — стала перечислять Марлен. — Приложим прогнозы аналитической группы. Найдем несоответствия.

— Этого мало, — покачал головой Кэхел. — Вернее даже наоборот слишком много, и вряд ли кто будет в этом разбираться. Нужно иное. Нужно что-то шокирующее.

— Нужно разгадать их игру, — снова подвел я итог, мягко войдя в их перепалку.

И вновь все разом, не сговариваясь, замолчали, ожидая от меня продолжения. Тогда я окончательно понял, что эти пятеро лидеров признали за мной право вести их команду. Одновременно со мной это уловили еще некоторые и кратко ухмыльнулись.

Я заставил себя забыть об этой маленькой победе и вернуться к теме беседы.

— Некоторое время я потратил на то, чтобы разузнать через своих доверенных лиц, куда направляются недостающие для нас ресурсы и средства. По моим подсчетам добрая половина из них одно время утекала на подпольное производство техники. Другая же исчезала в Колонии. Естественно, Сенат не одобрял это странное финансирование. Но если раньше любое подпольное производство строго пресекалось, то на это сенаторы просто закрыли глаза. Что, в общем-то, меня и заинтересовало.

— И у тебя есть информация по тому, что происходит в Колонии? — деликатно с надеждой поинтересовалась Марлен.

Мы, командующие Воздушных сил, как и весь мир, имели нулевое представление о том, что вообще творится за стенами Колонии. Серые хранили свои тайны превосходно и, пожалуй, только высшие сенаторы имели представление о внутренних делах инопланетян.

Я вздохнул, сдержанно извинился одним лишь взглядом и ответил:

— Я проверяю свои подозрения. Максимум в течение месяца я получу полную информацию.

— А как насчет финансирования подпольной техники? — не упустил Виктор.

— Я знаю, где она, и предлагаю воспользоваться ей для атаки на кваари.

Ну что ж, господа, не подведите. Я хорошо помню предостережения Сената насчет моей информированности. Помню, как мне угрожали отставкой за одно лишь упоминание о секретной Базе. Но если уж я взялся играть — то только ва-банк. Пора становиться безжалостным.

Решив не тянуть, я развил идею до конца.

— Сенат ведет нас к поочередному уничтожению и делает невозможным наш ответный удар. При этом у него нет четкого плана действия на случай полностью вышедших из-под контроля кваари. Они считают, что вся ситуация в их власти, в то время как именно мы держим границу. Только наши действия или, иной раз, бездействие, сдерживают волны атак. И поэтому в наших силах повернуть события так, как будет выгодно нам. А нам нужно только выжить и удержать Границу. В связи с этим, я предлагаю сделать неожиданный ход, который определит всё. Я предлагаю вынудить кваари и позволить им напасть на нас по всему фронту. В этом случае мы объявим им долгожданную войну.

— Ресурсы, Джейк, и техника, — не сводя с меня своих умных глаз, напомнил Виктор.

— Вся техника собрана в одном месте и находится в полностью работоспособном состоянии, — подняв голову, отчеканил я. — Число единиц достаточно, чтобы вооружить весь ведущий состав Воздушных сил.

— Защита?

— Не имеется.

Клайв подозрительно прищурился. Ты понял верно, друг мой. Ты должен вспомнить это место.

— «Проект 116», — догадался и впервые за время беседы изумился Виктор.

— Да, — я все же позволил себе победную улыбку.

— Так оно устояло после испытаний антивещества?

— Их и не было.

— Так ты летал туда... — прищурился Виктор.

Я расплылся в довольной улыбке и сдержанно кивнул.

— Ну ты и змей! — поняв, что я снова его обставил, хмыкнул Виктор.

— Мы так поняли, — вклинился в наш диалог «стариков» Ральф, — это означает, что техники у нас в достатке.

— Да, — подтвердил я. — Но есть небольшой нюанс. В течение ближайшего месяца, пока мы не получим новую информацию из Колонии, я бы хотел, чтобы весь ваш ведущий летный состав был готов пересесть на новые самолеты. Каждый из вас получит от меня файл с полной документацией и одну единицу боевой техники. Скажу более — достаточно недели, чтобы полностью переквалифицировать Пилота. Аппарат предельно прост и интуитивно понятен.

— Звучит как сказка, — потер руки Клайв.

— Она самая, — не удержался я, после чего вновь собрался, — Официально новые аппараты и так поступят вам для ознакомления. В планах правительства не секрет, что Воздушные силы скоро будут полностью переоснащены. Сегодня я объявлю о завершении испытаний и полной пригодности аппаратов для боевых действий. Послезавтра — назначу закрытую демонстрацию для представителей всех Баз. Я не знаю, кто еще будет просить предоставить им испытательный образец, и как на это отреагирует Сенат. Но я точно уверен, что в условиях напряженной боевой обстановки я пробью право передать летному составу самолеты для скорейшего обучения.

— А если нет? — засомневался Клайв.

— Тогда вы получите самолеты неделей позднее, — с железной уверенностью ответил я.

Сомнения по этому пункту, как ни странно пропали. Все знали, как надо уметь «списывать» оборудование.

— А что в итоге, Джейк? — спокойно, даже с какой-то теплой и будничной интонацией спросил Ральф, подперев голову рукой. — Что будет, если мы загоним кваари обратно на юг и сместим Сенат?

— Будущее, — коротко ответил я, готовый к этому вопросу. — У нас появятся силы идти дальше, а не буксовать в этой вечной войне. Человечеству давно пора оторваться от планеты и посмотреть в небо. Мы можем это уже сейчас, но война приковывает нас.

— Но кто поведет нас туда?

А этого вопроса я искренне боялся. Не потому, что у меня не было на него ответа, а потому что ответ я позволю выбирать всем, кроме себя. И мне впервые за весь разговор стало не по себе. Ни когда я предлагал свергнуть Сенат, ни когда предлагал объявлять войну — я не испытывал такого чувства ответственности за свои слова, как сейчас. Что мне ответить? Что я не знаю? Не поверят. Что это должен выбрать народ? Надо мной посмеются, потому что народ — это самое безмозглое стадо, да простит меня Человечество. Народ может идти только за лидерами и подчиняться их воле. А народ, который столетие шел за Сенатом, не видит иной формы правления и иной реальности. Поэтому толпа не имеет права делать столь серьезный выбор. Тогда кто? Светлые умы человечества? Найдите в достатке таких, кто не прикормлен этим же Сенатом. А где гарантии, что они не захотят выдвинуть

наверх себя? И начнется все сначала. Борьба за власть, делёжка территории, накопление личных сбережений. Не хочу! Ничего из этого я для человечества не хочу. Так же как и не хочу, чтобы оно и дальше задыхалось от господства чужих на южном полушарии. Это наша Земля. И я всегда считал, что соглашение, которое было подписано Сенатом с кваари — самая главная ошибка. А моя самая главная ошибка — в том, что позволил этому Сенату быть. Когда не стало нашего единственного лидера, Командора, когда мы, его воспитанники, получили право голоса... Я был в числе тех, кто согласился сформировать Сенат вместо избрания нового Лидера. Тогда я поддался на уговоры. Я был частью толпы. И много лет прошло, пока я понял свою ошибку. Но с тех пор я зарекся иметь собственное мнение. Которое подсказывает мне сейчас, что Я просто НЕ ХОЧУ людям ни одного из рассмотренных вариантов развития. Я думаю, что знаю, что им нужно. Но не это ли ответ на заданный вопрос? А готов ли я взять на себя ответственность перед человечеством? Даже не так — хочу ли я взять ее на себя?

Достаточно ли пятерых близких мне человек для принятия решения, и имею ли я право уйти от ответа? С одной стороны пятеро — слишком мало для того, чтобы испытывать напряжение за свои слова. Но с другой — эти пятеро доверившихся, кто носит символ Ока защитника на своей груди, пойдут на войну под моим «флагом». Так все же, насколько ценны сейчас мои слова? Какой из ответов разобьет мой тщательно выстроенный образ?

Я видел Клайва, который преданно смотрел на меня своими честными глазами. Не надо гадать, кого он хотел бы видеть впереди.

Я видел Марлен, холодную, спокойную и независимую. Она всегда осуждала меня за отступления и излишнюю мягкость.

Я видел Виктора, который принял бы от меня только единственный ответ. «Стой накрепко, — говорил его строгий взгляд. — Иначе я не пойду за тобой».

Я видел Кэхела, готового получить любой ответ, кроме тех, которые я и сам считал дурными.

И я видел, наконец, Ральфа, который смотрел... С надеждой и полной уверенностью в правильности любого моего выбора. Ральф, который был когда-то моим противником, и который случайно задал самый важный провокационный вопрос.

Понимание нахлынуло на меня, когда я обвел взглядом каждого и убедился, что сейчас самое время стоять до последнего и не проявить слабость. Не дрогнуть, потому что у меня в руках все карты. Потому что сейчас настало время быть безжалостным и нести ответ за все Человечество.

— Я.

Виктор удовлетворенно кивнул и откинулся в своем кресле. Марлен улыбнулась, и ее глаза с любопытством забегали по другим окошкам на экране монитора. Клайв молча показал большой палец. Кэхел... Я не успел заметить, потому что Ральф не задумываясь задал следующий вопрос.

— Почему ты?

— А ты готов повести людей за собой? — вопросом на вопрос ответил я. Возможно даже чуть резко, чем надо было, поэтому сбавил тон. — У тебя есть план — как повести развитие того общества, которое мы построим — вернее, не до конца разрушим? Предлагай, я готов выслушать. Когда настанет время, мы сможем выслушать предложения каждого желающего, но на данный момент — я могу взять ответственность на себя. Ответственность перед вами и перед всей планетой. Потому что я знаю, что делать.

Он слушал и не перебивал. Соглашался, потому что мои слова были логичны. Он слушал, но не прислушивался, потому что все сказанное мной дальше, померкло перед словами: «Кто готов повести нас всех в будущее?» — «Я». Фактически Ральф был готов к такому ответу, но слабый протест, выраженный в его вопросе, был лишь отголоском старых распрей. Я понимал это, поэтому не давил на него. Я знал, что он согласится рано или поздно, поймет все после разговора и даже сам придет к этому выводу.

А с другой стороны — я ведь даже был с ними честен. Я, правда, готов был выслушать идеи других людей, возможно, поспорить с их кандидатурой. Может быть, в дискуссии родился бы вариант еще лучше — я был к этому готов. Но пятеро моих теперь уже союзников, «склонили головы», признавая за мной право ответственности и принятия решений. Я доволен? Не знаю. Я сейчас предельно собран.

Виктор заговорил первым, рассуждая вслух:

— От себя могу предложить, что готов надавить вовремя на тихоокеанцев, чтобы они поддержали наш фронт на войне.

— Аналогично, — кивнула Марлен. — Я прижму всех, кто пойдет против нас. Включая своих пацифистских соседей.

— Считай что Новая Америка под контролем, — козырнул Клайв.

Вот так, оказывается, решается судьба человечества. Под одобрение меньшинства, в чьих руках сосредоточена большая часть вооружения планеты.

— После самолетов вы получите точные координаты «Проекта 116» и должны быть готовы максимально быстро перевести туда летный состав, — вернулся я к более привычным мне боевым задачам. Мой голос не дрожал, но я почувствовал, как он стал тверже. — Для кваари это должно выглядеть отступлением, но по возможности ни один Полис не должен пострадать во время переброски сил. Спланированность операции и скорость аппаратов позволят нам не пустить их дальше двухсот километров за границу.

— Это покрывает линию Баз, — неуверенно напомнил Клайв.

— Да, — резко ответил я. — поэтому готовьте остальных людей к дистанционной обороне.

— Поняли тебя, — кивнул Клайв.

— Вопросов нет, — отчеканила Марлен.

Виктор, Кэхел и Ральф одновременно кивнули.

— В таком случае ждите приглашения на демонстрационный полет, обучайте людей и ждите от меня дальнейших новостей.

Они попрощались по очереди и отключились, а я еще некоторое время сидел перед потухшим монитором, положив голову на сцепленные перед лицом пальцы. Напряжение постепенно отпускало меня, отчего руки предательски задрожали. Но я заставил себя несколько раз глубоко вздохнуть и расслабиться. На сегодня — всё.

Ну что, Майрис, Грэйс, Дэниел... Райнер. Ваш ход.

Транспорт в Колонию ходил не регулярно. У него был свой особый, явно свихнувшийся график. Да и вертолеты прибывали сюда свихнувшиеся. Большие, тяговитые, а за штурвалами явно сидели хронические двоечники летных академий. Потому что где это видано, чтобы вертушка садилась на площадку по несколько раз, никак не прицелившись?

Все в этом месте было дурное. Свихнувшийся транспорт, странные люди, бешеные в «сезон» самцы и озверевшие от строгости самки. И это — Колония. Мать ее... Центр

просветленной и развитой цивилизации на чужой планете. Ядро науки и собрание уголовников в одном месте.

А «сезон» и вовсе отдельная песня. «Сезон» — это время, когда в Колонии начинается ад. Грызня, перестрелка, драки меж домов становились нормальным делом. После заката, вопреки общему мнению, жизнь в Колонии затихала, и хладнокровные чужие разбредались по углам на отдых, чтобы с утра вновь начать борьбу за самок.

Вот вам и цивилизованная раса. Которая на пару месяцев в году превращается в заикленное на инстинктах стадо. И хоть ты лбом бейся, уговорить таких одуматься — невозможно. Только силой. Только массовыми расстрелами.

Райнер оставил Грэйс, Мариса и Дэниела одних, когда полностью убедился, что их подруга будет в безопасности. Потом ему все же пришлось улететь. Конспирация, чтоб ее! Оставил примитивный спутниковый слайдер для связи, пару ножей, не запрещенных к ношению, и целую кучу наставлений. Клятвенно обещал следить и изредка залетать.

Но кроме дурных транспортников со жратвой и ресурсами в Колонию с тех пор больше ничто не залетало. То ли конспирация, то ли отсутствие необходимости.

А еще в Колонии нельзя было ходить. Только бегать. Потому что если ты человек, и передвигаешься вне зоны работы шагом — значит, ты по своей хитрости отлыниваешь от работы. А если такой хитрый, значит сможешь отработать в два, а то и в три раза больше.

Но это была далеко не учебка. Следующим, что поняли парни после вреда пеших прогулок по улочкам — это то, что откосить от работы было невозможно. Как и схалтурить. Потому что в таких условиях никому не важно было, как ты задолбался. Важно было — отработал ли свою норму. А уж норма была знатная. Три полосы поля на каждого. Которое надо было сперва вспахать, потом посеять некую «бурду», а затем еще и следить, чтоб ее не разъели насекомые к ядрене фене. Что сажали, зачем и почему в таких огромных количествах — парням, естественно, никто не торопился докладывать. А редкие разговорчивые «коллеги» тяжело вздыхали, удрученно махали руками и советовали не лезть не в свое дело.

Сперва Майрису с Дэниелом это дело показалось абсурдным. Сажать. Тут. Что-то. Не пустыре. Ага... В мертвой почве и напрочь просоленной земле. Однако, невиданная ранее «бурда» прорастала! И даже цвела и пахла. Бледная, правда, болезненного вида серенькая травка с парой цветков в форме колокола удивительным образом прижилась. Но не так важна была верхушка, как заставляли бережливо потом копать корнеплоды.

Дэниел ругался хуже программиста. Работал как все, копал и ругался. Проклинал век нанотехнологии и биоинженерии. Крыл недобрым словом вертолеты на энерготопливе, слайдеры со спутниковой связью, суперсовременные самолеты и медицину со всей лазерной хирургией... А все потому, что лопаты как были лопатами, так ими и остались в двадцать втором веке.

Сложнее было только Грэйс, которой по приговору нужно было пахать как парням, а выслушивать в свой адрес скабрзные словечки, как изгнанной. То, что в лексиконе Серых существовали слова «он» и «она» никак не обязывало остальных относиться к Грэйс с уважением. А потому в ее адрес всегда слышалось твердое «оно». Когда Майрис или Дэниел оказывались в этот момент рядом, то говорливой особи грозило получить инструментами по загривку. Или в лучшем случае кулаком по почкам. Беснаказанными оставались в таких случаях только надзиратели.

Эти были опасные. Единственные «женщины», которые не проводили сутки в

лабораториях, а блюли порядок на территории Колонии. Все до единой серые и отличающиеся только узорами на хохолках. Так и вышло, вероятно, что первая делегация, посланная на диалог к людям, была бабской. А что людям? Им без разницы. А у просветленной расы кондовый матриархат.

С надзирателями спорить было себе дороже. Своих и чужих они не разделяли, а потому за отличающееся от их слово можно было получить заряд электрошока в поясницу. Неприятно. После третьего раза в сутки было уже гораздо сложнее разогнуться. А то, что именно электрошок причина твоей плохой работы — никого не волнует. Мало работаешь? Получите заряд, распишитесь.

Сначала Майрис боялся, что током ему сожгут контактную пластинку на шее. Потом уже стал бояться за сердце. Начихать на электронику! Он видел, как от очередного заряда в живот издох его сосед на полевой дорожке! Не получится завести самолет? Ха! Лишь бы е живых остаться!

Через неделю Дэниел и Майрис присмирели и работали много вслед за окружающими. Ладони покрылись страшными мозолями, а сами руки без дрожи не могли и кружку от стола оторвать. Как-то за безмолвным вечерним ужином они оба разом поняли страшную вещь, но и испугаться не было сил.

— Тоже? — спросил Майрис у друга, едва держа горячую кружку с водой обеими руками.

— Ага, — кивнул Дэниел, зажимая край кружки зубами и выпивая содержимое.

— Лететь сможешь? — без особой надежды спросил Майрис. Хуже больных рук была только общая усталость и дикая сонливость.

— Не удержу, — признался Пилот, почти роняя пустую кружку на стол.

— Как быть? — спать хотелось дико и везде. Даже стоя на поле в обнимку с лопатой.

— Работать.

— Там?! — тихо взвыл от отчаяния Майрис.

— Над собой! — огрызнулся бессильно Дэниел.

— А она? — кивнул парень на спящую на койке Грэйс.

— Тоже, — выдохнул Пилот и ушел спать.

Что «тоже» Майрис так и не понял. Тоже не может лететь? Или тоже будет работать над собой? Или тоже вообще? Да какая разница. Им плохо и ей тоже. Им тут ад для Пилотов и ей тоже. Всё «тоже». Так какая тогда разница.

Майрис так и уснул за столом, не дойдя до своей койки.

И только он закрыл глаза, как будто сразу над ухом раздался сигнал подъема.

Очередной день в Колонии прошел бесполезно. Да и хрен с ним!

«...С вами была Ванесса Йун. Новости спорта.

А теперь итоговые новости о событиях недели.

В Новой Италии активисты движения «Свободная земля» взяли в осаду местный приемный пункт военно-воздушных сил. Люди требуют прекратить жестокий ответ военных в адрес мирных граждан южного полушария, и просят пойти на переговоры и уступить им. В противном случае активисты обещают задерживать всех новобранцев, прибывающих в приемный пункт, и не пропускать до начала мирных переговоров...»

На экране во всех красках показывался парадный вход в здание приемного пункта и часть улицы. Сотни демонстрантов, с натянутыми на лица масками, размахивали плакатами и флажками. Агрессивно настроенных людей едва сдерживали гвардейцы в своих бронированных костюмах с черными щитами. Одиночные хлопки петард раззадоривали толпу. Демонстранты выкрикивали лозунги и кидались в щиты гвардейцев камнями. Затем оператор быстро рванул куда-то в сторону, его камера подсакивала на бегу, а потом устоялась на картину подъезжающего к зданию автобуса. Внутри него перепуганные новобранцы отпрянули от окон. Демонстранты волной хлынули вперед, обступили автобус и негодуя начали бить в него кулаками, битами и тяжелыми транспарантами. Рядом с оператором новостного канала стало слишком опасно, его толкали со всех сторон и картинка камеры постоянно «прыгала». Автобус с новобранцами аккуратно пробирался вперед, стараясь никого не задавить. Кто-то из активистов забрался ему на крышу и победно замахал оттуда своим флагом. Несколько новобранцев не выдержали и полезли через люк автобуса наверх. Завязалась драка. Автобус резко дернулся вперед, люди с крыши попадали вниз в толпу. На них тут же набросились активисты. Тогда только гвардейцы не выдержали и тоже пошли напролом, дабы не дать людям поубивать друг друга. Оператора с силой толкнули в сторону, он упал на землю и его камера отключилась.

Краем глаза я следил за новостной лентой, уже около получаса бубнящей о событиях на планете. За биржевыми сводками последовали отчетные тезисы Сенаторов. За ними — вот такие события в Полисах. Потом их сменила новостная лента культуры и спорта, и я даже устал уже слушать это бестолковое бухтение, когда вдруг мои надежды все-таки оправдались.

«...Во вторник произошло трагическое событие на военно-воздушной Базе Луна Гранта. Во время испытательных полетов истребитель нового поколения не справился с управлением во время захода на посадку. В результате неудачного маневра самолет рухнул на взлетную полосу и протаранил группу других истребителей, готовящихся подняться в небо для работы в звене. В результате аварии чудом никто не погиб, а Пилоты отделались легкими травмами и были направлены в ближайшие госпитали. По словам организаторов, люди будут готовы вернуться в строй в течение месяца, но ущерб, нанесенный воздушному флоту, уже исчисляется миллионами. По их утверждениям, обшивка хрупкой техники не подлежит ремонту. Организаторы принесли всем зрителям глубочайшие извинения за непредвиденные обстоятельства и сообщили, что будут продолжать дальнейшие испытания уже вместе с конструкторами, совершенствуя и улучшая аппарат...»

И все это время картинка на экране повторяла крушение самолетов с разных ракурсов.

Затем показали некоторых чудом спасшихся летчиков, оправдывающихся офицеров и закончили репортаж моими извинениями. Должен признаться, в целом все выглядело на редкость правдоподобно и убедительно.

Отключив настенный телевизор, я откинулся в кресле и заложил руки за голову. Я услышал, что хотел. И пока что всё шло по плану.

На второй неделе стало легче.

Грэйс где-то раздобыла для парней хитрую мазь от мозолей, и руки постепенно стали заживать. Первый ужас от адовой обстановки прошел, и троица почувствовала себя немного спокойнее. Пришло понимание, что намеренно смерти им тут никто не желает, а если вкалывать из последних сил и не выпендриваться, то можно по вечерам получать даже добавку к ужину и лишнюю кружку воды для душа. В целом жить оказалось можно. Но недолго. Хотя с тех пор, как Пилоты получили от Райнера задание, то дружно настроились пробить в Колонии не больше пары недель. Однако, само выполнение задачи затянулось.

Изначально все казалось просто. Найти подходящего «языка», вызвонить пехотинца, вместе с ним допросить информатора и дальше можно праздновать победу. На деле оказалось все намного сложнее. «Языки» на себе ярлыков не носили, догадаться о том, кто из чужих мог что-то знать, с виду было невозможно. Надзиратели под землю в лаборатории не ходили. А «цветные», как условились Майрис с Дэниелом называть мужскую половину инопланетян, и вовсе не интересовались, чем занимается их боевой сильный пол. Они вообще ничем не интересовались.

Когда-то за обедом Пилотам удалось разговорить Грэйс на откровенность и спросить, как же вообще появилось такое странное деление расы по половому признаку. Для Грэйс вопрос показался странным. Она даже спросила: «А почему у людей именно мужчины считаются защитниками?». «Наверное, потому что мы выносливей женщин», — предположил Дэниел. «А мы умнее своих мужчин», — ответила Грэйс.

И не поспоришь. Именно дамы Серых вели свою расу вперед. Именно им принадлежал создание «первого костра» и очага, который сохранял жизнь ящерам в холодные годы. А со временем разделение лишь крепчало. «Сезоны» активно затрагивали только мужскую половину, а дамы круглый год были лояльны к размножению. Что не мешало им много думать, изобретать и строить. Мужчины были сильнее и выносливей, но по своей природе оставались нестабильны. И, за счет этого, общество постепенно выдвинуло в лидеры женскую половину, законно оставив за «цветными» звание носителей генофонда и защитников. Правда, не обладая особыми навыками боя, «цветные» могли представлять угрозу разве что друг другу, но никак не конкурентам от других рас.

«По-вашему, это нормально?» — изумился Дэниел после рассказа. «Абсолютно, — кивнула Грэйс. — Эволюция сама распределила роли». На том и остановились.

Третья неделя выдалась на редкость жаркой. Люди на полях повязывали собственные рубашки на голову, чтобы не свалиться от солнечного удара. В то время как чужие, наоборот, оголялись, подставляя под лучи широкие перепонки, натянутые от самых рук до бедер. Им, видите ли, греться в кайф. А люди падают в обмороки от жажды. Только Грэйс не расставалась со своим облегающим костюмом. В Колонии ей единственной он заменял обрезанные перепонки и немного согревал.

А у Пилотов к тому времени выработалась отдельная привычка. Каждый раз, заслышав звуки приближающегося вертолета, они поднимали головы или оборачивались в надежде увидеть знакомый черный силуэт военной вертушки. Но с первых дней больше ни разу пехотинцы не совали нос в Колонию, и на Райнера рассчитывать не приходилось.

Однажды, правда, троицу в комнате ожидал сюрприз в виде маленькой коробочки с сенсором на отпечаток пальца. Пилоты радостно схватили ее со стола и попытались открыть, но тот, кто ее закодировал, был еще более осторожен. Коробочка открылась только на отпечаток Грэйс, и внутри нее оказалась пара «маячков». Кто их сюда пронес и как — троица не знала, но бонус был явно от Райнера. Вставал вопрос, почему он не оставил их с первой недели. Но здраво рассудив, Пилоты поняли, что за «маячки» в их секретной зоне могут и на шашлык пустить, а первые две недели надо было просто зарекомендовать себя и не светиться. Возможно, их проверяли ежедневно. Скорее всего, следует исходить из того, что проверять будут и дальше. Но если Райнер решил, что с этого дня им можно доверить такие «маячки», значит контроль за Пилотами снизился.

И однажды эта образовавшаяся у Пилотов привычка наблюдения за вертолетами пошла им на пользу.

Далекие грузные лопасти молотили воздух на пределе слышимости, но Дэниел уже оторвал взгляд от земли, прикрыл ладонью глаза от солнца и посмотрел в небо. Нет, сегодня снова был товарняк. Его раздутое брюхо было ни с чем не спутать. Майрис тоже покосился наверх, но быстро снова вернулся к лопате, потому что неподалеку от него разгуливала надзиратель.

А Дэниел стянул с головы футболку, обтер ею пот с лица и встряхнул. И тут на глаза ему попались две Серые, что-то бойко обсуждающие. Картина показалась обычной на первый взгляд, но Дэниел не был бы собой, если бы оставил это без внимания. Он мигом задумался, что же его насторожило. Руки уже сами завязывали на голове футболку, а мозг Пилота активно стал перебирать все несоответствия. «Стоят. Две. Ящерицы. Обсуждают. Что обсуждают? Не важно. Как это не важно? Они же никогда ничего не обсуждают. Это ж надзиратели, чтоб их! Тогда что языком мелят? А может не надзиратели вовсе? Ту, что слева — помню. А у другой желтые бусы на дрэдах».

Дэниел старался запоминать каждую мелочь. Плен у кваари не прошел даром и выдрессировал Пилота присматриваться к деталям. Особенно полезно это было в кругу инопланетян, где все они казались на одно лицо. И только узоры, морщины или, как у Серых, бусы на дрэдах могли отличаться у разных особей.

Тут же поняв, что его смущает, Дэниел копнул лопатой поглубже, захватил горсть земли и размашисто метнул Майрису на полосу, просто чтобы привлечь его внимание. Майрис отреагировал мгновенно и вопросительно уставился на друга. Пилот, в свою очередь, соорудил выразительный взгляд и кивнул на странную парочку Серых.

Майрис протер глаза от пыли и пригляделся. Та, новая, явно была недовольна работой в поле. Почти не жестикулируя, она назидательно отдавала распоряжения и нервно махала хвостом. Старая униженно прижимала хохолок и молчала. Как жаль, что рядом не было Грэйс! Как назло, их подруга сегодня отстала и была слишком далеко, чтобы незаметно привлечь ее внимание. Тогда что же делать?

Дэниел копал, чтобы не нервировать надзирателей, но украдкой продолжал подглядывать за странной Серой. Если она отдает распоряжения — значит, что-то знает о полях. Если знает о них — то знает о том, куда идет весь выкопанный продукт. Ей не

нравится, что работа идет так медленно? «Зачем же вам столько корней этой дури, если вы ее не жрете?», — размышлял Дэниел. А потом он расслышал, как Майрис тихо позвал его и уверенно кивнул, когда Пилот обернулся.

«Ну, если ты уверен...», — ответил взглядом Дэниел.

«Да, я уверен!», — еще раз кивнул Майрис.

Дэниел снова стянул футболку с головы, пригладил взмокшие длинные локоны и жестом фокусника незаметно вытащил из густого хвоста припрятанный и цепкий «маячок».

На обсуждение плана своих действий в различных случаях парни потратили один вечер. За него они договорились как будут поступать, если их цель окажется близко или далеко. С охраной или без. В досягаемости или нет. Варианты были различны, но почти все сводились к тому, что без посторонней помощи им не обойтись. При этом помощники сами не должны были догадаться о своем участии.

И как было решено, Майрис первым заварил этот бардак.

Размахнувшись остервенело лопатой, он обсыпал ближайшего его соседа-уголовника землей и «даже не заметил». Сосед, естественно, очухался, обалдел от наглости, но сразу же получил так же «случайно» вторую порцию пыли в глаза. Мужик у этого совершенно не понравилось, о чем он тут же сообщил в нецензурной форме. Майрис «удивился» и соседа послал. Гордость уголовника уже была не просто задета, а нагло пнута, отчего тот вспетушился и пригрозил лопатой. Майрис встал в позу и на местном разговорном матерном в паре слов поинтересовался, что только что прозвучало в его адрес. Мужик почувствовал, что его авторитет трещит по швам, а потому решительно бросил лопату и кинулся на парня с кулаками. Майрис, не будь дурак, кинул свою лопату и дернул с места прочь. Полезь он в драку — гарантированно схлопотал бы карцер на сутки, а так есть шанс отделаться лишь электрошоком в почки.

Дэниел не мог не броситься другу на помощь. Уголовник был широк в плечах и пахал в Колонии не первый год. Он вполне мог что-нибудь сломать хрупкому Пилоту, пока их не разнимут надзиратели. Бросив рабочий инструмент, Дэниел метнулся следом за мужиком, не забывая орать и угрожать побоями, если догонит. Уголовник угрозы проигнорировал или не услышал. Майрис убегал к ближайшему надзирателю, иногда оборачиваясь. Счастье, что бежать было не далеко.

Но перед самой целью Майрис снова обернулся на мужика и все же запнулся на кочке. Полетев носом вниз, он распластался на земле, не добежав пары шагов до Серых. В следующий миг над ним нависла широкоплечая тень злющего мужика. Майрис успел только подумать, что сейчас будет больно, как с криком сзади на уголовника налетел Дэниел. Протаранив мужика, он свалил его с ног и сам каким-то невероятным образом перекувыркнулся через него дальше. А пока соображал, что собственно произошло, мужик, не будь дурак, рефлекторно дал своему новому обидчику в челюсть. Как же это было больно! Перед глазами Пилота, казалось, взорвались фейерверком искры, а его самого отбросило дальше на костлявые и прочные, как жерди, ноги Серых. «Как об забор приложили», — вспоминал потом во время рассказов Дэниел. А в тот момент он был слишком занят, чтобы думать. Инстинктивно он по-бойцовски закрыл голову руками, но тут подоспел на подмогу Майрис, и на какие-то пару секунд рядом с Серыми завязалась настоящая куча из дерущихся в пыли тел.

Бардак продлился до первого заряда электрошока. Знакомо свистнула раздвигающаяся дубинка, а следом раздался отвратительный треск электричества. Первым заорал Майрис, за

ним разразился долгим матом мужик, третьим утратил желание биться Дэниел. Надзиратель с трещащей дубинкой наперевес была вне себя от гнева. Пришлая Серая брезгливо отряхивалась от пыли и просто рычала.

Отойдя от шока, надзиратель наградила всех участников драки еще по одному заряду и добавила ударами ноги под ребра. Подбежавшие на шум другие надсмотрщицы растащили обессиленных людей в стороны. Кто-то стал рассказывать, что видел. Мужик тяжело хрипел и говорил, что парни первые полезли в драку, никто никому не верил на слово. Мнения расходились. Старшая не знала, как поступить с зачинщиками. Майрис бессильно висел в лапах и никак не мог понять по лицу Дэниела, была ли их заварушка успешна. Дэниел оправдывался, пытался не брыкаться, тыкал пальцем в мужика.

В конце концов, пришедшей Серой это надоело, она шикнула на всех, и по взмаху лапы стало понятно, что она приказала бросить всех без разбора в карцер.

Майрис тихо взвыл, понимая, что план их летит к чертям. Их троих рывком подняли с земли и толкнули прочь с поля. Созданная Пилотами шумиха не осталась незамеченной для других работяг, а потому даже Грэйс, которая была далеко, замерла с потерянным видом с лопатой в руках. Она уже поняла, что пытались сделать парни. Но поскольку обоих одновременно сажают в карцер, то планы команды встают под угрозу. Грэйс впервые за все время оставалась одна. И она поняла, что не уверена в том, сможет ли прожить следующие сутки безопасно. И главное, сможет ли выполнить аналогичную парням задачу, если представится шанс. Ведь она так и не поняла, получилось ли у напарников задуманное или нет. Что делать ей, в свою очередь?!

Дэниел словно услышал ее панический вопрос и обернулся. Все посчитали, что он решил успокоить их подругу, но вместе с ободрительными жестами и пожеланиями держаться, Грэйс различила еще два. Дэниел приложил палец к уху, а потом указал им в небо. «Звони наверх», — сказал он, и Грэйс поняла, что время действовать пришло.

Оказывается, за неделю можно стать врагом народа. И для этого даже не надо из кожи вон лезть. Просто выполняй свою работу.

Почти каждый день я выступал с речами перед своими Пилотами и поднимал их боевой дух. Сплошь и рядом в СМИ твердили, что мы перегибаем палку. Что мы, изверги и душегубы, уничтожаем мирное население соседствующей расы, не давая им всем ульем ступить на нейтральную землю. Они жить там хотят. Бегут, видите ли, от эпидемии на юге, а мы, звери, убиваем невинных беженцев и не даем нашему родным братьям, людям, волонтерам пойти на помощь.

Я выступал перед своими подчиненными и твердил, что кваари в нейтральной зоне — угроза человечеству. Мои слова не были ни для кого новостью. Каждый из моих людей знал, кто такие эти «мирные беженцы». Они передвигали улья и всю свою боевую силу. Оправдывались, но теснились к границе. А стоило нам подлетать к ним ближе — стреляли на поражение.

Я разговаривал со службой пограничного контроля. Повторял, что нашим волонтерам опасно вступать в лес. Ежедневно просил, чтобы глупых молодых ребят деликатно разворачивали обратно. Деликатно! Я повторял это часто. Задача воздушного флота — оберегать людей от опасности на чужой земле и стеречь границу от вторжения, согласно

букве Двустороннего Соглашения. А Соглашение я знаю наизусть.

«Вступать на территорию нейтральной зоны имеют право только безоружные силы. Любая вооруженная единица на территории нейтральной зоны расценивается как враждебная и может быть по праву уничтожена противоположной стороной».

Что я и делал.

Мы не переставали рекомендовать кваари держаться подальше от нейтральной зоны. Даже согласны были пропускать молодых особей с пожитками. Но как только линию переступал улей с боевыми жуками, я приказывал стрелять.

За это граждане Полисов ненавидели меня. А так же других командиров Баз, ктс поддерживал мои жесткие меры. Кто-то из командиров оказался чуть лояльней, и пропускал в нейтральную зону всех. Но когда кваари ступали уже на нашу землю — вынуждены были открывать огонь. Потому что Соглашение знают наизусть и они.

«Любая техника или существо, переступившее границу чужой территории без предварительного согласования, подлежит уничтожению на месте».

И всё.

СМИ только и делали, что твердили о сложной ситуации на Границе. Почти пропали спортивные ленты новостей, до минимума сократились новости культуры. Даже события внутри Полисов отошли на второй план. Честно — я был этим приятно удивлен. В какой-то момент я даже решил, что приоритеты нашего мира совсем сместились не в то русло.

Сенат требовал от нас смягчения принимаемых мер. Ежедневно люди в штатском навещали пограничный контроль и угрожали заменить их пехотинцами, если те и дальше не будут пропускать волонтеров. Пока что пограничники держались. Почти во всех случаях им хватало упорства и слов, чтобы переубедить людей и уговорить их не лезть в опасное место.

Некоторые командиры Баз, и я в том числе, были в шаге от отстранения от службы. Приходилось действовать аккуратно и требовать от подчиненных предельной внимательности. Стычки с кваари случались почти ежедневно. За одну только неделю мы потеряли уже до пятидесяти Пилотов по всей Земле. Это много. Иногда в год мы теряли в два раза меньше. А ведь войну еще никто не объявлял. Мы боролись за территорию, отстаивали Закон, который был в нашу пользу.

Кваари без конца слали гневные сообщения Сенату. По их словами, причиной всему была внутренняя эпидемия. Не двигаться в нашу сторону они не могли — хотели жить. Но на Границе их расстреливали мы. Сенат понимал, что выдать всем без исключения чужим особый доступ на территорию людей — равноценно расторжению Соглашения. Сенат знал, что в этом случае граждане Полиса обратят свой гнев уже против них. Поэтому все, что Сенат мог — это подвинуть нейтральную зону глубже. И насколько я знал, эта версия поступила на обсуждение. У нас оставалось всего несколько дней до их решения. А затем... никто не знал, что будет затем. Либо мы постыдно отступаем, либо у кого-то в этом мире раньше времени кончится терпение, и один из «гнойников» на Границе все же взорвется, вовлекая нас в войну.

Либо случится третий вариант, который расставит всё на свои места. И сделает обучение сотен Пилотов других Баз на новых секретных самолетах не напрасным.

Чувство времени у Дэниела было отменное, а потому он сразу понял, что из карцера их

вытаскивают раньше времени. Полусонная Серая под дулом пистолета повела Майриса и Дэниела по коридору, и на вопрос, куда их собственно ведут, односложно ответила: «на допрос».

Коридор с камерами и карцером находился в подвале и не имел окон. А потому Пилоты поняли, что сейчас вечер только по состоянию инопланетянки. Недаром после заката они мерзли и становили малоактивны.

Текущее время — это уже информация. Пилотам дали двое суток карцера, и по ощущениям обоих прошло чуть более одного дня. Что же за допрос их ожидал впереди, оба не имели ни малейшего представления, но послушно шли вперед, с удовольствием разминая затекшие кости.

Серая еще дважды свернула в коридорах и отвела Пилотов в небольшую комнатку со второй дверью на противоположной стороне. Приказав сесть за стол, чужая удалилась и закрыла дверь за собой на замок.

Не прошло и минуты, как вторая дверь распахнулась и в комнату проникла фигура в черном.

— Почему я не удивлен? — улыбнулся с оскалом Дэниел, мигом узнав серые глаза и вечные слегка взъерошенные волосы.

— На выход, — кивнул на открытую дверь Райнер и, не дожидаясь Пилотов, вышел первым.

— Хоть бы поздоровался, — буркнул Дэниел, вскакивая следом.

Майрис вынырнул из комнаты последним и тихо закрыл за собой дверь.

— У нас мало времени, — сразу перешел к делу Райнер, стремительно идя по пустому коридору. — Как представитель военного суда я имею ордер на ваш допрос по вопросам запланированной диверсии на Луна Гранта. Официально, — закончил пехотинец, заметив вытянувшиеся от удивления лица Пилотов.

— А не официально? — уточнил Майрис, едва поспевая.

— Неофициально — я веду вас на допрос, но в роли свидетелей, — выглянув из-за угла на развилке коридоров, ответил Райнер.

Дэниел ухмыльнулся, но промолчал.

Значит, Грэйс сработала отлично. Вечером того дня, как Пилотов засадили в карцер, она связалась с Райнером по выданному им слайдеру и сообщила, что их цель помечена «маячком». А пехотинец, значит, мигом схватил заготовленный ордер и ринулся сюда. Все сработано идеально! Осталось только не облажаться и схватить помеченную особь. А потом молиться всем, кому можно, чтобы эта особь действительно оказалась полезна для их дела.

Но Райнер не повел Пилотов на улицу, как они ожидали, а вскрыл отмычками самый обыкновенный дверной замок и приказал спускаться в подвал. Далеко внизу лестницы, где-то за поворотом, горел тусклый огонек света, и Пилоты стали спускаться, ориентируясь на него. Райнер снова тихо закрыл дверь на замок и пошел следом.

Внизу оказался технический этаж многоуровневого помещения. Из широкой комнаты с коммуникациями вдоль стен вели несколько дверей, и Райнер уверенно пошел к самой дальней из них. Пилоты настороженно переглянулись, но отправились следом. В тусклом свете единственной лампы пехотинец в черном практически терялся в темноте. Что, при его тихой ходьбе, делало его еще более незаметным.

За дверью Пилоты в первую очередь увидели Грэйс. Подруга жизнерадостно распахнула хохолок и улыбнулась. С Райнером она сегодня уже видалась, а вот о парнях забеспокоилась.

Бойко метнулась к обоим, оглядела, спросила целые ли они, и не слишком ли заждались.

Райнер прервал поток дружеского восторга настойчивым покашливанием. Грэйс мигом умолкла и обернулась к нему. Парни по привычке вытянулись по стойке смирно, но быстро одумались и расслабились. Райнер сделал вид, что ничего не заметил.

— Майрис, Дэниел, на полу в предыдущей комнате лежит кейс с датчиками и экранами камер наблюдения. Мне нужно, чтобы кто-то из вас или оба следили, чтобы никого не оказалось в их поле зрения. Если хоть кто-то появится — сразу сообщайте.

Никто из них не сдвинулся пока с места.

— Грэйс, будешь помогать мне, — продолжил Райнер, опустившись к другому кейсу, стоящему у стены в этой комнате. — У нас есть всего полчаса.

— А как же взять «языка»? — спросил Майрис.

Продолжая копаться в своем кейсе, Райнер включил тонкий фонарик, неведомо как оказавшийся у него в ладони, и направил его в дальний угол комнаты. Оказалось, что там все это время на стуле сидело бесформенно нечто, завернутое в пластиковый мешок. От соскальзывания на пол его удерживал многослойный скотч, обмотанной вокруг спинки кресла и передних ножек.

— А почему именно нам надо смотреть за датчиками? — с тенью проскользнувшей обиды высказал Дэниел.

«Все же я тебя навел. Я повесил на эту суку маячок. Я получал кулаком по почкам и электрошоком в зубы, а не ты!» — сквозило в словах Дэниела.

Райнер, наконец-то, достал из кейса странное металлическое устройство, по форме напоминающее бритву и шприц с кастетом одновременно. Молча встал, терпеливо посмотрел Дэниелу в глаза и спокойно, для своего грозного вида, объяснил.

— Потому что, мой верный друг, я знаю, что спрашивать, а Грэйс выразила желание поучаствовать и выразить свою давнюю обиду. А вы с Майрисом не знаете даже, как разговорить это создание. Но чтобы все прошло без проблем, нужно, чтобы кто-то смотрел на камеры и был начеку. Если так уж сгораєте от любопытства — на здоровье. Тащите второй кейс сюда и смотрите. Но тогда у меня появятся сомнения, что вы не пропустите никого на экранах. А вас, вдобавок ко всему, потом еще буду мучить кошмары. Так вот, исходя из всего сказанного — оно нам всем надо?

Дэниел понял все, и возразить было нечем. Однако обида все же ядовитой змеей вилась в груди. Майрис понял, что время уходит, а потому потянул друга за руку.

— Идем, я один могу что-то упустить. Ты мне нужен, — сказал он.

— Ок, — ответил Дэниел и вышел из комнаты следом да Майрисом.

Райнер глубоко вздохнул, выключил фонарик и в полной темноте направился к привязанной к стулу жертве. Перед самым началом он опустил на глаза очки ночного видения и переводчик, и кивком пожелал удачи своей напарнице. Грэйс, тоже надевшая очки, щелчком открыла складной нож и рывком разрежала пластиковый мешок. Допрос только начинался.

Выходя из темной комнаты, Дэниел думал над тем, как он начинает тихо ненавидеть Райнера. Все эти руководительские замашки у Пилота были уже поперек горла. Чуть что — сразу Райнер. Как в лесу спасать — Райнер. Как в вертолете объявляться — Райнер. Допрос проводить — тоже этот хмырь Райнер. Да кто он такой, что ему позволительно быть на голову выше остальных? Сперва он пехотинец, потом представитель военного суда. Ему не вид лет не больше чем самому Дэниелу, а строит из себя крутую шишку. Наверняка, если бы

не папаша, командир Базы, не был бы Райнер так уверен в своих действиях. Дэниел не верил, что Райнер сам всюду выбивает себе допуски. Не верил и все тут. Возможно, в обычной жизни парень честно дослужился до офицерского звания в пехоте, но чтобы так легко взять и подорваться в Колонию... Это надо иметь большие связи. Тоже мне. Сынок... Дэниел зарекся, что, выйдя из Колонии, он первым делом вызовет Райнера «за угол» без званий. А уж там влупит такой крепкий удар, чтобы даже его битая пехотная морда скривилась от боли. Просто так. За то, что его не было в плену у кваари. За то, что не терпел все унижения здесь, в Колонии. За то, что его так легко слушаются все!

Но когда в соседней комнате раздался такой душераздирающий визг, что, казалось, железные трубы мелко завибрировали, а душа всех слышавших сжалась от переживаемого в визге ужаса, Дэниел понял, что Райнер заслуживает уважения. Если уж после такой первой волны пыток его жертва не умрет от полученных травм, болевого шока, или даже страха, то Райнер не так прост, как казалось сперва. Если он не дрогнул после такого вопля своей жертвы. Если продолжил дальше готовить своего «языка» к допросу. Остается только догадываться с ужасом, где пехотинец успел набраться столько опыта в столь непростом деле, как дознание. Не так легка и проста была его служба раньше. А уж опыт в таких вещах приходит не с первого раза. Еще сложнее дело обстроит с терпением и выдержкой самого дознавателя. Ведь надо не дрогнуть и знать, что делать. И иметь в себе силы даже после такого вопля продолжить.

И ведь Райнер продолжил. Спустя пару секунд, когда жертва взывала и отказалась говорить — продолжил. Что он с ней делал, ни Дэниел, ни Майрис не видели. А после третьего отчаянного вопля поняли, что и знать бы не хотели. Подвал стонал вместе с жертвой и поглощал все звуки боли. Казалось, что даже воздух стал липким от страха. Пилоты послушно сидели в соседней комнате и сосредоточенно глядели в экраны, хоть немного пытаясь отвлечься от крика в темной комнате. Они только очень надеялись, что толстые стены подвала не пропустят наружу этот ор. Где-то на третьей минуте обоих стала бить нервная дрожь, и Дениел рывком вскочил с места и судорожно захлопнул разделяющую их дверь. Майрис кивнул в знак одобрения и снова уставился в мониторы. Звуки за дверью стали казаться чуть менее реальными.

А Райнер тем временем отложил в сторону свой металлический агрегат и снова обратился к инопланетянке с вопросом.

— Зачем так много сока аржи?

Существо, которое уже и Серой-то назвать язык не поворачивался, тихо выло и качало головой. Широко распахнутые глаза смотрели прямо в темноту перед собой, но не видели ни Райнера, ни прочей опасности. От этого в сумасшедших глазах застыл самый настоящий животный ужас. Примотанное к креслу жалкое тело, способное теперь разве что отвечать на вопросы, сжималось от страха и судорожно дергалось от малейшего шороха. Оно пыталось спрятать пальцы, как можно плотнее прижать хохолок, прижать руки к телу, сделать все, чтобы спасти себя от новой боли, а темнота несла в себе неизвестность.

Райнер снова не дождался ответа и разрешил Грэйс продолжить его работу. Что было лучше для привязанной Серой — так и осталось загадкой, потому что если методы Райнера отличались изощренностью, то Грэйс не понаслышке знала слабые места своей расы.

Глядя на работу Грэйс, сложно было ответить — мстила ли она, или просто выполняла положенное. Иногда Райнер удивлялся жестокости своей старой знакомой, но пока что все было в меру.

Когда жертва прекратила биться в истерике, ее руки с почти вывороченными наизнанку жилами были уже ни на что не пригодны. Наиболее чувствительная перепонка, идущая от локтей к бедрам, влажными лохмотьями болталась на ребрах, причиняя при вздохах еще большую боль от тяжести. От кресла Серой начал исходить тошнотворный дух, а сама она так и смердела страхом. И в промежутке между очередными всхлипываниями Райнер снова повторил вопрос о странных полевых работах с завезенной с планеты Серых травой.

— Зачем вам так много сока?

И на удивление, такая, казалось бы, стойкая, обученная молчанию жертва, сейчас покорно пошла на диалог.

— Кормить Четвертых!

Транслятор, который надел до этого Райнер, перевел сказанное без заминок, хотя не надо было говорить на чужом языке, чтоб понять, как жертва заикалась и задыхалась от паники.

Согласившись допустить Грэйс к допросу, Райнер решил еще одну важную проблему. Его транслятор мог сломаться, не разобрать слов, просто неудачно перевести сказанное. А Грэйс была дополнительным гарантом их взаимопонимания.

— Так вы выращиваете их? — спросил спокойно Райнер.

— ДА! — затрясла головой Серая.

Но пехотинцу этого было мало. Все-таки слухи о модифицированных людях ходили и раньше, и это была не новость.

— По чьему заказу?

Серая бессильно заскулила.

Тогда Райнер, впервые за время допроса, вцепился всей пятерней в заляпанные кровью и слюной дрэды инопланетянки, и грубо вздернул.

— По чьему заказу!?

— СЕНАТ! — заорала та мигом в ответ.

— Зачем? — продолжал тянуть Райнер.

— Чтобы победить Четвертых!!!

Райнер выпустил дрэды инопланетянки и так же впервые за беседу ударил ее по лицу.

Он не понял, что это был за бред. Выращивать Четвертых, чтобы победить Четвертых? Пехотинец рассержанно нахмурился и посмотрел на Грэйс. Та поняла вопрос и пожалала плечами. Значит, не транслятор врет.

Райнер наклонился к полу и снова взялся за свой пыточный инструмент, намереваясь приступить ко второй перепонке. Услышав знакомый металлический звук, Серая аж подскочила вместе с креслом и забилась во все стороны, вереща от страха.

— Я все сказала! Правда! Не надо больше! Это правда!

— Каких Четвертых? — стал терять терпение Райнер.

Серая замерла, судорожно соображая. Видимо прошлый ответ не предполагал уточнения, а потому чужая мигом стала подбирать уточнение. Когда же ей это удалось, она выдала коротко:

— Небесных!

Райнер едва не выронил влажный инструмент.

ТАКОЙ ответ ему не мог присниться и в самых страшных кошмарах. И совладать со своим удивлением было крайне сложно. Пара секунд потребовалось пехотинцу, чтобы осмыслить услышанное. А когда первое изумление прошло, Райнер закрипел зубами, борясь

с желанием на месте убить эту суку в кресле.

Но пока что она могла быть еще полезна.

— Когда? — сдавленным от ярости голосом спросил Райнер.

— Скоро! — поняв, что пока ее пытаться не будут, Серая стала чуть спокойнее и сговорчивее.

— КОГДА!? — взревел Райнер.

— НЕ ЗНАЮ!!!

И пехотинец понял по жалкому виду своей жертвы, что она и правда не знает. Самого важного — и не знает. То, что может решить судьбу всей планеты — не знает. А если бы знала, неслась бы отсюда к чертям подальше или на свою родную планету. Потому что Четвертые, которых назвала инопланетянка «Небесными» именовались на человеческом языке Первородными. А Первородные — это... Это конец всему.

— Зачем провоцируют кваари? — севшим голосом спросил пехотинец.

Если будут Первородные — то не будет никого. Так зачем же в этом случае заставлять бурлить все болото, под названием Земля?

— Чтобы убрать ваши Воздушные силы, — ровно дыша, ответила Серая.

— Зачем?

— Чтобы не мешали.

Райнер неспешно развернулся на месте и медленно направился к своему кейсу. Грэйс удивленно смотрела вслед, а ее соплеменница старалась не издавать ни звука. Она чувствовала, что ее дознаватель опущен и раздавлен правдой. Она ощущала слабое превосходство. И с каждым гулким шагом, от которого просто веяло обреченностью, Серая в кресле набиралась все большей храбрости. Она улыбалась, когда Райнер сложил свой пыточный инструмент в кейс. Она победно скалилась, когда услышала, что кейс закрылся. И когда Райнер выпрямился в полный рост, Серая распахнула остатки своего хохолка и гордо вскинула голову. Этот слабый шорох заставил пехотинца обернуться и вспомнить про свою жертву. На его лице отразилось неподдельное изумление.

— Оно еще живо? — спросил Райнер, возможно, даже обращаясь к себе и удивляясь своей забывчивости, но Грэйс поняла его с полуслова.

Рядом с ней к стулу была сейчас привязана не соплеменница. Нет. Это было существо, которое нанесло боль ее другу. Которое заставило его растеряться и забыться. Существо, выдавшее такую злую правду, которую жалко даже будет говорить врагу. И Грэйс знала, что готова была сделать с этой тварью. И сделала.

Под непродолжительный ор, переходящий на несвойственную их расе тональность, а затем и булькающий хрип, Райнер очень неспешно достал из кармана пакетик влажных салфеток и стал тщательно вытирать испачканные ладони. Мельком в его голове прошла мысль, что вот теперь его подруга достигла пределов своей жестокости. Но мысль следом подсказала Райнеру, что он не удивлен. Что ему некуда больше удивляться, и весь свой эмоциональный лимит он просто исчерпал.

Райнер первым вышел из темной комнаты к Пилотам. За ним, взвалив на плечо туго упакованный мешок, вышла умиротворенная Грэйс.

Пилоты невольно отпрянули от обоих и подозрительно покосились на уменьшившийся в размерах мешок. А Райнер, несмотря на собравшихся на выход соучастников, уставшее посмотрел на часы, и, буркнув что-то про «еще пять минут», сел прямо на бетонный пол и прислонился к стене. Грэйс без вопросов остановилась, скинула мешок на пол и замерла

рядом. Майрис честно прождал около минуты, в надежде, что Райнер что-нибудь расскажет. Но пехотинец просто сидел на полу, уставившись в одну точку. При этом он уже не был похож на себя пятью минутами раньше. Ему удалось побороть обреченность, удалось скрыть растерянность. С виду Райнеру просто необходимо было несколько минут, чтобы подумать. Но Дэниел по себе узнал этот взгляд. Глядя на серые озадаченные глаза их лидера, Пилоту подумалось, что именно сейчас пехотинец не отказался бы закурить.

Майрис неуверенно кашлянул, привлекая к себе внимание.

— Мы слышали что-то про кваари и воздушный флот. Зачем нужна эта бойня?

— Это зачистка, — на удивление быстро ответил Райнер.

— Зачем?! — встрепнулся Дэниел.

— Сенату не нужен воздушный флот в своем нынешнем состоянии. Он создает замену здесь, в этой Колонии. А вы, со всем флотом, подлежите уничтожению как просроченный продукт. Так же, как в свое время народ потрудился вычеркнуть из истории Второе поколение. Ситуация повторяется.

Никто больше ничего не спросил. Удивительно, но у всех разом отпало желание что-то обсуждать и спорить. Все поняли, что слова бесполезны и ничего сейчас не изменят. Тяжелая тишина заполнила собой подвал. Они узнали тайну страшного заговора и не знали, как прореагировать.

«Словно крылья подрезали, да? — мысленно обратился к Пилотам сочувствующий Райнер. — Так сказал бы отец».

Но вместо слов сочувствия, Райнер поднялся с пола и разорвал повисшее молчание.

— Уходим.

— А как быть с нами? — спросил Дэниел.

Райнер с глубинной болью посмотрел на замученных соучастников и буквально задушил в себе чувство вины.

— Этажом ниже в этом здании находится резервный вертолет с лифтом вне стены Колонии. Возьмите это оружие, спрячьте, а когда по начавшейся шумихе поймете, что всем уже не до вас — прорывайтесь и бегите. Но не раньше.

— Как долго нам ждать? — Майрис почувствовал, что Дэниел снова готов взорваться от возмущения и поэтому захлопнул ему рот ладонью.

— Все решится в течение пары суток, — заверил их Райнер, и Грэйс поддержала его кивком. — Пары суток хватит на всё...

Сумасшествие. Планету охватило сплошное сумасшествие.

Бешеные люди выходили на улицу с транспарантами, требуя от нас немедленно сложить оружие и покинуть Базы. Они хотели мира. Требовали его, вооружившись как в диком двадцать первом веке оружием, кусками арматуры, битами и найденными в закромах химических архивов «коктейлем Молотова». Они готовы были подвинуться, еще раз уступить чужеродным тварям, которые не брезговали проводить над ними опыты. Я такой ксенофоб? Или все же страж своей планеты, носящий на груди железное Око. И просто я один вижу, чем это грозит нашей планете впоследствии? Да, я был единственным, кто видел как инопланетные биороботы жрали землю и перемалывали ее в своих организмах. Я видел, как на их отходах прорастала серая трава. Но это было лучшее из того, что они совершили.

Разве я ксенофоб? Или все же страж своей планеты?

Ненормальные люди лезут в леса и исчезают там бесследно. Пограницы сдались под натиском толпы, и я вынужден был снять их с постов. Пункты приема новобранцев в Полисах перешли на осадное положение. Если бы не удаленность Баз от крупных населенных пунктов, то пострадали бы и они. А так — только совсем уж идейные психи покинули Полисы и подтянулись к Базам. Вдоль дороги выросли палатные городки с активистами, которые пока только огрызались лозунгами. Кое-где обстановка чересчур накалилась и Базы вынуждены были приютить за своим периметром людей из военных городков. А это были в основном семьи военных и обслуживающий персонал в заведениях. Активисты с упоением громили магазины и частные дома в городках, но подходить к охраняемому периметру Баз пока не решались. Все же нас пока еще боялись.

Ну и наконец кваари прут сплошным потоком в нейтральную зону и у нас не хватает ресурсов отбрасывать их обратно. Мы, Базы, символы Границы во плоти, в одном шаге от капитуляции. И единственное, что сдерживает нас от войны — это мое слово. Все без исключения Пилоты военно-воздушного флота готовы к бою в любой момент. Тайно доставленные мною на другие Базы самолеты изучены вдоль и поперек. Летный состав во избежание проблем уже неделю как безвылазно сидит на своих Базах и морально готов побить ненавистного врага. Тысячи озлобленных Пилотов. А против них — миллиард обезумевших граждан, в один голос с Сенатом умоляющих нас сдаться. Лояльных нет. Мир сошел с ума и раскололся на два фронта, один из которых — мы. Воздушная армия, в чьих руках все самое мощное оружие планеты. Мы почти не боимся пехоты, хотя и понимаем, что если их орудия направят в нашу сторону — мы пошатнемся. Но устоим.

Командиры других Баз держатся из последних сил, едва ли не каждые пару часов беспокоя меня и ожидая заветных новостей. А именно — имеем ли козырь на руках против Сената? Существует ли такая информация, от рассекречивания которой народ разом примет нашу сторону. А что я могу им ответить?

Как тяжело годами не видеть родного человека. Какова цена тайны, на которую пришлось согласиться? Никому не дано понять, от чего я вынужден был отречься, чтобы стать сильным игроком на поле боя. Никто ни разу не интересовался, чего стоит мне любая добытая информация. А ведь я знаю, как тяжело моему сыну тоже сохранять тайну и играть навечно изгнанного из семьи отпрыска. Нам пришлось, сын. Единожды пожертвовать своим

общением ради секретов, до которых мы можем добраться только порознь. Обещаю, что когда все завершится, я встречу с тобой. Крепко пожму сильную ладонь и обниму. Если мы оба выживем.

А что же мне ответить командирам Баз? Что сказать Клайву, Марлен, Виктору, Кэхелу, Ральфу и остальным?

Райнер открыл мне тайну Сената, а я и не рад, услышав ее. Я встал перед выбором.

С одной стороны — я мог объявить войну кваари в любой момент и надеяться, что успею победить их до появления третьей силы.

С другой стороны — я мог сложить оружие и наблюдать, как мир становится подвластен кваари и тем новым, синтезированным в Колонии Пилотам, под которых строилась Аврора. Она же — «Проект 116». Затем я буду наблюдать, как мир сражается с небесной расой Первородных. И я не знаю, будут ли в этой войне победители.

А что лично мы знаем о той зловещей расе? Только то, что по своей прихоти они превратили нашу планету в ад, заставив человечество сражаться за свое право на спасение. От кваари мы так и не добились информации о Первородных. Они, безусловно, знали эту расу. Сотворенное с планетой безумство кваари опознали как их почерк и мгновенно предложили вариант, как вернуть все обратно. Они либо встречались с небесной расой, либо слышали о них. Но за врагов, на удивление, не считали.

Серые оказались более щедры на информацию. Их данные сводились к тому, что Первородных нужно воспринимать исключительно как врагов и бояться их, как пришествия апокалипсиса. Правда, когда мы спросили — выяснилось, что небесная раса посещала планету рептилий, и с тех пор минуло всего несколько сотен лет, а Серые преуспели в развитии так, как еще только снится человечеству. Наши друзья предупреждали нас. Советовали готовиться к обороне, но в то же время так и не дали точного ответа, почему Первородные нагрянули на них самих и почему мы, наконец, попали им под прицел.

Логика Первородных недоступна нашему пониманию. Они словно играют с расами, иной раз проявляя благосклонность, а другой — уничтожая планету. Я не верю, что Серые не познали их целей. Они так легко поддались на уговоры Сената по выведению «новых людей», что я начинаю думать — как много они утаили от нас о Первородных? Что они знают? В чем мы раньше были не правы? Уж не в том ли, что встречали небесную расу с оружием в руках?

Я всем нутром чую где-то здесь подвох.

Какой-то недостающий элемент головоломки о том, почему Первородные решили вновь явиться. Нас будто проверяют!

Но у меня нет времени на философские размышления. Мне нужно дать ответ как можно быстрее. Идти на войну? Или сложить оружие?

В первом случае я очищу Землю от кваари и смогу вместе с новыми воинами встретить Первородных. С оружием или без — не важно. Но я не избавлю человечество от Сената.

Во втором случае — я просто останусь в стороне и на время войны с Первородными получу отсрочку. Потом — я смогу убрать Сенат. Конечно, если мы все останемся живы, после «второго пришествия».

Все оказалось намного запутанней, чем ранее.

Проклятье!

В отчаянии я ударил кулаками в перчатках по столу, а металлические, самые обычные, авторучки звякнули в стеклянном стаканчике. Вместе с ними подскочила и звякнула в

специальном блюде для скрепок простая монетка.

Я приоткрыл глаза и посмотрел на проказницу. Это была очень старая монетка. Я даже не помню, откуда она у меня. Сменялось мое жилье, сменялась рабочая форма и кабинеты, а эта монетка всегда кочевала вместе со мной как древний талисман, подаренный в память о былых временах.

Протянув руку, я взял монетку в ладонь и покрутил на пальцах.

Так какой мне сделать выбор? Довериться обстоятельствам и сейчас разойтись миром? Или бросить вызов судьбе и поступать так, как всегда считал нужным? Обстоятельства или мое мнение? Мир сейчас, а война потом — или сперва война, а потом как решат все земные и небесные силы вместе взятые, будь они трижды неладны!

Видимо, пробил твой час, родная...

Я загадал стороны монетки и щелчком подбросил ее в воздух. Но от напряжения подкинул ее слишком далеко, и монетка, сверкнув в лучах солнца, улетела за край стола на пол.

Я чертыхнулся и поднялся с кресла, чтобы посмотреть свой ответ. И когда я уже почти обогнул стол и в рассеянности искал эту дурацкую монетку, в мой кабинет влетел запыхавшийся капитан, и без вступлений, без чинов просто и коротко выкрикнул:

— ОНИ ПРОРВАЛИСЬ ЗА ГРАНИЦУ!

Я не помню, прокомментировал ли я как-нибудь его заявление или нет. Помню только, что я рефлекторно схватил пистолет со стола и сунул его в кобуру на поясе. Кажется, именно это помогло мне мигом собраться с мыслями.

— Где именно?

— Везде! — выпалил капитан. — Разом!

Мой компьютер разразился звонками на разные тональности. Другие Базы жаждали знать, что я буду делать.

— Кто идет и куда? — как можно спокойнее спросил я, игнорируя звонки.

— Вооруженные отряды, сэр! По нашим расчетам — на Полисы!

А вот тогда я удержался от слов. Потому что струна, протянутая от моего сердца до другого, опасно зазвенела. Скрипнула, натянулась, но вместо нее лопнуло мое терпение. А я протрезвел от охватившего меня ужаса.

— Переведи все звонки с компьютера на мой телефон, — отдал приказ я. — Затем живо на исходную!

Капитан пулей метнулся к компьютеру, а я вылетел из кабинета. Чертова должность требовала занять место на мостике и отдать распоряжение. Время пошло на минуты!

Народ суетился, но при виде меня расступался. Народ на Базе не знал пока что делать, и сам как натянутая струна ждал, пока я ворвусь в пункт управления и заявлю, что пошло оно все нахрен и мы открываем ответный огонь с последующим истреблением.

И я как на крыльях влетел по ступеням на мостик, быстрым взглядом оценил ситуацию на мониторах и, отрубив надоевший мне телефон, сорвал с рук перчатки. Операторы наперебой докладывали о прорывах вдоль всей границы. Вспыхнула разом Америка, Европа и мы, Старый Урал. Дальний Восток скрипел, но держался. Достаточно. Хватит.

Я положил руки на свой пульт и одной мыслью вызвал на связь все каналы с другими Базами, а так же подключился к выделенной линии для Пилотов и пограничников.

— Внимание всему воздушному флоту, — железным тоном объявил я. — Вводится красный код опасности. Все нарушители, вышедшие за границу, должны быть уничтожены.

Для предотвращения дальнейшей угрозы военно-воздушному флоту рекомендуется действовать по плану «Аврора». Для этого весь ведущий летный состав должен немедленно проследовать по координатам 67 градусов 47 минут северной широты — 33 градуса 36 минут восточной долготы. Воздушные Базы, столкнувшиеся с трудностями при обороне также могут проследовать в эти координаты для получения всего необходимого для защиты Полисов от вторжения. Повторяю, план «Аврора» вступает в силу немедленно.

Вот и все. Вот и начало войны.

Я сбросил координаты точки по всем каналам после окончания вещания. Осталось совсем чуть-чуть.

— Ганс, включай сигнал тревоги и активируй все взлетные полосы. Майк, заводи беспилотники и выпускай роботов. Джил, зенитные орудия к бою. Обеспечить прикрытие взлету транспортников. Всем присутствующим быть готовыми к скорейшему вылету последнего самолета!

Со всех сторон слышалось разноголосое «Есть, сэр!» Операторы мигом бросились выполнять свою работу. Все остальные офицеры и летный состав Луна Гранты и так знали, что делать в случае объявленной операции. Я знал, что в эту минуту поднимаются в воздух все Пилоты и готовятся ко взлету самолеты с курсантами. Служащие, техники и медики собирались в ангаре с вертолетами. База мобилизовывалась для скорейшего перемещения на Аврору и лишь небольшая группа Пилотов оставалась в Центре Управления в накрепко защищенных бункерах. Им выпала роль вести огонь отсюда и бросать в бой все оставшиеся истребители, чтобы удержать врага и дать нам время собраться с новыми силами. Луна Гранта оживала, чтобы дать решительный отпор врагу. И я должен был быть вместе со своими людьми! Должен был вести свои корабли в место их единственной надежды на выживание. В место, из которого мы решим судьбу без малого всей планеты.

Но я бежал сейчас не для того, чтобы быть со своими людьми. Я несся по коридору, огибал людей и даже кого-то оттолкнул с дороги, чтобы выбежать на улицу. Я помнил, что на одной из площадок должен быть вертолет. Он нужен был мне! Позарез нужен и как никогда раньше!

— Командор! — донеслось в мой адрес уже на улице. — Джейкоб!

Я затормозил и обернулся. Меня со всех ног нагонял Янкинс. Остальные вроде бы не обратили на меня внимания и были заняты своими делами.

— Джейкоб! Ты куда?! — этот старый змей даже не запыхался.

— Мне нужно слетать до Полиса. Я догоню вас, — ответил я как можно уверенней.

Янкинс недоверчиво прищурился и сообщил.

— Там на стоянке пусто.

Струна в моей душе вновь натянулась и зазвенела. Мне казалось, что если она лопнет, мое сердце просто остановится.

— Я не могу без семьи, Ян, — взмолил я. — Я должен забрать их из Полиса, пойми.

И этот старый горе-прапорщик, который был моложе меня вдвое и вечно страдал со мной за рюмкой от одинокой жизни — понял. Огляделся по сторонам, не видит ли кто, затем взял меня за локоть и кивнул в ближайшую, оставленную на стоянке машину.

— Садись быстро.

Я сел. Послушался. И позволил ему довезти меня с ветерком через половину Базы к ангару запасной техники, до которой пока не докатилась суета общей тревоги. Он даже сопровождал меня до вертолета, добрая душа, на случай если кто-то увидит меня, и не дай

небо подумает, что я бегу с Базы. Ну, правда! Ведь вышло бы очень неловко.

Но на пути нам не попался никто. Техники были все в главном ангаре, а машины отсюда поднимут только по особому распоряжению.

— Завести то сможешь? — в шутку спросил Янкинс, глядя как я карабкаюсь в кабину двухвинтовой грозной боевой машины.

Я залез в кресло пилота и только потом посмотрел на него долгим взглядом. Издевается же, гад!

— Ладно-ладно. Ехай! — махнул он на меня рукой и улыбнулся.

— Тебе здесь нечего делать, Ян. Может, все же полетишь со всеми на «Аврору»? — в надежде спросил я у него очередной раз.

Улыбчивый прапорщик хищно прищурился и даже на пару секунд задумался. В небе около границы слышались первые звуки боя.

— Хрен! — в итоге решился Янкинс и захлопнул мне дверь кабины.

Я грустно покачал головой и козырнул ему. Он ответил, а потом махнул обоими руками: «вали уже!»

Оставалось расслабиться. Я расстегнул китель и верхние пуговицы рубашки. Перчатки и так торчали у меня из кармана, поэтому я лишь надел на голову шлем и пристегнулся. Пора!

Ладони легли на штурвал, и я легко, словно по ледовой горке проник в «мозги» машине и отдал приказ заводиться. Лопасты захлопали над головой, но я уже был полностью погружен в начинку вертолета, чтобы слышать такой посторонний шум. Пока винт набирал обороты, я налаживал сигнал связи и выходил на нужную волну. Теперь я не пропущу ничего с фронта. А если потребуется — вставлю свое слово. Потому что я могу. И потому что это моя война, а я за нее отвечаю. Я надеюсь не встретить на пути проблем. Тогда я даже прибуду на Аврору в числе первых. Ну что ж?

Взлет!

Машина словно отталкивается от земли и летит некоторое время спиной вперед. Легкое чувство невесомости, а затем я разворачиваюсь под винтом и налегаю всем весом в нужную сторону. Лопасты покорно подстраиваются под мою волю, и вертолет, наращивая скорость, устремляется к Полису.

И только теперь, в условиях короткой передышки я вспомнил, что так и не посмотрел на упавшую на пол монетку!

Старый дурак и суеверный балбес! Не возвращаться же теперь из-за этого. Так что черт с ней, с железкой. Обстоятельства победили меня, а что там выпало на ней — уже не важно. Можно решить, что это дурной знак. Ведь с тех пор, как мне пришли новости об этих Небесных Первородных, покой у меня закончился. Ненавижу их... Сильнее, чем кваари — ненавижу. За то, что вмешались в жизнь нашей планеты сотню лет назад. За то, что вынудили людей уйти под землю. За то, что из-за вас, безликие сволочи, я стал таким. Вы заявляете о себе как о высшей расе, толкающей других к совершенству, но что вы такое, чтобы судить! Вы приходите на планету, когда она подыхает от безумства, и меняете все на корню. Вы толкаете других выживать и опускаете большинство лицом в грязь. Уничтожаете всё, ради рождения нового. Но кто дал вам это право! Почему ВЫ решаете судьбы цивилизаций и не даете им иного шанса? Вы считаете, что шансов нет? Почему? Вы умеете смотреть в будущее? Тогда хрен вам, как сказал бы мой друг Янкинс. Я покажу, что человечество еще чего-то стоит. Я покажу, что мы можем сами вырвать мир из безумства.

Вертолет нес меня на предельной скорости к Полису, а я сжимал в ярости его штурвал и

чувствовал, как нити единой интересети накаляются у меня под кожей. Не думал, что такое возможно. Легкое жжение охватило пока только ладони и заставило лишь немного покраснеть пальцы. Неприятно, но жить можно. Изнашиваюсь...

С момента как стеклянные небоскребы завиделись на горизонте прошло не более пары минут. Винт натужно ревел, исправно неся меня вперед. В график я вполне укладывался.

Вызываю канал сотовой связи и через оператора лезу на волну. Создаю вызов. Генерирую сигнал. Сбавляю скорость и готовлюсь лавировать между небоскребами.

— Алло? — отвечает у меня в наушниках такой родной женский голос.

— Немедленно бросай все и бегом с сыном на крышу, — говорю я в микрофон предельно собранно, а сам бросаю вертолет из стороны в сторону, облетая стены зданий.

— Поняла! — после короткой заминки отвечает моя женщина и вешает трубку.

А хорошо, что я когда-то выкупил себе верхний этаж...

Гвардейские воздушные мобили попытались преградить мне дорогу как охамевшему нарушителю, но я отмахнулся от них волной высокочастотных помех, которые мог излучать мой вертолет. Так я выяснил, что это дезориентирует не только жуков кваари, но и человеческую технику. Забавно! Век бы не знали.

Вот передо мной выросла знакомая крыша, и вертолет резко сбавляет скорость, закладывая сумасшедший вираж и почти ложась боком на воздух. В нескольких десятках метров тяжелая машина выравнивается и невероятно грациозно для своего веса опускается как стрекоза на площадку. Подножки едва касаются бетона, и мне приходится чуть сбавить обороты, чтобы твердо усадить машину на крышу.

А в стороне около дверного проема в дом уже стоит моя женщина. В невзрачном домашнем сарафане и с распущенными волосами, которые неуправляемым каскадом взвились вверх от сильного ветра вокруг вертолета. Она крепко прижимала к себе нашего юного сына, чьи восхищенные глаза я разглядел даже с такого расстояния.

— Садись! — сказал я через динамики вертолета, и мой голос в механической обработке проревел на всю крышу, заглушая даже винты.

Пригибаясь от ветра, они побежали к вертолету, а я уже снова осматривался внутренним зрением по сторонам. Я не видел, как они забрались в кабину, но машина сообщила мне, что еще два ремня безопасности застегнулись, а вес вертолета увеличился на несколько смехотворных для такой тяжелой техники килограмм.

Женская рука мягко легла мне на плечо, и я понял, что теперь все в порядке, и мы можем лететь. Одно касание, и я уже спокоен. Не выхожу из контакта с машиной, не выныриваю в реальность, но просто успокаиваюсь, уверенно закрываю дверь вертолета и аккуратно поднимаю нас в воздух. Дальше можно не суетиться и не вытворять чудеса пилотирования. Все же семья на борту.

Мы покидали Полис без сожаления. Слишком чужим он стал для нас за последний месяц. Соседи недолюбливали нас и старались не разговаривать. Общество и вовсе готово было разорвать на части. Не надо нам такой жизни. Вот бы отдать всех этих «разумных» граждан кваари на съедение! Вытащить семьи всех Пилотов и лояльных граждан, а остальных бросить подышать в Полисах. Улететь бы с планеты вообще, и вернуться через годик на пустырь! Хороша мечта, да уж больно руки чешутся поучаствовать и лично разорвать врага в клочья, а потом окунуть «здравомыслящее» человечество мордой в грязь, которую сами же они развели и культивировали. Как же я ненавижу всех таких людей. Кто считает себя невероятно самостоятельной единицей общества и гнет свою независимую

линию, а потом оказывается в толпе таких же уникальных. Разношерстное стадо без лидера. Обманутое иллюзией собственной важности. Расскажи мне, человечество, почему я должен тебя спасти от самого же тебя? Почему я так из кожи вон лезу, чтобы раскрыть тебе глаза на правду? Я ведь не люблю тебя, стадо. Тогда что я хочу от тебя?

А хочу я, чтобы ты перестало быть стадом, а стало единым организмом. Вот и весь ответ. Чтобы ты одумалось и взялось за руки, а не тупо стояло плечо к плечу. Хочу, чтобы все в едином порыве стремились к цели, а не цвели как плесень на Земле, бездумно проживая годы.

Я верю в свою правоту, а значит пойду до конца. Чего бы мне это не стоило. Я буду биться за тебя, мое нерожденное пока светлое человечество. Буду убивать ради того, чтобы ты, глупое, жило в мире. Буду прокладывать тебе дорогу вперед, и пусть даже я выложу ее начало из чужих костей. Когда-нибудь ты поймешь, что я был прав. А пока крепись, человечество. Закрой глаза как малое дитя и не смотри, на то, что будет твориться дальше. Потому что тебе будет больно, а я излечу тебя от болезни.

На протяжении всего пути я не переставал слушать новости и переговоры операторов на Базах. К концу дороги голова уже начинала откровенно пухнуть от информации, но отключаться было нельзя. Все каналы СМИ наперебой вопили о войне на Границе. Где-то кваари прошли двухсоткилометровую зону и напали на первые поселения. В Европе под ударом оказались все Базы, но по сообщениям от них я понял, что весь летный состав уже давно перебрався на Аврору. Америка огрызалась беспилотниками и тоже перебиралась в сторону «Проекта 116». Отчасти, им было спокойнее всего. Канадские Полисы располагались дальше всего от границы, а лояльные отряды пехотинцев выставили непробиваемую завесу для всего воздуха перед Полисами. До сих пор все было неясно на Дальнем Востоке. База Виктора не пострадала, но сам он, судя по сигналу, был уже на Авроре. Хорошо. Он быстро разберется, что там к чему.

Что же касается Луна Гранты, то кваари прошли ее и почти не тронули. Во время воздушного боя пострадала знаменитая вышка и несколько корпусов академии. Взлетка была безвозвратно разбита, но многоуровневый ангар и ЦУП стояли, и даже не оплавилась. В принципе, взлетка была не столь важна. Мы использовали ее исключительно для посадки истребителей и подъема больших самолетов. А раз все транспортники взлетели, то истребители можно было и не сажать. Сидящие в бункере Пилоты не жалели технику и гоняли ее до последнего издыхания. Держитесь. Скоро мы ответим.

Я вел машину невысоко от поверхности, а потому, когда мы вылетели за очередную скалу, Аврора развернулась перед нами во всей своей небывалой красоте.

В лучах заходящего солнца мерцал ее усталый солнечными батареями распластанный купол. Под ним, ниже поверхности земли, сужался изящной линией толстый, как у гигантского гриба, «ствол» — непосредственно вся административная часть, техническая, и ангара. Много секторов с ангарами. И вся эта дикая на первый взгляд конструкция покоилась в невероятной по глубине и ширине воронке, оставляя выше линии земли только мерцающий купол. Воронка около трех километров в диаметре и километровый купол выглядели потрясающе. Невероятное торжество человеческой мысли и архитектуры! Самое неожиданное, что мне пока доводилось видеть. Аврора была похожа на распахнувшего гигантский зев червя, вырвавшегося из-под земли. Но и это сравнение было неточным, потому что все-таки она была изящной и грозной.

В огромный круглый зев в самом центре купола, с которым и близко не могли

конкурировать самые большие по диаметру стадионы, летел нескончаемый поток мелких, как песчинки, самолетов. Самые большие из них, те, что Аврора не могла принять в свой главный ангар, она захватывала на управление и сажала по спирали на глубину воронки. Я помнил, что там когда-то начинали строить самостоятельный город с пятидесятиэтажными домами и двухуровневой дорогой.

Когда я приблизился на своем вертолете в зону действия радаров, программа Авроры деликатно поинтересовалась, хочу ли я передать ей контроль в управлении. Автоматику я никогда не любил, но сейчас, пока еще на Базе творилась полная неразбериха, я доверился автопилоту и полностью отключился от машины.

Можно было выдохнуть. Я посмотрел на свою семью и заметил, как оба вертят головами по сторонам, насыщаясь впечатлениями. А действительно, было чем.

Вертолет было решено посадить в главный Зал. Сперва мы долго и неторопливо летели над непрозрачным куполом. Все потому, что трафик был крайне плотным. Но когда мы подлетели к краю купола и на пару секунд зависли над громадным зевом, даже я не удержался и с любопытством посмотрел в боковое стекло вниз. Высота меня не пугала, но глубочайший Зал, напичканный вертолетными площадками, шлюзами, ведущими к самолетам, лестницами, лифтами и морем других дорожек для людей заставил мурашки побежать по моей спине. Красиво, демоны вас раздери! Просто красиво!

Автопилот мягко начал опускать наш вертолет, минуя сотню этажей с ангарами. Сотню! Нет, это явно лучше назвать ульем для нашей техники. Круглое, полое внутри, с нескончаемыми ячейками, в каждой из которых ждет своего часа самолет нового поколения — ЭЛИС. Это сказка. Пусть меня ущипнут.

А в центре этого круглого зала, как игла, торчала навороченная многосекционная диспетчерская, увенчанная на крыше громадным радаром в форме тарелки. Я не был уверен в своих предположениях, но зарекся спросить у операторов, умеет ли эта штука накрывать Аврору силовым полем. Я не удивлюсь, если умеет.

Вертолет незаметно коснулся площадки и сообщил нам, что мы прибыли. Я вежливо ответил искусственному интеллекту «спасибо». Заслужил. Потом открыл дверь кабины и бодро прыгнул вниз. Глаза сами невольно поднялись вверх, и я восторженно окинул взглядом всю эту сферическую громадину изнутри. Нас высадили даже не на первом уровне, а где-то на двадцатом, и зрелище было потрясающее. Нет, я явно не перестану удивляться!

Я открыл дверь вертолета и помог своей семье спуститься на площадку. И только закрывая машину, я случайно обратил внимание на свои ладони. Кожа вдоль линий сети так и осталась розовой, но начинала покрываться мелкими волдырями как от ожогов. Плохо. Пришлось достать перчатки и снова надеть их.

— Джейк! — окликнул меня бойкий мужской голос, чье ироничное звучание я, казалось, уже забыл лет как пятнадцать назад. — Эй! Я тут!

По лестнице к нам на площадку стремительно взбиралось лохматое нечто, бесцеремонно распахивая обслуживающий персонал. Годы-годы! Что вы делаете с нами! Не подай ты голос, курчавое безобразия, я бы может и не узнал тебя.

— Стив, скотина! — вырвалось у меня на одном дыхании, а затем меня скрутили в крепкие, чуть ли не медвежьи объятья.

— Ууу! Отожрался! — охлопывая меня по плечам, скривился старый сослуживец.

— На себя посмотри! — хохотал я.

В ответ он загоготал, ткнул в меня пальцем и подмигнул.

— Опаньки! Знакомые все лица! Здравсте! — кивнул Стив в сторону моей супруги, а потом мигом сменил тему. — Ты не представляешь, какой тут фулл-хаус собрался! Шум-гам. Народ только тебя и ждет. Не, я им, конечно, предложил забить на тебя в баню, но все такие преданные оказались, что аж стыдно стало. Кстати да, надо будет дать Клайву подзатыльник.

— За что? — все еще глупо улыбаясь от радости, спросил я.

— Он мне проспорил и не поверил, что ты по-прежнему выше него по росту, — съехидничал Стив.

— О боги! — я закрыл глаза и хлопнул себя ладонью по лицу.

— Да! Именно такой жест он тоже изобразил.

Я снова расхохотался, а потом предложил идти. Нужно было как можно быстрее присоединиться к остальным и уже начать какие-то действия.

Во время всего нашего пути на «мостик» Стив трещал, не умолкая. В основном подкалывал меня и в сотый раз напоминал, что я не изменился. А я слушал его и умилялся, вспоминая былые времена. Ностальгия охватила меня, и почти весь путь как-то прошел мимо незамеченным.

По дороге меня отловили мои помощники и отрапортовали, что Луна Гранта успешно передислоцировалась на Аврору и все заняли свои места. Я принял информацию, а в ответ передал одному из них свою семью на попечение. Больше на мостике им делать было нечего.

Мы со Стивом поднялись на очередной широкий балкон, устланный металлическими плитами и огороженный строгими железными бортиками. Дальше балкон вел к широкому шлюзу, который, в свою очередь, нырял в неизведанные еще просторы административной части. Но сейчас командиры Баз ждали меня именно на этом балконе. Одиннадцать из них, если быть точнее. Все, кто был со мной в сговоре, все, кто поверил и успел добраться, а также те, кто просто выжил. Нерадостные новости сообщали, что Тихий океан и Индонезия полностью разбиты.

Я предстал перед ними при полном параде. Рубашку и китель я застегнул еще по пути. Меня встретили холодные и строгие взгляды, по которым я с ужасом не мог ничего понять. Я почувствовал себя перед ними, словно перед Сенатом. Беззащитный, просвечиваемый насквозь мрачными взглядами.

Но вот Виктор, замученный, суровый воин с глазами ворона, чуть склонил голову набок. Оценивающе окинул меня взглядом. А потом заявил один за всех:

— Ждем ваших дальнейший указаний, Генерал.

«Райнер... Сволочь. Мерзавец. Конченный урод.... Как он посмел оставить нас здесь, шпион хренов. Ненавижу. Выйду из Колонии, найду его и поквитаюсь... Чтоб запомнил, каково это — оставлять товарищей на волю судьбы и этих тощих серых куриц».

Остановить Дэниела в его ярости было практически невозможно. Как только пехотинец бесследно ушел и снова оставил их в первой камере для допроса, Пилота будто прорвало. Окажись в комнате неприкрученная к полу мебель — она полетела бы в стену. А так Дэниел лишь попытался сломать дверь, через которую ушел Райнер. Но вскоре за троицей пришла конвоир и сопровождала товарищей отбывать остаток наказания в карцере.

Весь следующий день из Дэниела нельзя было выудить и слова. С его уст срывались проклятья и ругань, относящиеся как к пехотинцу, так и к обстановке вокруг. Как ни в чем не бывало, наутро их снова погнали в поле. Под палящее солнце, с одной лишь фляжкой воды на троих, без перерыва на еду и перекур. Хотя, что здесь действительно было запрещено — это сигареты. И поэтому Дэниел убивался еще и от никотинового голодания. Возможно, его гнев на Райнера не был бы так велик, имейся у Пилота хотя бы сигарета в день. Но сейчас даже Грэйс не могла вернуть Дэниелу хорошее настроение. Более того, они с Майрисом были почти уверены, что если бы не угроза снова оказаться в карцере, их товарищ с радостью убил бы кого-нибудь из хвостатых чужих.

В тот день солнце жарило особо нещадно. На глазах у Пилотов уже трое полевых работников свалились от теплового удара. Если бы гнев Дениела не был бы так силен, то жертв, павших от жары, могло быть и больше. А так — работая на износ из последних сил, Дэниел завершил свою дневную норму раньше товарищей и добрался до единственного тенька под крышей складского помещения. Как назло — под рукой не было фляжки с водой. Хорошо было бы сейчас облиться кружкой воды сверху. Чтобы стереть с лица прилипшую пыль, пригладить спутанные в кучья волосы. А еще потом взять вторую кружку и вылить на обожженную спину.

«Все-таки в лесах у этих тараканов был один единственный плюс. Там хотя бы было прохладно», — мельком подумал Дэниел и, сев на корточки, прислонился к стене склада. В поле на дорожках еще продолжали работать товарищи и другие индивидуумы, прозябающие в этих краях остаток своих дней. Нет, в Колонии никого не убивают намеренно. Наоборот, в Колонии заботятся о здоровье трудящихся, лечат от заразы, выдают химию от мозолей. Даже выделяют по лишней фляжке воды в день. Но единственное, что в этой Колонии ничерта не ценят — так это умение некоторых хорошо работать, чтобы потом вволю отдохнуть.

Сам не помня как, Дэниел задремал у стены, опустив голову на руки.

О том, что где-то в его жизнь закрался подвох, Пилот понял уже только во сне.

Проснувшись, как от удара, Дэниел мгновенно забыл о сне и суматошно огляделся по сторонам. Его никто не будил. Тем более, никто не бил. Все вроде бы было на своих местах — работяги копали, солнце было еще высоко. Но по тням Пилот быстро оценил, что продремал около получаса. Неслыханная наглость во время рабочего дня! Тогда с какой стати его никто еще не хватился?

Дэниел присмотрелся получше, затем выглянул из-за склада и поискал надзирателей. Все были на поле, но кучковались группами и напряженно взмахивали хвостами.

«Чё это они? Неужто случилось чего?»

Потом Дэниел заметил, что работать на поле никто особо не горит желанием. Народ растерянно вертит головой по сторонам и пожимает плечами. Судя по всему, всё это несуразное брожение длилось уже не первые минуты, и люди успели ощутить расплывающуюся неразбериху.

Дэниел помахал руками, привлекая внимание своих товарищей, и жестами спросил, что случилось. Майрис неопределенно пожал плечами, а Грэйс и вовсе не отреагировала, буквально превратившись в сплошной локатор и улавливающий все долетающие от надзирателей фразы.

Майрис огляделся по сторонам, а затем решился и сошел со своей дорожки в тень к Дэниелу. Серые на него даже не обратили внимания.

— Ты думаешь о том же, о чем и я? — спросил Майрис.

— Не уверен, — подозрительно взглядываясь в морды чужих, ответил Пилот.

— По-моему, наша подруга что-то поняла, — решил парень, заметив вспыхнувшие изумлением глаза Грэйс.

— Как бы не накаркал, — буркнул Дэниел.

Следом за этим Грэйс бросила свою лопату, где стояла, и решительным шагом пошла к Пилотам, не забывая оглядываться на надзирателей. Но те, как по заказу достигли пика своего напряжения и не менее торопливо направились куда-то к домам. Про поля и работников на них все просто позабыли.

— Пора! — шикнул транслятор Грэйс. — Валим.

— Уже?! — воскликнул Майрис. — Но Райнер говорил про пару суток.

— Пофиг, что он говорил, — огрызнулся Дэниел, — Что стряслось?

— Война, — коротко ответила Грэйс.

А затем Колонию прорезала сирена воздушной тревоги.

Одинаковый и понятный для всех, заунывный и мерзкий сигнал ворвался в каждый закоулок, каждый подвал Колонии и долетел до самых дальних участков полей. Люди и Серые на миг замерли от удивления, словно не доверяя своим ушам. Но сигнал гнал их с места и нырял в самые души, порождая панику.

Чужие подорвались так, будто тренировались этому каждые сутки. В едином порыве все, кто находился в зданиях над землей, высыпали на улицы и без излишней суеты, строго по своим маршрутам стали нырять один за другим в ранее закрытые или неприметные подвалы. Как самые настоящие ящерицы, они разбегались по щелям от шума и воя тревоги. Никто не сталкивался друг с другом, все умудрялись удивительным образом разминуться по пути, и даже «цветные», казалось бы, напрочь лишенные чувства организованности, как послушные роботы, в считанные минуты разбежались по углам.

Зато люди составили им полную противоположность.

Кто-то падал на колени, зажимая уши руками, и орал в унисон сирене сумасшедшим голосом. Кто-то метался по улочкам, пытаясь пролезть за Серыми в подвалы, но их жестоко выпихивали обратно. Другие флегматично оставались на местах, понимая, что в их положении «гостей» бессмысленно суетиться. Со всех сторон слышались встревоженные вопросы: «Кто напал?» «Где?» Ответов было еще более дикое множество. Были версии, что первыми напали люди, другие заверяли, что прошли границу квари. Никто не знал достоверно — выходов на СМИ ни у кого не было. Кто-то услышал от Серых, другим рассказали товарищи. Слухи могли пройти и от дежурных пограничников, да разве они скажут явно?

Только троица друзей резко выделялась из всей толпы, несясь целенаправленно в одну сторону, расталкивая кого можно на своем пути. Теперь уже ни Майрис, ни Дэниел не следили за приличием и юрко проскакивали между народом, иногда распахивая замешкавшихся. Грэйс бежала чуть позади и прислушивалась ко всему, стараясь впитать как можно больше подробностей.

Как бы парням не хотелось, но сперва им пришлось забежать в свою комнату в вонючем общежитии, чтобы достать из своего импровизированного тайника в отслаивающейся на стене штукатурке оружие, выданное Райнером. На этот раз Дэниел даже не стал претендовать на пистолет, а смело отдал его Майрису.

— Быстрее! Они могут закрыть наш подвал, — поторапливала их на улице Грэйс.

— Но почему воздушная тревога? — на бегу спросил Дэниел. — Они и сюда летят

бомбить?

— Не знаю! Может, предосторожность? — предположила Грэйс.

— А что тебе подсказывает инстинкт?

Как стрелок Майрис старался беречь силы и дыхание, поэтому не вмешивался в перекличку друзей на бегу.

— Что самым слабым надо прятаться.

Здание камер временного содержания находилось почти у самой стены, и товарищам пришлось пробежать почти половину Колонии, чтобы добраться туда. К концу их забега уже все, кто мог, попрятались по подвалам, а люди в ужасе скучковались на открытых территориях, потерянно озираясь по сторонам.

Грэйс выбила дверь в здание ударом ноги и пригнулась, давая Майрису прицелиться. Но коридор, на счастье, оказался пуст, и троица со всех ног бросилась по знакомому маршруту. Каждый новый поворот коридора Майрис встречал, выглядывая из-за стены с нацеленным в проход пистолетом. Но здание временного содержания будто вымерло. С улицы продолжала доноситься сирена воздушной тревоги. За некоторыми дверьми камер слышались жалобные завывания и просьбы выпустить. Майрис шел, не обращая внимания на посторонние звуки, что возможно спасло его. Его нервы были обострены до предела. Выглянув из-за очередного поворота, он уставился стволом на двух спешащих по своим делам Серых и расстрелял их раньше, чем осознал угрозу. Уже потом он понял, что чужие могли пройти мимо и не заметить их, скрыться в соседней комнате или спуститься на другой этаж. Да какая была уже разница! Не повезло им, что попались на пути, и всё.

Грэйс указала на нужную дверь в подвал, и Майрис, уже не заботясь о создаваемом шуме, выстрелом разворотил замок в клочья. В подвал к запасному вертолету троица спустилась без особой предосторожности, как к себе домой.

Сперва они попали в небольшую комнатку с проводами и трубами вдоль стен, которая очень напомнила им подвал прошлой ночью. С единственным исключением — вместо одной двери из комнаты протягивался вглубь узкий и едва освещенный алыми лампами аварийного света туннель. По обеим стенам, которые строители Колонии даже не потрудились обработать бетоном, тянулись пучки тяжелых кабелей в железных скобах. Недолго думая, друзья метнулись туда.

С каждым шагом туннель наполнялся все большей свежестью. Было очевидно, что с той стороны он заканчивается прямым доступом на поверхность. Ребята прибавили шагу, почувствовав первый признак свободы. Дэниел начал предвкушающе улыбаться, Грэйс немного расслабилась, и один лишь Майрис не терял бдительность, по прежнему не пряча пистолет.

— В первую очередь — надо попасть на Луна Гранту! — шепотом рассуждал Дэниел. — Там узнаем, что происходит, найдем Командира, скажем, что готовы лететь, и вдарим по самые гланды этим жукам!

— Если хватит сил, — добавила Грэйс.

— Конечно, хватит. У меня на битье жуковых задниц открывается второе дыхание, — азартно заявил Пилот.

— Это если мы долетим... — мрачно заявил Майрис, выходя на открытое пространство и опуская руки с пистолетом.

— Что ты имеешь в... — запнулся Дэниел, выйдя следом.

— Неплохо, — попробовала поддержать Грэйс. — Могло быть и хуже.

Перед ними на старом, проржавевшем, массивном лифте на гидравлических подъемниках стояло «корыто». Вернее, так бы обозвали этот вертолет Пилоты — из жалости, потому что эту старенькую вертушку было даже боязно оскорблять. А то развалится.

— Да чтоб я сдох... Это ж «восьмерка»?! — перекосило от удивления Дэниела.

Потертые камуфлированные бока пухлого транспортника, большие грязно-зеленые и песочного цвета пятна. Наличествовали остатки алой звезды на боку и заросшие толстым слоем пыли простые, неэлектронные стекла.

— Откуда?! — все еще восклицал Дэниел. — Каким чудом это здесь оказалось?

— Оно точно не рассыплется? — засомневался Майрис, осторожно подергав ручку двери в кабину.

Но Дэниел не ответил. Так и забыв захлопнуть рот от удивления, Пилот обходил кругами доисторическую технику и периодически трогал ее пальцами, будто проверяя на прочность.

— Вы меня извините, — засмуцалась Грэйс, прижав хвост к ногам. — Но с этим я помочь не могу.

— То есть? — встрепенулся Майрис.

— Я это не знаю, — вжала голову в плечи инопланетянка.

— То есть, ты хочешь сказать, что не сможешь увезти нас на этом?!

— Нет.

— Но я тоже это первый раз в жизни вижу! — возмутился Майрис. — Дэн!

Пилот тем временем решился и дернул за ручку. Дверь поддалась и распахнулась, обдав Пилота облаком пыли. Дэниел скривился, помахал рукой перед лицом и заглянул в кабину. После чего осел и вроде как даже обреченно заскулил.

— Дэээн? — с просыпающимся червячком страха в груди спросил Майрис. — Ты сможешь нас увезти отсюда?

— Полноценное ручное управление без нейроподключения. Отсутствие электро-табло с маркерами целеуказателей. Рычаг. Педали. Компас... — бубнил себе под нос Дэниел. — Как думаешь, Май, в наш век вообще кто-нибудь имеет дело с таким примитивным набором?

— Я не спрашиваю, что ты там увидел, я спрашиваю можешь ли ты ЭТО поднять в воздух? — начал тихо звереть от отчаяния Майрис.

— Я попробую, — очень скромно и очень неуверенно ответил Дэниел, пожимая плечами.

Не тратя времени, Грэйс юркнула в вертолет и вжалась в сидение, впервые не зная, чем помочь. Дэниел покрутился по сторонам в поисках тряпки, чтобы протереть стекла, но когда не нашел таковой, решился пожертвовать футболкой. Майрису досталось разобраться с генератором и поднять лифт.

Примерно через десять минут все были готовы, и Дэниел забрался в кабину, продолжая то ли восхищаться, то ли ругаться при виде старой техники. Первично ощупывая рычаги управления, Пилот пытался заставить себя привыкнуть к необычной обстановке.

«Не сложнее, чем на мотоцикле. Он тоже не подключается напрямую. Так чего ж бояться? Это же легко. Я Пилот, в конце концов, или нет?.. А настоящий пилот заставит взлететь все, что летать не может...»

— Готов? — крикнул от пульта управления лифтом Майрис.

— Типа! — отозвался Дэниел.

— Поднимаю!

И, опустив рубильник вниз, парень подал питание на механизм, а затем включил гидравлику на подъем. Одновременно с этим крыша подвала стала медленно разъезжаться в стороны, осыпая вертолет песком. Лифт неохотно тронулся вверх, и Майрис легко вскочил на оторвавшуюся от земли платформу, а затем и в сам вертолет.

— Так, напомни мне, где ты учился им управлять? — невзначай спросил Майрис, с любопытством изучая аппарат изнутри.

— Нигде... — заводя вертолет наугад и поглядывая на раскручивающиеся лопасти, тихо ответил Дэниел.

— Как же!? — даже подавился от смеси удивления с ужасом Майрис.

— Ну вот и проверим заодно, не зря ли я читал всю Популярную Механику в свое время, — всплеснул руками Дэниел и взялся за рычаг.

Грэйс украдкой косилась в иллюминатор, за которым медленно опускалась поверхность земли. Лифт натужно скрипел, но поднимал вертолет вверх. Дэниел вчитывался в письма на приборах и корчил странные выражения лица. Половину он явно не понимал. Майрис тяжело сглотнул.

— Кстати, хочу поздравить, что у нас есть все шансы долететь, — заявил торжественно Дэниел. — Машинку недавно переоборудовали на новое топливо. Так что — до Луна Гранты дотянем!

— Только ты обеспечь нам этот шанс, — буркнул Майрис, вцепившись руками в кресло.

— Я же сказал — попробую! — оттягивая ручку шага-газа, сказал Дэниел, и вертолет нерешительно оторвался от площадки лифта и поднялся в воздух, лицом к закатному солнцу.

На Аврору опустилась ночь. Но еще никогда ранее она не была наполнена такой суетой, царящей повсюду. Разъезжали на небольших специальных тачках техники. Получали свои полетные задания Пилоты. Люди распределялись по секторам и осваивались на новом месте, почти не получая перерыва. На Границе еще вели бой оставшиеся на Базах люди, но нам нужно было как можно скорее прийти им на помощь и ответить кваари.

Поэтому мы, двенадцать лидеров, собрались сразу после встречи на балконе в маленькой совещательной комнате. Операторы мигом вывели на настенный экран глобус с указаниями сил противника, а так же последние новости с горячих точек. По-прежнему полыхала алым Индонезия и сдался Тихий океан. Небольшая потеря, если брать в расчет отвоеванные там земли. Пока что люди еще ничего не потеряли.

С момент прилета на Аврору у меня не было времени даже присесть. Даже сейчас, озвучивая перед своими людьми план дальнейших действий, я стоял около доски, старательно показывая, откуда нам нужно нанести удар. В целом план был, конечно, прост, как и поставленная задача. Нам нужно было своей решительной и молниеносной атакой подвинуть кваари обратно на юг. И по моим расчетам, мы обязаны были отвоевать зону шириной минимум в тысячу километров, чтобы изменить устоявшийся порядок вещей. Что же касается максимума — то об этом остается только мечтать. Но у нас был один козырь.

— ...А поскольку мы знаем место стоянки их материнского корабля, то я намереваюсь сосредоточить основные силы в этой точке, — ткнул я своей авторучкой в зону между Черным и Каспийским морем.

— И ты хочешь уничтожить их материнский корабль, чтобы отрезать им возможность выращивать новых боевых жуков? — продолжил мою мысль Ральф.

— Совершенно верно. Это даст нам преимущество и позволит в будущем контролировать их популяцию в целом.

— По моим данным, там сосредоточено большое количество ульев, — сверяясь со своим планшетом, добавил Кэхел.

— Поэтому лучшие звенья должны отправиться туда и обеспечивать прикрытие тем, кто займется основным кораблем. Тридцать процентов всей нашей боевой мощи будет достаточно.

Командиры Баз согласно кивнули.

— Виктор, возлагаю на тебя обязанности контроля боевой обстановки всей Азии до зоны Кэхела отсюда с Авроры, — решительно заявил я.

— А ты сам? — вскинул одну бровь мой старый боевой товарищ.

— А я буду руководить боем за материнский корабль непосредственно с места событий, — без особой бравады ответил я.

Действительно, а где мне еще быть, как не там? Где я еще смогу получить наиболее достоверную картинку, как не из кабины самолета? Откуда нам известно, что мы встретим, подлетев к кораблю? Мои разведчики никогда не успевали долететь до той зоны и перехватывались заблаговременно.

— Насколько я знаю, нашим оператором еще не удалось наладить программу дистанционного пилотирования с Авроры, — нахмурился Виктор.

— Тогда полечу как есть, — почему мне приходится доносить до него очевидное?

— Джейкоб! — одернул он меня.

Вместо ответа я демонстративно нажал кнопку включения связи с операторами на столе и обратился в микрофон.

— Санди? Доложи, вы уже наладили ПО беспилотников?

В ответ мне с того конца бойко, но явно суматошно донеслось:

— Никак нет, сэр! Работаем над этим буквально в данный момент! Если нам удастся сейчас извлечь все коды доступа и вскрыть ядро для лучшего изучения, то это значительно ускорит процесс...

— Спасибо, Санди, — я отключил связь со своим ведущим программистом-оператором и снова обратился к Виктору — Видишь? Если не наладят, полечу сам.

— А если что случится? — засомневался он.

— Что? — я начинал уже терять терпение в этих бессмысленных разговорах.

— А то ты не знаешь, — хмуро посмотрел он на меня.

— Виктор, — терпеливо обратился я к сослуживцу, опираясь руками об стол, — тебе ли не знать, чего стоит каждый из нас, Вторых, в бою?

— Да, Виктор, — «проснулся» до этого молчавший на дальнем конце стола Стив. — Ты как вчера родился. Я вот, например, чувствую себя превосходно и готов порвать им всем клешни. Так что, Джейк, я с тобой к этим мордам.

— Эй, постойте! А тогда и я с вами, — прибодрился миглом Клайв, поняв, что наша команда готова собраться в полет еще раз.

— А не заржавел? — съехидничал Стив.

— Не дождешься! Джейк, пиши меня тоже.

С моей легкой подачи уже для двоих эта война стала всего лишь очередной игрой. Да и

у меня самого невольно всплыли короткие воспоминания о буйной молодости, когда почти в таком же составе мы гонялись наперегонки по сухой планете. А потом, когда люди создали прототипы самолетов — испытывали на прочность и их. Мы дружили целыми командами! Я, Стив, Клайв. Но были же еще и Виктор, Хунта, Майк. Наши любимые соперники которым всегда чуть-чуть не хватало безбашенности, чтобы побеждать. Зато у нас ее всегда было сполна. Может быть поэтому нас сейчас так тянет в самое пекло, а мы изворачиваемся и придумываем себе логические оправдания?

— Поэтому, Виктор, — подводя итог, сказал я. — Ты нужен мне тут на всю Азию. Удержишь?

— Обижаешь, — хмыкнул он и замолчал.

— В таком случае я прикрываю всю Америку, — заключил Ральф, косясь на готового к полетам жизнерадостного Клайва.

— Остальные — отсюда по своим зонам, — завершил я, выключая изображение на стене.

— Поверить не могу! Наша команда снова в строю! — донесся до меня восторженный голос Клайва, когда все начали вставать со своих мест.

А тем временем я снова связался со своими Операторами и отдал приказ объявлять всему летному составу боевую готовность.

Все дальнейшее смешалось, как в самых частых моих кошмарах. Огромная база оживала, собираясь нанести самый мощный отпор. От людей не было свободного пространства. Все бежали по местам, к центрам сборов, в узловые залы своих секторов, чтобы получить последние распоряжения и по финальному сигналу занять места в своих самолетах. Операторы уже заводили и прогревали технику. Рабочий состав спешно заканчивал проверять аппаратуру. Пилоты на бегу застегивали костюмы. Спокойными в этой ситуации оставались только некоторые командиры, которым не требовалось бежать в другие залы и собираться. Они знали свою работу и готовы были дать последние напутственные слова людям.

Я позволил своим помощникам сопровождать меня до зала общего сбора, потому что сам я ни за что не нашел бы туда дорогу. Последние распоряжения я высказывал им на ходу, в основном подтверждая ранее разработанный план действий. Мои люди знали, что я, возможно, захочу полететь вместе с Пилотами, и были готовы к такой ситуации. Однако кто-то все же выразил недоверие и предложил остаться, на что я ответил твердым отказом.

Я нужен своим людям там. В небе. Быть бок о бок с такими верными мне товарищами и сражаться наравне с ними. Я должен укреплять их боевой дух и вести вперед, во что бы то ни стало. Конечно, в условиях нашего современного мира я имел право воспользоваться дистанционным управлением, никто бы не посмел обвинить меня в излишней предосторожности. Но, как мне докладывали, до сих пор наладить эту систему так и не удалось. А потом, даже если бы она работала, я бы не сунулся туда. Потому что будь я на месте рядового Пилота, не было бы у меня полного доверия и преданности тому командиру, который прячется за стенами бункера и боится вылезти на открытый бой. Я не хочу, чтобы люди косо на меня смотрели. Знал, что не посмеют, но даже заставлять их сомневаться — не хочу.

А еще мне просто самому понравилось быть в небе. Целиком. Как в старые времена. Я чувствовал, как небо звало меня, и я рвался всей душой на открытое пространство. В самолете, будучи самым собой и единым целым с машиной. Я просто хочу туда. Так может, я

обманываю сам себя, придумывая идеалистические оправдания? Это мой бой, и я знаю, что должен принять в нем непосредственное участие.

Мы были уже почти в зале общего сбора, и только сейчас у меня выдалась минута, чтобы переодеться. Самолеты ЭЛИС устроены так, что Пилоту не угрожают перегрузки, но это не означало, что мне удобно было бы летать в парадной форме. Зато летный комбинезон был чертовски хорош. Прочная ткань с уплотнителями на травмоопасных местах была в меру легкой и эластичной. Не чета нашим старым бронированным скафандрам. Небольшие датчики повреждений протягивались линиями по всему костюму и пока бодро горели синим светом. Я сомневался, что случится нечто такое, что достанет меня внутри кабины самолета, но купился на удобство и продуманность костюма. Единственное, что мне пришлось в нем изменить под себя — это пренебречь перчатками и закатать рукава по локоть. В остальном же комбинезон сидел на мне как родной.

А потом настала пора выступить перед своими людьми. Я не любитель произносить долгие воодушевляющие речи, но промолчать мне было непозволительно. Поднявшись на один из ящиков с инструментарием, я оглядел мигом приосанившиеся ряды своих людей.

На короткий миг я задумался о тех, кто стоял сейчас передо мной. О тех, с кем мне придется лететь на войну. Молодые парни, мужчины, и не старые, нет, зрелые офицеры. Волки в своей стихии. Большинство из них даже не участвовало в сражениях крупнее проходящих на границе. Но я веду их на бой, чтобы сделать героями. Так что же я ощущаю в данный момент? Испытываю ли я ответственность перед ними? Глупый вопрос — конечно же, да. Я могу не любить толпу людей, но я люблю свою небесную семью. Эти люди, каждый из участников, все они — моя семья. Те, кто был со мной, и те, кто не оставил. Я могу не знать каждого поименно, могу оставаться холоден и убеждать себя, что потери на войне неизбежны. Я могу злиться от гибели моих людей, как от сбоя гигантского механизма всей военной машины, испытывая разочарование... Но сейчас я видел их глаза. И на короткий момент осознал весь груз на душе у каждого. У всех из них были семьи. Все они остались в Полисе. И люди, стоящие передо мной, были не просто солдатами. Они были теми, кто верит, что я приведу их к победе. И они готовы сражаться до последнего, чтобы защитить своих родных. Позволительно ли мне тогда совершать ошибки? Я думаю, ответ очевиден.

— Граждане планеты Земля! — благодаря поданному усилителю мой голос долетал в самые дальние уголки зала. — Сегодня у нас очень важная ночь. Ночь, равно которой по значимости еще не встречала наша планета. Сегодня — время, когда мы ответим нашим врагам за все многолетнее унижение. Мы ответим за всех товарищей, убитых на Границе. Мы ответим за невинных людей, погибших под нескончаемыми опытами. Мы ответим за наших детей, ушедших в леса и пропавших там без вести. Мы покажем кваари, что устали от их господства на юге! Возможно, некоторые из нас не вернутся домой. Но мы все должны помнить, что не отступим, пока не добьемся своего успеха. Мы будем сражаться до последнего, пока целы наши ряды и способны летать самолеты. И тогда — на исходе этой длинной ночи — мы сможем гордо заявить, что МЫ участвовали в ночи Освобождения! МЫ перекроили историю человечества и вернули ему власть на планете! Потому что это — Наша Земля!

Многоголосье поддержки ревом прокатилось по всему залу и команды Пилотов вскинули руки в торжествующих жестах. Восклидания и разномастные побуждения слышались со всех сторон, но я уже спустился с импровизированной трибуны и забрал у

помощника свой шлем.

Командиры звеньев отдали приказы всем занимать свои места в самолетах. Народ был готов. Народу не терпелось вылететь и начать воевать. Сколько лет мы ждали? Десять? Пятнадцать? Сменялись основные составы летных команд, но долгожданное право на войну нам так и не давали. Воздушные силы никогда не были пограничными войсками. Мы были армией. Посаженной на строгий ошейник и сдерживаемой законом. Все понимали это и терпели. Многие не дождались, ушли в отставку и затерялись в Полисах. Мы постарались собрать за последнюю неделю всех, кого могли. Многолетний состав военно-воздушных сил оголил клыки и принял боевую стойку. Ошейник снят, цель провоцирует и вызывает на бой. Флот ждет только последней команды «фас». Нельзя дать ему перегореть.

Я стремительным шагом захожу в отсек со своим самолетом и оставляю помощников за порогом. Дальше им идти не было смысла. Взбираясь по трапу, я подумал, что вот он момент, после которого больше не ступить шагу назад. Я вспоминал, что я мог забыть. Кому еще не дал указаний.

Я не попрощался с семьей. Эта мысль уколола меня в самое сердце, но я заставил себя огрызнуться. Нет времени на паузу! Нет сейчас в моей душе места лирике. Пока я собран и готов к бою — я должен оставаться таким. А лишние отступления могут только разжалобить меня и расслабить. В конце концов, я намерен вернуться, а незавершенные дела — самая обязательная традиция перед важным вылетом.

Колпак самолета сомкнулся над моей головой, и я погрузился во мрак. Но послушная электроника почувствовала пилота в своей кабине и мигом зажгла аппаратуру и экраны обзора. Самолет ничем не отличался от испытательных моделей. Собрат еще тысячам таких же машин на Авроре. Он проснулся и вежливо поприветствовал меня.

«Пожалуйста, выполните первичную идентификацию», — сообщил мне приятным тоном компьютер.

Дружище, хоть ты и не лучше и не хуже остальных своих клонов, но я все же сниму с тебя лишнюю сбрую.

— Санди, слышишь меня? — обратился я к своему Оператору через динамик шлема.

— Так точно, сэр! — мгновенно отозвался паренек.

Я положил руки на штурвал самолета и сперва поверхностно «прощупал» его начинку. Самолет нехотя поддался и попытался включить систему защиты от взлома. Я чуть отступил и мысленно пролистал его базу данных как каталог.

— Санди, можешь удалить у моего самолета все лишнее ПО? Оно мне мешает.

Гениальный и смекалистый оператор, который без чьей-либо протекции со стороны в свое время вырвался на ведущий уровень, призадумался. Программы были всего лишь его хобби, но так глубоко, как любил в них копаться он, порой не забирался даже штатный специалист. Месяца полтора назад я подкинул ему коды оболочки ЭЛИС и, как оказалось, не прогадал.

— Да, могу, — после паузы ответил оператор, видимо открыв перед собой нужное окно.

— Тогда удали систему голосового управления. Визуализацию. Удали все вот эти помеченные файлы.

Я отсылал ему сообщения с пометками и выделял кусочки кода, которые явно утяжеляли мне понимание. Все-таки любопытно, как способно трансформировать информацию человеческое воображение. Я отмечал в своей голове файлы, наделял их какой-то отличной от других маркировкой, а мой оператор стирал кусочки кода на экране

монитора. Самолет при этом словно замер и не вмешивался в нашу возню.

— Сделано! — радостно заявил Санди.

— Все еще много лишнего... — недовольно отметил я. Что-то грузило. Мне не нужен «конь», закованный по самые уши в латы. Я вполне могу сам уходить от ударов и уводить машину. Тогда что же еще убрать? Защита — и так самый минимум оповещения. Система наводки ракет — нужна обязательно. Целеуказания оставлены, но убрана графическая составляющая. Библиотека звуковых оповещений тоже усечена. Ядро управления — не трогаем ни в коем случае. Тогда что? Ах да! Как я мог забыть! — ...Удали блок автопилота.

— Но, сэр, — замешкался Санди. — Это крайне опасно. Машина может...

— Делай!

— ...Готово.

С глаз как будто сошла пелена. Обзор стал ясным и четким. Ничего лишнего. Как в старые добрые времена — воин и его оружие.

— Спасибо! Так намного лучше! Будто скинул лишнюю сотню кило.

— Сэр, требуется небольшая диагностика, проверка параметров совместимости...

— В полете будет тебе диагностика. Я взлетаю.

— Удачи, сэр!

Оператор отключился, а я, минуя обходные каналы, уже вызывал на связь Клайва и Стива.

— Все готовы?

— Да! — отозвался Клайв.

— Стив?

— Ща поедем!

— Твою ж мать, Стив, что там делаешь?

В свою очередь я почувствовал, как Клайв «подглядел» за напарником по сигналу.

— Пристегиваюсь! — огрызнулся товарищ. — Уж и покурить-то напоследок нельзя.

— Все еще?.. — хмыкнул Клайв.

— Да с вами уже «опять», — пробурчал он где-то там далеко, но в то же время у меня в голове. — Все, можно лететь!

— В таком случае — колеса в воздух, — огласил я и оторвал самолет от пола.

Легкий посыл вперед, машина скользит по воздуху в сторону открытого шлюза, а главный компьютер Авроры уже предлагает мне удобный воздушный коридор для вылета из кратера. Я выравниваю самолет по маршруту и даю ему скорости. Словно пуля, вылетаю из узкого шлюза и взмываю по дуге вверх. Ни джоуля перегрузки. Ни ветерка в лицо. Но я ощущаю вздымающиеся на крыльях машины чешуйки и чувствую, как они вибрируют от изменения вектора тяги. С этого момента я стал машиной, а она стала мной. С тысяч ячеек вырывались сейчас в небо другие корабли и, как рой, вылетали из-под земли в ночное небо. Я чувствовал что-то необычное фотоэлементами своей машины и «пригляделся» наверх. Но мощные датчики, созданные, чтобы замечать мельчайшие взрывы на предельном расстоянии, оказались бесполезны. Смазанная картинка не дала полного объяснения. Тогда я слегка освободил свое сознание от машины, вынырнул из ее глубины и приоткрыл глаза. В ночном небе над Авророй струилось, словно гигантское полотнище, зелеными и светло-голубыми оттенками самое прекрасное явление нашей планеты — северное сияние.

Медленно, но верно летела «восьмерка». Медленно, но верно тянулись часы.

Сменяя друг друга, Пилоты вели свой спасительный транспорт к Луна Гранте по компасу. А больше им ничего не оставалось. Они не знали ни точного расстояния, ни направления. Летели сперва по солнцу, а когда наступила ночь — выдерживали курс по звездам. Вертолет ни разу не подвел в дороге. Винт ревел, но легко тянул под собой троицу.

И только чудо вывело Пилотов на правильный курс. Только чудом им удалось узнать знакомый ландшафт, едва освещаемый отблесками луны и звезд. И когда они окончательно сориентировались, то время, будто взбодренное их нетерпеливостью, полетело словно ускоренное.

Знакомая сфера диспетчерской на вышке, как маяк, направляла троицу. В предвкушении триумфального возвращения Пилоты начали нервничать. Снова начались шутки, подначивания друг друга. Дэниел даже едва не потерял управление вертолетом. Все были рады и в то же время боялись, что, прилетев туда, окажутся уже не нужны.

Тревожные мысли начались, когда Пилоты поняли, что половина огней никогда не дремлющей Луна Гранты выключена. Освещался прожекторами только ЦУП и ангар. Все остальное было погружено во мрак.

Грэйс первой заметила разбитую взлетку и тихо взывала от отчаяния. Майрис и Дэниел одновременно уставились в боковые стекла и обомлели. Половина зданий были просто уничтожены. Казармы, общежития, корпуса учебной подготовки... Все, что было им таким родным — лежало в руинах после налета кваари. Ангар пестрел оплавленными разводами, но крепкие стены металлобетона устояли. Легендарный ЦУП при близком рассмотрении тоже нес на себе следы нападения. Кваари не интересовало основание в форме усеченной пирамиды. Судя по следам, они явно хотели уничтожить вышку, но и здесь человеческая наука устояла. Несколько огромных стекол были пробиты, но в целом символ Базы не пострадал.

Грэйс продолжала тихо скулить от горя. Майрис крепко сжимал в руках пистолет и крепился. Дэниел, даже не спрашивая друзей, аккуратно заводил вертолет на посадку.

На Луна Гранте не было ни души. Только потом, после приземления, Пилоты поняли это, наткнувшись взглядами на вышки зенитных установок. Понуро опустив стволы в землю, они безжизненно покоились по периметру Базы. Никто не кинулся встречать Пилотов. Нигде не зажглось маячков, когда они заходили на посадку. Их бы заметили, непременно заметили, если бы было кому. Но сейчас, в разгар ночи, База уже была пуста.

— Есть варианты? — спросил траурным голосом Дэниел, выйдя вслед за друзьями из затихшего вертолета.

— Надо узнать, где все, — ответил Майрис, прислушиваясь к безмолвной тишине вокруг. — Не похоже, что База разбита.

— А это ты как все называешь?! — обвел руками Дэниел.

— Ангар и ЦУП целы. Значит, База еще работоспособна, — скупое ответил Майрис.

— Это ведь не может быть биологическое оружие, ведь так? — в надежде спросил Дэниел.

— Не знаю. Предлагаю пойти в ЦУП. Грэйс? Ты с нами?

Грэйс неопределенно пожала плечами и всхлипнула. Потом поплелась следом за Пилотами, грустно размышляя о чем-то своем.

Если зажмуриться и прикрыть глаза, чтобы не видеть нанесенных повреждений, то можно решить, что База просто погрузилась в сон. Тихий, спокойный. Здесь не пахло смертью. Все казалось лишь на время оставленным. Даже не брошенным впопыхах. Нет, ни в коем случае. Не лежали на земле перевернутые машины. Не валялись на тротуарах трупы. С одной стороны, это вселяло надежду, но с другой — Пилоты боялись того, что могут увидеть за стенами в зданиях.

Приветливо горели даже фонари перед входом в ЦУП. На круглой площадке, устланной нетронутой плиткой, горделиво раскинув крылья, все так же стоял на постаменте орел. Символ военных сил всего человечества. Стальные крылья, разведенные под прямым углом, строгие геометричные формы, под лапами лавровый венок, а в центре него — глобус. В свое время про этот символ ходило много легенд и слухов. В основном про невиданного орла. В наступившую эпоху, когда от этих гордых птиц на планете остались только картинки, каждый ребенок любил фантазировать. И со временем рассказы пришли к тому, что птицы эти были гигантских размеров, а их крылья были так велики, что могли закрыть собой солнце над целым городом.

Майрис первым решился зайти в двери Центра Управления. Обведя стволом пистолета все помещение, Пилот заявил, что путь чист.

— И никаких трупов, — прокомментировал Дэниел. — Чтоб их... Где все?!

— Возможно, на нижних уровнях в секторах дистанционки. Там надежный бункер. Нужно спуститься вниз и проверить.

— Бессмысленно, — подала голос Грэйс.

— Это еще почему? — спросил Дэниел, роясь в охранной стойке в поисках забытого оружия.

— Если нас до сих пор не встретили, значит бункеры закрыты. Там сердце Базы. Туда не впустят.

— Тогда что ты предлагаешь? — спросил Майрис, стоя около лифта.

— Наверх, — указала инопланетянка в потолок.

— Наверх так вверх... — вздохнул Дэниел, так и не найдя желаемого.

Лифт щелкнул и открылся. Троица зашла внутрь, и Майрис нажал на кнопку верхнего этажа.

— Если хоть где-то еще осталась связь, я смогу вызвать их оттуда, — пояснила Грэйс, дожидаясь, пока лифт поднимет их.

— Еще нам нужен самолет, — добавил Дэниел. — Я лично не собираюсь торчать тут в любом случае.

— Надеешься, что война еще не закончилась? — хмыкнул Майрис.

— Я же сказал — в любом случае, — отрезал Дэниел.

Лифт вновь издал мелодичный перезвон и распахнул двери, пропуская троих друзей в святая святых Луна Гранты — диспетчерскую.

— Вау... — только и смог сказать Дэниел.

Стол, напичканный электронной аппаратурой и экранами на все масти, тянулся вдоль стены, почти замыкая круг. Все помещение пестрело от разнообразия панелей и кнопок, как мерцающих, так и просто светящихся в статичном режиме. На некоторых экранах горели диаграммы, из динамиков одних наушников на столе доносились голоса

радиопереговоров. Кресла операторов были пусты, и стояли на своих местах. Люди явно покидали вышку без лишней спешки. На большом «центральном» стекле, превращенном в экран, светилась карта планеты с мерцающими значками ведущихся сражений. Автоматика Базы работала исправно и принимала общий сигнал до сих пор.

Грэйс по-хозяйски направилась к столу одного из операторов и начала работать. Дэниел неспешно стал обходить все вокруг, с диким любопытством изучая экраны. Майрис же подошел к центру диспетчерской, где располагался неизменный командирский «мостик» и задумчиво провел ладонью по панели быстрого доступа. На ней не было кнопок. Так же как и не было отдельных сенсорных панелей с обозначениями. На гладком черном стекле, кроме одинокого поля с непонятной диаграммой не было ничего. Но у Майриса не возникало сомнений, что панель готова к работе и в данную секунду. Другое дело, что как бы он не хотел — воспользоваться ей он не мог. Да и никто не мог, кроме Командира. И дело даже не в пароях, ни в отпечатках пальцев. Нужно было быть Вторым, чтобы уметь работать с ней.

— Мне удалось поймать сигнал! — возвестила вскоре Грэйс.

— М? — Дэниел быстро подошел к инопланетянке, жадно поедая найденное у кого-то на столе печенье.

— Я должна была понять с самого начала. Не зря же мне рассказали в свое время по Аврору.

— Снова эта Аврора? — спросил Дэниел.

— Весь воздушный флот переместился туда. Сигналы и переговоры идут только оттуда. В данный момент флот вылетел навстречу противнику и готовится атаковать. При этом постоянно повторяется просьба всем, способным оказать помощь.

— Как ты сказала?! Весь воздушный флот?! — едва не подавился печеньем Дэниел. — Это ж дохрена!

— Какая помощь? — в свою очередь спросил Майрис.

— Прикрыть ведущую группу в секторе 44–41.

— Хм. Неблизко, — оценил по большой карте Дэниел.

— То есть там нас ждет центр боевых действий, — рассудил Майрис.

— Да, но у нас нет кораблей, — заявила Грэйс.

— Как нет? — удивился Дэниел.

— Вот так. Я проверила все ресурсы ангара и даже площадку запасной техники — ничего не осталось. Записи с Базы говорят, что Луна Гранта оборонялась до последнего самолета, а затем, когда кваари ушли, пилоты из ЦУПа улетели на вертолетах на Аврору. Нам нечего здесь взять.

— Есть вариант долететь до Авроры и присоединиться к другим, — предложил Майрис.

— Плохая идея, — покачал головой Дэниел. — Топливо у вертушки на исходе.

— Заправить...

— Ты видел, во что превратилась топливная станция? Кваари не идиоты и разбомбили ее со взлеткой в первую очередь.

— Влипли...

— Ну почти. Один-то корабль я найти могу... — неохотно размышлял вслух Дэниел.

— Какой? — изумилась Грэйс.

Майрис подозрительно прищурился.

— Мой.

— О нет! — замахал руками Майрис.

— Он рабочий! — оскорбленно заявил Дэниел.

— Он пролежал в лесу больше года, ты хоть понимаешь, что от него осталось?!

— Он крепкий, как утюг, и я могу его починить.

— Я ему не доверяю.

— А у тебя есть выбор?

Выбор у Майриса был действительно не велик. Либо оставаться на Базе, либо лететь с друзьями. Можно было бы попытаться вызвать кого-нибудь с Авроры, да только кому они нафиг нужны в разгар боя. Их сигнал и не заметят.

— Ты помнишь его координаты? — спросила Грэйс.

— Ясен хрен! — обиделся Дэниел. — Я два месяца бубнил их в передатчик, чтоб меня вытащили.

— Он, правда, работоспособен?

— Отвечаю, — рубанул рукой по воздуху Пилот. — Но мне нужна пара аккумуляторов из ангара, и боеприпасы на всякий случай. Сможешь открыть нам ангар?

— Смогу, — кивнула Грэйс.

— И все равно мне не нравится эта идея, — буркнул Майрис. — Грэйс, открой мне оружейку.

— Чей-то ты собрался? — фыркнул Дэниел.

— Еще не знаю, но с одним пистолетом я чувствую себя крайне неудобно.

— Ребята, поторапливайтесь, — глядя в экран, сказала Грэйс. — Я бы не хотела сильно опоздать на праздник.

Алая волна сил противников застилала все больше поверхности земли. Синие маркеры воздушного флота двигались навстречу ей. Все шло по плану. Но одно было ясно — несколько Полисов «утонут» в алом цвете раньше, чем им придут на помощь. И Полис, который ранее защищала Луна Гранта, был в их числе.

Короткое затишье перед боем — самое сложное время. Ты боишься. Тебя терзает неизвестность. Ты не видишь врага и напряжен до предела. В такие моменты очень важна поддержка других. А еще лучше — воодушевляющее слово командира.

У Райнера был хороший командир. Боевой дед, под началом которого стояла элита пехотинцев их сектора. Командир много раз отменно проявил себя в бою, и у подопечных к нему не было нареканий. Как не было их и теперь, когда дед отдал приказ встать на защиту центрального здания Сената. Все это приняли, боевую задачу поняли, и вооружились до зубов, чтобы быть готовыми запрыгнуть в кунг и проследовать к Сенату. Потому что Сенат — это самое главное в Полисе. Сенат — это верхушка власти, а власть должна остаться цела.

Райнер не числился у командира в любимчиках, а потому невзначай поинтересовался у товарища, кто же тогда будет защищать весь оставшийся Полис. В ответ ему пожали плечами и предположили, что, возможно, воздушный флот. Если успеет.

— А гвардия? — спросил Райнер.

— Нет. Тоже рядом с нами встанут.

Вот и весь расклад. Как разделили силы в других Полисах, Райнер не знал, но центральный Сенат был на их территории. А значит, все возможные силы должны быть брошены на защиту именно его и прилегающего района. Но с другой стороны, какой толк

был охранять пустые здания, когда сенаторы уже наверняка скрылись в подземных бункерах? Ради идеи? Чтобы сохранить символ?

— Зараза. У меня прицел какой-то идиот сбил, — прошипел Райнер на свою винтовку.

— Иди быстро замени, — предложил сослуживец.

— Товарищ полковник! Разрешите заменить оружие! Мое недееспособно!

— Меньше надо было по сторонам головой вертеть, капитан Аллен! — рывкнул командир. — Бегом, пока машина не подъехала!

— Есть!

И Райнер пулей вылетел из строя и метнулся в сторону оружейки. Но за поворотом резко свернул в противоположную сторону и бросился к выходу из здания.

«Не заставляте. Ни в какую. Я присягал служить человечеству и защищать его, а не пустые здания».

Пути отхода в самоволку знал каждый уважающий себя солдат. Самые хитрые из пехотинцев — знали парочку секретных путей. Райнер прорабатывал и уникальные варианты отступления, поэтому покинуть территорию базы для него не составило особого труда. Одетый во все черное, с опущенным забралом шлема, под покровом ночи пехотинец был неразличим. Единственная сложность на его пути могла возникнуть только с транспортом, но и тут ему повезло. В кабине военного внедорожника сидел одинокий водитель и по скучающему виду, ожидал кого-то из начальства. Райнер незаметно подкрался к нему и коротким ударом в голову отправил парня в нокаут. После чего спокойно выволок его из машины подальше от дороги, а сам занял место за рулем. Винтовку он положил на соседнее сидение.

Заревел проснувшийся двигатель, и машина, скрипнув шинами по асфальту, сорвалась с места. Райнер погнал ее к центру Полиса, туда, где у него будет наилучший обзор. А именно — к стеклянным вышкам небоскребов.

Самое тяжелое время — затишье перед боем.

Полис замер, предчувствуя удар. Люди укрывались в подвалах, прятались в толстостенных зданиях. Новостные экраны на улицах сообщали, что лавина чужих скоро доберется до Полисов, а что будет затем — не знал никто. Всем рекомендовали покинуть улицы и открытые пространства, не приближаться к окнам и ждать. А народ был глуп. Многие вывалили на улицу и столпились на проезжей части, скандируя лозунги о прекращении войны. То ли они хотели тем самым остановить воздушный флот, то ли полюбоваться на корабли квари, которых ни разу не видели. То ли хотели предложить всем мира. Желания и требования у толпы были разные, а дороги перекрывали все одинаково.

Райнер лавировал по мелким улочкам, проклиная идейных идиотов. Давить людей под колесами ему не хотелось. Время уходило с каждой минутой, и надо было как можно быстрее добраться до удобной точки. Можно полагаться на воздушный флот. Можно. Но если есть шанс что-то изменить, помочь или сделать — то его нельзя упускать. Так учил отец. И если бы не его бунтарский характер, думал Райнер, то остался бы ему сейчас со всеми охранять здание Сената.

«Офис Майбах? Вполне сойдет», — рассудил пехотинец, глядя на вздымающийся вверх шпиль.

Машина резко затормозила и припарковалась на тротуаре перед самой дверью. В обычный день ей бы навстречу выбежала охрана с пистолетами, а сейчас — да на здоровье.

Райнер схватил винтовку и покинул машину. Дверь в здание оказалась заперта, но

парень разбил стекло выстрелом из пистолета. Патрон, конечно, было жалко, но ничем другим бронированное стекло было не пробить. И чихать на сработавшую сигнализацию. Вскоре каждый офис взвояет от воздушного боя.

Все так же бегом Райнер добрался до лифта и нажал на верхний этаж. Восемьдесят этажей это много или мало? Наверное, все же мало, когда вокруг полно еще зданий за сотню. Но выбирать не пришлось — дальше в центре улицы были сплошь заполнены людьми.

Двери лифта отрылись на последнем этаже, и Райнер кинулся к пожарной лестнице. Оттуда — на крышу. Еще один выстрел, чтобы открыть дверь, и вот он — долгожданный простор и бьющий в лицо ветер. Райнер открыл забрало шлема и огляделся.

Полис сиял в ночи, и это делало видимость просто отменной. Обзор с крыши тоже был не из худших. Столь опасный сейчас вид на юг почти ничто не закрывало, и Райнер подошел к краю и примерился к своей позиции. Сила ветра и направление не играли роли — вот и все преимущество новых технологий. Райнер сел в углу рядом с бортиками и разложил на полу свое снаряжение. Три дополнительных батареи к винтовке, пистолет дальнего действия, еще три дополнительных магазина к нему, пять «ракетниц» и пять гранат. На случай, если враг все-таки спустится на землю. Не густо, но что было. Выжить бы еще до исчерпания заряда винтовки.

Проверив точки со всех углов, Райнер все же вернулся к первой и водрузил на борт винтовку. Подкрутил настройки мощности луча. Установил длину импульса. После чего снял ставший совсем бесполезным шлем и приготовился. В небе далеко на юге показались первые точки летящих кораблей противника.

— Группа «Фета», заходите на Полис с востока.

— Принято!

— Группа «Каппа» — окружает противника с запада.

— Есть!

— «Гамма», «Сигма» — заходите с севера клином и отсекаете им подмогу.

— Да, сэр!

— Так точно!

Эскадрильи отделились от общего потока и хищными птицами нырнули в облака, разрезая их своими крыльями.

— Остальные держим курс на сектор 44–41. При встрече противника открывать огонь по готовности.

Эфир отозвался эхом подтверждения младших командиров эскадрилий. Своими датчиками на спине машины я ощутил их перестроения. Как единый организм, готовящийся к атаке.

— Джой, держи своих правее. Не увязайте глубоко в бою, — передал я уже лично Клайву.

— Не волнуйся, Спирит. Мы дадим вам дорогу, — бодро ответил он, кажется улыбаясь.

А ведь мы и, правда, могли слегка ощущать друг друга, находясь в единой сети. Я кивнул, говоря тем самым ему «спасибо» и продолжил переключку. Было что-то ритуальное и давно забытое в том, чтобы воспользоваться нашими старыми позывными. Это пробуждало

в душе былую бодрость.

— Крос?

Стив летел недалеко по левое крыло и все до сих пор примерялся к чудной машине. От него так и фонило любопытством и исследовательским интересом.

— Вы, господа, это... летайте, — с издевкой ответил он. — Только у меня под носом сильно не вертись.

— Это еще мы у него будем вертеться! — возмутился все так же по нашему выделенному каналу Клайв.

— Спорю на ящик пива, что собью больше гадов, чем ты, — хохотнул Стив.

— Договорились, спорю! — принял вызов Клайв.

— Не увлекайтесь, — одернул я их. — Наша цель — главный корабль. Разобьем его — и сможем добивать остальных.

— Ладно, босс, — козырнул Стив, по-прежнему издеваясь.

— Вижу врага на три часа! — огласил один из ведущих группы в общий эфир.

А ведь мы даже еще не долетели до заветного сектора.

Эскадрильи связывались с операторами на Авроре, сверяли информацию. Пока что навстречу нам подняли засевшую на земле резервную стаю в шестьдесят единиц. Сушья мелочь! Проверяют. Решили прощупать, что летит в их сторону.

Даже немного лениво разделяемся надвое, беря корабли противников в широкое кольцо. Они в свою очередь рассредоточиваются и многие ныряют к земле. Ну уж нет. Теперь нам такие фокусы не страшны. Несколько наших кораблей ныряет следом, выполняя виражи, ранее опасные для других самолетов. Теперь нам не сложно летать у земли. Мы уже не боимся завалить самолет и упасть в лес.

У поверхности раздаются первые взрывы, и следом уже мы открываем огонь по кораблям. Они уходят от наших выстрелов, проскальзывают меж трассирующих зарядов, но попадают под плотный огонь. Пробуют огрызаться и отстреливаться, но мы умеем резко маневрировать, так что даже никто из наших не пострадал.

— Внимание всей ударной группе! В двухсот пятидесяти километрах от вас на пути к цели с земли поднимается два улья, — поверх всех переговоров ворвался с сообщением оператор с Авроры. — Общая численность превышает триста единиц.

— Поняли вас, База, — отвечаю я, и следом переключаюсь уже на командиров эскадрилий. — Всем занять позиции, после окончания боя! Быть готовым к плотной атаке.

— Приказ принят.

— Есть!

— Джой, поторопи своих ребят, — осматриваясь мысленным взором по сторонам, я замечаю, как около десятка наших кораблей еще гоняли по всему небу остатки мелкой группы кваари. Их даже расстреливать было скучно! Поэтому Пилоты даже увлеклись и заставили кваари суматошно заметаться по небу, в окружении наших самолетов.

— Принял, — быстро ответил Клайв и переключился на свою группу.

Хорошо. Пока все шло просто хорошо. Мои воины попробовали крови врага, и теперь они горели еще большим азартом. Так держать, ребята. Крепитесь. Потому что сейчас это была всего лишь затравка и проверка на бдительность. А дальше будет становиться только жарче. Триста кораблей кваари — это уже ощутимый удар. Наши силы будут почти равны. Но если их станет больше, то придется знатно попотеть, чтобы выжить.

Я отдал приказ прибавить скорости. Наш рой одинаковых кораблей угрожающим

клином устремился навстречу противнику. В момент боя мы должны быть как можно ближе к цели. Нас будут стараться задержать. Нас станут догонять. Поэтому мы должны изо всех сил прогрызть себе путь к их главному кораблю. Должны...

Как облако опасности, я почувствовал своими датчиками приближающихся спереди врагов. Не корабли, но почти разумные жуки с наездниками. Неприятные твари. Но я все равно не различаю форм, поэтому считаю их кораблями. И таких кораблей сейчас в нашу сторону летело достаточно много, чтобы заволноваться. Но нельзя. Предчувствие подсказывало, что вот она — основная волна, призванная задержать нас. Вот те противники, ради которых мы собирали всю отборную ударную группу. Эти жуки не пропустят нас, во что бы то ни стало. Они будут драться до последнего, беспощадно терзать нас и разъяренно огрызаться, защищая самый ценный свой корабль. Ох, и сложный же ждет нас бой.

— Огонь на поражение! Стрелять по готовности! — напоминаю я и готовлю к действию скорострельный пулемет.

Повторим наш танец смерти.

Превышающее нас по численности облако противника распадается и обходит кольцом. Мы движемся на них и рассредоточиваемся. Я начинаю различать отдельные корабли. Чувствую легкую тревогу Клайва. Тебе тоже не приходилось встречать такое количество жуков? Я чувствую азарт Стива. Ты, кажется, наконец нашел себе достойных противников? Нас охватывает злость. Мы несемся и не сбавляем скорости. Полная готовность. Я вижу каждого врага и чувствую, как массовый гнев разливается по всему небу. Долгожданное... Пулемет щелкает и запускается на холостое вращение. Вдох. Расстояние до цели — пятьсот метров. Выход. Триста метров. Концентрация. Сто метров... Огонь!

— Дэниел, быстрее! В небе становится беспокойно! — крикнул Майрис, стоя не пригорке и вглядываясь в далекое расплывающееся огненное зарево на горизонте.

Далеко впереди небо гремело и пылало, как во время грозы, только низкие облака сверкали оранжевыми всполохами, а монотонный грохот не затихал ни на миг.

— Я фытаус! Фытаус! — огрызнулся Пилот, зажимая отвертку в зубах и яростно скручивая пальцами контакты от аккумулятора.

Грэйс же сидела в кабине самолета и проверяла электронику подсоединенного боезапаса.

Пилотам потребовалось около получаса, чтобы добраться на вертолете до упавшего в лесу корабля Дэниела. Найти его труда не составило — Дэниел прекрасно помнил, где он приземлился. Зато привести его в рабочее состояние, а уж тем более поднять с земли — оказалось той еще задачей. Но Дэниел был спокоен. Он гарантировал, что знает, как оторвать свой самолет от рыхлой лесной почвы. Спасибо хоть на том, что во время приземления посадил машину не в древесные кроны, а на более-менее открытое пространство.

— Ну я этим сукам пожар сейчас устрою... Ну пусть не жалуются, — бубнил себе под нос Дэниел, закрывая крышку к аккумуляторному отсеку.

— Система готова! Боезапас принят и полон! — доложила из кабины Грэйс.

— Майрис, садись! — окликнул Дэниел.

Майрис оторвал взгляд от огненного зарева и глянул на самолет.

— Сколько стрелковых мест в твоей галоше?

Дэниел скривился от оскорбления в адрес своего корабля, но ответил:

— Много, вам с Грэйс хватит по два раза.

Майрис кивнул и ринулся к самолету, где сразу занял свое место у бокового орудия и приготовился.

Последний раз Дениел проверил все оборудование, пристегнулся, завел самолет и подключился к бортовому компьютеру через шлем. Да, это вам не ЭЛИС с мгновенной идентификацией. Это «птичка» еще более старая, чем те, на которых летала вся Луна Гранта. Но ведь старая — не значит плохая, ведь так? ЭЛИС — техника нежная. С ней нужно быть аккуратным. Истребители Луна Гранты позволяли некоторую вольность в обращении, но требовали чистой взлетки. А этот самолет был хоть и проще, но имел сейчас решающую особенность — он мог взлетать с поля.

— Команда, готовься! — крикнул Дэниел. — Взлетаем!

Столб огня вырвался из мощных двигателей и поджег траву позади. Короткий выстрел из передних бортовых орудий громынул и огнем озарил площадку. Дэниел расчистил пространство перед собой. Затем добавил тяги, и самолет, слегка покачиваясь на кочках, уверенно двинулся вперед. Тогда он дал газу на полную мощность и опустил вектор тяги в землю. Двигатели недовольно взревели и переднее шасси оторвалось от земли.

— Давай, родной! Не подведи! — умолял машину Дэниел, оттягивая штурвал на себя.

Самолет резко подбросило на кочке и пассажиров сильно трянуло. Двигатели натужно ревели, а стена деревьев спереди неумолимо приближалась. Дэниел занервничал и поспешно увеличил тягу под брюхом, скорректировал ее в хвостовых двигателях, выправил самолет и в последний момент чудом оторвал машину от земли.

Кроны деревьев на большой скорости пронесли в опасной близости под брюхом и несколько самых высоких царапнули нижнюю обшивку. Дэниел вспомнил, что надо дышать и, расслабившись, выдохнул. Он очень не хотел, чтобы друзья заметили его нервозность. Все-таки подъем самолета с земли был самым слабым местом в его плане. И если смотреть на ситуацию здраво — они могли бы так и не взлететь, а закончить свое похождение в тех пламенеющих кустах. Но сейчас можно было заслуженно расслабиться. Самое сумасшедшее и тяжелое было позади.

— Вижу на радаре скопление сил противника. Предположительно улей, — доложила Грэйс, пока занимая место бортинженера. — На два часа. Дальность семьдесят километров. Сектор 44–41. Как раз.

— Кто из наших сейчас там? — спросил Дэниел, не отводя взгляда от бортовых экранов и до сих пор убеждая себя, что они действительно взлетели.

— Никого. Пока не долетели.

— Прогноз?

— Если наши вступили в бой там дальше, то нам им помогать бессмысленно, — заключила Грэйс. — Если они прорвутся, то кваари поднимут другие улья. В том числе и этот ближайший.

— Вероятность, что этот еще не подняли?

— Сто процентов. Дэниел, я знаю, как выглядит на радаре поднятый в небо улей.

Пилоту не потребовалось смотреть на инопланетянку, чтобы увидеть ее угрюмый и слегка задетый взгляд.

— Верю. Предложения?

— Помочь нашим и уничтожить ближайший улей, чтобы не дать ему атаковать ударную группу с фланга.

— Майрис?

— Не имею возражений, — ответил по радиоканалу Майрис.

А что ему еще оставалось? Воевать — так воевать. Какая разница, против кого и где. Главное, что в команде. А если их атака действительно принесет пользу ударной группе, в которой, он почему-то не сомневался, должен принимать участие и Командир Джейкоб Аллен, то тем более надо вступать в бой. Майрис обернулся на иллюминатор позади себя и посмотрел на огненное зарево. «Интересно, а каково нашим сейчас там?» Отчасти, ему даже понравилось предложение выступить в роли диверсантов и ударить по врагу исподтишка. Массовые побоища это хорошо и заведомо безопаснее, но в таких сражениях есть и свои минусы — например, дружественный огонь. Очень обидная вещь. Конечно, спутать самолет людей и жука кваари невозможно, но в боевом трансе, в который так или иначе впадаешь после напряженных пяти минут, случается всякое.

«Уж лучше один против всех. И весело и безопасно и привычно. Хотя если задуматься, то сражаться со своим Командиром бок о бок было бы особой честью».

— Предложение принимается, — заключил Дэниел, направляя корабль к указанной инопланетянкой точке. — Грэйс, готовься занять место второго стрелка. Через пару минут мы будем там.

— Есть, — ответила она, и не успел Дэниел посмотреть в ее сторону, как длинный хвост уже мелькнул в проходе и скрылся.

Самолет оцетинился боковыми орудиями и Дэниел приготовил к запуску ракеты. Впереди через цветовую подсветку экранов уже виднелось открытое пространство, где мог находиться улей. Хорошо все-таки иметь мониторы вместо стекол. Даже ночью они исправно показывают идеальную по видимости картинку, накладывая на ландшафт полосы расстояний, пометки вражеских кораблей и даже выпущенный в полет заряд.

Дэниел заложил небольшой вираж, обходя точку улья стороной, и положил пальцы на кнопки запуска ракет.

Вот он, долгожданный момент для Пилота! Вот оно — окончание его прерванной миссии. Ведь он так хотел тогда наспиговать этих гадов ракетами! Договорился с оператором, угнал готовый к бою корабль и вылетел со своей Базы сюда в лес, чтобы отомстить жукам за погибших товарищей. Это было давно, но память до сих пор была свежа, как и гнев. Тогда он не долетел до улья, потерпел крушение из-за поломки аккумулятора и попал в долгий плен. И благодаря этой иронии судьбы — он не разбил улей. А, значит, формально не совершил преступления. По возвращению на свою Базу после плена Дэниел был оправдан, дело замяли. Но за буйным Пилотом установили отдельное наблюдение и контролировали каждый вылет. Этот надзор и вынудил Дэниела подать прошение о переводе на другую Базу. К тому моменту, как раз кстати, пришел запрос от Грэйс о том, что Майрису требовался хороший куратор. Дэниелу прошение подписали и с легкой душой отпустили, разве что не дав пинка под зад. База избавилась от непослушного Пилота. А на Луна Гранте Дэниел умудрился подзабыть о своей жажде мести. Потом его стал удерживать от глупостей Майрис. Подставлять напарника Дэниел считал совсем уж подлостью и поэтому держал себя в рамках боевых задач. Но как же это было сложно!

И вот теперь — миссия будет завершена. На том же самом корабле, снаряженном по самые закрылки, он, Дэниел, доберется до улья и выплеснет на него копившуюся годами

ярость. Было в этом что-то символичное. И как оно будет приятно...

«Кому-то будет сейчас сюрприз», — хищно прищурившись, подумал Дэниел.

Самолет взревел в ночном небе и вылетел над широкой расчищенной площадкой, где из земли, словно большое яйцо, торчал «ангар». Так называли это странную штуку люди. Высотой в тридцать метров, это яйцо всегда впивалось своими толстыми ножками в землю, и было постоянно облеплено со всех сторон живыми кораблями кваари. Возможно, это была их кормушка. Или топливная станция. Поди разбери этих чужих. Но в улье она всегда играла очень важную роль.

Дэниел с наслаждением нажал кнопку на рычаге, тонкая игла ракеты выскользнула из брюха самолета и, сверкнув смертоносной искрой в ночи, вонзилась в этот «ангар». В месте столкновения вспыхнул взрыв, осветив ближайшую округу. Взыли обожженные пламенем жуки, заголосили суесящиеся на земле кваари. Спасаясь, от кормушки в панике посыпались на землю живые корабли.

— Что! Не ждали! — захохотал Дэниел, заводя самолет на новый вираж. — А вот так?

Вторая ракета угодила в толпу кваари, подорвав еще несколько кораблей на земле и их наездников.

Майрис, не дожидаясь команды, открыл огонь по врагам на земле из пулемета. Дэниел приготовил к пуску третью ракету.

Но быстро смекнувшие, что к чему, кваари метнулись в укрытия, а наездники начали запрыгивать на свои корабли. Как бы Пилоты не старались, но охватить огнем все поле они просто не могли. Поэтому то здесь, то там начали взлетать в небо отдельные жуки. Мониторы Дэниела покрылись алыми точками, и он нехотя увел самолет чуть в сторону.

Грэйс с другого борта тоже пришлось отрыть огонь. Растревоженный и разозленный улей поднимался в небо. И Пилотам не осталось даже времени понадеяться на все свое умение. Им наступила пора просто отстреливаться.

Ствол винтовки Райнера накалился и уже подозрительно белел на кончике. Это было плохо. Это было очень плохо! Оружие, предназначенное для снайперского отстрела единичных противников, просто не было рассчитано на долгую работу.

В ход пошла уже вторая батарея, а этих жуков меньше не становилось. Даже прилетевшие на подмогу группы воздушного флота не могли оттянуть на себя всех врагов. Эти жуки знали, что делать. Они прилетели уничтожить Полис, а на стреляющие в них самолеты им было глубоко насрать. Уворачивались, лавировали меж зданий на предельно низкой высоте и плевались своей заразой во все подряд. Вот ради таких Райнер и засел здесь, а крыше небоскреба, разрезая своим лазером этих уродов напополам.

Случалось, что Райнер промахивался. Да кто тут не промахнется! Когда эти летают противозенитным маневром. Даже на новых самолетах люди не поспевали за ними. И где их только выращивали все это время? Хотя странный вопрос где. И тренировали так летать — тоже ясно где. Лавировать между папоротниками это вам не небоскребы огибать. Тут в городе им вообще раздолье.

Очередной жук схлопотал короткий импульс в лоб и вспыхнул кровавыми ошметками. Кто следующий? Слева мелькнул другой, за квартал отсюда. Развернуть винтовку, приложиться к оптике. Ждать.... Терпение! Ждать! Вот в перекрестье только показалась

острая морда, как палец сам уже нажал на спуск. В точку. Еще одни вскипающие ошметки полетели на землю. Что, народ? Радуетесь? Вы хотели посмотреть на своих соседей по планете? Довольны? Искупайтесь же теперь в их крови.

А народ психовал и носился в панике. Уносился прочь от вражеских выстрелов, но попадал под другие. Заглохла сирена воздушной тревоги. Или просто ее уже было не слышно? Люди гибли на улицах, гибли в простреленных зданиях. В первую очередь их погубила идейность. Во вторую — любопытство. Самолеты воздушного флота тоже промахивались, и тогда яркие огненные всполохи взрывов распускались смертельными цветками на улицах, где в свою очередь носились в поисках убежищ толпы людей.

Огневой поддержки было просто мало. Кваари было крайне много, и им успешно удавалось уходить от ударов сверху. Авиация почти не спасала. Нужен был огонь с земли.

«А эта долбаная гвардия с пехотой защищает хренов Сенат!» — мысленно огрызался между выстрелов Райнер.

Здания! Они охраняют пустые здания и бросают граждан погибать под ударами врагов и авиации. Неужто это часть плана хитроумного Сената? Они хотят сказать, что у них есть какой-то козырь? Или его вовсе нет и тем самым они потом просто заявят, что воздушный флот не справился с задачей?

Сзади, над крышей небоскреба, где засел Райнер с воем пронесся корабль кваари размером с приличных габаритов автобус. Пехотинец такого появления не ожидал и злобно выругался, проклиная громадную тварь и ее сородичей с предками. Словно услышав это, жук почти мгновенно развернулся в воздухе и, выставив лапы вперед, полетел на Райнера. Недолго думая, пехотинец не прицеливаясь, высадил в жука долгий беззвучный и невидимый импульс, после чего резко пригнулся. Даже не успев удивиться, жук взорвался как наполненный жидкостью шарик и окатил крышу Райнера алыми ошметками.

— Сссука... — скривившись, пехотинец выглянул за ограждение и смахнул с него остатки хитинового панциря. — Надеюсь, вам там тоже достанется.

Кого именно Райнер имел в виду под словом «вам» он сам не отдал себе отчета. Гвардию, пехоту, Сенат или всех вместе взятых. А может, это было сказано в адрес кваари. Или людей на улицах. Или всего воздушного флота. У Райнера не было момента, чтобы понять, кому он это адресовал, потому что уже в следующую секунду снова приложился к винтовке, чтобы сбить пролетающего в квартале от него жука. Но одно Райнер понимал сейчас точно — пока все люди с гвардией, пехотой, флотом и просто добровольцами с оружием не объединятся, чтобы побить врага, враг будет давить и уничтожать их.

Как же горят руки!

Проклятье. С ладоней жар перешел уже на предплечье и начинал отвлекать от боя.

— Джейкоб, операторы отмечают у тебя критическое повышение температуры, — вторгается в мое сознание через сигнал Виктор. — Рекомендую возвращаться на Аврору.

— Плевать! — огрызаюсь я, заваливаясь на одно крыло в бочку и уходя от интенсивных выстрелов в хвост.

— Хотя бы выйди на время из боя! — настаивает он опять.

— Нельзя!!

С моих уст срывается настоящий рык, и я с усилием, преодолевая боль в руках, задираю самолету нос и добавляю тяги на спину. Земля с небом меняются местами, а я даю залп из пулемета в горб своему преследователю.

Мы завязли. Столкнулись в бою с поднятыми ульями и увязли, не в силах пройти дальше. Вражеские корабли были повсюду, куда не оглядись. Все небо окрасилось сплошными выстрелами и взрывами. На много километров вокруг. И даже при желании — вырваться из этой каши было просто невозможно. Чужих словно бы не становилось меньше. Операторы молчали, по их данным подкрепления не поступало. Но тогда какого черта их еще так много!

Уничтожив жука на хвосте, я мигом погнался за следующим. А что мне еще оставалось делать? Осмотрелся. Никто не летит наперерез? Вроде нет. Тогда подаюсь вперед, быстро сокращая расстояние между нами, догоняю гада, и, в полете, короткой очередью срезаю ему крылья. Голова уже тоже начинает болеть от постоянно улавливаемых переговоров в эфире, но это мелочи по сравнению с руками. Как же эта подкожная сеть горит от столь интенсивного обмена данными с машиной!

Стив еще в бою, но я не вижу его. Чувствую, что он в сети, жив, машина его цела, но не вижу. Развлекается что ли где-то? Клайв тоже жив, но он плотной группой обороняется с правого фланга. Моя группа держится хорошо. По данным Операторов потери пока не критические. Ха. Потери... Я уже десятки раз за время боя не успел на подмогу Пилотам, и они были расстреляны. Мы теряли своих с поразительной быстротой, но нам до сих пор сообщали, что потери не критические. Я чувствовал как терпел крушение каждый самолет из наших эскадрилий — моя связь с ним обрывалась. Но перед этим, словно отголоски боли, до меня доходили последние сигналы тревоги сбитой машины. Сам я еще держался, но с трудом. Пытался прорываться вперед к цели, но увязал все в новой и новой драке.

Я уже в который раз почувствовал опасность сзади и, не раздумывая, нырнул вниз. Мимо пронесся ядовитый плевок, но я успел и ушел в сторону. Расстояние до преследователя? Короткий импульс назад и следом уловить приемником его отражающий сигнал. Далеко... Зацепить хвостовыми двигателями не получился. Значит надо готовиться к следующему кувырку. Опять... Руки рефлекторно сжали бесполезный для меня штурвал, мое тело напряглось, словно для прыжка, но вот позади затрещал чужой пулемет, и мой преследователь камнем полетел вниз, подбитый кем-то другим. Спасибо тебе, неизвестный спаситель.

Снова лавировать, как в тренажерном кресле, уклоняться вживую от нарисованных противников. Только сейчас мне хватает короткого импульса всем корпусом, чтобы интерсеть считала его с моих нервных окончаний и трансформировала в сигнал для самолета. А я даже не чувствую перегрузки внутри. Зато та же сеть передает мне все данные по нагрузке, испытываемой самолетом. И я понимаю, как ему больно.

У меня закрыты глаза, но перед моим мысленным взором, а так же на напыленном на глаза экране отражается весь воздушный бой. Чистое звездное небо выглядит так же. С единственной разницей, что оно статично, а все точки на моих экранах сейчас — движутся. Сотни кораблей. Как же много! Алые и синие точки. Салют войны. А ведь там вдали, всего лишь в паре десятков километров, вырастает из земли наша мишень. Сейчас ее даже можно увидеть глазами! Мы так близки, но вынужденно увязли тут. Это даже обидно.

— Хьюстон, у нас проблемы! — докладываю я с грустной иронией, увидев столь нежеланное сейчас новое алое пятно подкрепления слева.

— Знаем, Джейк, знаем! — тревожно отвечает Виктор явно в суматохе. — Мы возьмем их подкрепление на себя. С Авроры уже стартуют группы беспилотников. Прорывайтесь вперед. Это не ваша цель.

— Легко сказать! — возмущаюсь я.

— Со спутника докладывают, что вокруг материнского корабля чисто, — убеждает Виктор. — Впереди чисто, Джейк! Мы прикроем вас сзади. Летите скорей!

— В таком случае, внимание всей ударной группе! — команду я. — Двигаться к цели! Повторяю — продолжать двигаться к цели!

И, словно назло, перед носом у меня, откуда-то снизу вырвался корабль чужих. Каким-то чудом сработали мои рефлексy и я отклонил машину, разойдясь с ним в считанных метрах. Опасно. Даже очень. Чужой быстро выровнял свой корабль и бросился за мной следом. А я плюнул на него, изо всех сил увеличил тягу и рванулсь вперед, считая мелькающие до цели километры как секунды. Впереди было еще много наших кораблей. Некоторые почти вплотную подошли к Цели, но чужие не давали им пройти дальше. Скопились там заградительной стеной, не влетая глубоко в бой. Хитрые твари!

Почти не оформляя мысль в слова, одним порывом зову за собой Клайва. Не задумываюсь как, тяну по сети, словно за нить, не отрываясь от управления. Аналогично зову Стива и получаю короткий бессловесный ответ. Ах, ты уже там? В самой гуще?...Кого, простите, вы назвали тормозом, мистер? Как остроумно. Ну, сейчас и мы подтянемся на твою вечеринку.

Машина даже не дрожит от напряжения. Давай! Я знаю, что ты можешь больше! Разогнаться... Быстрее!! Невероятный уворот от пролетающих самолетов, а затем снова вперед. Как по проложенному коридору. Даже воздух вскипает от сумасшедшего трения. Как же горячо. Не мне, а уже самой машине. Даже внутри кабины самолет будто объят огнем. Выравниваю. Сбавляю тягу и ныряю почти камнем вниз, чтобы охладить крылья. Стало легче.

Расстояние до материнского корабля — три километра. Вот ты, где... Понятия не имею, как ты выглядишь, но вижу я тебя как алый столб, размером с небоскреб. Сейчас... Еще несколько десятков самолетов на подходе. Сейчас мы до тебя доберемся.

Виктор метался в диспетчерской от одного оператора к другому. Отдавал команды как беспилотникам, так и своей группе в Старом Китае. Люди за мониторами и радарамй не могли оторвать от приборов взгляда. Своих приходилось ежесекундно координировать. Перенаправлять силы. Распределять группы по границе. Диспетчерская гудела и суеуилась как рой. И ни у кого не было и мига, чтобы оглянуться за прозрачную стену к коридору, чтобы заметить там поднимающуюся по лестнице наверх женщину. Женщину в невзрачной одежде с растрепанными на ветру от вертолета волосами.

Она поднималась по лестнице на самую верхнюю точку Авроры — на площадку к антеннам, возносящимся над Базой. И никто не знал, что она пошла туда, даже офицер, которому поручено было охранять ее.

Женщина открыла незапертую дверь на площадку и вышла на открытое пространство. В лицо ударил мощный поток ветра, заставив ее прикрыть глаза. Внизу простирался огромный купол Авроры, а где-то там далеко, за изгибом планеты, шел бой за право людей владеть их родной землей.

Женщина без страха подошла к краю узкой площадки и оперлась рукой на перила. Зачем бояться высоты, когда в груди живет тревога за другое? Тревога, вызвавшая ее сюда. Сказавшая, что именно сейчас нужно быть именно в этом месте. Простой женский страх? Или все же интуиция? Способны ли предчувствия направлять человека по одной,

единственной правильной дороге судьбы?

Повинуясь каким-то своим чувствам, женщина сложила вторую ладонь перед грудью, будто взявшись за невидимую нить, протянутую от нее вперед. Куда-то туда, где шел бой за человечество. Брови женщины сошлись на переносице, а ладонь перед грудью ощутимо нагрелась.

— Держись, — только и прошептала она, после чего крепче сжала ладонь и зажмурила глаза.

Как же вас много... Как же вас отвратительно много...

Уже десятки самолетов подлетали к этому гигантскому кораблю, готовили ракеты, но их сбивали раньше, чем им удавалось дать залп. Твари... Безобразные твари, посмевающие убивать моих людей.

Была здесь подмога, и еще какая. Разведка Виктора облажалась, и мы встретили на своем пути новых и готовых к бою противников. Это мы устали. Мы почти истратили весь боезапас, а они — нет. Ненавижу. Почему вас так много!

Клайв был подбит еще на подлете. Слегка. Держался на остатке крыла только благодаря умениям. Стив носился по небу как ужаленный, но только бесполезно отвлекал на себя чужих. Я перестал отвечать в эфир и, закусив губу, терпел жжение в руках и атаковал снова и снова. Только чувство гравитации еще давало мне понять, где небо, а где земля. Иначе я бы уже тысячу раз пропахал носом планету.

Сколько мы бились? Не знаю.

А сколько осталось? До тех пор, пока не кончатся наши корабли.

Но много ли их осталось? Не знаю. Ничего не знаю. Боль от гибнущих самолетов была практически непрерывна. Я сам пытаюсь выжить и пробиться вперед, и мне не дают даже мига, чтобы оценить обстановку.

Прилетевшие беспилотники помогли не сильно, лишь оттянув на себя подкрепление. Весь прошлый рой кинулся следом за нами. Чего и следовало ожидать. Но нам и этого было достаточно. Целостность и боеспособность всей ударной группы была под угрозой. Вся наша миссия была по угрозой. Для этого не надо было иметь особого чутья и связываться с Базой. Достаточно было просто визуально оценить число синих и алых точек вокруг.

Чуть-чуть упорства. Нужно лишь навалиться на них всем вместе. А для этого надо лишь чуть-чуть поднажать. Самую малость.

А с другой стороны — что мы делаем сейчас, как не наваливаемся из последних сил, сходя с ума и гоняя самолеты на пределе возможностей?

Каким-то чутьем я понимаю, что мой народ уже утрачивает надежду. То ли по голосам в эфире, то ли по недостаточной решимости, с которой мои люди бросаются в бой. Мы устаем. Стремительно теряем силы и корабли. От этого у людей тает надежда, и никакие убеждения сейчас не помогут. В один короткий миг я понимаю, что с каждой секундой, с каждым новым подбитым самолетом становится все бесполезнее тянуть Пилотов в атаку. Мы уже не нападаем. Мы просто отбиваемся и цепляемся за последнее, что у нас еще осталось — за свое право выжить. Но все мы понимаем, что живыми отсюда не улетим. Победим или нет — людям уже не важно. Большинство хотят просто прожить подольше и захватить с собой побольше врагов. Но не это — наша цель. Не это! Нам нужен корабль, а чтобы достать его — нужно броситься оставшимися самолетами на него. Разом! В этом плане кваари сейчас даже проще. Они стоят на страже своего имущества и их идея, как и

боевая задача — непоколебима. Стоять до последнего, защищая свое. А мы? Без надежды на успех люди быстро теряют энтузиазм.

Хотя весь бой ведется уже вокруг материнского корабля, но близко нас никто не подпускает. Ракеты, которые мы выпускаем в корабль, не достигают цели. Их сбивают! Я даже видел, как неисчислимые жуки сами бросаются под них, только чтобы защитить свой центр. Высшая форма самопожертвования! Я даже тронут. Проклятье. Как же мне горячо в руках!

— Стив, стреляй по кораблю! — ору я, что есть мочи, и снова стискиваю зубы, чтобы не шипеть от боли. В глазах неприятно помутнело.

— Нечем!

И снова тишина в эфире.

Идиот!

Что я еще могу сказать. Поэтому ты только летаешь кругами и нихрена не отстреливаешься? Но, а что с тобой еще поделаешь. Тут половине людей больше стрелять нечем. А те, у кого было чем — лежат там обломками внизу, у подножья главного корабля. Вас чуть-чуть не хватило, ребята... Почему это «чуть-чуть» всегда так важно?

Хочется взвыть от отчаяния.

Неужели это все? Неужели мы бессильны?

Вещает что-то про мою температуру Виктор. Да пошел он...

У меня самого есть боезапас? Кажется, есть. Датчики перегружены поступающей информацией, голова просто отказывается принимать все целиком, но вроде бы я помню, что у меня оставалось еще несколько ракет. Прорваться бы.

Устало из последних сил посылаю самолет в вираж и обхожу чужих как игрок с мячом на поле. Болтаюсь меж ними, игнорируя выпады и уходя от выстрелов.

Рефлекторно прошу прикрыть меня всех, кого можно. Три корабля даже откликаются, но я уже плохо соображаю кто это. Я просто лечу вперед, бросая машину по небу и прорываясь через стаю. Вокруг меня обстреливают чужих. Группа прикрытия работает хорошо. Пальцы на руках липнут в чем-то горячем и вязком. Во рту ощущается солоноватый привкус.

Я просто не ощущаю, как меня таранят снизу. Самый кончик крыла отсекают мощными клешнями, а я не замечаю. Картинка перед глазами начала меркнуть раньше, чем меня зацепили. Медленно потухло все. Расплылось в многоцветные пятна, а затем помутнело. И где-то отдаленно, на самой грани восприятия, до слуха донесся истошный писк самолета о невозможности включить Автопилот. Потом темнота плавно окутала меня и я начал медленно падать, будто погружаясь на дно безбрежного океана.

Тихо.

...

Тут тихо, как в космосе.

...

И хорошо.

И нет ничего.

Спокойно.

И тихо...

Блаженство.

И даже есть невесомость.

Так вот оно, оказывается, как хорошо тут.

А я боялся.

Глупо, наверное, получилось?

Не знаю.

Не помню.

Зато нет больше огня в ладонях. Нет боли в голове. Нет нескончаемых звуков. Пожалуй, я хочу тут остаться.

Но что это? Теперь огонь в груди. Сильный. Разгорается! И тянет. Куда тянет? Не знаю, но это больно! Я чувствую? Это горячо и очень ярко! Горит у меня золотым светом в груди и огненная нить тянет меня вверх. Зачем? Что? Куда?! Кто сказал «держись»? Ладно... Наверное, пойду все же проверю.

Противный писк неохотно возвращается.

Снова горят ладони.

Тело почему-то придавливает спиной к плоскости.

Все сильнее и сильнее.

«Подключение Автопилота невозможно! Подключение Автопилота невозможно! Подключение Автопилота невозможно!»

Да заткнись ты!

Какой автопилот, ты, долбаная реальность, где я, вашу мать?!

И тут я в ужасе распахиваю глаза и разом все понимаю. На экран мониторов с неумолимой скоростью приближается земля. Мои ладони в крови неистово сжимают штурвал. Электроника кабины в панике мелькает как новогодняя елка. Орет оглушающе зуммер и бубнят остатки голосового оповещения.

«Подключение Автопилота невозможно!»

Да знаю я, черт побери, знаю! Сам его стер из твоей дурьей башки, микропроцессорная нанотехника. Лети, кому сказано!

У меня нет времени на подключение, поэтому со всей дури тяну штурвал на себя. Пытаюсь хоть немного задрать нос, дать тяги на хвост. Почти. Еще немного осталось! Можно давать тягу на крылья. Ну же! Ну! Нет, слишком поздно.

Самолет вспарывает землю и меня жестко дергает в ремнях. Руки оторвало от штурвала, а в шее подозрительно хрустнуло. Машину трясет на кочках, и затем по дикому скрежету я понимаю, что у нее подламываются крылья. Двигатели уже не работали, но инерция с бешеной скоростью несла меня вперед. На экранах я замечаю впереди камни, и мои глаза расширяются от ужаса. Рефлекторно поднимаю руки и закрываю ими голову. В следующий момент самолет с грохотом подсакивает в воздух и затем всем весом валится вниз, сминая нос в гармошку и вспарывая камнями брюхо. Мою ногу в лодыжке пронзает адской болью, и я не сдерживаю крика. Самолет резко останавливается, почти закопавшись в землю, а я снова теряю сознание от боли.

«Отец?!»

Остро кольнуло в голове у Райнера и рука дрогнула, выпустив заряд мимо жука. Брызнули осколками стекла, и жук заметил это и развернулся. Райнер нервно встряхнул головой, проморгался и снова приложился к оптике.

Жук попал в перекрестье прицела, а палец нажал на спуск. Нажал и уткнулся в скобу без результата. Кваари завис в воздухе, озираясь по сторонам.

Тварь! Нет-нет-нет! Не сейчас! погоди! Когда это заряд батареи стал красным?

Райнер нырнул за укрытие, и дрожащими уже от напряжения руками отсоединил использованную батарею. Жужжание крыльев становилось все громче. Пехотинец оглядел площадку в поисках последней батареи. Справа. Слева.

Да где же она!

Жужжание приближалось, а глаза Райнера наткнулись на слабый синий огонек последней батареи в трех метрах от него. Наверное, не заметил, как во время стрельбы оттолкнул ее ногой.

Крепко прижав к себе горячую винтовку, пехотинец рывком бросился к батарее, а в следующий миг в том месте, где он только что был, бортник взорвался на части от выстрела жука.

Больно прилетело осколком в спину, и Райнер выронил винтовку. Покатившись кубарем по крыше, он инстинктивно сжался. Жужжание было почти рядом. Очередной выстрел раздробил бортник, и Райнера снова присыпало обломками. Хваленый костюм был почти бесполезен, когда на голове отсутствовал шлем. Пехотинец последний раз ударился затылком о площадку и остановился. Жужжание поднялось выше уровня крыши и Райнера обдало потоком раздуваемого ветра и сладковатого запаха. Жмурясь от боли, парень разлепил глаза и поискал взглядом свою винтовку. Вон она, почти под самым носом этой жуткой твари, которая готова выплюнуть новый заряд. Не дотянуться.

Когда тварь разинула пасть, Райнер молниеносным движением выхватил с пояса пистолет и несколько раз выстрелил. Жук скукожился, брызнул слюной, тогда пехотинец прицелился и выстрелил в его горб над головой, в место, где сидел наездник. Пуля с антивеществом беспощадно взорвала тварь изнутри. Биокорабль кваари тут же рухнул на крышу, рефлекторно попытался зацепиться лапами, но без нервного центра быстро соскользнул вниз.

Рука Райнера с пистолетом упала на пол, а сам он тихо взвыл от боли в спине. В небе продолжали носиться корабли воздушного флота, но к кваари пришло подкрепление. Все было без толку. Люди просто не справлялись.

Пехотинец тяжело перекатился на бок, а потом поднялся на локтях. Надо сражаться. Надо! Пока еще жив, пока ничего страшного не произошло. Пусть все бесполезно, но погибать надо с оружием в руках.

Потом он дополз на коленях до своей верной винтовки и зарядил в нее новую батарею. На бетоне остались черные разводы от горячего ствола. Райнер посмотрел на свою прошлую позицию и понял, что у него одним махом не осталось ни «ракетниц», ни магазинов к пистолету. В его распоряжении — одна батарея к винтовке. Надо сражаться.

Райнер заставил себя подняться на ушибленные ноги и встать к бортику. Правый глаз снова прижался к резиновой гармошке оптики.

«Почему же вы, люди, такие трусливые сволочи?»

— Майрис! У меня кончаются патроны! — никогда раньше в голосе Грэйс не было столько паники. — Майрис!

— Я слышу! У меня тоже! — с болью ответил Пилот.

— У тебя остался резерв? Перезаряди меня!

— Нет, Грэйси, не остался.

— Дэниел! — чуть не плача пискнул транслятор.

— Прости, милая, но у меня тоже последняя лента!

Мало того, что Дэниел умудрялся лавировать между выстрелов, так каким-то невероятным образом он успевал еще и сам огрызаться носовым пулеметом. Шестистволка резала врагов, как нож масло, но и жрала патроны в бешеном количестве.

Сторонний наблюдатель, если бы такой имелся, сказал бы, что так долго продержаться рядом с озверевшим ульем не может ни один корабль. Однако троица на старом самолете — могла. И держалась. И готова бы еще продержаться, материализуйся у них чудом полный запас патронов. Но чудес в мире не бывает. И патроны материализовываться не умеют. А потому друзья чувствовали, что одолеть весь улей им не судьба. Можно было бы попробовать улететь. Рвануть на всей скорости к Авроре за новыми снарядами. Но только один Дэниел пока знал и понимал, что это бесполезно. С остатками топлива полет заведомо был в один конец. Да и не протянут они долго, улетаая. Вся орава наверняка кинется за ними вдогонку, а особо прыткие еще и обгонят.

У Майриса уже голова начинала кружиться от всех разворотов и мельканий земли. Сплошные точки жуков были повсюду. Стреляй как в тире! Даже не надо бояться, что можешь задеть кого-то из своих. Вроде и удобно, но жутко. Оставалось надеяться на умение Дэниела вести свою «пташку» и уносить их от выстрелов.

Грэйс боялась. Атаковала противников молниеносно, не давала им подлетать на расстояние ударов, но все равно боялась. Она чувствовала, что Дэниел чего-то не договаривает, ощущала его тревогу. Ей было страшно погибать. Здесь — на чужой планете — вдали от родины, на которой смерть не страшна. Она ни разу не пожалела о своем решении прилететь на попросившую помощи планету. Все же это была честь и дело ее жизни. Но как же страшно было умирать... Понимать, что ты безоружен, не можешь улететь. Быть добитым каким-нибудь кваари, так же, как и ты, жаждущим жизни. Они ведь вовсе не враги. Просто люди не поделили с ними территорию. Поставили им сложные условия, сами «продали» не лучшую половину планеты, а теперь получили то, что должно было случиться. Кваари обиделись и решили вытеснить людей. А ведь из их союза могло бы получиться столько всего ценного.... Слияние техники и биоинженерии. Новые виды. Новая флора и фауна. Новая жизнь! Кахейлу, как сами называли себя Серые, ценили жизнь в любом ее проявлении. И сейчас вместе со страхом в груди Грэйс поселилась боль. За то, что так и не было создано. Боль за то, что потеряли люди и кваари, так и не добившись союза. Да, они были слишком отличны друг от друга в мировоззрениях. Да, и те и другие не могли смотреть на соседей без отвращения. Людям были противны кваари с их бионаростами и звериными мордами. Кваари терпеть не могли тощих и словно «голых» людей, закованных в неживую оболочку. Отвращение победило и у тех и у других. Ксенофобия стала причиной раздора.

Уже потом в силу вступило территориальное разногласие.

Грэйс не осуждала людей. Но так же она и не осуждала кваари. По ее мнению обе расы перешли границы дозволенного. Война зрела давно, и ничего нельзя было с этим поделаться. Возможно, будь кваари сдержанней — люди не были к ним так агрессивно настроены. Виноватых нет. Есть те, кто не смог преодолеть себя и заставить ужиться с соседями. Мало ли планеты на две расы? Нет. Как пример, они же, кахейлу, жили с людьми в согласии. Но они заставили себя строго удерживать границу. Создали Колонию, возвели стены, чтобы никто лишний не выходил за пределы, и чтобы все они знали границу СВОЕГО дома на этой планете. Кваари не сделали этого сами. Они доверили людям установить границы. А люди дали им полушарие. Плохой выбор, если понимать, что стену по экватору не поставишь. Кваари усидели бы на континенте. Да разве донесешь эту мысль теперь до людей? Уже поздно.

А сейчас хочется просто выжить. Не обвиняя никого, не проклиная — выжить. Надеяться, что война не уничтожит всех поголовно, и случится нечто такое, что остановит ее. Нечто, что заставит свихнувшийся разом мир замереть и посмотреть на себя со стороны. Нечто особенное и решающее.

— Я был рад служить с тобой, Майрис, — раздался в эфире скупой голос Дэниела. — Хоть ты и достал меня своими тупыми вопросами во время обучения, но то был самый веселый год моей жизни.

— Эй! Дэн! Стой! Какого хрена? — воскликнул Пилот.

— Патроны закончились. Топливо тоже на исходе.

Щелк.

Грэйс впустую нажала на спусковой крючок, и пулемет коротко щелкнул бойком по пустому патроннику.

— У меня тоже, — ответила она.

— Спасибо, Грэйс, — в свою очередь обратился к ней Дэниел. — Без твоей помощи наши приключения давно бы закончились.

— Не за что, Дэн, — произнесла она имя Пилота уже на своем наречии. — Знай, ты был самый лучший пилот.

— Погодите, народ! Мне тут одному не хочется умирать, али как? — злобно, но без уверенности огрызнулся Майрис.

— Всем не хочется, друг, — тихо ответил Дэниел, продолжая бросать машину и лавировать. — Поэтому я буду вести это свое корыто, пока у тебя не кончатся патроны.

И словно назло Пилоту, Майрис выпустил в нескончаемых жуков еще одну очередь.

Парень был в шоке. Даже более того. У Майриса просто слов не находилось, чтобы выразить товарищам все, что заметалось у него в голове. «Как!? Это все?! Я не готов умирать! Эти сволочи все знали заранее, но смолчали? Не хочу. Не хочу! Предатели. Как они посмели. Мы не должны. Тут! Не должны! Мы можем ведь выбраться? Наверняка можем. Если прямо сейчас вылететь отсюда. Мы можем сесть на землю и попробовать отстреляться тем арсеналом, что я собрал с Луна Гранты. Нам ведь хватит. Нам еще может хватить на десять минут интенсивного боя. Но только что потом? Когда и эти патроны закончатся... Если мы не перестреляем всех кваари... А мы их действительно не перестреляем. Выходит, Дэн прав. И иного выхода у нас нет. Но ведь так не хочется умирать! Мы можем еще сражаться, у нас есть силы. Но нечем, Май, не-чем. Прими это. Просто прими. Уймись и стреляй. А потом просто схватись за автомат и готовься к жесткой посадке. Можно же

слегка обмануть себя и понадеяться? Можно. Никто не мешает. Просто стреляй сейчас, а потом делай, что должен и что привык. Просто работай, Стрелок. И сохраняй спокойствие. Страшно? Нет, ты работай и не думай. Дэн классный пилот, он не даст подбить врагам свой корабль. Это надо помнить... Нас не собьют».

— Галоша, — буркнул Майрис в микрофон.

— Что? — обалдел от столь внезапного слова Дэниел.

— Я назвал твой самолет «галошей», — пояснил с дружелюбной и умиротворенной улыбкой Майрис и огрызнулся в квари новой серией выстрелов. Она же и стала его последней.

«Щелк», — робко издал пулемет и затих.

А мир в ужасе замер.

Женщина подняла руку перед собой, и над ее открытой ладонью медленно стала разгораться золотая искра. Она собиралась по крупитцам, вспыхивающим вокруг, как пылинки, пока не достигла размеров горошины.

Женщина открыла глаза и спокойно посмотрела на плавающую в воздухе искру. А та переливалась светом, как маленькое солнце.

— Я знаю, ЧТО вы, — мысленно произнесла женщина, глядя на горошину, за чьим светом померкли, казалось, даже огни Авроры. — Но не знаю, ЗАЧЕМ вы здесь.

— Мы здесь, чтобы восстановить порядок, — ответил ей хор их тысяч голосов. Тысячи крупит, из которых собралась искра, вспыхнули одновременно.

— Вас называют «Четвертыми». Вас называют «Первородными», — ничуть не удивилась женщина голосам, вторгшимся к ней в голову. — Вы не такие, как описывали вас раньше.

— Мы выглядим так, как хотят нас видеть «отвечающие». У нас нет формы. У нас нет тела. У нас есть сила, и она есть воля.

— В таком случае, нам не нужен ваш порядок.

Искра менялась и шевелилась как солнце. Выплескивала миниатюрные протуберанцы, переливалась всеми оттенками белого и золотого.

— Но ваш мир погряз в непонимании, — ответили голоса без возмущения, но с напором.

— Так дайте нам возможность разобраться, — настаивалась женщина, словно мягко выскальзывая из золотых плавно смыкаемых оков.

— Мы не даем возможностей. Мы являемся, когда считаем, что мир уже безнадежен. Что ему нужно измениться, что ему нужен толчок. Мы направляем его. Открываем путь. Мы создаем то, что вы называете чудом. Ваш мир, нуждается в чуде.

— Но не вашими методами.

— Наши методы чисты и логичны. И они всегда действенны.

Золотые волны вязко окутывали сознание женщины и затягивали в себя, как зыбучие пески. Каждый ответ давался все с большим трудом. Нет, они, эти неожиданные гости не были злы. Но они давили. Заполняли собой всё вокруг и вытесняли чувство реальности. Страшное ощущение, когда притупляются ощущения и больше не слышишь ничего вокруг, а только голоса. Бесконечный хор вселенной.

— Тогда почему же люди готовились уничтожить вас и ждали очередного прилета? Значит ли это, что прошлый толчок был напрасен, и люди не готовы примириться с вашими

методами? — спросила женщина, в надежде доказать несовершенство совершенных.

— Иногда одного толчка мало, — признались тысячи голосов. — Мы не покидали вашу планету, а всегда ждали здесь. Смотрели. Изучали результат. Ждали, когда человечество сможет понять. Но вы сдались. Прошлый урок ничему не научил вас. Вы решили, что можете продолжать в том же духе. Запертые в оболочку собственного разума и предрассудков. Вы даже решили, что можете уничтожить нас. Хотя даже не поняли, что это невозможно, как невозможно заставить потухнуть все звезды. Мы есть везде. Мы — есть воплощение воли. И сейчас мы убеждены, что предыдущего толчка было мало.

Это казалось не реальным. Весь диалог. Вся обстановка. Высота, на которой сливались тысячи ветров под светом полярного сияния. Голоса затягивали в себя, топя одинокое сознание в своей безграничной мощи. Лишь едва тлеющие золотые отблески невидимой нити, протянутой за сотни километров, еще удерживали женщину в реальности. Ей нужно было убедить гостей. Нужно. Потому что весь мир сейчас замер в ожидании исхода данного диалога.

— Вы нетерпеливы, не знающие смерти. Дайте нам еще немного времени, — это было последнее, о чем могла молить их женщина.

— На что? На что вам дать время, «отвечающий за человечество»? На то, чтобы окончательно пали ваши города?

Словно всплеск, короткий кадр пронесся в голове у женщины, и она увидела своего сына, обжигающего ладони о раскаленную винтовку. Заряд батареи был почти на нуле и мигал оранжевым огоньком. На щеке расползлся алый ожог от приклада, но он продолжал стрелять в орду противников и шипеть сквозь стиснутые от боли зубы. Здания Полиса зияли пробитыми дырами и горели. Как преисподняя, дымили и исторгали пламя нижние уровни города. На улицах лежали придавленные обломками и задохнувшиеся в дыму люди. Некоторые биокорабли кваари пировали на свежих жертвах как гигантские мухи.

— Или вам дать время на то, чтобы бесцельно погибли самые храбрые из вашего рода?

Снова кадр вторгается в сознание и относит в другую точку планеты. Забавный Пилот, который толкнул женщину на выпускном вечере, сейчас с ритуальной неторопливостью снимал шлем, чтобы не слышать крики своих товарищей в эфире. Он готов был направить свой самолет в центр улья, чтобы хотя бы при взрыве убить еще как можно больше врагов. Его напарник молотил кулаками по двери в кабину, орал во все горло и требовал, чтобы тот посадил самолет и дал им еще возможность отстреляться. Инопланетянка, питающая невероятно теплые и родные чувства к обоим, таким непохожим на нее людям, откинулась свободно в стрелковом кресле и молилась.

— Или вам дать время на то, чтобы свершилось предательство?

Кадр. Престарелый Сенатор отдавал по телефону приказ командующему всей пехотой. Он утверждал, что кваари готовы сложить оружие и покинуть Полисы при условии, что люди прекратят атаку. Но, по его мнению, воздушный флот стал неуправляем. Поэтому после окончания связи, вся армия должна принять меры и не допустить, чтобы воздушный флот продолжал атаку. Иными словами, Сенатор требовал уничтожить все самолеты над Полисами.

— Или, «отвечающий за человечество», ты хочешь, чтобы столь ценное тебе существо, к которому протянута твоя нить, глупо погибло под обломками?

Даже не кадр. Понимание. Короткий миг, когда сознание женщины метнулось на другой конец нити. Там было больно. Темно. Жутко пахло гарью. Тесно и горячо. Трещал

где-то совсем близко огонь, а подняться не было сил — страшно болела придавленная нога.

Женщина резко мотнула головой, из последних сил вытесняя навязчивые кадры из сознания. С ее щеки сорвалась и улетела в пропасть Авроры одинокая слеза. Было больно. В душе, во всем теле, в голове, куда ворвались и где нагло копались эти бесчувственные сволочи. Одним своим присутствием они отбирали огромное количество силы. А их напор уже напоминал толщу воды, желаемую просочиться в миниатюрную щель в плотине. Сложно было устоять под таким потоком информации. Для человека — крайне сложно. Но постойте? Как они сказали?

— Вы не знаете, что такое храбрость, предательство и глупость, — женщина собрала всю свою силу воли и ответила встречным напором. — Вы рациональны и бесчувственны. А значит, в данный момент читаете мои страхи.

— Все, что мы показываем — правда. Мы не можем лгать, — словно издеваясь, ответили голоса.

— Но ваши прогнозы — не имеют силы.

— Миру нужно, чтобы мы вмешались. Мир в тупике, — продолжали гнуть свою линию Первородные, расшатывая хрупкое равновесие замершего в ожидании мира.

Но женщина поняла, что их уверенность пошатнулась. Пошла мелкой рябью, но устояла. Значит ли это, что в их неоспоримой логике нашелся изъян?

— Вы вышли на диалог не просто так. Будь ваша воля непоколебима — вы бы исполнили задуманное. Но вам нужно последнее Слово. Слово «отвечающего», чтобы запустить изменения. Оно у вас будет, говорю я. Но прошу обратить сейчас свой взор на мир и решить — действительно ли мы безнадежны?

Моя воля сильна, как и воля всего человечества.

Я верю в то, что люди еще могут объединяться.

И как громадное колесо, неповоротливый мир соскочил с точки равновесия малейшим толчком воли. И двинулся вперед, медленно набирая обороты.

Далеко в Полисе, Райнер положил свою разряженную винтовку на бортик крыши и тяжело оперся руками о бетон. Он устал. Устал настолько сильно, что почти не чувствовал боли в щеке и перестал обращать внимание на жужжание крыльев квааи со всех сторон. Были сиренами оставшиеся целыми машины. В небе ревели самолеты. Взрывались снаряды. Обезоруженный и обессиленный пехотинец на крыше был отличной мишенью. Но вот далеко, где-то на пределе слышимости примешались в общую какофонию новые звуки. Выстрелы. Черда автоматных выстрелов и вой гвардейских авиамобилей. Райнер удивленно тяжело поднял голову и прислушался.

Я верю в своевременность всех событий. И я верю, что люди могут приходить на помощь тогда, когда в них нуждаются.

Шипение передачи в шлеме включилось так внезапно, что Дэниел испугался от неожиданности, дернул штурвал самолета и сбил траекторию. Всего один рывок — и вот уже нос смотрит куда-то мимо цели. Шипение повторилось, и из шлема послышались голоса. Дэниел выматерился и увел самолет на новый вираж. Он же отключил Майриса и Грэйс от эфира? Тогда кто же ворвался на их канал?! Уже и камикадзе побыть спокойно не дают?

Я верю, что люди не бесчувственны и они способны сами принимать верные решения, порой противоречащие приказам.

Сенатор орал в трубку, требовал выполнения своего приказа, но бывалый полковник

долго молчал. Командир пехотинцев, видный боевой дед, слушал приказ молча и терпеливо. Его элитное подразделение отстреливалось от кваари в районе здания Сената, а сам он сидел сейчас в бункере глубоко под землей и выслушивал, как воздушный флот предал Сенат. Но что такое Сенат, как не кучка престарелых людей? Командир уныло слушал своего ровесника и завидовал всем воюющим сейчас пилотам. Уж кто, как не они, защищали сейчас людей в Полисах и с честью гибли в бою? Командир слушал незамолкающего Сенатора, но думал о себе и своих ребятах. А потом что-то задело его. Что-то укололо военную гордость. Командир пехотинцев прервал Сенатора, и рявкнул:

— Слушай, а иди-ка ты нахуй!

И последнее, что я хотела сказать — это то, что люди могут держаться.

Золотая искра на ладони женщины иронично вспыхнула и уже миллионы голосов ответили:

— Инстинкт выживания не делает вам чести.

Женщина потянулась сознанием по нити и умиротворенно улыбнулась. Она верила.

— Зато люди еще способны прозревать.

Как же отвратительно дышать гарью. Шлем ни разу не фильтрует воздух, поэтому через отверстия в нем я дышу этим едким дымом.

Горло начинает жечь.

Организм инстинктивно откашливается и почти пинком возвращает меня в сознание. В голове звучат какие-то голоса. Какой-то многоголосый хор, а спокойный уверенный голос им оппонирует.

— Люди могут держаться.

— Инстинкт выживания не делает вам чести.

— Зато люди способны прозревать...

Инстинкт. Этот проклятый инстинкт никак не дает мне уйти в забвение и выпихивает сражаться. Кажется, мне надо удивиться голосам в голове. А, может, это нормально? Я думаю, это все сотрясение мозга. Но где я, черт возьми, что так тяжело дышать?

Я открываю глаза и понимаю, что мне это ничего не дало. Я в тесном месте, вокруг темно как в кладовке. И душно. Кажется, последний раз я падал. Откуда? Ах, в самолете! И это я все еще в кабине? Какая незадача...

Осторожно пробую поднять руки. Болят, сволочи, но верхняя часть позвоночника цела. Теперь ноги. Твою мать! Рычу от боли в лодыжке, но одновременно радуюсь — значит, весь позвоночник цел. Можно пробовать выбираться.

Поднимаю руки и толкаю со всех сил колпак самолета над собой. Он скрипит и отлипает на маленькую щель. В кабину врывается тусклый рыжий свет. Да мы, никак, горим. Потрясающая новость. Очень своевременная.

Собираюсь с духом и толкаю колпак еще раз. А затем еще. И еще. Как-то хочется мне еще пожить, вот и стараюсь. Ну так что... Собраться. Последний рывок. И... Р-р-раз!

Скомканный от удара колпак срывается с креплений и отваливается на землю. Со светом ко мне врывается свежий поток воздуха. Так, теперь пункт второй, нужно вытащить себя отсюда.

Цепляюсь руками за край кабины и пытаюсь подтянуться. Ага, мо-ло-дец! А ремни кто будет отстегивать? Списываю глупость на сотрясение и, уже отстегнувшись, пытаюсь повторить попытку.

Нога, сволочь, болит, но из тисков выскользнула легко. Огрызаюсь, проклиная все на свете, и все же с трудом вытаскиваю себя, сначала по грудь, из кабины моего разбитого самолета. Потом делаю короткую паузу, набираю побольше воздуха, и, опираясь на здоровую ногу, вываливаю себя целиком.

Как мешок с картошкой... И это, блин, гордость воздушного флота и надежда человечества. Как-то ты размяк, надежда. Сломал ногу и уже валяешься на земле, как молодой курсант, впервые пробежавший кросс. Непорядок. Надо что-то с этим делать. Вот сейчас, отдышусь... А потом буду делать. Кстати, интересно, что у меня вокруг?

Перекатившись на живот, поднимаю себя на руках и, откашливаясь от дыма, заставляю себя сесть. Голова кружится и болит, но я поднимаю взгляд наверх и замираю.

Первое, что я вижу и понимаю — это корабли. Десятки кораблей едва уловимо взгляду мечутся над выжженным и плоским кратером, в котором я оказался. Их снаряды почти незаметны взглядом. Трассеры мелькают с дикой быстротой. Неужели мы летаем на такой сумасшедшей скорости? Я вижу боевых жуков кваари — они не смотрят на землю, а гоняют только наши самолеты в небе. Меня не видят. Меня считают уже сбитым. А наши корабли так до сих пор и не могут прорваться. Кваари защищают свой главный центр с завидным умением. Я готов поклониться им за такую качественную оборону. Могут. Просто могут и делают это. А люди безрезультатно бьют в их заградительную стену и сдаются. Я понимаю это, лишь коротким взглядом окинув небо. По каким-то мелочам. По крупичкам собранной за миг информации. Вон самолет уходил от преследования, лавировал между врагами, но в последний момент недожал. Не повернул штурвал, хотя только что входил в более крутой поворот. Сбит. Другой вырвался с дальних рядов, ушел от преследования и сбросил хвост, но завидел смыкающихся перед ним жуков и отвернул. Побоялся. А там группа из троих прорвала оборону, но распалась, когда за ними вслед ринулись пятеро.

Мы проиграли этот бой.

Нужно было принять это.

Мы бессильны против их обороны и жажды жить.

Я не знаю, как сейчас обстоят дела на границе и во всех Полисах — моя связь с Авророй после крушения была утеряна. Мой самолет был мертв и также не мог соединить меня с Базой. Я говорю «мертв», а не «разбит», потому что я успел даже как-то породниться с ним. Хороший был боевой товарищ, хоть и недолго мы с тобой провоевали. Зато весело и незабываемо.

Я похлопал его ладонью по металлическому боку и поблагодарил. В ответ он затрещал коротко последними искрами и окончательно испустил дух. Бедняга. Почему мне кажется, что ты тоже хотел бы выжить и пролетать дольше? Почему я чувствую себя, как на кладбище погибших машин?

Мне потребовалось небольшое усилие, чтобы оглядеться. Но когда я посмотрел на землю, мое сердце сжалось от боли еще сильнее, чем когда я глядел в небо. Да, здесь было кладбище. Место последнего пристанища десятков самолетов, которые в свою очередь были поэзией человеческой мысли. Лучшие творения лежали мертвым грузом на земле, объятые пламенем и пожертвовавшие собой, чтобы сохранить в живых своих пилотов. Своих наездников. Вы ломали крылья, зарывались носом в почву, сносили на своем пути камни и песок. Жертвовали последними ресурсами аккумуляторов, чтобы максимально безопасно приземлиться и сохранить кабину. Автопилот — ваша форма защиты. Пусть меня убеждают создатели этих самолетов и программисты, что машина делает только то, что уже заранее

прописано у нее в мозгах кусками кода. Пусть говорят, что гении программисты придумали такой отличный спасательный вариант автопилота, который спас за сегодня жизни десяткам людей. Но я буду отрицать, что это их заслуга. Потому что я лучше их понимаю, когда машина сама решает, включить ей эту программу или нет. Она оценивает повреждения, оценивает состояние пилота, ищет место посадки и даже без крыльев — умудрится, посадит самолет на землю. Все это сложение бесконечных параметров включает у машины сигнал к спасению. А то, что заложили в нее программисты — то лишь набор инстинктов. Я верю в это. Пусть меня попробуют переубедить. Но сейчас я смотрю на кратер, усыпанный обломками почти таких разумных машин, и мне больно. За то, что они погибли. За то, что были выведены из строя раньше, чем исполнили свой долг. За то, что были испорчены такими же машинами, как они сами, наполненными набором инстинктов, но отличающимися всего лишь одним. ОДНИМ! Лишь тем, что их материальная оболочка была биологического происхождения.

Я бессильно упал грудью на свой самолет и дрожащими руками сбросил с головы тесный шлем. Только сейчас я заметил, что стало с моими руками. Мда. Такое быстро не заживет. Все пальцы были в крови, которая даже сейчас продолжала сочиться из-под ногтей. Обожженная интересетью кожа на запястьях уже в нескольких местах покрылась волдырями от ожогов. На внутренней стороне предплечий серебристой паутинкой через ожоги проступала сама сеть. Странно. Это было почти не больно. Словно половину нервных окончаний мне уже сожгло перегрузкой. И даже не страшно. Страшнее было бы лишиться ощущений вообще, а так — пока есть боль, я еще на что-то способен.

Над головой грохотали нескончаемые взрывы, а я все оттягивал момент, чтобы посмотреть на то, к чему мы так стремились. Я боялся поднять глаза на материнский корабль кваари и окончательно отчаяться. Ведь мы так и не задели его. Не зацепили даже одной ракетой. Не достали...

Я насыщаюсь злостью и поднимаю глаза к центру плоского кратера, где на незначительном возвышении стояло — ОНО. Не корабль и не существо. Просто черное нечто, высотой под сотню этажей, торчащее из земли как гигантская еловая шишка. Его «тело» было покрыто множеством хитиновых панцирей, почти вплотную прижатых друг к другу. Из вершины поднимались подвижные щупальца, которые как змеи постоянно ощупывали небесное пространство. А в землю уходили корни.

Что же ты за тварь-то такая... Зачем, ответьте мне кто-нибудь, зачем мы пустили тебя нам на планету? Почему не избавились раньше, когда твоих детей было еще мало? Ведь они твои дети, ведь так? Кваари, их рабочая сила, их боевые летающие жуки. Они ведь одной с тобой породы? Мы догадывались раньше, когда проводили свои эксперименты. Мы понимали, что у наших двуногих соседей почти идентичная структура с их кораблями. Кваари и жуки... Мы-то думали, что раса создала своих жуков путем долгой селекции, из своих же особей. Форсируя эволюцию, выращивая новый вид и добиваясь в его качествах почти полного отсутствия инстинкта самосохранения. Это позволяло им использовать их, как верховых животных. Мы подумали, что это дикость. Седлать вид, имеющий в предках праотца самого наездника. Но мы никак не могли добраться до тебя, чтобы разгадать, какова же твоя роль у этой расы. А оказалось...

Оказалось, что ты не просто их космический корабль. Ты нечто большее. Ты не станция. Не кормушка. Ты их прародитель. Не существо и не корабль, а форма жизни, когда-то создавшая вид. Жизнь на земле началась с бактерий. Через миллионы лет — на сушу вышли

земноводные. А ваша планета породила тебя. И уже ты эволюционировало и отделило от себя ветвь нового вида, а они осознали себя расой и принялись тебя использовать. Ты — их источник биоресурсов. Живая станция, способная создать все, что угодно и приспособиться к любым условиям. Ты можешь выживать в космосе, можешь выживать на планете. И ты начинаешь использовать эту планету, чтобы жить. Вытягивать соки, пуская корни все глубже. А потом ты начинаешь создавать. Штамповать вид за видом, бросая его в среду обитания.

Ты чудовищно уникальное творение просторов вселенной. Не знаю, есть ли еще подобные тебе, но в одном я уверен наверняка: тебе не место в нашем мире. Я ненавижу тебя за то, что ты поедает мою планету. Но преклоняюсь перед твоей безумной формой жизни. Ведь у тебя много общего даже с нашими растениями. Я не могу простить тебе то, как ты годами кормило и вылечивало наших врагов, кваари. Но я понимаю, что они использовали тебя, и именно благодаря тебе вернули нашей планете климат. Ты чудовище. Сумасшедшее творение вселенной. Но ты чуждо этой планете. Ты убиваешь ее. А я не могу этого допустить. Все мое естество противится твоему существованию. Я не могу заставить себя смотреть на тебя без отвращения. Ты заслужило смерть. За то, что по твоей вине погибли сотни самолетов — возможно, даже более разумных, чем ты. Поэтому, я уверен — ты должно быть уничтожено.

Инстинкт выживание не делает вам чести.

Что вы хотели сказать этим, безликие голоса?

Уж не то ли, что для вас мало одного лишь желания жить? Тогда что вы от нас хотите?

Я в отчаянии ударил кулаками по самолету.

— Что вы от нас хотите!!? — закричал я, обращаясь к небу, где, по моему мнению, могли скопиться те самые безликие свидетели.

Что такого хотели от нас Первородные раньше, и почему сейчас мы снова не оправдали их надежд? Что было не так?! Сверхцивилизация, способная легко изменить климат на всей планете в состоянии стереть и лица все человечество. Но они не сделали этого. Они чего-то добиваются. Чего-то хотят от людей. Но чего?

Люди изменились, создали новую технику, попытались ужиться на планете с чужаками. Война не повод, чтобы наказывать всю расу. Непонимание стало причиной. И только непонимание. Но непонимание чего?..

Запертые в оболочку собственного разума и предрассудков.

Нет, люди нисколько не изменились. Как были полны пороков и эгоизма — так такими и остались. Но, с другой стороны, сущностям, которым чужды эмоции, должно быть плевать на свойства человеческой личности!

Что тогда?

Возможности... Им нужны были новые возможности людей и понимание того, что чуждо разуму. Выход на новый уровень подсознания, умения находить знакомое во всем чуждом...

И тут меня осенило.

Я с жалостью смотрел на разбитые корабли, когда понимание зажглось во мне.

Первородным, этим своевольным сволочам, бросившим нашу планету на гибель, не нужна была воссозданная нами цивилизация. Им был не нужен наш технический прогресс. Им не нужно было проверять нас в войнах и испытывать на выживаемость. Им нужно было, чтобы человечество сделало нечто подобное нам. Подобное Второму поколению. Даже не

обязательно скрещенное с электроникой! Им нужно было, чтобы люди нашли способ раскрыть свое сознание новому. Нужно было дать шанс посмотреть на многогранный мир не просто своими глазами. У нас этими другими глазами стали датчики машин. Мы погружались в другой мир, ныряли в иную реальность, но не осознавали всей ценности своих возможностей. Мы были рабочими на службе человечества, а потом его защитниками. И нам лишь немного не хватило для осознания того, что мы могли вытворять, по сути, немыслимые вещи. Соединять в единый узел несколько сигналов станций. Контролировать беспилотники. Координировать действия на уровне компьютеров. Мы были на пороге открытия миру нового взгляда на реальность.

Этого ли вы хотели, Первородные, которых мы зовем Четвертыми?

Взрывы грохочут над головой, а от вас нет ответа. Плевать. Я уже понял, что могу намного больше, чем было заложено в меня изначально учеными. Вы хотите от нас последнего чуда, чтобы раз и навсегда убраться с планеты? Я сделаю вам чудо...

Мои окровавленные ладони ложатся на обшивку самолета, и я закрываю глаза. Бой еще не проигран! Пусть ни один наш самолет не может пролететь через выставленное кольцо обороны квари, но я гарантирую — бой еще не окончен! Пока я жив, и у меня еще есть запасной план.

Интерсеть в руках вновь накаляется, и, открой я глаза, то различил бы ее слабое свечение под кожей. Пусть мой корабль уже мертв, зато в его отсеке еще есть несколько припасенных ракет. Я пытаюсь добраться сигналами до их начинки и активировать. Короткий импульс — как скачок напряжения — заставляю ракетный отсек открыться. Следующий импульс — подключаюсь к одной из ракет и проверяю свою теорию. Да, я могу это сделать. Ракеты еще могут быть запущены мной. Но тут у меня в памяти всплывает одно нерадостное воспоминание.

Почему погиб тогда Хунта, напарник Виктора? Многие из наших не знали, как это стряслось, но в тот момент и я, и Виктор, а также Клайв, Стив и Майк были там. Мы устроили очередную штатную расчистку на поверхности планеты. Все шло лениво и скучно до тех пор, пока кто-то из нас не объявил небольшое соревнование на точность попадания по мишеням. У наших мобилей, поднятых на поверхность, был ракетный боезапас, которым мы и расчищали площадки от зданий. Ребята начали стрельбу, как положено, аккуратно наводясь, ставя перекрестие на зияющие окна. Стреляли и иногда промахивались. У кого глазомер был не очень, у кого рука дрогнула во время пуска. Хунта решил схитрить. Он навел свое орудие на цель, но в последний момент переподключился на ракету. Мы все слышали, как он восторженно воскликнул, ощутив себя несущейся ракетой. Мы видели, как он корректировал ее путь в полете, обозвали его читером и слышали торжествующий смех в ответ. Но когда на поверхности прогремел взрыв, наш друг скончался от болевого шока. Он просто сгорел в своем кресле, перегруженный ответным сигналом с ракеты. Он испытал на себе отдачу, волну огня, взрыв — все это, вместе взятое. Его кожа почернела в местах прохождения сети, а мы раз и навсегда уяснили, что наша возможность — она же и наша слабость. Мы ощущаем все, что испытывает наша техника. И если наша техника терпит крушение — надо иметь силу воли, чтобы вовремя от нее отключиться. Иначе — смерть от фантомной боли.

Воспоминание резануло меня по душе, но я не собирался повторять путь Хунты. Я попробую сделать иначе. Хотя мы и поставили себе запрет — никогда не подключаться к оружию. Никогда не становиться им. Я попробую. Я чувствую в себе возможность проверить

другой способ...

Мои руки все так же лежат на корпусе корабля, но я перескакиваю сознанием на вторую ракету. Активирую ее. Перескакиваю на третью. Готовлю. Пробую собрать их вместе и проверить могу ли я удержать их три одновременно. Напыленные на глаза экраны сходят с ума, путаясь в ракетах. Отключаю его у себя напрочь. Открываю глаза и улыбаюсь. Я как будто держу на поводках трех собак. Слышу каждую из них, ощущаю, но держу. Интересно, а могу ли я больше?...

Райнер удивленно поднял голову и обернулся на звук.

«Выстрелы?! Автоматы? Будь я проклят, если не узнаю автоматные очереди из всех звуков!»

Пехотинец, прихрамывая, подошел к краю крыши, едва волоча за собой по бортику горячую винтовку, и не поверил своим глазам.

Мигая сине-красными огнями и воя сиренами, из глубин Полиса летели авиамобили Гвардии! Перед ними, поджигая хвосты, улепетывали со всей скоростью жуки кваари. Мобили плевались пулеметным огнем из носовых орудий и подстегивали чужих.

Прогрохотали внизу взрывы, и Райнер свесился с крыши, чтобы глянуть на тротуар. До боли знакомая черная форма людей, а впереди расчищают дорогу бронированная техника. Пехота.

Пехота и Гвардия, наконец, пришли на помощь Полису! Кваари верещали и вынужденно отступали. Поднимались в небо, но там их сбивали остатки воздушного флота. Тех, кто пытался укрыться на земле — расстреливала из автоматов и лазерных винтовок наземная оборона. Средний воздушный уровень взяли на зачистку сверхманевренные мобили гвардии.

Кваари отступали под плотным огнем.

Воющая сирена Гвардии еще никогда не звучала такой спасительной песней.

— Откликнулись! — вскрикнул победно Райнер и вскинул вверх руку с винтовкой. — Черт вас подери! Откликнулись!

— Борт «Эль торо-5», ответьте.

— ДА?! Да? Я слышу вас! Говорите, — Дэниел судорожно надел обратно шлем, чуть не задыхаясь от волнения.

— Рекомендуем вам свернуть на северо-северо-запад и зайти под прикрытие группы беспилотников, — размеренно отвечает оператор. — Говорит База Аврора, нам кажется, у вас назрели проблемы.

Последнее сказанное уже было не по протоколу, что заставило Дэниела очухаться и метнуть корабль на заданный курс. И как только он развернулся, картина на обзорных мониторах заставила его на секунды забыть об управлении.

Подкрепление! В их сторону приближалось подкрепление! И уж эти самолеты, несомненно, в пару минут не оставят от улья и живого места.

— Борт «Эль торо-5», каков состав вашей группы? Не желаете ли сменить свой корабль?

Ни предложения долететь на Аврору, чтобы заправиться, ни слова о пополнении патронов. Их уже просчитали из Базы и поняли, что к чему. И ведь никакого предложения прислать группу спасения! Хочешь спастись? Садись на предоставленный ЭЛИС и лети на Базу. Никто и слова против не скажет. А хочешь биться — все равно садись в самолет.

Пилоты с Авроры пригонят еще технику. Как там говорили? Вооружить весь воздушный флот? Тогда, конечно, три самолета им не жалко. Техники на Авроре — хоть жопой жуй.

— Пилот, вы меня слышите?

Дэниел пришел в себя.

— Слышу! Команда — трое, включая меня. Сменить корабль — желаем! Захожу на посадку. Прикройте нас!

— Будет сделано.

Беспилотники вихрем пронеслись с боков самолета и яростно атаковали улей. Дэниел вернул связь в эфире с Майрисом.

— ...ИДИОТ!

— Может, отложим? — вжав голову в плечи, предложил Дэниел.

— Сука! — продолжал выплескивать свою злость Майрис. Конечно же, он слышал переговоры Пилота с Базой, но чтобы прямо так сразу простить другу попытку самоубийства, и угробить с собой и их с Грэйс... Нет, такого Майрис точно не умел.

— Нам дают корабли, и мы летим дальше! — на одном дыхании выпалил Дэниел.

— Молись, чтобы после боя я не сразу нашел тебя, иначе...

Пилот терпеливо выслушал угрозу, и выдохнул. С другом было все в порядке.

— Ответ рассматривается как согласие. Готовьтесь к посадке и высадке!

Магия? Нет... Чистая технология. Самое буквальное помещение в машину частицы себя, и ее оживление. Вот что такое магия на нашей Земле. Вот что дает вера в невозможное. Вера — позволяет нам выходить за грани понимания и нырять мыслью за рамки сознания, растворяться в большем. Воля — дает нам на это силы.

Я делал невозможное. А именно — генерировал новые сети и внедрял в оружие. Запускал их, переводил ракеты в режим боевой готовности и, самое главное — оставлял для себя канал, возможный для отключения.

Я делал невозможное и верил в это. Я верил, что смогу завершить начатое дело. Я верил, что могу оживить за счет себя каждую микрочастицу, помещенную мной в ракету, потому что она — часть меня. А пока я жив, пока у меня есть вера и воля — я могу все.

Сидя на коленях, я положил ладони на землю и устало опустил плечи. Запястья светились накаленной голубой сетью, но я терпел и пересиливал боль, отдавая все, что у меня было. Ладони истекают кровью, но они пропускают через себя импульс за импульсом. Сигнал за сигналом. Вытягивают из себя части интерсети и проникают ею в землю. Она ведь тоже умеет проводить сигнал. Земля... Я помню, как много кораблей лежит сейчас вокруг, и все они были мне доступны. Корабли с уцелевшими ракетами. Корабли, которые так и не донесли свой смертельный удар. Я чувствую каждый из них своими руками. Чувствую, как могу дотянуться через камни и песок к каждой ракете, которых здесь несколько десятков. Я вижу их не своими глазами. Я вижу их, как источники силы на концах моих десятков поводков.

Ведь что такое сигнал, как не мельчайший импульс? Что такое мысль, как не подаваемый в пространство сигнал? Я хочу дотянуться своей мыслью дальше, выйти за привычные рамки, ограничивающие меня лишь непосредственным контактом. Я хочу, а значит могу.

Десятки ракет одновременно вспыхивают зажиганием, получают координаты цели и оживают по моему сигналу. Я боюсь открыть глаза, чтобы не видеть своих раскаленных рук,

но я знаю, что от кожи над сетью почти ничего не осталось. Мне почти не больно, потому что мой мозг слишком занят, чтобы осознавать еще и боль. Я держу на мнимых поводках много орудий одновременно и генерирую им все новые и новые команды. Выстраиваю нехитрые цепи зависимостей и закладываю координаты цели в простые микросхемы. Никогда раньше мне не приходилось делать ничего подобного. Никогда раньше я не знал, что могу программировать оружие на действия. Никогда я не знал, что мы можем делать это дистанционно.

Я уловил сигналы с Авроры вдруг. Без шлема, так, одними лишь руками и той сетью, что раскинулась благодаря мне по земле. Потом я услышал радиопереговоры с Полиса. Чем-то они все похожи на хор тысяч голосов... А я слышу их. Понимаю их все вместе и по отдельности. Я сливаюсь с общим потоком информации и становлюсь им.

Ракеты готовы к запуску, и я отдаю им финальную команду. Мои руки отрываются от земли и раскрываются в стороны. А десятки ракет включают маршевые двигатели и стартуют прямо из своих отсеков, пробивая прочными носами обшивку самолетов. Десятки смертоносных копий поднялись в воздух, а я свожу их всех к цели, и сужаю, как единый организм. Смотрю их глазами и одновременно почти не проникаю в сознания. Я уже заложил в них все, что должно.

Раньше я много думал над тем, что делает нас живыми. Душа? А что такое душа, как не частица чего-то иного? Что-то отличное от физической оболочки, но, в то же время — не набор силы. Не программа в оболочке машины. Не инстинкты, заложенные в биологические организмы. А нечто другое.

Сейчас — я знаю ответ.

Машину можно сделать живой. То, что отличает ее от неживого — это лишь то, насколько ты сам наделяешь ее чувствами. Насколько ты ее питаешь. Как ты ее учишь ощущать.

А душа — это не обязательно сознание. Душа — это то, что может испытывать эмоции.

Мы всегда были неправы, соединяя себя с машиной и становясь ей. В этом была наша ошибка. Мы не должны были заменять собой душу каждой машины, а должны были лишь дополнять ее своим сознанием. Потому что они тоже умеют ощущать. Не так, как мы, но иначе. Они могут хотеть жить и могут хотеть исполнить свой долг.

Десятки ракет рассекали небо. Десятки сигналов одновременно поступали в меня. Каждой нужно было наводиться на цель. Каждая сверялась со своим курсом.

Зато люди способны прозревать...

Неужели этого вы хотели от нас, безликие?

Ракеты были почти у цели.

Переговоры на Авроре замерли.

Полис разразился восторгом освобождения.

Ракеты охватили кольцом материнский корабль. Я чувствую каждую из них.

Звон в голове становится невыносимым.

Я открываю глаза.

Сигнал к детонации.

Зажимаю ладони и в доли секунды обрываю связь со всем одновременно.

Взрыв.

Ночное небо озарило светом как при восходе солнца. Оглушительный грохот прокатился по кратеру, и следом ударила взрывная волна. Материнский корабль распустился

десятками ослепительных огненных «цветков». Осколки разлетелись по всей площадке.

А затем, казалось бы, несокрушимый корабль, который был одновременно живым существом — начал заваливаться на бок и падать. Объятый пламенем, расколотый почти надвое точными попаданиями — он погибал. Трещал хитиновой обшивкой, щетинился подвижными лентами на верхушке, поджимал к себе массивные клешни и падал.

Были от паники и боли кваари. Бешено описывали круги и не знали, чем могут помочь. Люди воспаряли духом и, застыв лишь на миг, бросились в атаку с новыми силами. Кто-то проскочил дрогнувшее заграждение и выпустил в падающий корабль еще несколько ракет. Я приоткрыл немного свое сознание и услышал, как ликовала вся Аврора.

Мы смогли.

Добились своей цели и теперь сможем завершить эту войну.

Я лег спиной на землю и посмотрел на то, что стало с моими руками. Да уж, такое определенно не скоро еще заживет...

Аврора наперебой передавала сообщения всем воюющим эскадрильям. Пусть знают. Пусть понимают, почему в один момент их враг дрогнул и задумался об отступлении.

Материнский корабль рухнул и потряс собою землю. Грохоты взрывов доносились до сих пор, но я лежал, глядя в звездное небо, и слушал тысячи голосов нашего мира. Диспетчерские, телефоны, громкоговорители.... На моих губах застыла улыбка, но я не испытывал особой радости от победы. Я был счастлив от другого.

Я улыбался звездам и был счастлив от того, как много я о них понял.

А где-то далеко на севере, куда тянулся мостик, протянутой от меня нити, я просто знал, что распалась на миллионы светящихся пылинок золотая искра. Ее свет потух, и вся планета вздохнула от облегчения. Угроза миновала.

Я понял это, просто глядя вверх и растворяясь своим сознанием в информации. Как же жаль, что так мало людей смотрят в небо.

Повсюду грохотали взрывы и со свистом проносились над головой самолеты. Приятно грел сбоку все еще горящий нос моего корабля. Земля же была полна сигналов. Но, пожалуй, сейчас я устал от всего этого. Мои глаза предательски слипаются, а боль в руках постепенно затихает. Я сделал все, что должен. Я понял то, для чего был создан. И теперь — имею право на заслуженный отдых.

...Как же сильно, оказывается, я хочу спать.

Райнер вышел из медцентра своей базы лишь на следующее утро. Врачи настаивали на том, чтобы парень отлежался и позволил им залечить ожоги. Но пехотинец вежливо извинился и сказал, что от пары шрамов он не испортится.

Нахального пехотинца, посмеявшего нарушить прямой приказ и дезертировать с места сражения, командир простил на удивление легко. Поругался для проформы, но позволил ему сперва залечить свои травмы. Обещал разобраться позднее.

Но когда Райнер зашел к нему в кабинет, готовый выслушать приговор, полковник лишь пожал ему руку и вручил припрятанную с прошлого дня винтовку. Со следами гари, с потекшим местами пластиком.

— В следующий раз, майор Аллен, будьте внимательнее к своему оружию, — сказал полковник, все еще держа винтовку и пожимая руку. — Оно оказалось у вас в прекрасном

состоянии.

— Благодарю, сэр, — сдержанно и с почтением кивнул Райнер, принимая внезапное повышение в звании. — Буду иметь в виду.

Командир отпустил винтовку и разжал ладонь, после чего вернулся к своим делам.

— Разрешите идти, сэр?

— Разрешаю, и подальше! — уже в вольной форме махнул полковник, и Райнер тенью выскользнул за дверь.

Куда теперь?

У пехотинца не было особого выбора. Армия гудела и контролировала Полисы. Передовые отряды были переброшены к границе, где проводили зачистку от чужих. У Райнера были еще сутки, прописанные медиками для реабилитации, и их нужно было провести как-нибудь с пользой. Потому что потом вернется рабочая суета. Придется вникать в дела, брать под командование группу, свыкаться как-то с повышением. Не сложно, но рутина захватит с головой. А пока есть день...

Райнер вышел на улицу и вдохнул блаженно воздух. Гарь от пожаров, угарный газ от автомобилей, сладковатый и приторный запах еще не убранных с дорог жуков. Не лучшее сочетание для начала нового дня. Но в воздухе Полиса витало и нечто новое. Запах победы и освобождения.

Пехотинец повесил винтовку на плечо и двинулся по улице. Никто особо не обращал на него внимания. Кругом суетилось много гвардейцев и солдат, так что оружием сейчас было не удивить. Полис оттирал с лица грязь минувшей войны.

Райнер шел неспешно, глядя в небо. В чистом голубом куполе носились из конца в конец вертолеты и слетались самолеты воздушного флота. Пехотинец знал, куда несли его ноги, и он был далеко не единственный. Толпы людей сейчас стекались к кварталу Сената, чтобы посмотреть на невиданную раньше картину. Все хотели своими глазами увидеть небо, к которому со всех сторон земного шара слетались самолеты.

Вот Райнер вышел со всей толпой на открытое пространство и увидел вдалеке могучее здание Сената. А над ним, зависнув очень плотной воронкой, держались в воздухе сотни одинаковых истребителей. Своими носами они смотрели в центр, как бы говоря, что у нынешней власти больше нет шансов. Самолеты воронкой висели в небе, а уличные экраны все как один вещали прямую трансляцию из зала Сената.

Вся Аврора вышла к главному залу и замерла в предвкушении. Множество людей, затаив дыхание, слушали новости, демонстрируемые на огромных экранах, развешанных на сторонах центральной диспетчерской вышки. Мощные усилители доносили голоса до самых дальних стен зала и не создавали эха.

Майрис обнимал Дэнила рукой за шею и пригрозил, что если ему не понравятся новости, то он придушит своего напарника. Оба Пилота с ночи и до сих пор щеголяли в парадной форме, гордясь старлейскими погонами. Заслужили. За все тяготы судьбы — первыми же были отмечены после окончания войны.

Грэйс стояла чуть в стороне, умилительно глядя на товарищей, но не мешая им. Как и все, она замерла на одном из множества этажей главного зала Авроры и слушала новости из зала Сената. Сзади к ней очень тихо подошла женщина, и когда она почти поравнялась с инопланетянкой, Грэйс чуть напуганно обернулась. В ответ женщина тепло улыбнулась и коротко сказала: «Спасибо за все».

А затем на экранах миллионов мониторов по всей планете показали трибуну Сенаторов и всех выживших командиров Баз на ней.

Толпа в Полисе замерла и будто перестала дышать. Райнер смотрел на экраны мониторов и улыбался. Командиры говорили речь и обличали Сенаторов в многолетней лжи. Всё это пустословие. Всё это вода, призванная как-то сгладить случившийся переворот. Люди не дураки, чтобы после случившегося верить Сенату. Но... Всем же нужны доказательства. Всем нужно знать, что ожидать дальше. И всех надо успокоить. Надо дать надежду. Заверить, что теперь-то все будет хорошо.

Райнер хмыкнул, когда очередной Командир, пока еще тяжело опирающийся на трость, взял слово. Пожалуй, мир действительно может дальше спать спокойно.

— ...А потому, в связи со всем изложенным, для обеспечения дальнейшей безопасности и стабильности Республика будет реорганизована нами в общепланетарную Империю — во имя безопасности, и во имя блага общества.

Где-то далеко воскликнула в едином счастливом порыве вся Аврора. С динамиков мониторов грянул гром аплодисментов. Защелкали вспышками множество фотоаппаратов. Почти что лавиной набросились репортеры с новыми вопросами. А нестройные возгласы толпы в Полисе вскоре поддержали и все остальные.

Пожалуй, теперь уж точно мир может быть спокоен.

Наверное, только Райнер был единственным, кто не поддался общей эйфории. Хотя он от души посмеялся. Поаплодировал пару секунд экранам, а потом достал из кармана припрятанный слайдер. Сотовая сеть показывала отсутствие сигнала и была перегружена огромным количеством звонков сейчас по всей планете. Но Райнер не стал звонить. Он набрал короткое сообщение и отправил его. Сотовая связь захлебывалась в сигналах, но парень знал, что уж до этого-то адресата послание дойдет сию же секунду. И впервые — никаких шифров и тайн. Никаких полунамёков и загадок. Просто: «А теперь пустишь на семейный ужин?» И ответ, пришедший мгновенно: «Естественно!».

ЭПИЛОГ

Сильный ветер раздувает жалюзи разбитого окна. Ослепительное осеннее солнце освещает комнату, склоняясь к закату. Пыль витает повсюду и сверкает в острых лучах света.

На Базе ни души.

Тишина.

Спящая мирная тишина.

Но вот по коридору раздаются тихие размеренные шаги.

Хрустят под подошвами стекла. Шелестит разлетевшаяся бумага.

Шаги становятся все ближе и громче. Медленные. Как тиканье часов.

Перед дверью в комнату они затихают, а спящая База удивленно прислушивается.

Скрипнула дверь, и гость замер на пороге. База заинтересованно «приоткрывает один глаз», но не мешает.

Гость медленно заходит в комнату.

Солнечные лучи лижут его начищенные до блеска туфли.

От каждого шага пыль неохотно взлетает с пола. База усмехается и будто застенчиво извиняется за беспорядок.

Гость останавливается в центре комнаты и неторопливо приседает.

В окнах на фоне него, далеко впереди, земля выплескивает клубы дыма. Сперва один очаг. Затем второй. Вдалеке появляются еще несколько.

Низкий и утробный гул доносится до Базы. А потом очаги дыма вспыхивают как солнца на закате, и из их огненных вихрей появляются взмывающие в небо космические корабли.

Дрожь проносится по земле и достигает Базы. Звякают в стеклянном стаканчике на столе авторучки. Дрожат в маленьком блюде скрепки. Оставшиеся целые стекла отдают хрустальным звоном. База замерла в нерешительности, но гость успокоил ее.

А потом он протянул руку и поднял с пола монетку. Большим пальцем он стер с нее пыль и посмотрел без особого интереса. Монетка насмешливо блеснула на солнце, и ее отблеск будто соскользнул на руку гостя, волной пройдясь по тончайшей серебристой паутинке.

Гость убрал монетку в карман своего кителя и поднялся в полный рост. Корабли в окнах, прочерчивая белые следы, уносились далеко в космос.

Больше гостю нечего было здесь делать.

И он почувствовал — База испугалась. Почти проснулась, чтобы выразить, высказаться, остановить. Она ждала. Хотела быть нужной.

Двери нескольких комнат приоткрылись и заскрипели. Жалюзи зашелестели металлическими пластинами. Затрещала работающая лампа. И ожили в глубине Центра Управления несколько компьютеров. База боялась отпустить.

Но гость улыбнулся ей и снова успокоил. Не надо страха. Не надо мольбы. Время приходит — и все приобретает новую жизнь. Потому что все, что когда-то оживало — уже никогда не умрет. Переродится, но будет жить. И все, что живое — будет служить своей цели. А уж он сделает все, чтобы так оно и было.

База затихла и умиротворенно погрузилась обратно в сон. Теперь она была спокойна. Теперь она была уверена, что скоро люди вернутся на нее. Ведь, наверное, впервые в своей истории человечество обратило свой пытливый взор не на землю и ресурсы соседнего народа, а на бесконечное небо над головой. Для этого потребовались века и почти полное уничтожение цивилизации. Но затем пришли те, кто не дал людям оставить старые привычки. Просто у врага сменилось лицо. До этого у него был другой нос и другой цвет кожи, а теперь — жвала вместо лица. Но люди смогли. Переступили через собственную природу. Встали на краю пропасти, постояли там, словно раздумывая, падать или нет. А потом прыгнули вперед — и полетели ввысь.

Разрывая пространство мощью двигателей, в окнах неспешно проползали корабли человечества. Корабли, уносящие людскую энергию, ум, пытливость и экспансию за пределы родной планеты. Туда, куда давно уже следовало отправиться.

А гость положил на стол уже не нужные кожаные перчатки и неспешно покинул комнату. Под гул своих летящих кораблей и неслышное дыхание родной Базы.

...Ведь новых миров хватит на всех.

В конце концов, зачем делить между собой клочок земли, если можно устремиться ввысь..

Больше книг на сайте — Knigolub.net

ПРИМЕЧАНИЕ.

ПЕРВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ПИЛОТОВ — люди, управляющие техникой толы посредством рычагов, тумблеров, кнопок, либо голосового управления. Не соединяющиеся мысленно с машиной. К ним причисляются все пилоты до Катастрофы.

Человек и машина — отдельные. Друг от друга. Управление машиной производится только с помощью мускульной силы человека, воздействующей на элементы управления машины. Причина отказа: медленная реакция.

ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ ПИЛОТОВ — люди, вступающие в непосредственный контакт машиной посредством вживленной под кожу интерсети. Двадцать человек после Катастрофы согласились на эксперимент над собой, с целью улучшения дистанционного управления наземными машинами и упрощения работы. Для работы с машиной нуждались в тактильном контакте, но не нуждались в рычагах и прочих вспомогательных средствах.

Человек и машина вступают в контакт с помощью вживленных под кожу Пилота интерсетей. Тактильный контакт становится более «информативным», и реакция, передающаяся от мозгового центра человека, быстрее достигает машины. На зрительные образы, поступающие человеку, добавляется наложенное изображение. Причина отказа: недовольство общества, борющегося за чистоту генофонда и человеческого фенотипа.

ТРЕТЬЕ ПОКОЛЕНИЕ ПИЛОТОВ — люди, оснащенные микрочипом и управляющие машиной как посредством вспомогательных средств (рычагов, штурвалов), так и мысленно, вводя множество параметров. Ручное и мысленное управление могли дублировать друг друга, но в экстремальных условиях машина считывала мысленные команды, распознавая их как более быстрые и объемные.

Человек и машина вновь отделены друг от друга. Улучшены модели машин. Управление

производится путем мускульной силы человека и малейших сигналов мозга, считываемых самой машиной через кожу дистанционно. Преимущества: не изменяется организм Пилота. Сокращается скорость реакции на уровне Второго поколения.

ЧЕТВЕРТОЕ ПОКОЛЕНИЕ ПИЛОТОВ — синтезированные гуманоиды, повторяющие человеческую внешность, но собирающие в себе качество Второго и Третьего поколения.

Скорость реакции нервной системы становится недостаточной. Человечество пытается перекроить синапсы и полностью изменить восприятие. Результат: ускорение реакции, иное восприятие времени, доступность четвертого уровня мысли. Создание четвертого поколения возможно только при инопланетной помощи.

ИНТЕРСЕТЬ — подкожная сеть, вживленная Второму поколению Пилотов позволяющая им мгновенно подключаться к любой технике и считывать информацию напрямую. По такому же принципу работала и обратная связь, когда мысль и мельчайший импульс мозга трансформировался сетью в команду, отдаваемую машине.

ИРК-А — Излучатель Ручной Компактный — Аннигиляционный Тридцатидвухзарядный огнестрельный пистолет для малых дистанций. В зависимости от калибра имеет различную поражающую способность. Обязателен к ношению офицерами и Пилотами, находящимися на боевом задании. Также доступен гражданам для покупки в Полисах.

ИРП-А — Излучатель Ручной, Полноразмерный — Аннигиляционный. Скорострельный автомат пехоты. Количество патронов варьируется. Закрепляется непосредственно на руку стрелку и за счет малых габаритов почти не мешает работе.

ИРП-Л («Рельса») — Излучатель Ручной, Полноразмерный — Лучевой. Снайперская винтовка, работающая от аккумуляторов. Используется только офицерами пехоты. Способен производить беззвучные и невидимые импульсы различной мощности. На материалы действует по-разному. Дерево — воспламеняет. Металл или камень — прожигает. Биологическое тело при воздействии луча вскипает и разрывается от мгновенного нагрева в точке.

ЭЛИС — Электромагнитный легкий истребитель сопровождения. Сверхманевренный самолет, управляемый посредством изменяемого вектора гравитации. Способен производить вертикальный взлет, посадку, а также зависать в воздухе. Почти вся поверхность обтекаемой обшивки покрыта силовыми элементами — «чешуйками», которые варьируют гравитационное поле.

СЛАЙДЕР — складной многофункциональный смартфон с экранной клавиатурой.

ДРИМКОДЕР — устройство для записи сновидений.

КВААРИ — первая раса, пришедшая на помощь людям, помогавшая восстановить планету после Катастрофы. Отличаются быстрой приспособляемостью к любой среде

путем генетического скрещивания особей с нужными «характеристиками». Основные транспортные средства кваари — прямые потомки из соседней ветки эволюции, не другой вид. Поэтому кваари так легко вступать в контакт со своими жуками и «регенерировать» за счет материнского корабля. Главный корабль распознает особь как пострадавшую клетку своего организма и запускает процесс восстановления.

СЕРЫЕ — вторая раса, откликнувшаяся на помощь людям. Прилетели, когда кваари уже восстановили планету, Серые отказались помогать людям в сдерживании агрессивных противников, объявив нейтралитет. Но согласились помочь людям технологиями.

ЧЕТВЕРТЫЕ (НЕБЕСНЫЕ, «ПЕРВОРОДНЫЕ») — сгустки силы, обладающие разумом. Курсируют по пространству в поисках разумных существ и считают своей целью помогать им в развитии. Неагрессивны. Сложны в общении. Обладают нетипичной человеку логикой. По свойству близки к волновым. Вся раса — единый разум. Внешне выглядят как светящаяся туманность, хотя, скорее всего, сами по себе они не могут испускать световые частицы. Вместо этого они притягивают их к себе за счет большой плотности энергии. Людям и другим биологическим материальным существам любят внушать свой облик особо не задумываясь — просто сообщая сознанию, что перед ним что-то есть, а мозг додумывает как он хочет их видеть. Обнаружить Первородных можно по электро- и радиопомехам. Поймать, захватить, произвести физический контакт — невозможно.

БАЗА — военный комплекс, состоящий из аэродрома, бункера, академии, казарм и военного городка. От обычных аэродромов Базы отличаются тем, что не принимают на посадку транспортники и пассажирские лайнеры. Комплекс закрыт от постороннего проникновения и защищен от нападения с воздуха.

ПОЛИСЫ — общие названия для немногочисленных городов, образованных после Катастрофы на месте уцелевших подземных убежищ. Полисы состоят из старых и новых районов. Старыми считаются подземные уровни с сосредоточенными внутри производствами. К новым относятся уровни, построенные после прилета кваари. Во время возведения Полисов старые убежища раскапывались, пробивая путь наверх — таким образом, из многих подземных районов имеется прямой вид на небо, и днем проблем с освещением не возникает. К элитным районам относятся все уровни, расположенные над землей. Все дома над землей — исключительно многоэтажные. Трущобы — самые глубокие жилые уровни под землей. Весь транспорт перемещается по многоуровневым дорогам. Над землей проложено не больше двух уровней автодорог.

ГРАНИЦА — условная линия, соединяющая все Базы и отделяющая территорию кваари от территории людей.

ДВУСТОРОННЕЕ СОГЛАШЕНИЕ — соглашение, заключенное между лидерами людей и кваари о Границе и ее местонахождении. В соглашении оговорены меры, которые имеют право принять хозяева территории в случае нарушений со стороны соседа.

ГВАРДЕЙЦЫ — Полиция Полисов.

КАТАСТРОФА — глобальный катаклизм, случившийся на планете после контакта с «первородными» в 2012 году. На планете быстро стал изменяться климат, который и загнал остатки человечества в подземные бункеры.

ПЕРВЫЙ УРОВЕНЬ МЫСЛИ — разговор мысленно

ВТОРОЙ УРОВЕНЬ МЫСЛИ — зрительные параллельные образы

ТРЕТИЙ УРОВЕНЬ МЫСЛИ — образы бессловесного понимания

ЧЕТВЕРТЫЙ (И ВЫШЕ) УРОВЕНЬ МЫСЛИ — доступны только с предварительной подготовкой. С концентрацией или медитацией. Иные уровни мысли используются для общения, отдачи команд и передачи информации. Суть иных уровней мысли в том, что с малыми затратами возможно добиться наиболее точного и полного понимания, передачи информации и ощущений. «Первородные» общаются исключительно на третьем уровне и выше.

ФАКТЫ:

— Люди перестали использовать горючее, так как во время Катастрофы была перенасыщенность атмосферы углекислым газом, и при недостатке кислорода топливо плохо горело. Также под землей ему не было применения.

— Воздушный флот защищает людей исключительно от кваари на Границе.

— Эмблема Воздушного флота символизирует одновременно: земной шар, окруженный инверсионным следом самолета; земной шар, окруженный самой Границе; схематическое Око, следящее за порядком на Границе.

— Свое название Серые получили за цвет кожи, который люди приняли за стандартный. Действительно, первыми в переговоры с людьми вступили особи женского пола, чей окрас всегда серый или болотный. Мужские особи наоборот отличаются пестрой окраской и значительно крупнее женских особей.

— Серые — холонокровные, за счет чего для проживания на Земле им была необходима территория со стабильным жарким климатом. Особи, которые покидают Колонию, вынуждены носить специальные костюмы, поддерживающие внутри приемлемую температуру тела.

— У Серых есть понятие религии. В свое время планета Серых так же подверглась вмешательству расы Первородных и была изменена. В отличие от людей, Серые запомнили небесную расу и приняли ее толчок как личный урок. Цивилизация Серых пошла вверх, но вера в «золотую искру», или как еще называют «святую искру» — предвестник новой эры — до сих пор осталась.

— Кваари многополые. В создании потомства могут принимать участие несколько особей, за счет чего происходит скрещивание и объединения необходимых свойств организма. Это дает расе возможность наиболее быстро приспособиться к новой среде обитания. Вынашивают потомство специальные бесполое особи, не вносящие свой вклад в генетику организма. Кваари живородящие.

— Боевые жуки кваари имеют две пары гребней на спине, хитиновый панцирь, четыре пары крыльев. Отсутствуют органы зрения. Вместо них — органы слуха в виде рецепторов вибрации воздуха. Имеют яд: микроорганизмы в форме сгустков, расщепляющие неорганику. Лишены инстинкта самосохранения. Под панцирем мягкие ткани.